УВ

УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ

Историография истории России до 1917 года

1

ВЛАДОС

УЧЕБНИК
ДЛЯ ВУЗОВ

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ РОССИИ до 1917 года

В двух томах

Под редакцией
доктора исторических наук,
профессора М.Ю. Лачаевой

Том 1

Рекомендовано Министерством образования и науки Российской Федерации в качестве учебника для студентов высших учебных заведений

Москва
ГУМАНИТАРНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ВЛАДОС
2004

УДК 930.2(075.8)
ББК 63.3(2)я73
И90

Авторы:
А.Г. Кузьмин, д-р ист. наук, проф.;
М.Ю. Лачаева, д-р ист. наук, проф.;
Н.М. Рогожин, д-р ист. наук, проф.;
А.Е. Шикло, канд. ист. наук, доц.;
И.А. Воронин, канд. ист. наук, доц.;
А.В. Клименко, канд. ист. наук, доц.;
Ю.А. Мамаева, канд. ист. наук;
С.А. Кирсанова

И90 **Историография** истории России до 1917 г. : учеб. для студ. высш. учеб. заведений : в 2 т. / [А.Г. Кузьмин и др.] ; под ред. М.Ю. Лачаевой. — М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2004. — Т. 1. — 382 с.
ISBN 5-691-00953-2.
ISBN 5-691-00954-0(Т. 1) (в пер.).

Учебник знакомит студентов с важнейшими историческими концепциями, господствовавшими на том или ином этапе развития исторической науки, с ведущими школами и направлениями в российской историографии, с теоретическими и историческими взглядами их представителей.

Раскрывается богатство профессиональных средств и методов, системы доказательств и подачи материала выдающимися отечественными историками.

УДК 930.2(075.8)
ББК 63.3(2)я73

© Коллектив авторов, 2003
© ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 2003
© Серия «Учебник для вузов» и серийное оформление.
ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 2003
© Макет. ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 2003

ISBN5-691-00953-2
ISBN5-691-00954-0(Т. 1) (в пер.)

Содержание

Предисловие (*М.Ю. Лачаева*) 5

Глава 1. Предмет и задачи историографии (*А.В. Клименко*) ... 12

Глава 2. Начальные этапы древнерусской историографии (*А.Г. Кузьмин*) 27

Глава 3. Развитие исторических знаний в XVI—XVII вв. (*Н.М. Рогожин*) 62

Глава 4. Петровские реформы и русская историография (*Н.М. Рогожин*) 85

Глава 5. В.Н. Татищев (1686—1750) (*Ю.А. Мамаева*) 102

Глава 6. Историография второй четверти и середины XVIII в. Деятельность Академии наук. Г.З. Байер, Г.Ф. Миллер, А.Л. Шлецер, М.В. Ломоносов (*Н.М. Рогожин*) 117

Глава 7. Просветительство и историография во второй половине XVIII в. (*Н.М. Рогожин*) 143

Глава 8. Н.М. Карамзин, «колумбы российских древностей» и их современники (*Н.М. Рогожин*) 188

Глава 9. Критическое направление в отечественной историографии 20—40-х гг. XIX в. И.-Ф.-Г. Эверс. Н.А. Полевой. М.Т. Каченовский (*А.Е. Шикло*) 220

Глава 10. Исторические концепции М.П. Погодина и Н.Г. Устрялова (*А.Е. Шикло*) 249

Глава 11. Исторические концепции славянофилов (*И.А. Воронин*) 269

Глава 12. Государственная школа в русской историографии К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин (*А.Е. Шикло*) 291

Глава 13. С.М. Соловьев (1820—1879) (*М.Ю. Лачаева*) 315

Глава 14. И.Е. Забелин (1820—1908) (*С.А. Кирсанова*) 344

Глава 15. К.Н. Бестужев-Рюмин (1829—1897) (*М.Ю. Лачаева*) 366

Предисловие

Исторические знания и историческая наука — неотъемлемая часть нашей духовной и профессиональной культуры. Ее постижение учит историографическому вниманию, уважительному отношению к наследию, вырабатывает навыки научной работы — письменного труда, публичного выступления, полемики.

Желание понять смысл и первоосновы судьбы русской земли, ее особенности и место во всемирной истории было присуще уже летописцам. Упорно искали ответы на эти вопросы поколения историков. В их среде мы найдем сторонников разных методологических приоритетов, мировоззренческих ориентиров и нравственных устремлений. При всем многообразии подходов и трактовок они выражали и то общее, что позволяет нам рассматривать их труды в рамках единой учебной дисциплины — историографии отечественной истории.

Дореволюционную отечественную историческую науку отличала последовательность и настойчивость в познании тех глубинных явлений, которые определяли вектор важнейших событий в нашей стране. Историки находили разные формы для выражения своего понимания исторического процесса (многотомные истории, лекционные курсы, учебники, монографии и статьи). Охватывая взглядом пройденный нашей страной путь и предлагая на суд читателей собственную периодизацию, каждый историк выделял в ней те рубежи, которые на основании его теоретических взглядов и исторической концепции считал в истории России главными. Поэтому периодизация и обрела в историографии значение важного концептуального элемента.

Концепция является своеобразным качественным показателем научной жизни историка. С ее отдельными элементами, оценочными критериями, системным выражением, а также ее содержательным насыщением историки знакомят читателей в своих трудах, разных по жанру и задачам. Каждый конкретный период жизни историка вносит свои краски в его отношения с ученым миром и читающей публикой.

Русская историческая наука наработала богатый арсенал профессиональных средств и методов. Система доказательств и подачи материала, мастерство и талант были неразрывны с мерой убедительности индивидуальной концепции. Находки новых источников расширяли концептуальные горизонты корифеев русской исторической науки. Со временем крепло убеждение в ценности уже известных трудов историков, запечатлевших для потомков сведения об утраченных источниках. Они приобретали в глазах историков особое значение. Трагические события, не щадившие ни людей, ни источники, лишь усиливали это ощущение.

Начиная с В.Н. Татищева и Н.М. Карамзина, поколения отечественных историков размышляли над вопросом о содержании предмета истории. В чем состоит ремесло историка? Как видит отечественную историю русский историк? Стараясь ответить на эти и другие вопросы, они предлагали собственное видение истории страны. Каждое следующее поколение анализировало степень адекватности и приближения к истине профессионалов-предшественников.

В периоды распада общественных структур и институтов больше других исторических сюжетов историков волновали судьбы российской государственности и культуры. В такие эпохи с особым вниманием анализировались проблемы взаимовлияний России и европейских стран. В свою очередь данная проблематика неизбежно ставила вопрос о национальной идентификации и рождала потребность изучения и определения характера и последствий для замеченных на российской почве прививок западного опыта.

Отечественная историография с момента своего возникновения самым тесным образом была связана с общеевропейским процессом развития теоретической мысли и культуры. Из синтеза осмысленной востребованности достижений предшественников и современников и, конечно, собственной индивидуальности рождалось его величество «научное творчество». Особенности восприятия и степень самостоятельности концептуальных решений зависели от таланта и своеобразия личности исследователя, находили проявление в яркости научных трудов и понимании задач, стоявших перед наукой в целом и конкретным историком.

Исторический труд (вне зависимости от жанра или, как любят писать последнее время, нарратива, т.е. формы придания смысла описываемым событиям или явлениям) как способ выражения историком своего отношения к прошлому является важным средством связи индивидуального и всеобщего.

Природа человеческого интереса к истории хранит психологический компонент. Говорят, нельзя понять науку, не поняв человека. Знание, нравственное убеждение, вера являются настолько важными характеристиками личности, что не могут не оказывать влияния на почерк историка и его вклад в науку.

Творчество — первейшая предпосылка существования науки, ее важнейшая и самая органичная составная. Обычно в учебных материалах по историографии приводится высказывание В.О. Ключевского: «Главные биографические факты — книги, важнейшие события — мысли». Эти слова он адресовал своему учителю С.М. Соловьеву. Вдохновенные моменты научного прозрения и постижения истины пережили все русские историки. Объединяющая суть профессии — служение науке — являлась для них главной. Естественно, что насыщенность внешней стороны жизни у каждого была разной.

В конце XIX в. в историографии более, чем когда бы то ни было, в полный голос заговорил политический фактор. Конечно, обстоятельства общественно-политической жизни, и раньше оказывавшие влияние на эволюцию взглядов ученых, побуждали к серьезному пересмотру концепций. Но событием, оставившим особенно глубокий след в сознании, стала первая русская революция. Ее воздействие на постановку вопросов о соотношении истории и политики, истории и современности на методологическом уровне очевидно. В еще большей мере, чем раньше, предметом научного анализа становятся общественные интересы разных исторических эпох и социальных сил. Преемственность нерешенных конфликтов в истории России, тянущихся из прошлого в настоящее, осознается в полной мере. Вопрос об общественном значении труда историка вновь обретает свою актуальность.

Дореволюционную историографию характеризовало многообразие школ и общественных приоритетов. Историки по-разному оценивали достижения русской и европейской науки.

В спорах об эпохах Ивана Грозного и Петра Великого они оттачивали свое мастерство. В острых дискуссиях вырабатывались новые подходы и решения. Собственно, в дискуссиях вокруг имени Петра в течение второй половины XIX в. и происходило становление историографии как научной дисциплины.

В 1960–1990-х гг. в ежегодных сериях «История и историки», «Историки России»; монографических трудах современных историографов (Р.А. Киреевой, Б.П. Балуева и др.) увидели свет научные биографии многих дореволюционных историков. В свое время А.А. Кизеветтер писал: «Есть чудная поэма Некрасова; в ней говорится о людях, посвятивших свою жизнь служению благу народа и сошедших в могилу незамеченными современниками, которые не были способны понять и оценить их самоотверженных стремлений. Но придет время, говорит поэт, когда пред ними народ «святой восторг почует, вздохнет и совесть уврачует, воздвигнув пышный мавзолей». Многие русские историки дожидались признания потомства долгие десятилетия, иногда ждали и дольше.

Изучение каждого звездного имени в отечественной историографии одновременно проясняло и магистральные вопросы развития русской исторической науки. На современном этапе творчество ученых уже не разбирается только сквозь призму выделения собственно сферы их занятий историей. Данная область, для историков основополагающая, не отделяется от их научных и практических интересов, лежавших в иных областях знаний и деятельности, тем более что незаурядных русских историков всегда отличала поразительная широта стремлений вникнуть в суть процессов окружающего их мира. В новейших работах, посвященных конкретным русским историкам, предлагается целостное изучение личности и инициированных ею творческих процессов. В них ставятся вопросы о соотношении влияний науки и общества на исторические взгляды; месте истории исторической науки в истории отечественной культуры и многие другие. История готовых идей уже не отделяется от истории их зарождения. Более того, без них полноценная характеристика процесса развития науки и постановка вопроса об ее внутренних закономерностях едва ли признается возможной.

Специалисты отмечают, что если сегодня ограничить историографические работы только анализом «эмпирически зримой цепи сменявших друг друга с течением времени историографических школ», то едва ли удастся понять логику

развития историографии. Поэтому, видимо, историческая мысль все чаще изучается как процесс, обусловленный системными связями историографии с данным типом культуры, развитием исторических знаний в смежных с историей науках: философии, социологии, социальной психологии, географии, естествознании и др.

Успехи современной историографии открывают новые горизонты. Последовательное изучение жизни историка в условиях умственной атмосферы его времени остается одним из путей углубления существующих историографических представлений о его творчестве.

Современных авторов интересует, как развивались научно-интеграционные процессы исторического мышления, по какому принципу или принципам строились отношения внутри научных и научно-педагогических школ, как зарождались и развивались новые идейные течения русской исторической мысли в России и как они влияли на личные отношения между учеными. Ставится вопрос о «разделении сфер научного влияния» и нарастающем усилении специализации в начале XX в. как факторе развития науки, который, в свою очередь, на определенном этапе неизбежно возвращает науку к необходимости методологических интеграционных решений.

В учебных пособиях и учебниках по историографии* накоплен богатый опыт интерпретации истории науки. Несмотря на естественные отличия в способах и принципах изложения и трансформации проблематики, в учебной литературе сохраняется преемственность в главном. В ней последовательно разбираются исторические концепции, разрабатывавшиеся поколениями русских историков, доминирующие тенденции; подробно рассматривается философский аспект историографии.

Материал предлагает авторское видение творчества конкретных историков, научных направлений, их роли в отечественной историографии. В отдельных случаях предметом

* *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941; *Черепнин Л.В.* Русская историография до XIX века. Курс лекций. М., 1957; *Астахов В.И.* Курс лекций по русской историографии. Харьков, 1952–1962. Ч. 1–2; *Пештич С.П.* Русская историография XVIII в. Л., 1961. Ч. 1–3; Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской Социалистической революции / Под ред. В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева. М., 1961; 1971; *Сахаров А.М.* Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978; *Муравьев В.А.* Историография истории СССР. XIX в. М., 1990; *Шапиро А.Л.* Русская историография в период империализма. Л., 1962; *Шапиро А.Л.* Историография с древнейших времен до 1917 года. Тверь, 1993.

анализа стала научная рефлексия историков, характеризующая «родовую причастность» к традиционно обсуждаемым в отечественной истории вопросам. Охватывается период истории историографической мысли России от ее истоков до 1917 года. В тех случаях, когда необходимо завершить характеристику эволюции воззрений конкретного историка или целого направления, этот рубеж преодолевается. В книге показаны «эпицентры напряжений» национального исторического сознания и пути его обновления, размышления отечественных историков об исторических путях и судьбах России, многотрудный опыт освоения хронологического и проблемного пространства отечественной истории, а также существо тех принципиальных вопросов, с которыми ученые пытливо обращались к прошлому.

Современные иностранные авторы все настойчивее говорят о смене борьбы идеологий борьбой цивилизаций. «В исторической науке всегда были сильны национальные традиции. Иначе и быть не может, ибо именно в задачи историков данной страны в основном входят поиски и анализ отечественных источников. Однако национальная историография проходит в своем развитии различные периоды, и каждый из них накладывает свой отпечаток на изучение отечественной истории, запечатлевается в коллективной памяти. Русский историк воспитывается на работах своих соотечественников: в школе он учится по их учебникам, его родители воспитывают его по историям, услышанным от своих родителей и т.д. Этим я хочу подчеркнуть огромную роль, которую играет традиция и особенно историография независимо от декларируемой национальной принадлежности, историко-философской системы и проявленных эмоций» — такого мнения в отношении изучения традиций национальной историографии придерживаются не только отечественные, но и зарубежные историки. Процитированное выше мнение принадлежит профессору Центра русских исследований Будапештского университета Дюле Сваку.

Историческая мысль — непременная составная культурных традиций. Лучшие русские историки жили и думали на такой глубине (или на такой высоте?), что, читая их сегодня, немногие чувствуют себя там как дома, «на своем месте». «На это место поднимаются, как правило, с усилием, иногда даже с насилием над собой, там разреженный воздух, там не выдерживают долго. Но всякое такое усилие вознаграждается без-

мерно щедро. Даже несогласие с автором приносит читателю щедрые плоды. В этом пространстве спор может быть лишь по существу, а значит, с непременным уяснением себе существа». Ну, что ж... Нельзя не согласиться с таким мнением современного отечественного читателя. Не убоимся совета и последуем ему. Итак, вперед, к профессиональному мастерству!

М.Ю. Лачаева

Глава 1 ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ ИСТОРИОГРАФИИ

Термин «историография» и предмет истории исторической науки в понимании историков дореволюционной России

Термин «историография» в переводе с греческого означает «писание истории». Известный русский историк начала XX в. А.С. Лаппо-Данилевский выяснил, что историографами в средневековой Франции называли художников, работавших в жанре исторической миниатюры. Однако уже с XVI в. так стали именовать лиц, которым король официально поручал написать историю Франции. Как правило, это были писатели (Ж. Расин, Н. Буало, Вольтер), создававшие свои труды в художественной, изысканной форме.

В дореволюционной России существовало звание придворного историографа, присваивавшееся известным ученым и писателям, которые должны были работать над написанием официальной российской истории. В 1748 г. им стал Г.Ф. Миллер, в 1767 г. — М.М. Щербатов, а с 1803 г. — Н.М. Карамзин. Получение этого звания было сопряжено с должностным окладом и свободным доступом в архивы. После смерти Н.М. Карамзина звание историографа безуспешно пытались получить М.П. Погодин и С.М. Соловьев. В 1911 г. ходатайствовал о нем и В.С. Иконников, аргументируя свое прошение тем, что он занимается историей исторической науки. Но Министерство императорского двора, в ведении которого находилась эта должность, не стало вникать в такие тонкости и ходатайство отклонило.

Таким образом, до начала XX в. под историографией понимался сам процесс составления исторических сочинений.

Не сразу утвердился и термин «история исторической науки». Первые труды по этой проблематике назывались довольно громоздко: «Литература русской истории», «Обозрение литературных мнений», «История русской истории» и даже «История работы русской мысли над русской историей». Но к началу XX в. термин «история исторической науки» получает наконец гражданство в исторической литературе, причем все чаще используется как синоним понятия «историография».

Сложнее обстояло дело с определением предмета истории исторической науки. Первоначально она понималась как сумма биографий отдельных историков с аннотированным перечнем их трудов. Такой подход нашел отражение в названиях первых историографических исследований: так работа С.М. Соловьева называлась «Писатели русской истории XVIII в.», а сборник статей о русских историках К.Н. Бестужева-Рюмина — «Биографии и характеристики». Однако постепенно утверждается иной взгляд на предмет истории исторической науки. Уже в работе М.О. Кояловича «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» (1884) историография представлена не просто как сумма биографий ученых, а как процесс развития исторической мысли, как часть самосознания народа, выразившаяся в «научной обработке сознания прошлого». В своих работах М.О. Коялович довольно жестко критиковал позицию, занятую К.Н. Бестужевым-Рюминым: в погоне за объективностью и беспристрастностью последний подменил анализ движения исторической мысли простым перечислением фамилий историков и названий их трудов. Коялович же требовал от историков науки «выявления руководящих нитей», обнаружения преемственности и связи явлений. Погоня же за объективной истиной в историографии вообще бессмысленна: и древнейший летописец, и современный ученый одинаково субъективны и пристрастны в своих построениях.

В споре с М.О. Кояловичем позиция, занятая К.Н. Бестужевым-Рюминым, нашла поддержку у В.С. Иконникова. В своем огромном труде он подробно изложил историю создания, открытия и введения в научный оборот различных источников, много места уделил описанию архивов, становлению и развитию археографии, работе университетов, сознательно отказавшись от выявления направлений в исторической науке и анализа закономерностей ее развития. То или иное историческое сочинение ценно для Иконникова не концепцией ис-

торика, а источниковой базой, полнотой изложения фактического материала.

В поддержку М.О. Кояловича выступили П.Н. Милюков, В.О. Ключевский, А.С. Лаппо-Данилевский. Главным для историка исторической науки они считали изучение смены исторических концепций. Так, П.Н. Милюков не ставил перед историографией задачу изучения процесса расширения фактической базы исторических исследований, развития организационных форм функционирования науки. В работах же А.С. Лаппо-Данилевского историография фактически подменена историей философских идей.

Таким образом, в дореволюционной исторической науке не было единого подхода к пониманию предмета историографии: если В.С. Иконников сближал ее с источниковедением и исторической библиографией, то А.С. Лаппо-Данилевский — с историей философии.

Дискуссии вокруг предмета историографии в советской исторической науке

В первые годы развития советской исторической науки многое из дореволюционного наследия в понимании предмета историографии было утрачено. Историки школы М.Н. Покровского подменили исследование науки яростной классовой полемикой. Под их пером процесс развития исторической науки распался на цепь антагонизмов. Однако уже в 1941 г. в учебнике «Русская историография» Н.Л. Рубинштейн впервые отметил, что историография собственно и есть история исторической науки. Задача историографии — показать историю развития исторической науки в связи с общим развитием общественной и научной мысли. Однако эти тезисы не получили тогда поддержки и развития.

В академических «Очерках истории исторической науки в СССР» отмечалось, что историография — это наука, изучающая историю накопления знаний о развитии человеческого общества, историю усовершенствования методов исторического исследования, историю борьбы различных течений в области истолкования общественных явлений. Это определение предмета историографии сближало ее с историей общественной мысли. Анализ научных концепций подменялся в «Очерках» анализом общественно-политических взглядов того или иного мыслителя. Основное внимание авторы «Очерков» уделили исследованию исторических взглядов представителей революционного движения.

В учебнике «Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции», вышедшем двумя изданиями (в 1961 и 1971 гг.) под редакцией В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева, под предметом историографии понималось не просто изучение процесса накопления знаний о развитии человеческого общества и превращения их в науку. По мнению авторов, в первую очередь необходимо было установить классовую сущность исторических теорий. Борьба исторических направлений преподносилась как история победы марксистско-ленинской науки над буржуазной. Особый акцент в учебнике делался на изучение революционного направления в историографии. Зато фактически исключенным из предмета истории исторической науки оказался анализ процесса накопления исторических фактов (под тем предлогом, что это — задача источниковедения). При этом авторов учебника не смущало то обстоятельство, что источниковедение разрабатывает теорию и методику изучения и использования исторических источников. Накопление же фактических знаний и их анализ неразрывно связаны между собой и должны стать предметом исследования историографии.

В развернувшейся в начале 60-х гг. XX в. на страницах журнала «История СССР» дискуссии о периодизации советской исторической науки А.Л. Шапиро выступил за включение в предмет истории исторической науки процесса внедрения научных знаний в жизнь. Его поддержал С.О. Шмидт, предложивший понимать под историографией не только историю изучения исторического процесса, но и историю проникновения знаний о развитии человечества в общество. Более того, С.О. Шмидт предлагал сюда же включить интерес общества к историческим знаниям, степень их распространения для оценки уровня развития исторической науки.

С этим положением решительно не согласились некоторые участники дискуссии об университетском курсе историографии истории СССР, организованной журналом «Вопросы истории» в 1962 г. В ходе ее А.М. Сахаров определил предмет истории исторической науки как объективный процесс развития знаний о прошлом, обусловленный всем общественно-экономическим развитием. Солидаризировавшаяся с этим мнением М.В. Нечкина включила в предмет истории исторической науки не только историю изучения прошлого собственной страны, но и изучение отечественными историками всемирной истории, а также историю развития специальных и вспомогатель-

ных исторических дисциплин. Поддержавший А.М. Сахарова и М.В. Нечкину, Е.Н. Городецкий включил в предмет историографии изучение организационных форм функционирования исторической науки на различных этапах ее развития, эволюцию системы научных учреждений и исторической периодики, состояние и изменения в организации пропаганды исторических знаний, а также политику государства и различных общественных сил в области исторической науки.

Таким образом, в 50–60-е гг. XX в. оформилось несколько подходов к определению предмета историографии. Первый воплощен в «Очерках», авторы которых понимают под историографией историю исторической мысли, сближая ее с историей философии, общественной мысли, социологии. Второй подход намечен работами А.Л. Шапиро, С.О. Шмидта и, позднее, Л.В. Черепнина, которые расширяли предмет историографии вплоть до включения в него изучения процессов распространения исторических знаний в обществе и отражения прошлого в произведениях литературы и искусства. Историография в этом случае понималась как история исторических знаний. Представление об историографии как истории исторической науки составило суть третьего подхода, отраженного в трудах А.М. Сахарова, М.В. Нечкиной, Е.Н. Городецкого и др. Гносеологической основой такого разброса в определении предмета историографии является многообразие форм познания прошлого. Оно может происходить и происходит:

1) в форме философских теорий, социологических схем, осмысляющих историческое прошлое человечества и его связь с настоящим с тех или иных позиций;

2) путем создания художественных образов в произведениях литературы и искусства или в форме устных преданий, воспоминаний, публицистических выступлений, в которых в качестве аргументации приводятся исторические факты;

3) с помощью научных исследований, основанных на критическом подходе к историческим источникам.

Современные подходы к определению предмета историографии

Большинство современных историографов в вопросе об определении предмета собственной науки разделяют позицию, в наиболее полном виде сформулированную в трудах А.М. Сахарова. Под историей исторической науки они понимают процесс развития исторической науки и всех ее подсистем, а под историографией — научную дисциплину, изучающую этот процесс. Таким образом,

историографией (в широком смысле) называют специальную историческую дисциплину, которая изучает сложный, многогранный и противоречивый процесс развития исторической науки и его закономерности.

Нужно учитывать многозначность употребления термина «историография». Известный историк И.Д. Ковальченко в монографии «Методы исторического исследования» отметил основные варианты использования этого понятия:

1) историография как совокупность научных трудов о какой-либо проблеме или периоде общественно-исторического развития (историография по истории Средних веков, историография движения декабристов). В этом случае под историографией понимается вся историческая литература, созданная по данному вопросу на протяжении всего времени его научного изучения;

2) историография как совокупность исторических трудов, созданных в ту или иную эпоху, на том или ином этапе развития исторической науки безотносительно к их тематическому содержанию (французская историография эпохи Реставрации);

3) историография как работы по истории исторической науки.

К спорным вопросам в определении предмета историографии относится проблема включения в него изучения исторических взглядов писателей, живописцев, архитекторов и других деятелей культуры, осваивавших прошлое в форме художественных образов. Столь же неоднозначным представляется и включение в предмет истории исторической науки исторических взглядов философов, социологов, публицистов, общественных деятелей.

Причины и время возникновения историографии

Историография как специальная историческая дисциплина выделилась из исторической науки относительно недавно. Естественно, что она предполагает существование последней в качестве предмета изучения. Большинство историков разделяет концепцию Н.Л. Рубинштейна, развитую впоследствии в трудах известной современной исследовательницы истории исторической науки Р.А. Киреевой. Согласно их построениям, историческое мышление в древности и Средневековье не выходило за рамки простого воспроизведения фактов. Летописцы не понимали движущих сил общественного развития. Не существовало тогда ни критики источников, ни определенной системы методов исследования.

Начало разработки историографических проблем в России, проявившееся в работах главы школы скептиков М.Т. Каченовского и его учеников, относится к 20–30-м гг. XIX в. и связано с критическим осмыслением труда Н.М. Карамзина. Однако самостоятельной дисциплиной историография становится лишь в середине XIX в., когда государственной школе, в то время утверждавшейся в науке, для борьбы с господствовавшим консервативно-дворянским течением потребовались историографические знания. Историки либерального направления нуждались в критическом пересмотре прежних исторических концепций. Первые шаги историография как особая историческая дисциплина сделала в качестве учебного курса: все первые историографические исследования вырастали из лекционных курсов в университетах и других высших учебных заведениях.

Иная гипотеза времени и причин становления историографии предложена И.И. Колесник. Критериями определения времени выделения историографии как самостоятельной научной дисциплины, по мнению ученого, являются:

а) значительные достижения в области теории и методологии исторических исследований (добавим от себя: прежде всего, формирование представлений о предмете историографии, отличающем ее от иных исторических дисциплин);

б) формирование центров по разработке историко-научных проблем;

в) появление кадров историков, профессионально занимающихся изучением прошлого своей науки;

г) создание научных исследований, освещающих процесс развития исторической науки;

д) формирование особой научной лексики.

По мнению И.И. Колесник, изучение общего хода исторической науки вырастает из нужд исследовательской практики, научной рефлексии ученого. Собственно научную рефлексию в области исторического познания можно идентифицировать с историографией. Историографические представления являются «побочным» продуктом исторического творчества, со временем превратившиеся в самостоятельную область исследований. Поэтому зарождение историографических идей происходит одновременно с появлением исторических знаний и представляет собой внутреннюю рефлексию авторов исторических сочинений. Однако существовавшие до Н.М. Карамзина историко-научные воззрения можно квалифицировать лишь

как эмпирическое знание. В 20–30-е гг. XIX в. историографические знания начинают приобретать научную форму, становятся специальной областью исторических исследований, хотя речь о превращении историографии в научную дисциплину еще не идет. Историко-научные знания превращаются в средство критики и оценки накопленного наукой знания, помогают исторической науке отбросить устаревшие положения, обеспечивают потребность в приведении новых знаний в связь со старыми. Под руководством М.Т. Каченовского в Московском университете формируется первый центр по изучению прошлого отечественной исторической науки, создаются первые специальные историографические работы (в форме обзоров и рецензий), защищаются диссертации, реконструирующие ход и итоги развития исторической науки. Формируется и специальный научный язык, и концептуальная база историографических исследований. Но в дореволюционное время историография так и не стала специальной исторической дисциплиной, оставаясь лишь отдельной областью изучения.

Задачи историографии как специальной исторической дисциплины

Круг задач, которые должна решить историография, довольно широк. Современная историческая наука относит к ним:

1) изучение закономерностей смены и утверждения исторических концепций и их анализ. Под исторической концепцией понимается система взглядов одного историка или группы ученых как на весь ход исторического развития в целом, так и на его различные проблемы и стороны. Историография изучает, как создавалась и развивалась историческая концепция, какую роль она сыграла в развитии науки и т.д.;

2) анализ теоретико-методологических принципов различных направлений в исторической науке и выяснение закономерностей их смены и борьбы. При этом недопустима подмена исследования философских основ того или иного научного течения изучением общественно-политических взглядов его отдельных представителей;

3) исследование процесса накопления фактических знаний о человеческом обществе, введения в научный оборот ранее неизвестных источников, расширения круга исторических памятников, доступных исследователям. Однако в задачи историографии отнюдь не входит поиск и публикация новых источников;

4) изучение процесса изменения и совершенствования методов и приемов источниковедческого анализа;

5) анализ закономерностей изменения проблематики исторических исследований, выяснение факторов и направлений этого процесса;

6) изучение развития и особенностей функционирования исторических научных учреждений, а также системы подготовки кадров для исторической науки, всей системы исторического образования в стране;

7) анализ процесса эволюции средств научной информации и распространения исторических знаний, их воздействия на общественное сознание, состояния и деятельности органов научной и научно-популярной периодической печати;

8) исследование международных связей отечественной исторической науки, воздействия зарубежной философской и научной мысли на российских ученых;

9) изучение объективных условий развития исторической науки и особенно правительственной политики в области исторической науки и образования, ибо от нее во многом зависят, например, условия использования историками архивных материалов, возможности публикации результатов исследований.

Решение всех этих задач приблизит нас к адекватным представлениям об уровне, направленности и особенностях развития исторической науки в тот или иной период.

Принципы и методы историографического познания

Мировоззренческие принципы, лежащие в основе историографического познания, объединяют историографию с другими историческими дисциплинами. Важнейшим для историка исторической науки является принцип историзма, в соответствии с которым любое историографическое явление (концепция ученого, позиция того или иного научного направления) должно рассматриваться в развитии и в связи с обусловившими его факторами. При оценке того или иного историко-научного факта прежде всего нужно учитывать достигнутый к этому времени уровень развития исторической науки, объективные возможности для научного творчества, состояние исследований в смежных областях знания и др. Забвение этого положения приводит к появлению у современных исследователей необоснованных и неисторичных претензий к своим предшественникам.

Принцип целостности в историографическом познании ориентирует исследователя на необходимость подходить к изучению каждого периода или направления в истории исторической науки как к системе взаимосвязанных элементов исторического знания и причин, детерминирующих их изменения. Так, например, изучение исторических взглядов Н.М. Карамзина предполагает анализ концепции ученого, проблематики его трудов, состояния источниковой базы исследования, методов и приемов источниковедческой критики и т.д. Связующим элементом, «цементирующим» все эти компоненты исторического знания воедино, является методология исторического познания. Она выступает в качестве ведущего элемента исторических взглядов ученого.

При изучении процесса развития исторической науки историографы руководствуются принципом ценностного подхода, особо выделяя те идеи, положения и явления в прошлом, которые имеют значение для современного этапа развития историко-научных знаний.

Долгое время в нашей стране основным принципом историографического познания (как собственно и всего гуманитарного знания) считался принцип партийности, предполагавший необходимость выяснения классовой позиции того или иного историка. Под этим углом предлагалось рассматривать и оценивать всю его концепцию. Лишь марксистско-ленинская партийность отождествлялась с научностью. Однако полное забвение в последние годы этого принципа в угоду общественно-политической конъюнктуре хотя и объяснимо, но вряд ли оправданно. При анализе исторических взглядов ученого нельзя совсем отрешиться от его общественно-политической позиции. Важно только не воспринимать это требование механистически, не пытаться свести все многообразие явлений в историографии к тем или иным классовым интересам и позициям, не стараться объяснить взгляды ученого его социальным происхождением или видом и величиной его собственности.

Под методами историографического познания понимается совокупность мыслительных приемов или способов изучения прошлого исторической науки. Выделяют следующие методы историографического познания:

1) сравнительно-исторический метод, позволяющий проводить необходимые сравнения различных исторических концепций с целью выявления их общих черт, особенностей, самобытности и степени заимствования;

2) хронологический метод, ориентирующий на анализ движения научной мысли, смену концепций, взглядов и идей в хронологической последовательности, что позволяет вскрыть

закономерности накопления и углубления историографических знаний;

3) проблемно-хронологический метод, позволяющий расчленить более или менее широкую тему на ряд узких проблем, каждая из которых рассматривается в хронологической последовательности. Ряд исследователей (например, А.И. Зевелев) считают хронологический и проблемно-хронологический методы приемами изложения материала, а не исследования прошлого исторической науки;

4) метод периодизации, который направлен на выделение отдельных этапов в развитии исторической науки с целью обнаружения ведущих направлений научной мысли, выявления новых элементов в ее структуре;

5) метод ретроспективного (возвратного) анализа, позволяющий изучить процесс движения мысли историков от современности к прошлому с целью выявления элементов старого, сохранившегося в наши дни знания, проверить выводы прежних исторических исследований данными современной науки;

6) метод перспективного анализа, определяющий перспективные направления, темы, проблемы будущих исследований на основе анализа достигнутого современной наукой уровня и при использовании знания закономерностей развития историографии.

Историографические факты и историографические источники

Понятия «историографический факт» и «историографический источник» относятся к числу важнейших в историографии. В свое время М.В. Нечкина отождествляла их, считая историографическим фактом всякий законченный или незавершенный труд историка. Г.М. Иванов включал в число историографических фактов философские, политические, правовые идеи, ибо они в той или иной форме зафиксированы в трудах историков и являются предметом историографических исследований. На двойственную природу историографического факта указывает и Л.Н. Хмылев, видящий в нем органическое единство мыслей историка (отдельные идеи, концепции) и их материальное воплощение (труд историка). Однако против отождествления историографического источника и историографического факта, а также против неоправданного размывания границ этих понятий выступил А.М. Сахаров, суждения которого и легли в основу современных представлений.

Главным историографическим фактом А.М. Сахаров считал концепцию ученого, которая может быть выражена не в одном его сочинении, а в нескольких. Содержание концепции историка и ее материальное воплощение далеко не всегда совпадают: исследователи часто вынуждены вступать в определенные компромиссы со своими взглядами, прибегать к эзопову языку, замалчивать те или иные выводы, учитывая настроения научного сообщества или ненаучные факторы (политический режим, отношение власти и др.). Зачастую научная концепция может быть изложена в нескольких работах одного ученого или в работах различных исследователей.

Историографическими источниками А.М. Сахаров предложил считать труды историков в любой их форме: монографии, статьи, заметки, выступления и дискуссии, а также черновики, отброшенные варианты текстов и др. К другой группе историографических источников относят документацию научно-исследовательских организаций: протоколы съездов, конференций и круглых столов историков, стенограммы их дискуссий, тексты постановлений, материалы о формировании кадров исторической науки. Особый вид историографических источников представляют рецензии на исторические исследования, которые не только отражают процесс утверждения концепции в научной среде, но и содержат новые гипотезы и позитивные решения.

Место историографии в системе подготовки специалистов с высшим историческим образованием

Изучение историографии имеет самостоятельное значение для будущего историка. Она дополняет знания по истории общественно-политической мысли, расширяет представления о закономерностях научного познания, систематизирует знания о всем историческом процессе, позволяет понять его сложность, противоречивость и неоднозначность. Историографические знания важны и при выборе молодым ученым темы дальнейших научных исследований, для чего необходимо знать степень изученности и глубину разработки проблемы.

Важной стороной прикладного значения историографии является использование полученных при ее изучении знаний для написания исторических исследований. В его структуре должен непременно присутствовать самостоятельный историографический обзор работ предшественников. Задачами такого обзора являются:

1) подведение итогов предшествующего изучения объекта исследования (выделение этапов и направлений в изучении данной темы, раскрытие теоретико-методологических подхо-

дов, на которых базировались работы историков прошлого, анализ источниковой базы предыдущих исследований, оценка их результатов и вклада в науку);

2) выявление на этой основе тех аспектов исторической реальности, которые либо не получили должного освещения, либо вообще оказались вне поля зрения исследователей, а также проблем, не нашедших однозначного решения;

3) определение исследовательских задач, основных направлений и задач будущих исследований.

Литература

Астахов В.И. Курс лекций по русской историографии: (До конца XIX в.). Харьков, 1965.

Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984.

Бестужев-Рюмин К.Н. Биографии и характеристики. М., 1997.

Городецкий Е.Н. Историография как специальная отрасль исторической науки // История СССР. 1974. № 4.

Дьяков В.А. Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974.

Зевелев А.И. Историографическое исследование: методологические аспекты. М., 1987.

Иванов В.В. Методология исторической науки. М., 1985.

Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской Социалистической революции: Учебник / Под ред. В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева. М., 1971.

Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983.

Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987.

Колесник И.И. Развитие историографической мысли в России в XVIII — первой половине XIX в. Днепропетровск, 1990.

Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Минск, 1997.

Методическая разработка к курсу «Историография российской истории» / Сост. А.Е. Шикло. М., 1993.

Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. СПб., 1913.

Мирзоев В.Г. Историография и ее роль в прогрессе исторической науки // Вопросы историографии культуры и общественных движений. Ростов-на-Дону, 1979.

Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. М., 1989.

Нечкина М.В. История истории // История и историки. М., 1965.

Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т. 1.

Покровский М.Н. Классовая борьба и русская историческая литература. М., 1923.

Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов: (Историографические очерки, критические статьи и заметки). М.; Л., 1933.

Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941.

Русская историческая литература в классовом освещении: Сб. статей / Под ред. М.Н. Покровского. М., 1927—1930. Т. 1—11.

Самарина Н.Г. Условия развития русской исторической науки в XVIII — начале XX вв. М., 1994.

Санцевич А.В. Историография в системе исторических дисциплин // Историографическая культура студента-историка. Калинин, 1989.

Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период: Учеб. пособие. М., 1978.

Сахаров А.М. Некоторые вопросы методологии историографических исследований // Вопросы методологии и истории исторических исследований. М., 1977.

Сахаров А.М. О некоторых вопросах историографических исследований // Сахаров А.М. Методология истории и историография. М., 1981.

Сахаров А.М. О предмете историографических исследований // Там же.

Черепнин Л.В. Русская историография до XIX в.: Курс лекций. М., 1957.

Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г.: Учеб. пособие. М., 1993.

Глава 2 НАЧАЛЬНЫЕ ЭТАПЫ ДРЕВНЕРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Русские летописи — уникальное явление в мировой культуре. Восемь столетий они являлись идеологическим стержнем, соединяющим прошлое и настоящее, поддерживающим идею единства народа и государственности — от легендарных Кия, Щека и Хорива и полулегендарных Рюрика с братьями до Московского царства XVI–XVII вв. Древо летописания ветвилось по городам и землям; честолюбие и тщеславие отдельных правителей силой врывалось на пергаменные листы, вытесняя суетным и проходящим нечто вечное, ценное для всего народа. Летописцы и переписчики на свой вкус переписывали историю, устраняя одни белые пятна и создавая другие. Многое существенное выпало в результате тенденциозного редактирования, целые ветви исчезли в результате внешних набегов и завоеваний и внутренних усобиц. Но и ныне мы являемся обладателями огромного богатства, в полной мере далеко пока не учтенного. Только в московских рукописных хранилищах выявлена не одна тысяча рукописей, так или иначе связанных с летописными традициями. Представить все это в единой системе — задача более чем сложная.

Летописи чаще всего привлекаются как исторический источник или явление литературы. И исследовательские задачи неотвратимо накладывали отпечаток на подход к летописному материалу. Со времен А. Шлецера (конец XVIII — начало XIX в.) летописание рассматривалось как некое единое древо, продолжаемое или редактируемое летописцами иных эпох. В XIX в. неоднократно указывалось на необоснованность такого подхода: интересы разных слоев общества в

любые времена неизбежно различны, и от летописцев нельзя ожидать какой-то «усредненной», всех устраивающей интерпретации событий. Поэтому одна из задач, встающая перед исследователем, — определение условий и цели создания того или иного летописного сборника. Даже выдающийся знаток летописных памятников А.А. Шахматов (1864–1920) много лет надеялся реконструировать древнейшие летописные памятники — оригинал «Повести временных лет», а также, по его мнению, «Начальный свод», ей предшествующий. И, лишь подводя итоги огромной работы, ученый должен был признать, что восстановить их невозможно. И правильнее было бы сказать, что каждый дошедший до нас памятник лишь один, случайно уцелевший.

Наивное по существу представление о «едином древе» побудило в свое время Н.М. Карамзина и некоторых современных авторов даже обвинить В.Н. Татищева в «фальсификациях»: в его «Истории...» содержались сведения, которых нет в «канонических» Лаврентьевской и Ипатьевской летописях. При этом не обращали внимание на то, что в руках Татищева не было рукописей, представляющих эти летописи, но были другие, которых мы теперь не имеем. Татищев собирал рукописи на периферии государства, не имея доступа к центральным хранилищам, тогда как в Центре уже с XV в. хранили рукописи как бы «официальные», удостоверяющие преемственность московских правителей от первых русских князей (обычно от Владимира Мономаха). Образование единого государства в конце XV в. сопровождалось своеобразной централизацией, в том числе и разного рода документов, включая летописные, закрепляющие право на преемственность данного княжеского рода от легендарных родоначальников.

Следует постоянно иметь в виду, что в большинстве своем летописи — это именно сборники, своды разнообразного материала, некогда существовавшего в виде особых сочинений или в составе других компиляций. Для современного историка особый интерес представляют компиляции, созданные из чисто познавательного интереса. В таких сводах часто объединяются противоположные версии и суждения, и не потому, что сводчик не замечал противоречий, а потому, что воспроизведение их являлось одной из возможных целей компилятора.

Можно обратить внимание и на еще одну характерную особенность работы сводчиков и компиляторов. Как правило, летописцы XIII–XV вв. свою заинтересованность проявляли при

описании современных им событий. Тексты же более ранних летописных произведений передавались с точностью, едва ли не благоговейной, что и позволяет реконструировать эти, недошедшие в оригиналах, сочинения. Позднее, в XVII в., переделкам будут подвергать как раз то, что считалось ранее незыблемым: начало славян, начало Руси, истоки народа и его культуры.

«Повесть временных лет»

В большинстве летописных сводов XV–XVI вв. в основании лежит «Повесть временных лет». Именно этот факт побуждал воспринимать «Повесть...» как первоначальное сочинение, принадлежавшее одному автору. Чаще всего назывались имена Нестора или Сильвестра. Нестора упоминали южнорусские летописные сборники XV–XVI вв., Сильвестра — летописи Северо-Восточной Руси. А. Шлецер свой основной труд так и назвал: «Нестор». Он пытался реконструировать предполагаемый первый исторический труд, датированный вторым десятилетием XII в., по аналогии с восстановлением оригинала библейских текстов путем сличения всех сохранившихся и выявленных списков. При таком подходе противоречия внутри «канонического» текста просто устранялись, а с их устранением существенно обеднялась идеологическая жизнь первых веков истории Руси.

«Повесть временных лет» замышлялась как труд именно исторический. В заголовке сочинения обозначены три вопроса: «Откуду есть пошла Русская земля», «Кто в ней начал первее княжити», «Откуду Русская земля стала есть». А ответы оказываются существенно разными. В «Повести...» воспроизводятся две версии начала Руси: миграция славян и руси с верховьев Дуная из Норика по традиционному Дунайско-Днепровскому пути, и миграция славян, варягов и руси по Волго-Балтийскому пути. При этом само понятие «варяги» осмысливается трояко: как все население от Дании до Волжской Болгарии («предел Симов»), как одно племя наряду с другими прибалтийскими, как совокупность прибалтийских племен.

Различно решается и вопрос о происхождении династии. Киевский летописец полемизировал с теми, кто не признавал княжеского достоинства Кия, в Новгороде княжескую династию вели либо от Игоря, либо от Рюрика, причем впервые это имя носил (княжеские имена обычно повторялись в следующих поколениях) правнук Ярослава Мудрого Рюрик Ростиславич (вторая половина XI в.). А «Слово о полку Игореве» вообще не знало легенды о Рюрике и вело русских князей от Трояна, также легендарного.

Внутренне противоречив рассказ о крещении Владимира. Летописец, обрабатывавший разные материалы, знал более трех версий (три он обозначил, но предупредил, что имеются и иные). Наличие разных версий по столь важному для XI столетия вопросу предполагает сосуществование различных общин, каждая из которых, очевидно, боролась за самоутверждение, и следы этой борьбы можно уловить и в летописях, и во внелетописных сочинениях.

В летописях сохранилось несколько версий о возрасте и даже происхождении Ярослава Мудрого. В ходе борьбы с полоцкими князьями сыновьям Ярослава важно было опереться на «старшинство» своего отца среди потомков Владимира Святославича. И возраст его в статье о «завещании» детям значительно завышен. Ярослав старшим в роде не был. Это подтверждается и данными других летописных статей и материалом антропологического исследования. (По разным летописям в 1016 г. возраст Ярослава определялся в 18, 28 и 38 лет.)

Выявлению источников сохранившихся летописных сводов помогают наблюдения над хронологическими нестыковками и противоречиями. Уже в «Повести временных лет», помимо Константинопольской космической эры (5508 лет от Сотворения мира до Рождества Христова), имеется эра, расходящаяся с Константинопольской на четыре года (соответственно 5504 года), а также «Антиохийская эра» (5500 лет). Ряд известий записаны по специфической «болгарской эре», в основе которой лежал тюркский лунный календарь. Кроме того, из-за перевода дат византийского сентябрьского рода на славянский мартовский возможны ошибки на один год («мартовский» и «ультрамартовский» стили.)

В литературе начала XX в. велось обсуждение вопроса о соотношении летописных и внелетописных текстов, говорящих об одних и тех же событиях. А.А. Шахматову представлялось, что внелетописные тексты XI столетия являлись извлечениями из летописи. Н.К. Никольский (1863–1935) доказывал обратное. В ряде случаев его аргументы можно считать бесспорными. Так, летописная статья 1015 г., рассказывающая о гибели Бориса и Глеба, является чересполосным соединением текстов «Сказания о Борисе и Глебе» монаха Иакова и «Слова о том, како крестися Владимир возьмя Корсунь». Вывод Н.К. Никольского имеет принципиальное значение, поскольку значитель-

но поднимается роль внелетописных текстов, и работа самого летописца предстает как именно соединение разных источников, включение в летописные своды самостоятельных памятников или извлечений из них. В итоге сама ранняя историография предстает и большим числом авторов, и большим количеством обсуждаемых проблем и идей.

Традиционно три летописи признаются за основные при обращении к событиям IX–XIII вв.: Лаврентьевская, Ипатьевская и Новгородская Первая. Именно их обычно привлекали и привлекают для восстановления ранних этапов летописания, выявления первоначальных редакций «Повести временных лет» и предшествовавших ей летописных памятников. Списки этих летописей в большинстве случаев и являются древнейшими, что само по себе служит аргументом в пользу первичности их содержания. Однако это далеко не всегда так. Реконструкция раннего новгородского летописания по старшим спискам новгородских летописей привела некоторых авторов к выводу, что новгородского летописания XI в. вообще не было. В Новгородской Первой летописи даже новгородские известия даны в киевской редакции, т.е. в редакции «Повести временных лет», доведенной до 1115 г. А собственно новгородская редакция этих известий сохранена лишь сводами второй половины XV столетия.

Списки сводов, содержащих текст «Повести временных лет», как правило, сохранились в центрах княжеств, где сидели сыновья Владимира Мономаха. Польские хронисты в ряде случаев использовали иные летописные традиции, в частности традиции Галицко-Волынской Руси. Богатым и своеобразным было ростовское летописание, представленное в Киево-Печерском патерике («Летописец старый Ростовский»), а также в «Истории...» Татищева. Какую-то неизвестную в наши дни «Ростовскую летопись» Татищев подарил Английскому королевскому собранию. Ростовские материалы сохраняются и в позднейших рукописях, до сих пор практически не исследованных.

А.А. Шахматов, как сказано выше, долгое время пытался реконструировать текст «Повести временных лет» и предшествующих ей летописных сводов. Он полагал, что в Лаврентьевской летописи отражена вторая редакция «Повести временных лет», составленная около 1116 г. (запись под этим годом Сильвестра). В Ипатьевской летописи он видел третью редакцию, составленную в 1118 г. Для реконструкции недошедшего оригинала он пытался привлечь и «Летописец старый Ростовский». Но в конечном счете от реконструкции текста «Повести временных лет» он отказался, справедливо признав эту задачу невыполнимой. А такой вывод подрывал и выдвинутые им гипотезы о летописных сводах, предшествующих «Повести временных лет», так называемый печерский «Начальный свод 1095 г.» и «Древнейший свод 1039 г.», дошедший в печерской редакции 70-х гг. XI в. По Шахматову получалось, что почти все летописание велось в Киево-Печерском монастыре, но в летописях и во внелетописных памятниках сама история этого монастыря представлена со значительными разночтениями.

При изучении летописей путь снятия пластов, продвижение вглубь всей доступной системы сводов обязательны, и в этом обычно усматривается «шахматовский» метод. Но Шахматов его абсолютизировал и потому пренебрегал огромным внелетописным материалом, в том числе чисто историческим пониманием конкретных эпох, отражаемых в летописях. Иными словами, «самодвижение текстов» исключало вопросы о том, какие жизненные реалии эти тексты отражали.

Во всем летописном древе особое место принадлежит Лаврентьевской летописи, поскольку именно ее текст кладется обычно в основу любого издания «Повести временных лет». И в большинстве случаев ее текст содержит наиболее ранние чтения по сравнению с другими летописями. Само название «Лаврентьевская» дается по списку, сделанному в 1377 г. группой писцов под наблюдением монаха Лаврентия. Переписывали они летопись с какой-то ветхой рукописи, доведенной до 1305 г. и, видимо, созданной около этого года. Из записи монаха Лаврентия в конце рукописи следует, что список составлялся для тестя Дмитрия Донского князя Суздальско-Нижегородского Дмитрия Константиновича. В позднейшем летописании список никак не отразился: ни одна летопись, кроме Лаврентьевской, не знает «Поучения» Владимира Мономаха, которое не пропустил бы никто из позднейших переписчиков. Протограф, оригинал, с которого переписывалась рукопись, тоже стоял особняком в летописной традиции. В рукописи, как сообщает Лаврентий, были труднодоступные места, а параллельных текстов у переписчиков, по всей вероятности, не было.

Окончание протографа Лаврентьевского списка на 1305 г. побуждало Шахматова и некоторых его последователей искать следы летописного свода, составленного в это время. Были предположения о зависимости от «полихрона начала XIV в.» всего

летописания XIV–XV вв. Но наличие «Поучения» Владимира Мономаха в этом протографе свидетельствует о его уникальности: ни одна из летописей, возводимых к предполагаемому «полихрону», не содержит и намека на существование сочинений Мономаха. В то же время обилие пропусков и неисправностей в изложении «Поучения» говорят о том, что взято оно именно из ветхого протографа.

Из-за утраты ряда листов в Лаврентьевском списке трудно оценивать характер летописания конца XIII в., отраженного в летописи. Но можно указать на одного приметного летописца, чей почерк просматривается в описании событий с 20-х до начала 60-х гг. XIII в. Этот летописец был близок ростовскому епископу Кириллу, умершему в 1262 г. После разорения Владимира в 1238 г. Ростов на какое-то время стал центром притяжения и сохранения письменной традиции. В Ростове, по всей вероятности, и работал летописец, неоднократно проявивший себя в комментариях.

Владимирское летописание середины и второй половины XIII в. лучше сохранилось в летописных сводах XV столетия. Однако ранние его этапы с наибольшей полнотой переданы именно Лаврентьевской летописью. Близкая ей Радзивиловская летопись, сохранившаяся в списке (с миниатюрами) XV в., обрывается на 1206 г. Это уже само по себе указывает на время составления оригинала. К тому же и в Лаврентьевском списке именно этим годом завершается какой-то владимирский свод. Ценность Радзивиловской летописи и сохранившегося ее списка в том и заключается, что содержащиеся в ней чтения не выходят за границы начала XIII в. Но Лаврентьевский список имеет самостоятельную ценность в данном случае и потому, что в нем сохраняется более ранний владимирский свод, не затронутый редакцией начала XIII в. В летописных списках этой традиции заметно присутствие автора, обрабатывавшего материал в конце 80-х — начале 90-х гг. XII столетия. С наибольшей полнотой Лаврентьевский и Радзивиловский списки совпадают до 1193 г. Около этого времени во Владимире, видимо, составлялся свод, использовавший южнорусское летописание. После этой даты материалов, совпадающих в главных летописях обеих традиций, уже не будет.

В предшествующий период пересечение традиций осуществлялось неоднократно. В Суздальской Руси прослеживаются материалы южнорусского летописания, на юге же, в рамках традиции Ипатьевской летописи, около того же 1193 г.

привлекалось владимирское летописание. Своеобразным же связующим центром оказывается Переяславль Русский. По «завещанию» Ярослава Мудрого Суздальская Русь относилась к Переяславскому уделу, и связи эти остались в XII в. устойчивыми не только на княжеском уровне. В 1152 г. «по образцу» Переяславля Русского будет заложен Переяславль Залесский, и сюда будет перенесено и название южной реки Трубеж.

Переяславское летописание строилось в основном на киевском материале, обычно так или иначе его сокращая. Сокращения часто нарушают логику изложения, а потому для прояснения содержания необходимо постоянно обращаться к Ипатьевской летописи. Собственно же владимирское летописание просматривается лишь после переезда в 1155 г. на северо-восток Андрея Боголюбского.

1156 г. как важный рубеж в истории летописания был выделен еще Татищевым. И важен он именно для Северо-Восточной Руси, поскольку сам переезд сюда Андрея Юрьевича был актом серьезной политической борьбы, в ходе которой с политической арены отодвигались одни силы и центры и поднимались другие. Это проявилось прежде всего в оттеснении Ростова как ведущего идеологического и литературного центра и выдвижение на первый план возникшего всего за полвека до этого Владимира. Именно в это время князь добивается устранения ростовского епископа Нестора и начинает борьбу за создание особой владимирской митрополии. Нестор вынужден был отъехать «в Русь». И хотя позднее он вернется на ростовскую кафедру, он уже не будет иметь ни той власти, ни того влияния, что имел при Юрии Долгоруком.

Лаврентьевская летопись ничего не говорит о деятельности Нестора Ростовского. Но отраженный в ней позднейший ростовский летописец под 1231 г. вспоминает о нем как об одном из самых достойных ростовских святителей. Имеются внелетописные сведения о том, что в 40-е гг. XII в. Нестор почитался и иерархами Новгорода. И весьма вероятно, что именно с ним связано создание «Летописца старого Ростовского», к которому постоянно обращался в начале XIII в. владимирский епископ Симон в послании печерскому монаху Поликарпу. Во Владимире же в 50-е гг. XII столетия ростовское летописание, по всей вероятности, не привлекалось вовсе, а может быть и уничтожалось, как несоответствующее интересам нового политического центра.

В Переяславле Русском со второго десятилетия XII в. велись и собственные летописные записи. Но здесь летописцы не претендовали на особое положение, поскольку земля не претендовала на политическое лидерство. Практически это означает, что и «Повесть временных лет» здесь передали примерно в том объеме, в каком получили в одном из киевских монастырей (Печерском или Выдубецком), а некоторые сокращения по сравнению с редакцией Ипатьевской летописи могут объясняться небрежностью летописцев или переписчиков. Но в изменениях текста за второе и третье десятилетия XII в. может усматриваться и определенная тенденция.

«Повесть временных лет» — фундамент почти всего летописного древа и в большинстве случаев главная цель исследовательского поиска. Именно в этом произведении поставлены основные вопросы, связанные с началом народности, государства, христианства; здесь спрессованы те идеологические и политические факты, которые многие столетия питали этническое и политическое сознание Руси. И хотя и на ранних этапах существования государства противоборствовали разные историко-политические традиции, «Повесть временных лет» остается главным трудом о первых веках русской истории.

В редакции Лаврентьевской летописи изложение завершается рассказом 1110 г. о «знамении» над Печерским монастырем, после чего следует итоговая запись Выдубицкого игумена Сильвестра, прямо утверждающего, что эта летопись написана им. Сама запись о «знамении» подтверждает его слова: «...явился столп огненный от земли до неба, а молния осветила всю землю, и в небе прогремело в 1 час ночи (т.е. в 7 часов вечера), и весь мир видел это. Этот столп сначала стал над трапезницей каменной, так что не видно было креста, и, постояв немного, передвинулся на церковь и стал над гробом Феодосиевым, и потом ступил на верх церкви, как бы к востоку лицом, и потом стал невидим».

Летописец объяснил появление «столпа» как явление ангела, который в следующем году возглавит победоносный поход русской рати на половцев. Но в данном случае важнее другое. Наблюдать такую картину (а это могло быть либо радугой, либо северным сиянием, в феврале хотя и редко, но случается и то и другое) можно было только со стороны, и удобная позиция — именно Выдубицкий монастырь, расположенный в 3 километрах к югу от Печерского. Благоговейность же Сильвестра в данном случае проявляет в нем постриженника Печерского монастыря, ученика Феодосия, как летописец сам называет себя в текстах, связанных с основанием Печерского монастыря и подвигами Феодосия.

В самой записи Сильвестра присутствует и некоторая отдаленность от указанного в ней времени составления летописи. Весьма вероятно, что сделана она уже в годы пребывания его на епископской кафедре Переяславля в 1118–1123 гг. Тогда понятней становится и рассказ об ослеплении Василька: его автор Василий был как-то связан с Выдубицким монастырем (в нем он останавливался вместе с Васильком во время пребывания в Киеве). Понятней и связь Лаврентьевской летописи именно с переяславской летописной традицией. Да и сама запись Сильвестра, возможно, носила характер напоминания, что именно им написана летопись, а напоминание могло предполагать и каких-то конкурентов — редакторов или переписчиков.

Вопрос в данном случае возникает в связи с пропуском в Лаврентьевской летописи записей о годах между 1110 и 1116-м, тем более что о связи «столпа-знамения» со следующим затем походом у Сильвестра сказано. В Ипатьевской летописи текст статьи 1110 г. продолжается вполне логично, а под 1114 г. летописец проявляет себя, и эта статья перекликается со статьей 1096 г., которая есть в обеих летописях (это извлечения из сочинения Мефодия Патарского, где говорится об ангелах, имеющихся и у язычников). Статья же 1114 г. в Ипатьевской летописи, где летописец говорит о своем пребывании в Новгороде и Ладоге при Мстиславе, ведет ко времени после 1117 г., когда Мстислав был переведен отцом Владимиром Мономахом из Новгорода в Белгород под Киевом. А под 1115 г. в этой летописи игумен Сильвестр упомянут как бы со стороны в числе участников перенесения останков Бориса и Глеба в новый храм.

Нестора в качестве автора «Повести временных лет» называет Хлебниковский список Ипатьевской летописи, относящийся к XVI в. Поскольку в расчете лет при введении хронологической сетки конечной датой названа кончина Святополка, обычно предполагается, что в 1113 г. и составлялась «Повесть временных лет», причем чаще всего автором называют печерского монаха Нестора, а Сильвестру отводится роль либо переписчика, либо редактора. Но и в Ипатьевской летописи нащупать древнейшую, «Несторову» основу не уда-

ется: А.А. Шахматов не случайно говорил о «третьей редакции», относя ее к 1118 г. Поскольку в обеих редакциях под 1097 г. в рассказе об ослеплении Василька автор называет себя по имени (Василий), с ним обычно и связывают «третью редакцию». Но этот рассказ содержит и оценку княжению Владимира Мономаха, т.е. составлен он или, по крайней мере, редактировался после 1125 г. Комментарий этот имеется в обеих редакциях, и это заставляет предполагать, что и в Лаврентьевской летописи отразились тексты, восходящие ко времени после кончины Мономаха, т.е. внесенные в летопись после того, как Сильвестр оставил свою запись в Лаврентьевской редакции «Повести временных лет». И следы летописной работы в ближайшие после кончины Владимира Мономаха годы просматриваются в обеих редакциях, а также в каком-то своде в Галицкой Руси, связанном с сыновьями Ростислава Владимировича, отравленного в 1066 г. в Корсуне греками. Этот свод отразился в польских хрониках, в частности у хрониста XV в. Яна Длугоша, одного из самых начитанных в русских летописях.

Как было сказано, в Новгородской Первой летописи отразилась редакция киевской летописи, доведенная до 1115 г. Но эта летопись еще не знала договоров Руси с греками. Весьма вероятно, что они появились в летописи в 20-е гг. XII в. и связано это было поначалу с резким обострением, а затем с прекращением при Владимире Мономахе и его сыне борьбы Руси с Византией за нижнедунайские города. Эти сюжеты могли привлекать внимание и галицких князей. В конце XI в. на эти города претендовал княживший в Теребовле сын Ростислава Василько (ум. 1124), а Ярослав Осмомысл — один из героев «Слова о полку Игореве», «суды рядил до Дуная». Для понимания же хронологической путаницы в летописи надо иметь в виду, что в Галицкой Руси еще и в XIII в. употреблялась хронология, отличавшаяся на четыре года от константинопольской. Это может объяснить смешение двух хронологий в описании событий X в., в том числе в датировке договоров (907 и 911 гг.).

Нижнедунайские города — одна из любопытнейших загадок ранней русской истории. Сюда в свое время стремился Святослав, намереваясь сделать здесь «середу» своей земли. Пять столетий спустя в «Списке русских городов дальних и ближних» именно с них начинается перечень городов. Владимир Мономах в 1116 г. попытался утвердить на Нижнем Дунае своего зятя Леона Дигенича (сына византийского императора Романа IV Диогена, 1068–1071), которого в Византии считали самозванцем. Леон занял эти города, но был убит подосланными императором Алексеем убийцами. После этого Владимир направил Ивана Воитишича, который разместил по Дунаю посадников. Видимо, он тоже не сумел там удержаться, и великий князь направил новый отряд во главе с Фомой Ратиборичем. Этот поход также не имел успеха, но сменивший умершего Алексея император Иоанн проявил заинтересованность в примирении с Русью, и по его инициативе был заключен брак с дочерью Мстислава Владимировича. Предполагалось и заключение какого-то договора, который либо не дошел до нас, либо не был заключен. Но в связи с этими переговорами неизбежно должны были заинтересоваться прежними договорами с Византией и извлечь из архивов сохранившиеся из них, включая и полулегендарные о них сведения.

Одно из главных отличий Новгородской летописи от «Повести временных лет» — полное отсутствие дунайских сюжетов. Именно на этом основании Шахматов считал, что этнографическое введение «Повести временных лет» с лежащим в его основе сказанием о славянской грамоте — творчество составителя летописи, предположительно Нестора. Получалось, что сказание это позднее и потому недостоверное. Последователь А.А. Шахматова М.Д. Приселков предлагал даже вовсе отказаться от использования данных русских летописей за X в., ограничиваясь данными византийских хроник. Между тем в самом сказании достаточно ясно просматриваются черты, позволяющие относить время обработки русским летописцем западнославянского источника ко времени Владимира и даже первой половины его княжения, т.е. к концу X в. А значит, это либо то, что новгородский летописец последовательно опускал дунайские сюжеты, поскольку держался варяжской версии происхождения Руси, либо источник времен Владимира был вновь привлечен в 20-е гг. XII столетия.

Поляно-славянская версия начала Руси «Повести временных лет» в настоящее время находит убедительное разъяснение в археологическом материале. Археологов с XIX столетия интересовали трупоположения в могильниках Киева и прилегающих поселениях. Они обычно сопровождались оружием, иногда конем и рабыней. Норманнистам было соблазнительно увидеть в них скандинавов-варягов времен князей Олега и Игоря. Но как показала на антропологическом мате-

риале Т.И. Алексеева, облик их отличался от германцев больше, нежели любая группа славян. С.С. Ширинский указал и археологические параллели: так хоронили умерших на христианских кладбищах Моравии. И в Киеве многих умерших сопровождали крестики, а вытянутые вдоль тела руки указывали на западный обряд погребения. Эти параллели объяснили появление в Киеве во второй четверти X в. христианской общины, составлявшей значительную часть княжеской дружины и имевшей свой храм Св. Ильи. Эти параллели объясняют и записанное богемскими хрониками предание о князе Олеге — сыне Олега Вещего, изгнанного двоюродным братом Игорем из Киева, бежавшим в Моравию, отличившимся там в борьбе с венграми и ставшим королем. Но после поражения он, уже после смерти Игоря, с которым помирился, вернулся на Русь, где и умер в 60-е гг. X в.

В этих сообщениях есть и объяснение появлению имени «Олег» в чешских документах (С. Гедеонов видел в этом аргумент против норманнского происхождения Олега Вещего), и объяснение появления версии прихода на Днепр славян и руси из Норика — области, примыкающей к Дунаю с юга и являвшейся в религиозном отношении спорной территорией между Моравией и Баварией. А Норик X в. — это Ругиланд, называвшийся, как и всюду, где расселялись руги, также «Руссией», «Рутенией» и другими проходящими по источникам вариантами этого этнонима. Археология и летопись в данном случае дополняют и помогают понять друг друга: летописец еще непосредственно общался с этими переселенцами.

Частью поляно-славянской концепции начала Руси является рассказ об обычаях племен, в которых поляне заметно отличаются от славян и формой семьи, и формой брака, и обрядом погребения (поляне не знали обычного славянского трупосожжения). «Полянскому» брачному обряду, по которому «не хожаху жених по невесту, а привожаху вечер, а заутра приношаху по ней что вдадуче» (здесь имеется в виду совершенно несвойственный исконным славянам покупной брак), ближайшие параллели можно найти в баварском и готском праве, включая характерное германское «моргенгабе» — утренний дар после первой брачной ночи. Судя по данным летописца X в., переселенцы из Норика-Ругиланда говорили в это время на славянском языке, но сохраняли давние традиции ругов-русов на протяжении ряда веков и в Прибалтике, и в Причерноморье, и на Дунае, соприкасавшихся с готами и противостоявшими им.

Христианская община Киева середины X в. может разрешить и еще одну загадку: арианский символ веры в рассказе о крещении Владимира. Готы и подунайские руги были арианами с IV в. и в большинстве оставались таковыми вплоть до XII столетия. Сама община в Киеве, не имевшая никакого внешнего подчинения, указывает именно на арианскую традицию, в рамках которой епископы избирались членами общины.

Хотя в X в. постоянно функционировал путь «из Варяг в Греки», киевский летописец, выводивший славян и русь из Норика, довольно слабо представлял себе север. В его представлении варяги — это основное население Волго-Балтийского пути от «земли Агнянской», т.е. от южной части Ютландии, до «предела Симова», т.е. Волжской Болгарии. Легенды о «признании варягов», отождествлявшихся с «русами», он не знал, а варяги, пришедшие в Киев с Владимиром, явно были славяноязычными, и изображения божеств в созданном им пантеоне до деталей повторяли соответственные изваяния в святилищах балтийских славян. Лишь со времен Ярослава в числе «варягов» окажутся и шведы, поскольку на дочери шведского конунга (по матери, однако, тоже из балтийских славян) Ингигерд женился в 1019 г. Ярослав. Около 1030 г. и в Константинополе в «варяжском корпусе» появятся первые норманны. Само же сказание о «призвании варягов» будет занесено из Новгорода и включено в киевскую летопись значительно позднее, видимо, уже при Мстиславе, княжившим в Новгороде с 1096 по 1117 г. При этом сами новгородские летописи настаивают на том, что «суть люди новгородстии от рода Варяжска», т.е. ветвь балтийских славян, мигрировавших по Волго-Балтийскому пути, а не славян, заселявших Восточную Европу из Подунавья.

В Новгороде была привлечена киевская летопись, доведенная до 1115 г. и именно в редакции Лаврентьевской летописи. Но в части до 945 г. материал был заменен отчасти собственно новгородским, отчасти галицким. В этой версии (отраженной и Длугошем) Олег Вещий представлен не князем, а воеводой Игоря. Сама хронология событий перенесена с конца IX — начала X в. на 20-е гг. X в., когда, судя по богемским источникам, шла борьба Игоря с Олегом — сыном Олега Вещего.

Представление о привлечении в Новгороде Киевской летописи конца XI в. строилось Шахматовым главным образом на основе предисловия, содержащегося в младшей редакции Новгородской Первой летописи. Но он и сам позднее признавал, что предисловие (которое он считал киевским) привлечено

в Новгороде в начале XIII в. Между тем новгородское его происхождение видно и из подчеркивания приоритета Новгорода, и из связи с кругом хронографических памятников XIII в., создававшихся или переписывавшихся в Новгороде.

Предисловие было навеяно трагическим событием — падением Константинополя в 1204 г. Но это не значит, что написано оно по следам события. Константинополь оставался под властью крестоносцев до 1261 г., что и определяет хронологические рамки его написания. Не исключено, что автор предисловия и пономарь Тимофей, упомянутые летописью в первом лице под 1230 г., — одно лицо. Он был близок к архиепископу Антонию (ум. 1232), который в начале XIII в., еще со светским именем Добрыни Ядрейковича побывал в Царьграде, а с 1220 по 1225 г. был епископом в Перемышле. Именно с ним могли попасть в Новгород летописные тексты или идеи летописания галицких князей, потомков новгородского князя Ростислава Владимировича.

Неоднозначность новгородского летописания вытекала из долговременного сосуществования различно ориентированных политических институтов: княжеской власти, архиепископской кафедры, владык, так или иначе посторонних по отношению к Новгороду, и собственно городской, связанной с институтом посадничества. Различались по направленности и новгородские монастыри — древние библиотеки и литературные центры. И киевский текст здесь привлекался, видимо, в окружении одного из присланных из Киева князей (при Мстиславе или его сыне Всеволоде), но он мог попасть сюда и через Галицкую Русь. Позднее герой битвы на Калке Мстислав Удалой будет постоянно «разрываться» между Новгородом и Галичем. А интересовало летописца, привлекавшего киевскую летопись, прежде всего начало династии киевских князей, которая связывалась с пришедшим из Новгорода Игорем.

Проблема Нестора

С XVIII в. и до сих пор держится представление, что автором «Повести временных лет» является Нестор, постриженник Печерского монастыря. По крайней мере, два постриженника Печерского монастыря, два Нестора имели отношение к историографии. О ростовском епископе Несторе выше сказано: он мог иметь отношение к «Летописцу старому Ростовскому», весьма чтимому выходцами из этого монастыря в начале XIII в. Но создание «Повести временных лет» приписывается другому Нестору — автору двух бесспорно ему принадлежавших

сочинений: «Чтения о Борисе и Глебе» и «Житии Феодосия» игумена Печерского.

Само стремление приписать одному лицу чуть ли не всю литературу двух столетий, представление о летописании как едином древе заведомо неверно и просто невозможно в условиях племенной и феодальной раздробленности, когда даже счет годам велся различно в разных городах и даже разных монастырях одного города. Задача должна быть сформулирована иначе: что написали Нестор, Сильвестр, Василий и другие, не названные по именам летописцы и авторы иных исторических произведений. Определить это трудно потому, что большинство таких произведений были безымянными. Нескромным почиталось указывать свое имя в качестве составителя того или иного произведения (если оно не предполагало прославления какого-то другого деятеля — церковного или светского) и тем более настаивать на своем авторстве, как это проявилось у Сильвестра.

В сочинениях Нестора-агиографа можно найти некоторые сведения об авторе, составить представление о его мировоззрении и «круге чтения», о языке и стиле. И, уже отправляясь, от этих объективных данных, искать в летописи следы его воззрений и знаний. В огромной литературе о Несторе найдется немало работ, в которых задача так и ставилась, и вывод всегда был определенным: если летопись писал Нестор, то это был не тот Нестор, что писал агиографические произведения. Но в популярных очерках летопись приписывалась именно Нестору-агиографу. На практике это приводило к отказу от выявления особенностей мировидения разных авторов киевской поры, к игнорированию идеологических различий и даже противостояний, свойственных любой исторической эпохе. В результате примитизировалось само мышление писателей и вообще людей того времени, им отказывали даже в способности логически мыслить.

Если бы требовались доказательства несостоятельности такого самообольщения, то достаточно было бы указать на «Слово о Законе и Благодати» митрополита киевского Илариона: немного и в современной литературе найдется «слов» столь безупречно логически выстроенных. И если Нестору приписывают явные противоречия привлечением летописных текстов, то в этом не его вина.

Поскольку «проблема Нестора» — это понимание самого характера древнерусской письменности и идеологии, пони-

мание истоков культуры и традиций, необходимо задержать внимание на тех сочинениях, где имя Нестора упоминается. Как было сказано, имя это есть в Хлебниковском списке Ипатьевской летописи. В самом Ипатьевском списке летопись приписывается анонимному черноризцу Печерского монастыря. Татищев знал еще два списка, в которых упоминалось имя Нестора, в одном из них сохранялась и запись Сильвестра. Нестора-летописца называет также Патерик Печерского монастыря, причем особое внимание имени уделяется в редакциях середины XV в., когда в Северо-Восточной Руси напоминали об идеологическом сподвижнике Владимира Мономаха Сильвестре. Но Патерик имел в виду другую летопись и другого Нестора, что в середине XV в., видимо, уже не осознавалось.

Нестор-агиограф называет себя в обоих сочинениях, причем в «Житии Феодосия» и в начале, и в конце. В «Повести временных лет» есть сюжеты этих произведений, и в ряде случаев летописец называет себя «учеником Феодосия». Именно данные тексты обычно увязываются с именем Нестора. Однако биографические сведения из жития противоречат такому допущению. «Ученик Феодосия» пришел в Печерский монастырь 17 лет от роду, был пострижен Феодосием, знал многих современников игумена лично. Нестор же «о блаженемь и велицемь отци нашемь Феодосии оспытовая слышах от древьниих... отець, бывших в то время». Принят же он был в монастырь игуменом Стефаном, «и яко же от того острижен быв и мьнишьскыя одежа съподоблен, паки же и на дияконьскый сан от него изведен сый».

Очевидно, Нестор был моложе «ученика Феодосия», которому в «Повести временных лет» принадлежит ряд больших текстов за вторую половину XI и начала XII в., в частности тексты, связанные с начальной историей Печерского монастыря (притязания Сильвестра в данном случае были бы вполне оправданы). Нестор же писал свои жития явно позднее. Многое уже стерлось в памяти, и потому изложение как бы расплывается в пространстве и времени. У Нестора почти нет имен и дат, он не употреблял «индиктов», не пользовался для определения времени понятием «час». Он называет всего двух свидетелей времени Феодосия по именам: бывшего келаря Федора и монаха Илариона, и оба упомянуты в прошедшем времени. И писал он, судя по всему, не только много лет спустя после событий, но и за пределами Киева: в стольном граде

наверняка нашлись бы свидетели и полвека спустя после кончины (в 1074 г.) Феодосия.

Видимо, не был знаком Нестор и с текстом «Повести временных лет». Оба сюжета его сочинений обстоятельно изложены и в «Повести временных лет». И различия касаются не только стиля и языка, но и основного содержания. Сами эти различия представляют чисто историографический интерес: как одни и те же события воспринимались в разных местах и разными авторами.

Чтение	Летопись
1. Борис княжил во Владимире Волынском.	Борис княжил в Ростове.
2. По смерти Владимира Святополк приходит в Киев.	Святополк находился в Киеве.
3. Убийцы добили раненого Бориса, когда он выскочил из шатра.	Бориса добили два варяга по приказу Святополка, когда его раненого везли на коляске.
4. Глеб был с отцом в Киеве и с вокняжением Святополка бежал на «кораблеце» в «полуночные страны».	Глеб не был в Киеве и не знал о смерти отца.

Житие Феодосия	Летопись
1. Ярослав погребен Изяславом.	Ярослав погребен Всеволодом.
2. Новый монастырь основан в 1062 г. Феодосием.	Новый монастырь основан Варлаамом (даты нет).
3. Антоний ушел от дел, когда собралось 15 иноков.	Антоний ушел, когда собралось 12 иноков.
4. Студийский устав получен из Константинополя от постриженника монастыря Ефрема, позднее переялавского митрополита.	Устав принес монах Студийского монастыря Михаил, пришедший на Русь с митрополитом Георгием.
5. «С совета всех» Феодосий перед кончиной ставит игуменом Стефана.	Феодосий предлагает выбрать кого-либо, кроме Николы и Игната. Братия оставила выбор за игуменом, но не приняла предложенного им Иакова, как пришедшего «с Летьца». Благословляя Стефана, игумен выговорил, что братия «творит свою волю», не считаясь с «Божьим повелением».
6. Нестор с особым почтением говорит о «Великом Никоне» (ум. 1088).	Старец Матвей видит на месте Никона осла, а старец Исакий «от ...Никона примаше раны».

Здесь воспроизводятся наиболее существенные расхождения, носящие идеологический характер. Но и летопись, и жития дают также существенные неповторяющиеся данные. Нестор вообще не упоминает Иакова, которого Феодосий рекомендовал в качестве своего преемника. Летописец же целиком на его стороне. В летопись вошло именно Иаково «Сказание о Борисе и Глебе», а указание на связь его с Переяславлем (на реке Альте, где погиб Борис, был храм, почитавшийся Владимиром Мономахом) опять-таки ведет к личности Сильвестра, который в юности (как «ученик Феодосия») мог лично знать Иакова.

Нестор явно сочувствует Изяславу и его дому, относится к Стефану и Никону как к учителям. О Стефане он дает оригинальные сведения, связанные с его деятельностью игумена, а затем епископа Владимира Волынского. Этот город занимает особое место в сочинениях Нестора, в то время как «полунощные страны» ему мало известны и не слишком его интересуют. И писал Нестор явно не в Киеве. Он, например, поясняет, что Василев — город, «отстоя от Кыева, града стольного, 8 поприщ». Киевлянину пояснять это не нужно было. Зато волынянину, никогда не бывавшему в Киеве, такое разъяснение требовалось. В другом месте, сообщая об основании монастыря в 1062 г., он напоминает, что этот монастырь «и доныне есть, Печерьский наричем». (В этом уточнении ощущается и значительный хронологический разрыв.) Для некиевлянина дается и описание внутреннего расположения монастыря.

Сопоставление текстов житий и летописи показывает, что Нестор-агиограф не только не был автором или редактором «Повести временных лет», но и не был знаком с этой летописью. В самом Печерском монастыре он находился, видимо, недолго. Похоже, что он ушел оттуда во Владимир Волынский либо вместе со Стефаном, либо вслед за ним. Лишь у Нестора, в частности, упоминается монастырь под Владимиром, называвшийся не без претензий «Святой горой» («Святой горой» называли монастыри на Афоне).

«Повесть временных лет» и Патерик Печерского монастыря

В Патерике Печерского монастыря, как было сказано, в качестве летописца упоминался другой Нестор. Здесь есть ряд сведений, пересекающихся с «Повестью временных лет», но в иной редакции и с иных идейных позиций. Дается, в частности, совершенно иная версия начала истории Печерского монастыря, нежели

в «Повести временных лет» и у Нестора-агиографа. В основе здесь несохранившееся «Житие Антония», деятельность которого по этой версии начинается задолго до Феодосия и даты, обозначенной в «Повести временных лет» (1051 г.) Связанная с печерской письменной традицией Густинская летопись (XVII в.) называет дату вселения Антония в «Варяжскую пещеру» (1013 г.) и обозначает этим начало Печерского монастыря. Дата явно ошибочная, появившаяся, видимо, вследствие смешения числа «И» — восемь и «М» — 40 (такая ошибка переписчиков встречается неоднократно). Но само начало Печерского монастыря в «Житии Антония» связывалось именно с его подвижнической деятельностью.

Печерский патерик в гораздо большей мере, нежели «Повесть временных лет», держится грекофильской ориентации: подчеркивается роль греческих мастеров, греческих постриженников в самом монастыре, напоминается о хранящихся там греческих книгах. В «Послании Акиндину» Поликарпа воспроизводится рассказ о Никите Затворнике, который был «прелщен... от врага»: «вся книгы жидовьскыа сведяше добре, Евангелиа же и Апостола... сих николи же въсхоте видети, ни слышати, ни почитати». «Изгонять беса» пришли Никон, видные подвижники монастыря и среди них Нестор, «иже написа летописець». Но сам Поликарп оговаривается, что летописные сведения он знал со слов Симона (совет «почитать» «Летописец старый Ростовский» он реализовать не смог: видимо, рукописи уже не было в XIII в. в Печерском монастыре).

Около того же времени еще одному печерскому подвижнику пришлось «изгонять беса» из киевлянина, который «нача глаголати жидовьскыи и потом латыньскы, таже греческыи». В Киеве с X в. была хазарская и иудаистская община, но в данном случае «бес» представлял ирландскую традицию в христианстве, которая будет в конце XI в. осуждена Римом как уклон в иудаизм. В рамках ирландской традиции Ветхому Завету отводилась первостепенная роль как своду «законов». Но Рим беспокоило неприятие ирландской церковью католицизма. В чтении книг Ветхого Завета у них на первом месте стоял древнееврейский, на втором — греческий, и лишь на третьем — латинский языки. На Руси же Ветхий Завет не будет переводиться вплоть до конца XV столетия, когда потребовалось разбираться с «ересью жидовствующих».

«Беса», конечно, изгнали, Никита исправился, стал образцом благочестия и позднее был поставлен епископом в Нов-

город (ум. 1108). Киевлянин, знавший и свободно разговаривавший на многих языках, все их тотчас забыл. В Печерском патерике такие «подвиги» прославляются, «ученик Феодосия» (Сильвестр?) о них не упоминает. Но и упоминания, и умолчания свидетельствуют о сложной борьбе, которая шла на Руси в XI–XII вв. между разными течениями и пониманиями христианства. И вряд ли случайно во время пребывания Никиты на епископской кафедре в Новгород «приплыл на скале» (как это делали кельтские святые) Антоний Римлянин, явно искавший убежища от насилий со стороны Римской церкви. В созданном же Антонием монастыре долго будут жить традиции ирландской церкви, и их форма общежития заявит о себе в XIV–XV вв., когда получат широкое распространение монастыри с общежитийным уставом.

В Печерском патерике имеется и еще один любопытный акцент: возвышение роли варягов в христианизации Руси. Антоний, как было сказано, вселился в «Варяжскую пещеру» (в летописи она так не называется, что может свидетельствовать и о тенденциозном замалчивании). Первыми святыми на Руси здесь признаются отец и сын варяги, убитые язычниками в Киеве в 983 г., а ростовский епископ печерянин Леонтий в этой версии «третий гражанин бысть Рускаго мира: с онема варягома венчася от Христа, его же ради пострада». В позднейшей традиции Леонтий в перечне ростовских епископов будет отодвинут на седьмое место. У Симона он «первый престолник, его же невернии много мучивше и бивше». Но первые ростовские епископы занимали кафедру уже после канонизации Бориса и Глеба, которые и почитались «первыми» русскими святыми в сказаниях Нестора и Иакова.

В принадлежавшем Симону «Сказании о создании Печерской церкви Богородицы» главным героем оказывается варяг Шимон, племянник известного в «Повести временных лет» Якуна (1024 г.). Шимон бежал к Ярославу от дяди, захватив с собой «золотой пояс» с изображением Христа и имея внушение свыше о предстоящей миссии по созданию церкви Богородицы. Поначалу Шимон служил у Ярослава, затем тот передал его Всеволоду, который также окружил его почетом. Участвовал Шимон и в битве 1068 г., и Симон рассказывает о ней через восприятие Шимона. Антоний предсказал князьям и Шимону, что битва закончится поражением, но Шимону он предрекал спасение и погребение в той церкви, которая будет им создана. После битвы Шимон был пострижен Антонием в монастыре

под именем Симона. (Шимон — это и есть Симон: «ш» вместо «с» употреблялось в речи балтийских славян и отчасти в Северо-Западной Руси.) «Золотой пояс» он передал в монастырь, и тот станет одной из монастырских святынь, обладающей целебными свойствами.

В связи с созданием церкви Богородицы упоминается и сын Шимона Георгий. Георгий Шимонович будет позднее воспитателем Юрия Долгорукого, отправится с ним в 1107 г. в Суздальскую землю и станет ростовским тысяцким. Именно ему поручал Юрий Долгорукий управление Суздальской землей после своего вокняжения в Киеве.

Ссылка епископа Симона на «Летописец старый Ростовской» сделана в ответе Поликарпу, роптавшему на порядки в Печерском монастыре и тяготившемуся монастырской жизнью. Симон перечисляет 14 епископов, вышедших из Печерского монастыря, и добавляет, что всего в летописи названо и «бол 30», «а еже потом и до нас грешных, мню близ 50». Лаврентьевская летопись знает лишь 9 из 14 перечисленных, и лишь о Стефане сказано, что он ранее был игуменом Печерского монастыря.

Большинство названных Симоном епископов были поставлены в конце XI — начале XII в. Но здесь же назван Нифонт, занимавший новгородскую кафедру в 1136–1156 гг. и вместе с ростовским епископом Нестором резко выступавший против Климента Смолятича, поставленного митрополитом без утверждения Константинополя. Само соотношение «более 30» и около 20 поставленных на памяти Симона тоже ведет к середине XII в. К тому же времени должно отнести и особое внимание к Шимону и его сыну Георгию. Лаврентьевская летопись его вообще не упоминает. Но Тверской сборник (XVI в.), использующий ростовский материал, сообщает, что Георгий тысяцкий в 1120 г. возглавлял поход на болгар, а Ипатьевская летопись под 1130 г. говорит о важном вкладе его в Печерский монастырь: он оковал гроб Феодосия.

Юрий Долгорукий оставлял Суздальскую землю своему тысяцкому «яко отцу». Но переезд на север Андрея Боголюбского менял здесь все коренным образом. С этим обстоятельством, естественно, связывается и пресечение старой ростовской летописной традиции. С ростовской кафедры был удален епископ Нестор, а затем была изгнана вдова Юрия Долгорукого гречанка с ее детьми (Андрей был рожден от первого брака Юрия — половчанки). Означало это все резкий поворот от

прогреческой ориентации к противоположной, нацеленной на освобождение церкви от внешней зависимости.

Следы разных центров летописания в «Повести временных лет»

Политическое противостояние и идеологическое противоборство всегда вызывали к жизни и литературные средства борьбы, в разряд которых входили и летописные своды, и более локальные исторические сочинения. Киев, Переяславль, Галицкая земля, Ростов, Новгород — это центры, участие которых в идейной борьбе просматривается по источникам. Другим, в частности Смоленску, Полоцку, Чернигову, повезло меньше, и их точку зрения мы в большинстве случаев не знаем. А расхождения касались самых кардинальных вопросов. Достаточно сопоставить представления о начале Руси в летописях и в «Слове о полку Игореве», чтобы понять, насколько древнерусское общество было далеко от осуществления принципа «единой веры и единой меры». И потому особенно ценны своды-компиляции, в которых ставилась цель не провести какую-то идею, а просто переписать из разных книг нечто примечательное.

Название «Повесть временных лет» уводит к самым начальным этапам летописания. Это не летопись, а именно «повесть» о давнем прошлом, как оно воспринималось в устной традиции и как ее можно было соотнести с доступными раннехристианскими сочинениями. Такими памятниками потомки должны были интересоваться. Но и интерес сам по себе не гарантирует точного воспроизведения изначального текста. Из текстов что-то устранялось, что-то добавлялось, нарушая первоначальную логику. Так под тем же названием «Повесть» появился летописный свод, в котором на четко обозначенные вопросы появились взаимоисключающие ответы. В результате уже объем работы Сильвестра трудно определить. Что ему принадлежит кроме трех статей, связанных с историей Печерского монастыря? В какой редакции была использована им первоначальная «повесть» (что-то в хронологических пределах редактированной им летописи явно было включено позднее)? Как он относился к обработкам предшественников?

Выше было отмечено, что летописцу, рассказывавшему о крещении Владимира, было известно более трех версий этого знаменательного события. Версии эти, по всей вероятности, были представлены и литературными памятниками. Но он их не называет, настаивая на корсунском варианте.

Главным христианским центром при Владимире являлась Десятинная церковь Богородицы, которой Владимир на западный манер дал «десятину» во всех доходах. (Сам термин «десятина» был известен у западных славян, в частности в смежной с Нориком области — Хорватии.) В самом архитектурном исполнении первого храма, созданного после крещения, заметны западные черты, отмеченные Г.К. Вагнером.

Естественно, что с Десятинной церковью связывались и литературные произведения, и определенные культы. После выдвижения на первый план при Ярославе Софийского собора — митрополичьей кафедры константинопольского подчинения, будет вестись борьба не только за политическую роль, но и за саму трактовку принимаемой веры. Почти все тексты XI столетия, возвышавшие Владимира, как «равноапостольного» или равного Константину, утверждавшего в IV в. христианство в качестве государственной религии Византии, выходили из круга авторов, близких клиру Десятинной церкви.

Корсунская версия крещения Владимира имеет определенные основания в том, что клир Десятинной церкви поначалу состоял из корсунских служителей, а корсунское христианство никогда не сводилось к византийскому. Здесь почитались некоторые святые, которых не признавал Константинополь, а к созданию культа Климента (римского папы, казненного здесь в начале II в.) имел непосредственное отношение Константин-Кирилл (по его указаниям были обретены мощи мученика). Культ Климента получит распространение на Западе, особенно в славянских землях, а на Руси в XI в. он будет почитаться как «заступник земли Русской». Хранившаяся в Десятинном храме голова святого будет в середине XII в. одним из аргументов в пользу избрания своего митрополита (Климента Смолятича) без санкции Константинополя.

Именно Десятинная церковь будет хранителем и традиции кирилло-мефодиевского христианского просветительства, и некоторые следы этого влияния просматриваются в летописных текстах, посвященных крещению Руси и распространению христианства. Политическая направленность храма определяется и кругом близких ему жертвователей. Здесь был похоронен самый прозападный русский князь Изяслав Ярославич, храму давал пожалования его сын Ярополк. И теплые строки об этих князьях в летописи принадлежат летописцу, прославлявшему Владимира и использовавшему литературные памятники Десятинного храма. Этот летописец писал,

видимо, в 80-е гг. XI столетия (похвала погибшему в 1086 г. от руки убийцы Ярополку — последняя). Он выделяется на общем фоне литературным талантом, гармонией языка. Это ему принадлежит знаменитая похвала «книжной мудрости» («книги суть реки, напояющие вселенную» и т.п.). И ему, по всей вероятности, принадлежит запальчивая фраза, будто Владимир, дав храму «десятину», «написав клятву в церкви сей, рек: аще кто сего посудит, да будет проклят». (Этой фразы нет в использованном в данном случае «Слове о том, како крестися Владимир, возьмя Корсунь».) И Анастасу, бывшему в усобице 1015–1019 гг. на стороне Святополка, он не ставит в вину то, что настоятель ушел вместе с Болеславом (прихватив казну) в Польшу. В целом же для летописца Десятинной церкви характерно бережное отношение к предшествующим, использованным им текстам. Он сохранил нелицеприятную характеристику в летописи князя Владимира (в этой части летописи с большей теплотой говорится о Ярополке), но по своему объяснил пороки князя пороками язычества.

Летописание второй половины XIII–XVI вв.

В целом переписчики XIII–XV вв., благоговейно переписывавшие древние рукописи, на самом деле сохраняли уже неосознаваемые эпизоды труднейшей, нередко кровавой борьбы, и политической, и религиозной, столкновения Земли и Власти, и борьбу за Власть и Собственность внутри господствующих слоев.

О монголо-татарском нашествии и разорении Руси в 1237–1240 гг. остались отрывочные современные записи, в которых не всегда осознавались причины и последствия страшных разорений и опустошений. Естественно, трагедия воспринималась как наказание Божье за грехи. Но немногие, подобно владимирскому епископу Серапиону, могли разъяснить, в чем же эти грехи заключались: не смогли собраться и объединиться для достойной встречи врага, который пришел убивать и грабить. В позднейших сказаниях, вроде «Повести о разорении Рязани Батыем», появятся герои сопротивления. Но это будет уже в то время, когда призыв к борьбе мог быть услышан.

Пока же связь земель была практически разорвана, а во многих случаях разорвана и связь времен. Это касается прежде всего Киева, где, по сообщению проезжавшего через остатки города в Орду и далекий монгольский Каракорум римского посла монаха Карпини, в 1246 г. насчитывалось не более двухсот домов, а по всей округе оставались неубранные останки погибших людей. Сам Киев надолго выпадал из поля зрения летописцев Северо-Восточной Руси. Упадок, естественно, коснулся всей письменности, и не случайно в 1377 г. у Лаврентия не нашлось списка летописи, по которой он мог бы восстановить истлевшие строки и страницы оригинала 1305 г.

В XIV в. летописание продолжается в Новгороде, зарождается в Твери и Москве. Но древнейший текст Тверской летописи — Рогожский летописец, сохранившийся в списке середины XV в., оставляет впечатление подготовительных материалов для составления свода. Обстоятельные записи отдельных лет и событий перемежаются многолетними перерывами или же обрывками фраз, которые нелегко осмыслить и датировать.

О том, что в Москве в XIV в. велось летописание, сомнений у специалистов нет. Но был 1382 г., нашествие Тохтамыша, когда Москва была разрушена и сожжена, а население ее перебито или уведено в полон. Через два десятилетия составитель Троицкой летописи запишет с болью: «Книг же толико множество снесено со всего города и из загородья и из сел и в зборных церквах до тропа наметано, сохранения ради спроважено, то все без вести створиша». Какие-то записи, конечно, велись и в других местах, и отдельные сюжеты восстанавливаются с начала столетия со времен Даниила Александровича и Юрия Даниловича. Но даже первоначальной записи о Куликовской битве мы не имеем. Из-за обрывочности сведений позднейших летописей с трудом можно восстановить суть сложной борьбы, развернувшейся в канун нашествия Тохтамыша, и только изгнание Дмитрием по возвращению на пепелище митрополита Киприана и духовника Владимира Андреевича Серпуховского Афанасия (ученика Сергия Радонежского) вскрывает глубину раскола на Руси в это время.

Куликовская битва на протяжении столетий будет знаменем для сторонников решительного противостояния Орде и Литве. Но к Литве склонялся не только Киприан. В эту сторону смотрели оба Василия, сын и внук Дмитрия Донского, поскольку Софья Витовтовна оказалась весьма политически активной женщиной. «Сказание о Мамаевом побоище» станет на целое столетие своеобразным тестом: отношение к Дмитрию, татарскому игу и Литве. Поскольку первичный текст не уцелел, его заменяли воспоминания и переделки, и Киприан, конечно, не упустил возможности принизить — если не сказать более — своего антагониста.

Специалисты спорят: когда возникло внелетописное «Сказание»? Называются даты от 10-х гг. до конца XV в. И, видимо, все спорящие по-своему правы. Такова судьба наиболее значимых в политическом отношении документов эпохи: противоборствующие стороны исправляют их в нужном им направлении. И в окончательной редакции — это сочинение конца XV в., когда даже татарский вопрос уже не был актуальным. Но оставался актуальным литовский вопрос, а также слава и честь набиравшего силу государства.

Летописание XV–XVI вв.

Большинство сохранившихся списков летописей относятся к XV–XVI вв. Это по-своему закономерно. В середине XV в., как верно отметил А.А. Зимин, Русь (еще не Россия) стояла как «витязь на распутье». И всплеск летописания приходится на 40-е гг. XV в., когда «витязю» приходилось выбирать, каким именно путем идти. Это касалось и межкняжеских отношений, и отношений внутри церкви. После Флорентийского собора 1439 г., активное участие в котором принял митрополит Исидор (последний грек на русской митрополии), на Руси резко возросло стремление к автокефалии, причем особенно настаивали на этом последователи Юрия Галицкого, занимавшего московский стол в 1433–1434 гг. И не случайно, что именно сын его Дмитрий Шемяка, на короткое время в 1446 г. овладевший Москвой, пригласил в качестве местоблюстителя митрополичей кафедры рязанского епископа Иону. И хотя Шемяка московский стол не удержал, Иона в 1448 г. был избран митрополитом советом епископов без утверждения Константинополем, который теперь представлялся как бы утратившим православную чистоту.

Одним из наиболее спорных вопросов в историографии является история создания Никоновской летописи, являющейся как бы митрополичей, списки которой широко распространялись еще в XVII в. Дело в том, что ее древнейший список относится (по филиграням бумаги) ко времени около 1520 г. (но запись текста будет продолжена до конца 50-х гг. XVI в), основные источники за вторую половину XV в. относятся к концу XV столетия, а специфические и по объему привлеченных источников, и по содержанию, и по стилю многие ее статьи можно отнести ко времени появления в Москве Ионы. Оригинальным сводом Никоновская летопись является именно в пределах до середины XV в. Уникальные сведения о послах из Рима, начиная с X в., вполне объяснимы в свете острого

обсуждения поездки большой русской депутации на Флорентийский собор: об этой поездке сохранилось несколько записей современников. Привлечение фольклорных материалов — в этом летопись уникальна — может быть как-то связано с падением авторитета княжеской власти. Внимание к генеалогии увязывается с идеей равенства «великих» княжений. А подобная идея «равенства» вполне естественна для времени противостояния. После же того, как в 70-е гг. XV в. окончательно определится приоритет Москвы, о «равенстве» можно было говорить только в форме оппозиции притязаниям московских князей. Такое допустимо до конца XV — начала XVI в., когда шла усобица между двумя претендентами, неосторожно противопоставленными самим Иваном III (Дмитрий — внук и Василий), и уже совершенно невероятно для более позднего времени.

К 40-м гг. XV в. ведет большой и тонкий сюжет летописи, в котором осуждается Василий Дмитриевич за его отход от линии Дмитрия Донского и митрополита Алексия. Речь идет о пролитовской ориентации зятя Витовта и соответственно и определенном влиянии католицизма. Свое же право на критику летописец аргументирует отсылками к Сильвестру, которому Владимир Мономах позволял говорить правду. И наконец, значительный комплекс рязанских известий, отсутствующий в других летописях, вполне объясняется прибытием Ионы в Москву из Рязани.

Редакция летописи начала XVI в. также существовала: из 8 епископов, обозначенных в начале списков (в списках XV–XVI вв. обычно перечислялись имена епископов разных земель), 5 занимали епархии именно в начале столетия. Киноварные заметки на полях Симеоновской летописи (конец XV в.), касавшиеся преимущественно Рязани, указывают опять-таки на связь с Рязанью. Также вероятна и редакция летописи в канцелярии митрополита Даниила, занимавшего митрополичью кафедру в 1522–1539 гг. Но хотя Даниил тоже был «резанцем», рязанские записи начала XVI в., сохранившиеся в рязанских рукописях, в летопись не попали. В целом после 40-х гг. XVI в. это уже обычный летописный стиль (с Иосафовской летописью совпадающий до 1520 г.).

«Победителей не судят». Проигравшая сторона — сыновья, может быть, лучшего полководца и государственно мыслившего деятеля этого времени Юрия Галицкого подвергнуты анафеме. На самом же деле шла серьезная борьба о путях направ-

ленности дальнейшей политики, и многие идеи оппонентов линии двух Василиев были восприняты поистине великим князем Иваном III.

Московское летописание заметно поднимается в 70-е гг. XV в. в условиях завершения объединения земель вокруг Москвы, в особенности в связи с присоединением Новгорода. Теперь сам Иван III определяет для себя титул «государь» (хотя он, похоже, был подсказан еще Ионой), и этот титул должны были употреблять послы новгородские, псковские и иных земель. В то же время князь отказался от предложения Рима (сделанного через посла императора) принять титул короля. Этот титул в тех условиях означал бы зависимость от Империи, тогда как «государь» предполагал полную независимость от кого бы то ни было. Именно этот титул бросал вызов хану Золотой Орды Ахмату и предполагал доведение борьбы с Ордой до конца, что и произошло с минимальными для Руси потерями.

Выражая идею единодержавия, Иван III согласно Московскому своду конца 70-х гг. XV в. (в ряде случаев представляющим почти поденную запись сложных переговоров с новгородцами) дал примечательную историческую справку (он в таких случаях возил с собой знатока летописей): «И от того Рюрика даже и до сего дня знали есте один род тех великих князей, прежде Киевских, до великого князя Дмитрея Юрьевича Всеволода (Дмитрий было христианским именем Всеволода Большое гнездо) Володимерьского. А от того великого князя даже и до мене, род их, мы владеем вами и жалуем вас и бороним отвселе, а и казнити волны же есмь, коли на нас не по старине смотрити начнете». Последняя фраза позднее будет абсолютизирована Иваном Грозным, где «право» как бы уже не обременяется обязанностями.

Идея единства княжеского рода от Киева через Владимир к Москве будет активно эксплуатироваться в публицистике конца XV — начала XVI в. И она теперь будет как бы расщепляться. С одной стороны, начнутся поиски далеких легендарных предков Рюрика, с другой — все Киевское княжество будет восприниматься как законное наследство, временно захваченное литовскими князьями и польскими королями. При этом многие варианты идей, воплощенных в памятниках, близких «Сказанию о князьях Владимирских», возникали в русских областях Великого княжества Литовского. Спор велся и о происхождении Гедимина — родоначальника литовских князей. И все три главные версии (потомок Палемона, племянника Нерона, потомок конюха смоленского дворянина, потомок Владимира Святого) оказывались русскими. Литовской знати приходилось поднимать роль Гедимина в соперничестве с поляками и ливонцами, которые не признавали за литовскими князьями права на королевский титул, а опору приходилось искать в русских преданиях.

Нужно сказать, что легенды о римском императоре Августе или Юлии держались на южном берегу Балтики с раннего средневековья. Их знал, в частности, немецкий хронист XII в. Гельмольд, и они могли опираться на факты действительных контактов римлян с населением «Янтарного берега» еще в I в. н.э. Но оживились эти предания в XV столетии, причем и в вариантах, связанных с генеалогией Гедимина, и в вариантах, удревняющих родословную Рюрика. Многое из этих преданий пересказывал в дошедших и недошедших сочинениях Спиридон-Савва, который, видимо, не зря имел прозвище «Сатана». По собственной инициативе он в 1476 г. отправился из Твери в Константинополь, «за мзду» был поставлен митрополитом в Литву, а непринятый Казимиром, снова бежал на Русь. Здесь он был заточен в Ферапонтовом монастыре, где и занимался литературной деятельностью.

В главном сочинении Спиридона-Саввы — «Послании» — просматривается знание определенных римских источников. Но подводит он именно к Августу, который начинает «ряд покладати на вселенную». В числе «братьев» он называет Пруса, который получает побережье Балтики от Вислы до Немана с городами Марборок, Торун, Хвоиница «и пресловы Гданеск». Новгородский воевода Гостомысл перед смертью советует новгородцам послать в Прусскую землю посольство, призвать князя «царя Августа рода». Таковым и оказался Рюрик с братьями и племянником Олегом. Уже в летописных сводах конца XV в. эти сюжеты в той или иной мере отражаются. Естественно, будут они отражаться и в летописании XVI в., причем составители сводов часто давали обе версии, лишний раз указывая на характер работы определенной категории летописцев-компиляторов.

Другой сюжет в этом сочинении — получение Владимиром Мономахом от Константина Мономаха царских регалий, унаследованных от римских цесарей. Но этот сюжет, видимо, предполагает уже время Василия III Ивановича, который и упоминается как «волный самодержъц и царь Великыя Росия». Легенда, однако, тоже, видимо, имела предысторию: «чин вен-

чания» Дмитрия-внука вполне сопоставим с торжествами посвящения византийских императоров.

Династию литовских князей Спиридон-Савва вел даже и не от дворянина смоленского князя, бежавшего в Жемайтию от Батыева нашествия и там «вселися... у некоего бортника». Княжич Витенец женился на дочери бортника, но оставался бездетным в течение 30 лет. Затем он был убит громом, «и поят жену его раб его имянем Гегеминик». Именно эту или подобную легенду обычно припоминали польские соперники литовских князей, стремясь отодвинуть их на вторые роли. И как реакция на унижения появилась легенда о происхождении династии от родственника римского императора Нерона — Палемона.

Вполне вероятно, что это имя реально жило в Прибалтике: это греческое имя («борец», «борющийся») носил вождь венетов во время Троянской войны, и культ Палемона был распространен у венетов адриатических. В Юго-Восточной Прибалтике венеты также появляются во время Троянской войны (после падения Трои союзникам троянцев венетам пришлось искать места поселений в разных областях Европы). Но легендарный литовский Палемон, приплыв к устью Немана, вскоре обосновался в «Черной Руси» — в верховьях Немана. И у Спиридона-Саввы, и в преданиях о Палемоне более или менее достоверная хронология начинается лишь с IX–X вв. (в литовских преданиях еще позднее), а все предшествующее от римской истории время укладывается в несколько поколений.

Еще одна линия отхода от традиционного мировидения связана с падением Константинополя. Уже согласие Византии на унию в 1439 г. по существу освободило массовое сознание на Руси от привычки смотреть на Константинополь с долей покорности. Конечно, приверженцы византийского благочестия останутся и много позднее, а поставление Ионы митрополитом без оглядки на Константинополь осуждали некоторые провизантийски настроенные церковные служители (в частности, Пафнутий, наставник видного церковного деятеля конца XV — начала XVI в. Иосифа Волоцкого). Но умерший в 1461 г. Иона уже в 1472 г. стал восприниматься в качестве святого (состоялось «обретение мощей»), а канонизация 1547 г. являлась лишь как бы подтверждением свершившегося факта.

Падение Константинополя само по себе создавало новую обстановку. Вместе с тем столь неординарное событие наводило на размышления: почему это произошло и кто в этом виноват? Появились посвященные крушению Византии повести, в ряду которых особое место занимает «Повесть о взятии Царьграда турками» Нестора Искандера. Нестор оказался очевидцем событий, поскольку в юности попал в плен к туркам и участвовал в различных «ратных хождениях». Участвовал он и во взятии Константинополя турками. Автор, по его собственным словам, уклоняясь под тем или иным предлогом от обязанностей, «писах в каждый день творимая деяния». Факт сам по себе тоже примечательный: автор оценил значение происходящего для грядущих поколений. И, как обычно, впоследствии повесть будет многократно переписываться и переделываться. Здесь появится пророчество о будущем торжестве над «измаилтянами» русского рода, который овладеет седьмохолмым Царьградом.

В рамках повестей о падении Константинополя складывалась неоднозначно воспринимаемая (в светском или только церковном варианте) концепция «Москва — Третий Рим» (о ней также см. лекцию 3). Складывалась она в условиях мистического всплеска конца XV в., связанного с ожиданием «конца света» в 7000 (1492 г.). Естественны были поэтому обращения к древнейшим пророчествам, в особенности к пророчествам библейского Даниила, в отдельных христианских переложениях известных еще летописцам конца XI — начала XII в. Первый перевод на славянский язык Библии на Руси был сделан новгородским архиепископом Геннадием в 1499 г., может быть в связи с противостоянием «ереси жидовствующих». Но греческие тексты, конечно, были, да и еретики привносили проблемы ссылками на Ветхий Завет. Но сама по себе идея «сменяющихся царств» жила и вне Библии, и углубление в нее не было обязательным при рассмотрении Москвы как преемника павших царств. Другое дело, что оптимистическое восприятие будущего беспрепятственно могло развиваться лишь после 1492 г., когда предсказание «конца света», по крайней мере, для Москвы, не сбылось. Тогда и началось активное создание (и явно разными авторами) теории «Москва — Третий Рим». Наиболее известны послания игумена псковского монастыря Филофея, относящиеся ко времени княжения Василия III, но и принадлежность ему этих посланий также оспаривается. Практически же это означает, что сама теория получила широкое распространение, и, с одной стороны, в ней пропагандировалась «чистота» русского православия по сравнению с предшественниками, а с другой — как бы внушалась

мысль, что князю надо быть более внимательным к проблемам церкви. Иван III в этом отношении был явно не слишком послушным. Он пользовался поддержкой бывшего архимандрита Чудова монастыря, а затем новгородского архиепископа Геннадия в противостоянии с митрополитом Геронтием. Но стяжательские устремления архиепископа заметно подорвали этот союз: «государю» явно ближе были близкие к заветам строителей общежитийных монастырей XIV в. «нестяжатели».

Горячие идеологические споры по самому широкому кругу вопросов в конце XV — начале XVI в., при постоянном перемещении религиозных и политических проблем — тема в основном конкретно-историческая и публицистическая. Но и в борьбе тех же нестяжателей и иосифлян обязательно присутствовали исторические аргументы. Это касалось и прочтения Нового Завета, и прав и обязанностей церкви, монастырского землевладения (отношения к реформам митрополита Алексия), и собственно политического устройства государства. На новом уровне споры эти оживут уже в середине XVI столетия.

Литература

Азбелев С.Н. Светская обработка Жития Александра Невского // Т. ОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. XIV.

Абрамович Д.И. Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902.

Абрамович Д.И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916.

Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.

Астахов В.И. Курс лекций по русской историографии. Харьков, 1959. Ч. 1.

Бегунов Ю.К. Русское слово о чуде св. Климента Римского и кирилло-мефодиевская традиция // Slavia. Praha, 1974. № 1.

Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963.

Бестужев-Рюмин К. О составе русских летописей до конца XIV века. СПб., 1868.

Билярский П.С. Замечания о языке Сказания о св. Борисе и Глебе, приписываемого Нестору, сравнительно с языком летописи // Записки имп. Академии наук. СПб., 1862. Т. 2.

Буганов В.И. Отечественная историография русского летописания. Обзор советской литературы. М., 1975.

Бугославский С.А. К литературной истории «Памяти и похвалы» князю Владимиру // Известия ОРЯС. Л., 1925. Т. XXIX.

Будовниц И.У. Общественно политическая мысль Древней Руси. М., 1960.

Вагнер Г.К. Историческая проблематика в русском искусстве X—XIII веков // Вопросы истории. 1972. № 10.

Воронин Н.Н. «Анонимное» сказание о Борисе и Глебе, его время, стиль и автор // Т. ОДРЛ. Т. XIII. М.; Л., 1957.

Воронин Н.Н. «Повесть об убийстве Андрея Боголюбского» и ее автор // История СССР. 1983. № 3.

Воронин Н.Н. К вопросу о начале ростово-суздальского летописания // Археографический ежегодник за 1984 год. М., 1965.

Воронин Н.Н., Кузьмин А.Г. Духовная культура Древней Руси // Вопросы истории. 1972. № 9.

Греков Б.Д. Первый труд по истории России // Исторический журнал. 1943. № 11—12.

Дмитриева Р.П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955.

Дмитриева Р.П. Библиография русского летописания. М.; Л., 1962.

Еремин И.П. Литература Древней Руси. М.; Л., 1966.

Жданов Р.В. Крещение Руси и Начальная летопись // Исторические записки. М., 1939. Т. 5.

Ивакин И.М. Князь Владимир Мономах и его Поучение. М., 1901. Ч. 1.

Ильин Н.Н. Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957.

Истрин В.М. Хроника Георгия Амартола. Пг., 1922.

Истрин В.М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (11—13 вв.). Пг., 1922.

Истрин В.М. Замечания о начале русского летописания // Известия ОРЯС. Пг., 1923. Т. XXVI.

Истрин В.М. Договоры русских с греками X века // Известия ОРЯС. Л., 1925. Т. XXIX.

Казанский П.С. Критический разбор свидетельств Патерика Печерского о летописи Нестора // Временник МОИДР. 1850. Кн. 7.

Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980.

Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. М., 1965.

Кузьмин А.Г. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1969.

Кузьмин А.Г. Две концепции начала Руси в «Повести временных лет» // История СССР. 1969. № 6.

Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.

Кузьмин А.Г. Начало новгородского летописания // Вопросы истории. 1977. № 1.

Кузьмин А.Г. Введение // «Се повести временных лет». (Лаврентьевская летопись). Арзамас, 1993.

Кучкин В.А. Повести о Михаиле Тверском. М., 1974.

Кучкин В.А. Тверской источник Владимирского полихрона // Летописи и хроники. М., 1976.

Кучкин В.А. Русские княжества и земли под Куликовской битвой. «Куликовская битва». М., 1980.

Кучкин В.А. Сергий Радонежский и борьба за митрополичью кафедру Всея Руси в 70—80-е годы XIV в. // Культура славян и Русь. М., 1998.

Лавров П.А. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности. М., 1911.

Лимонов Ю.А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967.

Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.

Лихачев Д.С. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. // Исторические записки. 1948. Т. 25.

Лихачев Д.С. Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т. 1—2. Текст, перевод, комментарий совместно с Б.А. Романовым.

Лихачев Д.С. Текстология. М.; Л., 1962.

Лурье Я.С. Изучение русского летописания // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968. Т. 1.

Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976.

Львов А.С. Исследование Речи философа // Памятники древнерусской письменности. М., 1968.

Маркевич А.И. О летописях. Одесса, 1883. Вып. 1.

Мещерский Н.А. Отрывок из книги «Иосиппон» в «Повести временных лет» // Палестинский сборник. М.; Л., 1956. Вып. 2.

Мильков В.В. Канонический, апокрифический и традиционный подходы к осмыслению истории в Древней Руси // Древняя Русь: пересечение традиций. М., 1997.

Муравьева Л.Л. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII — начала XV в. М., 1983.

Муравьева Л.Л. Московское летописание второй половины XIV — начала XV в. М., 1991.

Насонов А.Н. Из истории псковского летописания // Исторические записки. 1946. Т. 18.

Насонов А.Н. История Русского летописания XI — начало XVIII века. М., 1969.

Никольский Н.К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. СПб., 1907.

Никольский Н.К. Повесть временных лет как источник по истории древнерусской культуры и письменности. Л., 1930. Вып. 1.

Орлов А.С. Древняя русская литература X—XVII вв. М.; Л., 1945.

Орлов А.С. Владимир Мономах. М.; Л., 1946.

Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

Пашуто В.Т. А.А. Шахматов — буржуазный источниковед // Вопросы истории. 1952. № 2.

Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. М., 1959.

Перфецкий Е.Ю. Русские летописные своды и их взаимоотношения. Братислава, 1922.

Пресняков А.Е. А.А. Шахматов в изучении русских летописей // Известия ОРЯС. Пг., 1922. Т. XXV.

Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. М., 1938. Т.1.

Приселков М.Д. Нестор-летописец. Пг., 1923.

Приселков М.Д. Лаврентьевская летопись (история текста) // УЗ ЛГПУ. 1939. Сер. ист. наук. Вып. 2.

Приселков М.Д. История Русского летописания XI—XV вв. Л., 1940.

Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950.

Прохоров Г.М. Повесть о Митяе. Л., 1978.

Розанов С.П. Время составления первоначальной редакции русского хронографа // Известия ОРЯС. Л., 1926. Т. XXX.

Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.

Рыбаков Б.А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971.

Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.

Сухомлинов М.И. О древней русской летописи как памятнике литературном. СПб., 1856.

Творогов О.В. Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. XXVIII.

Тихомиров М.Н. Развитие исторических знаний... (X—XVII вв.) // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т. 1.

Тихомиров М.Н. Начало русской историографии // Вопросы истории. 1960. № 5.

Тихомиров М.Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962.

Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979.

Черепнин Л.В. Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки. 1941. Т. 12.

Черепнин Л.В. «Повесть временных лет», ее редакции предшествующие ей летописные своды // Исторические записки. М., 1948. Т. 25.

Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

Шахматов А.А. Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. 1.

Шахматов А.А. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938.

Шахматов А.А. «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. Л., 1940. Т. 4.

Глава 3 РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В XVI–XVII вв.

Общая характеристика периода

В великом культурном наследии нашей Родины особое и неповторимое место занимает время, когда к концу XV в. завершается русское возрождение и начинается диалог культур России и Запада. Плоды этого взаимообмена поражают воображение. Однако основным фактом этого времени, конечно, остается образование централизованного государства. Это рубеж между Древней Русью и Россией. И он прошел через все сферы жизни — политическую, экономическую, социальную, церковную и духовную, включая семейно-бытовой уклад жизни людей. Мучительно, через феодальные войны, в которых участвовали союзники и враги Запада и Востока, страна включалась в систему европейских держав. Вместе с общим ростом Русского государства происходил культурный рост страны. Осваиваются пришедшие, благодаря браку Ивана III с Софьей Палеолог, культурные богатства и создаются собственные. Собственно накопление исторических знаний и изучение отечественной истории должно было включиться в систему всемирной истории. К этому же времени относится распространение на Руси сочинений в области физики, астрономии, астрологии, космографии и всемирной истории. Среди многочисленных иностранцев, приезжавших в Россию, — дипломаты, купцы и эмигранты-греки. В XVI–XVII вв. образ России за рубежом необычайно популярен. Интерес к русским проявлялся во всех сферах духовной жизни Запада. О загадочной, полной чудес стране писали Рабле и Шекспир, говорили театральные герои и кричали шуты на ярмарках. Появился даже особый вид литературы, посвященный Московии и получивший в дальнейшем название «Россика».

Однако интерес россиян к Западу был не столь активным. Достаточно большое количество собственных неосвоенных земель и духовное неприятие «еллинских учений» сосредоточивали внимание русского мыслителя на собственном самосознании. Первичной ячейкой, в которой формировалась и реализовалась духовная культура народа, был церковный приход. И хотя прихожане в большинстве были христианами, их взгляды не всегда соответствовали церковно-каноническим и догматическим уставам и правилам. В свою очередь центрами книжности, распространения идеологии и развития исторических знаний оставались монастыри. Иосифлянская группировка церковников в течение всего XVI в. принимала активное участие в церковной и политической жизни Русского государства. Роль иосифлянских публицистов в разработке и пропагандировании официальной идеологии постоянно возрастала.

Идея богоизбранности Руси получила развитие в теории «Москва — Третий Рим», которая была сформулирована монахом Псково-Печерского монастыря Филофеем около 1524 г. Она отражала враждебные католицизму («латинству») настроения русских церковников. Филофей говорил, что «два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти». Под двумя павшими Римами, помимо собственно Рима, подразумевался Константинополь, погибший в результате отхода от истинного православия (Флорентийская уния 1439 г.). Главой православного христианства после взятия Константинополя турками стала Москва. Теория «Москва — Третий Рим» служила укреплению авторитета Русской православной церкви. В то же время Московское правительство использовало теорию Спиридона-Саввы, декларированную в «Послании о Мономаховом венце» (1510–1520 гг.) и «Сказание о князьях Владимирских», связывающую русскую государственность с мировыми державами прошлого. Одновременно получают развитие богословские споры, выступают с критикой официальной церкви боярин Федор Карпов и Матвей Башкин, Артемий и Феодосий Косой; распространяет свои писания кружок Максима Грека; в защиту официальной церкви произносит свои проповеди митрополит Даниил.

Политическая борьба переносится в публицистические сочинения Андрея Курбского и Ивана Грозного, Ивана Пересветова и Ермолая. Получили развитие исторические повести, по-

священные отдельным событиям и даже отдельным лицам: автобиографическое «Житие» протопопа Аввакума Петрова, «История о вере» Саввы Романова, «История о невинном заточении... боярина Артемона Сергеевича Матвеева» и др. Вот в общих чертах мир, окружавший и занимавший историка XVI–XVII вв. Мы видим, насколько усложнились проблемы, но в то же время расширился кругозор и увеличились возможности тех, кто пытался осмыслить происходящее. Какую же историческую литературу породила описанная нами среда?

Летописи и хроники XVI в.

Новизна официальной историографии конца XV–XVI вв. заключалась в более отчетливой и определенной, чем раньше, идее самодержавия и ликвидации всех самостоятельных и полусамостоятельных княжеств. Кроме того, значительно усилился интерес к всеобщей истории. В конце XV – начале XVIв. у московского книжника появилась потребность включить историю Русского государства во всемирную, связать между собой эти два исторических процесса, до сих пор рассматривавшихся независимо друг от друга. Последнее вполне понятно в связи со стремлением показать величие и всемирно историческую роль Москвы и московских государей как блюстителей истинной веры, носителей лучших мировых традиций. В хронографе XVI в., условно называемом хронографом первой редакции 1516–1522 гг., составители использовали периодизацию всемирной истории по четырем монархиям: Вавилон, Персия, Греко-Македонское царство и Римская империя. Известная идея «длящегося Рима» была продолжена до «Российской земли», которая «растет, и младеет, и возвышается».

В XV в. и особенно в XVI в. летопись все более начинает испытывать на себе влияние литературной манеры и стиля. В то же время в историческом повествовании исключительную важность для этого периода имеет русский хронограф. В отличие от летописей главную тему изложения в хронографе составляла личная человеческая судьба. Составителя интересовал не исторический, а назидательный смысл событий. По мере того как исторические функции отдавались государством в приказы, архивы, разрядные книги, хронограф начинает вытеснять летопись. В свою очередь, в летописи усиливается повествование, появляется вымысел, назидательные тирады, и она в какой-то степени сближается с хронографом.

Следует отметить, что в XVI в. историческая литература идет по пути создания произведений грандиозных масштабов и пышных форм. Яркий пример – это знаменитые Воскресенская и Никоновская летописи. Список Воскресенской летописи хранился в Воскресенском монастыре на Истре, а список Никоновской принадлежал самому патриарху. Сохранившийся до наших дней текст Воскресенской летописи был составлен в первой половине 40-х гг. XVI в. Это официальная летопись Русского государства, но тем не менее ее создатели помимо великокняжеского летописания конца XV – начала XVI в. пользовались ростовским сводом 80-х гг. XV в. Кроме того, в нее было включено «Сказание о князьях владимирских». В первоначальных несохранившихся редакциях ее содержание доходило до 30-х гг. XVI в. Позднейшие редакции были доведены сначала до 1541 г., а затем до 1560 г.

Никоновская летопись была составлена в конце 20-х гг. XVI в. в Москве, при дворе митрополита всея Руси Даниила Рязанца (1522–1539) и доведена до 1558 г. Целью создания летописи стала подготовка к собору 1531 г., на котором осуждались взгляды нестяжателей на церковное землевладение. Важно отметить, что в состав Никоновской летописи вошел целый ряд литературных произведений: переводы Максима Грека, сборник слов и поучений митрополита Даниила, копийная книга московской митрополичьей кафедры, несколько «Слов» и «Сказаний». Никоновская летопись представляет собой наиболее полный свод сведений по русской истории и является одним из важнейших источников по истории русского Средневековья.

Во второй половине XV в. в Москве усиленно развиваются государственные архивы, свозятся документы вновь приобретенных областей, фиксируются все переговоры с иностранными государствами. В период княжения Ивана III происходит колоссальный сдвиг в ведении документации, особенно посольской, и появляются первые посольские книги. Летопись проникается стилем и содержанием деловых бумаг московских приказов. С 70-х гг. XVI в. она отражает в первую очередь внешние сношения Русского государства – деятельность Посольского приказа. Постепенно она все больше становится сводом государственных документов: разрядов, статейных списков, реестров с элементами исторического повествования. Последнее большое летописное произведение, совместившее приказную документацию и хронографы, – «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича», составленный до 1555 г. Это не только летопись,

но и панегирик взятию Казани, Ивану Грозному и митрополиту Макарию. Он отличается очень большими размерами. Значительную часть занимают в нем посольские дела, выписки из разрядных книг, личность Ивана Васильевича, тексты царских речей, построение Свияжска и взятие Казани. Каждый из этих способов выражения исторического материала со временем обособляется.

Во второй половине XVI в. официальная московская летопись напоминает подсобное для государственного архива предприятие. Можно сказать, что это уже не рассказ, а своеобразная опись важнейших документов, поступающих на хранение в государственный архив. Таковы Лебедевская летопись и Александро-Невская летопись. На смену московскому летописанию приходят исторические произведения нового характера (исторические повести о Смуте начала XVII в.). Факты в них не только излагаются авторами, но и тут же обсуждаются, оцениваются, взвешиваются и связываются в общую историческую картину. Но традиции летописания не прерывались и продолжали жить по областям, а также в произведениях нового типа — «Степенной книге царского родословия». Это литературно-историческое произведение более всего свидетельствует о разложении летописного жанра.

В начале 60-х гг. XVI в. духовник Ивана IV Андрей, ставший впоследствии митрополитом (под именем Афанасий), составил Степенную книгу, названную так потому, что события в ней располагались не по годам, как в летописях, а по степеням — граням, каждая из которых соответствовала правлению сменявших друг друга скипетродержателей. Степени начинались правлением Владимира I Святославича и доводились до Ивана IV. Всего 17 степеней (ступеней). Степенная книга объединила летописные и агиографические тексты и дополнила их устными преданиями. Составитель книги попытался представить русскую историю как деяния святых московских государей и их предков. Форма и содержание степенной книги оказали большое влияние на последующие исторические и публицистические произведения.

Самым крупным летописно-хронографическим произведением средневековой России, можно сказать «исторической энциклопедией XVI в.», стал так называемый «Лицевой свод Ивана Грозного», который состоит из 10 томов. Почти каждая страница этой «энциклопедии» украшена миниатюрами, общее число которых 16 тысяч. Три первых тома посвящены

всемирной истории, а остальные семь — русской. Почти целых десять лет с 1568 по 1576 г. трудились над ним мастера царской книгописной мастерской при соборном храме Покрова Богородицы в Александровской слободе. Примечательной особенностью свода являются скорописные редакторские записи, которые сделаны на полях последних двух томов — Синодальной летописи и Царственной книге. Содержание томов описывает одни и те же события, связанные с началом царствования Ивана Грозного. Последнее позволило историку Д.Н. Альшицу предложить гипотезу о принадлежности записей самому царю. Вероятно, когда наиболее злободневная часть работы была завершена, то некоторые ее части вызвали неудовольствие «грозного» заказчика. Свои пометы царь вносил, явно пользуясь дополнительными источниками, указывая как описывать те или иные события и предлагая при этом новые дополнительные тексты. Не только сам свод, но и приписки особенно являются для нас важнейшим источником по истории политической борьбы XVI в.

Новые формы исторических сочинений и летописи XVII в.

В XVII в. характер государственного летописания видоизменяется, и оно по преимуществу становится частным делом отдельных авторов. В некоторой степени летописание сохранилось в Новгороде, Пскове, по монастырям, отдельным церквям, в архиепископиях.

Летопись в Москве уже не удовлетворяла запросов жизни. Потребность в исторических справках, особенно у дипломатов, а также у патриархии, в архивах, отдельных приказах диктовала новые формы исторических произведений. Создаются обзоры русской истории воспитательного и ученого характера. Никоновский свод был уникальным, но очень громоздким произведением и неудобным для пользования.

В XVII в. утверждаются исторические повести, хронографы и степенные книги, создаются сложные компиляции («Латухинская степенная книга», «Новый летописец»).

События Смуты вызвали подъем исторической мысли и появилось громадное количество исторических произведений, повестей. В них сохранился летописный способ изложения. Дьяк Иван Тимофеев в своем «Временнике» дал своего рода методическое обоснование этого: «предняя последи писать, последняя же напреди, ниже подробну». Самая ранняя из исторических повестей о Смуте — повесть 1606 г. в составе «Иного сказания» полностью сохранила летописную точ-

ность и хронологическую последовательность изложения. Летописи — общенародная память об исторических событиях — органически вошли в состав повестей XVII в. («Извет старца Варлаама», «Сказание о поставлении на патриаршество Филарета Никитича», повесть «О рождении князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского», «Сказание Авраамия Палицына», «История о первом Иове, патриархе московском» и многие другие).

Во второй четверти XVII в. интерес к летописанию вновь возрастает. Многие из произведений исторического характера дополняются заметками летописного характера. Возникают такие произведения, как, например, «Новый Летописец», своего рода рассказ, составленный за один прием.

Утратив свой официальный характер, летописание сохраняется по областям, монастырям и все больше переходит в частные руки. Местная летописная литература даже переживает своего рода подъем, особенно в Новгороде Великом, Пскове и Тобольске. Перестав быть официальными, областные летописи возвращаются к старым, традиционным формам и в то же время в них проникает простой разговорный язык, фольклор, рассказы очевидцев. Новгородские и Псковские летописи этого времени стоят на стороне мелкого люда против «властителей». Среди прочих особенно выделяются Уваровская, Забелинская и Погодинская летописи. Развитие городского летописания сопровождалось появлением новых летописных скрипториев (мастерских) как в Москве, так и в Астрахани, Архангельске, Устюге Великом, Вологде, Холмогорах, Ростове, Костроме, Нижнем Новгороде, Тамбове. Летописанием занимались дворяне, монахи, приказные подьячие и церковные дьячки, горожане, стрельцы, казаки и даже крестьяне.

Исследования последних десятилетий позволили опровергнуть мнение об «угасании» русского летописания к концу XVI столетия. В трудах академиков М.Н. Тихомирова и Л.В. Черепнина, крупных ученых А.Н. Насонова, А.А. Зимина, В.И. Корецкого, В.И. Буганова, С.Н. Азбелева, К.Н. Сербиной, А.П. Богданова и многих других убедительно доказывается, что летописная деятельность в конце XVI и XVII вв. значительно расширяется, в последней четверти XVII в. происходит эволюция русского летописания, продолжающаяся и в XVIII в. Летописные центры официального характера объединяли творческие силы окружения российских патриархов и служащих

Печатного двора. Помимо Свода 1652 г., исторических компиляций и сводов 70–90-х гг. XVII в., здесь были созданы оригинальные летописи, посвященные древним и современным событиям — Мазуринский летописец, Летописец 1686 г.

Сибирское летописание

В XVII в. возникает особая литература о Сибири (Есиповская и Строгановская летописи), которые содержат исторические и географические описания Сибири. Однако следует отметить, что одно из первых русских описаний Сибирской земли было составлено в конце XV столетия. Это — «Сказание о человецех незнаемых в Восточной стране» — первое полуреальное описание сибирских народов, которые собирательно называются в нем «самоедь». В действительности речь идет о ненцах, хантах и манси. Всего перечислено девять видов «самоеди», и каждый раз сообщается об их образе жизни, промыслах и товарах, которыми они располагают. Сказание сохранилось в четырнадцати русских рукописях конца XV — первой половине XVIII столетия, а также в переводе англичанина Ричарда Джонсона (около 1560 г.). В настоящее время учеными обсуждаются две кандидатуры на индивидуальное авторство вестей «О незнаемых человецех»: слуга пермского епископа Филофея Леваш и холмогорский купец Федор Товтыгин. Несомненно одно, что книжник, оставивший нам описание Восточной страны, уже довольно много знал о далеких народах за Камнем и, вероятно, имел собеседников — «самовидцев» этой страны.

К 1672 г. относится чертежное описание — «Список с чертежа Сибирскыя земли», в 1663 г. составлено «Описание новые земли, сиречь Сибирского царства». В описания также проникал фольклор, местная легенда, предания и т.д. В 1621 г. была организована Сибирская архиепископия, где архиепископ Киприан Старорусенков составляет синодик, в основе которого были «казачьи» написания и татарские записки.

Первые сибирские летописи отличаются большой пышностью слога, риторическими оборотами, вымышленными диалогами и содержат описание Сибири, торжественное введение и заключительную часть о торжестве христианства в Сибири, которая была раньше местом «вогнеждения» зверей и «водворения» сиринов, а стала прибежищем христианства. Особое место в Сибирских летописях занимает прославление Ермака и его казаков.

Основная цель Строгановской летописи — доказать участие Строгановых в покорении Сибири. Казацкое происхож-

дение Сибирских летописей способствовало постепенному обрастанию их фольклорными темами. Строгановская и Есиповская летописи получили широкое распространение, многократно переписывались и постепенно утрачивали свой официальный характер.

Выдающаяся роль в распространении знаний о Сибири принадлежит Семену Ремизову. В конце XVII в. он составляет чертеж всей Сибири, в 1701 г. — Атлас Сибири, рисует портреты «российских державцев», составляет этнографическую карту Сибири и «Историю сибирскую». Последняя представляет собой ряд небольших статей, каждая из которых надписана над определенной иллюстрацией, выполненной самим Ремизовым. В качестве канвы была использована Емловская летопись, дополненная многочисленными устными татарскими и русскими преданиями, песнями и плачами. Позднее в Ремизовскую «Историю» была вплетена Кунгурская летопись, которая была найдена С.Ремизовым в 1703 г. в Кунгурском уезде. Это почти единственный памятник казачьего летописания. Составлена летопись сжатым, простым, точным и отчасти приказным языком.

К концу XVII в. относится историческая повесть о завоевании Сибири Ермаком, включенная в «Описание Новые земли Сибирского государства», составленная, вероятно, в Москве, в Сибирском приказе. Повесть включает в себя различные народные рассказы о сибирском походе Ермака.

Исторические, географические и этнографические сочинения о Сибири явились одним из самых популярных чтений русского читателя.

Посольский приказ

В XVII столетии расширился не только круг авторов, но и круг учреждений, занимавшихся рукописным делом. Помимо монастырей, одним из таких учреждений, в стенах которого составлялись исторические книги, был Посольский приказ. Среди лиц, возглавлявших его, выделяются такие известные и высокообразованные деятели, как Иван Тарасьевич Грамотин, Петр Алексеевич Третьяков, Алмаз Иванов, Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, Артамон Сергеевич Матвеев, Василий Васильевич Голицын, Емельян Игнатьевич Украинцев. Это о них подьячий Посольского приказа Г.К. Котошихин писал в XVII в.: «...хотя породою бывает меньше, но по приказу и по делам выше всех». Посольский приказ был не только учреждением, осуществлявшим внешнюю политику Российского

государства. Постепенно он превратился в своего рода культурный центр страны. В нем работала большая группа переводчиков, толмачей, сюда стекались многочисленные сведения о событиях за рубежом. Здесь находился архив и большая библиотека с печатными и рукописными книгами, географическими картами, хранилось немало различных художественных произведений иностранных живописцев и золотописцев. В стенах приказа зародилась мысль о необходимости составления трудов по истории страны, которые отражали бы величие России и утверждали ее международный авторитет. Во второй половине XVII в. здесь составлялись исторические и переводились иностранные сочинения, содержавшие сведения по русской истории, внешним связям, а также книги об избрании на царство и родословные московских государей. Особую известность получил «Титулярник».

С 20-х гг. XVII в. при Посольском приказе регулярно переводились и распространялись так называемые летучие листки (или вестовые письма) — донесения о важных международных делах. На их основе появилась первая газета для царя и Боярской думы — «Куранты». В ней содержались сведения о военных и политических событиях в других странах, о международных переговорах, рассказывалось о необычных происшествиях (пожары, стихийные бедствия), помещались различного рода притчи. Материалы для газеты поставляли приезжавшие из-за границы русские и иноземные дипломаты, купцы, монахи-паломники и др. Глава Посольского приказа А.Л. Ордин-Нащокин впервые в России наладил почтовое сообщение (по линии Москва — Рига).

Наиболее примечательный след в составлении книг по истории оставил Артамон Сергеевич Матвеев. Начальник Посольского приказа, талантливый дипломат, книжник, писатель, историк, основатель русского придворного театра, человек бурной и драматической судьбы. Сын посольского дьяка, выросший во дворце, Артамон Сергеевич отличался приверженностью к западно-европейским обычаям, как дипломат был в Литве и Польше, активно выступал за сближение со Швецией, выступал за присоединение Украины к России. В 1672 г. Матвеев добился соглашения с польскими послами, по которому Киев окончательно оставался в составе Русского государства. Он участвовал в следствии по делу патриарха Никона (1667 г.), подавлении Московского восстания (1662 г.) и разгроме разинского бунта (1667–1671 гг.).

Артамон Сергеевич не был автором книг, но, став во главе Посольского приказа, он развернул невероятно бурную деятельность по составлению трудов по истории России. Конечно, работал целый коллектив, в котором Матвеев выступал как организатор, составитель и редактор. Самым знаменитым и роскошным произведением книгописной мастерской Посольского приказа этого времени стал так называемый «Титулярник». В этой книге впервые воспроизведена иконография московских государей и патриархов с конца XVI в., а также портреты и титулы тех монархов Европы и Востока, с которыми Россия поддерживала дипломатические отношения. Текст написали дипломат и писатель, выходец из Молдавии Николай Гаврилович Милеску-Спафарий и подьячий Посольского приказа Петр Долгово. В создании миниатюр «Титулярника», которые подчас имели и портретное сходство, принимали участие ученики знаменитого Симона Ушакова, такие, как И. Максимов, Д. Львов, Г. Благошин и др. Учитывая официально-прикладной характер «Титулярника» в нем были воспроизведены государственный герб России, гербы отдельных княжеств, а также гербы западных и восточных государств. Тематика и идейное содержание «Титулярника» направлено на доказательность законности и преемственности династии Романовых от Рюриковичей, а также ее богоизбранность. Иначе говоря, перед нами откровенная проповедь идей формирующегося абсолютизма. Среди других тем произведения — церковная власть в России, патриархи и патриаршество, посольские дела. Богатый архив Посольского приказа стал источниковой основой для описания отношений России с государствами и народами как Запада, так и Востока. Особое внимание составители обратили на Крымское и Ногайское ханства, их состояние и политику ханов в отношении России. В целом дипломатическая история России прослеживается, начиная от правления последнего Рюриковича Федора Ивановича и до Михаила Федоровича Романова, но минуя царствование Бориса Годунова и Смуту. Тем самым еще раз подчеркивалась связь царствующего дома с предшествующей династией, растущее всемирно-историческое значение России. Можно сказать, что «Титулярник» — это не только справочно-информативное издание, но к тому же и первая книга по истории внешней политики России.

Какие же источники использовали авторы «Титулярника»? Для второй половине XVII в. набор был достаточно традиционным: «Степенная книга», «Утвержденная грамота 1613 г. об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова», «Новый летописец», «Сказание о поставлении на патриаршество Филарета», акты земских соборов, сказания и повести о Смутном времени и князьях Владимирских, статейные списки (отчеты) русских послов и различные летописцы. После гибели Матвеева в 1682 г. текст «Титулярника» пытались продолжить, с ним знакомили наследников престола, на него ссылались, копировали и издавали в XVIII в.

Под руководством Матвеева была составлена еще одна книга, названная «История о невинном заточении ближнего боярина А.С. Матвеева». Цель преследовалась та же — обосновать законность династии Романовых и связать ее с предшествующим царствованием Ивана IV. Соответственно в книге отрицательно оценивались правление Бориса Годунова, В. Шуйского и правительства «семибоярщины». Зато особое внимание уделялось борьбе с польской интервенцией, венчанию на царство Михаила Федоровича, возвращению из «плена» Филарета Романова. Источниками труда послужили две редакции «Книги об избрании и венчании на царство Михаила Федоровича», ее первоисточник «Утвержденная грамота об избрании на Российский престол царем и самодержцем Михаила Федоровича Романова», другие грамоты и акты.

Записной приказ

Однако не только отдельные исторические произведения имели место во второй половине XVII в. Правительство Алексея Михайловича попыталось создать специальное учреждение — Записной приказ, предназначенный для сбора источников и создания трудов по истории России. Приказ был организован по указу царя от 3 ноября 1657 г. и просуществовал два года до смерти его начальника Г. Кунакова. Перед служащими была поставлена задача: «записывать степени и грани царственные». Особое внимание обращалось на сбор источников, в связи с чем предписывалось брать книги из приказов и «где сведает» начальник.

Продолжить деятельность Записного приказа было суждено дьяку московских приказов Федору Грибоедову. Подьячий, а затем дьяк приказа Казанского дворца, участник законотворческой комиссии по составлению Соборного уложения 1649 г., активный деятель Переяславской рады и дипломат Грибоедов стал первым летописцем династии Романовых. Труд Ф. Грибоедова «История о царях и великих князьях земли Русской»

стал продолжением «Степенной книги» от конца XVI в. до времени правления царя Алексея Михайловича. Автор использовал различные повествовательные (нарративные) источники: «Степенную книгу», редакцию 1617 г. «Русского хронографа», «Сказание, иже что содеяся во гражданстве» Авраамия Палицына, «Грамоту об избрании на престол царя Михаила Федоровича» и «Соборное уложение патриарха Феофана», а также различные приказные записи. По характеру использования источников «История...» Грибоедова представляет собой компиляцию больших отрывков и отдельных фраз упомянутых выше произведений. В основе труда Грибоедова присутствуют две идеи: царская родословная, начиная от Августа — кесаря Римского, его «присного брата, имянем Пруса», а также предыстория воцарения династии Романовых, включая события Смутного времени. В «Истории...» нет политических событий, ратных подвигов и дипломатических трактатов, не упоминаются борьба с татарами, воссоединение Украины с Россией и т.д. Виновником всех бед объявлен Борис Годунов, а самое большое внимание уделено восшествию на российский престол Михаила Федоровича. Интересно отметить, что труд Ф.А. Грибоедова долго редактировался, известно десять его списков и несколько редакций. Работа над «Историей...» была закончена в 1669 г., за что автор был награжден жалованьем.

Относительно предназначения «Истории...» интересное предположение сделал С.Ф. Платонов. По его мнению, работа Грибоедова была составлена для первоначального руководства и воспитания царских детей, чтобы они знакомились с историей своей Родины, семейными традициями и «судьбами великого княжения Московского». А как мы помним, детей у царя Алексея Михайловича было 12 и он очень серьезно относился к их воспитанию и просвещению. Впоследствии книга Ф.А. Грибоедова была дополнена перечислением всех царских детей до времени правления Федора Алексеевича, множеством боярских фамилий, имела широкое хождение в придворной среде и служила общеобразовательным, учебным целям.

Сочинения о разинском восстании

Следующим циклом памятников исторической мысли конца XVII столетия стали повести, написанные вскоре после окончания крестьянской войны (1667–1671) под предводительством Степана Разина. Известны четыре повести: «Астраханское сказание Петра Золотарева», «Известие о бунте и злодействиях донского казака Стеньки Разина», «Сказание о явлении и чудесах пресвятыя владычецы нашея, нарицаемыя Тихвинская, о избавлении града Цивильска от нахождения казаков Стеньки Разина с товарищи» и «Сказание о нашествии на обитель преподобного отца нашего Макария Желтоводского, бывшего от воров и изменников воровских казаков». В какой-то степени к ним примыкают обнаруженные недавно «Чудеса Боголепа Черноярского», а также новые списки рассказа о восстании С. Разина в «Гистории о царе и великом князе Михаиле Федоровиче и наследниках его (1613–1700)» в летописном своде 1652 г.

Наиболее примечательно произведение служилого человека, сына боярского Петра Алексеева Золотарева. Краткий вариант золотаревского «Астраханского сказания...» был составлен через год после гибели митрополита Иосифа, казни С. Разина и его сподвижников. Повествование носит форму распросных речей соборных попов Кирилла Елисеева и Петра Иванова. Однако в стране оставалась достаточно тревожная обстановка, волновались казаки, продолжалось восстание в Соловецком монастыре, волнения на Дону и в Поволжье. Чтобы воздействовать на народ, Золотареву было предложено составить пространный вариант «Сказания...» в «память предыдущим родам» и в напоминание о мученниках, «которые за православную веру и российского самодержца пострадали от воров и изменников». Среди источников «Сказания...»: дневниковые записи самого Золотарева, материалы приказной палаты, архиерейского дома, житийная литература и устные свидетельства очевидцев. Отличительная сторона «Сказания...» в том, что оно уже никак не напоминает летопись. В содержании мы видим смешение различных стилей, «чудеса» и «знамения» перемеживаются с реальным, последовательным изображением астраханских событий и военных действий обеих сторон. Автор подробно описывает грабежи, расправы над служилыми людьми, сражения, перечисляет множество имен. Следует также отметить еще одно новое явление — сам Золотарев — лицо светское, поэтому и произведение его отличается попыткой выявить не только реальные связи в описываемых событиях, но и дать им свое толкование.

Другие вышеупомянутые повести и сказания, хотя и написаны с позиций провиденциализма (т.е. предначертаний воли Божьей), тем не менее их авторы также обращают внимание на реальные причины исторических событий, конкретные действия людей, логику их поведения и жизненные обстоятель-

ства. В результате мы можем заключить, что к концу XVII в. исторические труды становятся более целенаправленными и социально злободневными.

«Синопсис»

Во второй половине XVII в. центром науки и просвещения Восточной Европы стала Киево-Могилянская Академия. Уникальное учебное заведение славилось своими демократическими и вольнолюбивыми традициями. Бесплатное обучение, выборность ректора, профессоров и всесословность учащихся способствовали ее популярности в международных масштабах. Из стен Академии вышли такие знаменитые проповедники, как И. Борецкий, Л. Баранович, И. Гизель. Неудивительно, что именно здесь была написана первая и самая популярная в конце XVII–XVIII вв. учебная книга по русской истории «Си́нопсис». Слово «си́нопсис» означает «общий взгляд», т.е. «краткий обзор», в данном случае «Обозрение Российской истории». Действительно автор излагает русскую историю на 200 маленьких страницах печатного текста, притом в легкой литературной форме. Эти качества обеспечили «Синопсису» невероятную популярность у тогдашнего читателя. С 1672 по 1836 г. вышло 30 изданий «Синопсиса». Читателями были государственные деятели, дипломаты, ученые, крестьяне и особенно мещане. По «Синопсису» изучал русскую историю М.В. Ломоносов. Кто же был автором этого уникального труда?

Традиционно авторство приписывается архимандриту Киево-Печерской лавры Иннокентию Гизелю. Однако следует отметить, что в средневековой Руси среди духовных лиц был распространен обычай творить анонимно «по благословению и во славу Божью». Именно поэтому авторы большинства произведений того времени, иконописи, зодчества, литературы и истории нам неизвестны. По мнению исследователей «Синопсиса» (А.С. Лаппо-Данилевского, И.А. Шляпкина, И. Максимовича и др.), И. Гизель был скорее цензором, редактором и публикатором изданий в типографии Киево-Печерской лавры. Протестант, крестившийся в православие и принявший в Киеве постриг, крупный политический деятель И. Гизель был духовным писателем философско-схоластического направления, читал курс философии, написал труды: «Мир человека с Богом», «О истинной вере» и др. Следует отметить, что Иннокентий Гизель был представителем украинской церковно-феодальной верхушки, что не могло не повлиять на его отношение к ряду событий прошлого, на трактовку отношения

украинской истории к московской, отношения истории Киева к истории Москвы. Кроме того, Гизелю необходимо было поддерживать нормальные отношения с Москвой и сохранять отношения с духовенством Правобережной Украины. В «Синопсисе» он обошел все те вопросы, которые неизбежно вели к вскрытию противоречий в украинской и московской позициях. Накануне заключения «Вечного мира» (1686 г.) он сформулировал идею об общности славянских народов, на примере Киева показал переплетение их исторических судеб, подчеркнул предопределенность воссоединения и призвал к совместным действиям России и других славянских стран в борьбе с османскими завоевателями. Более того, автор специально ввел в содержание описание Чигиринских походов, чтобы показать, как можно реализовать идею общности и предотвратить дальнейшие захваты турками славянских территорий.

Отдельного упоминания заслуживает отношение автора к историческим источникам. В основе методики работы И. Гизеля лежала компилятивность. В самом заглавии указано: «Синопсис, или Краткое собрание из разных летописцев». Историки считают «Синопсис» сокращением «Хроники» Феодосия Сафоновича, компиляцией из «Хроники» М. Стрыйковского, автор ссылается на труд «Преподобного Нестора» — создателя «Повести временных лет», в содержание полностью вошла третья редакция «Сказания о Мамаевом побоище» и значительная часть Густынской летописи, привлечены данные античных и средневековых авторов: Меховского, Длугуша, Бельского, Ботера, Кромера, Гваньини, использованы греческие хронографы, немецкие летописцы и церковная всемирная история Барония и др. На полях издания автор систематически дает указания на источники сообщений об излагаемых фактах и событиях. В ряде случаев в «Синопсисе» отмечены противоречия и разноречия в использованных источниках, беллетризируются описания военных баталий. Отсюда был уже один шаг к следующему этапу в отечественной историографии — к сопоставлению и проверке источников.

«Скифская история» Л.И. Лызлова

Проблема необходимости единения всех славянских народов против татаро-турецкой угрозы была одной из самых актуальных в конце XVII–XVIII вв. Она была высказана в трудах Ю. Крижанича и в «Скифской истории» А.И. Лызлова. Легендарная личность и произведения Андрея Ивановича Лызлова оказали значительное влияние на становление

отечественной исторической науки и заслуживают особого внимания. Родился Андрей Иванович в 1655 г. в Москве, происходил из рода служилых дворян. Отец А.И. Лызлова, Иван Федорович Лызлов, в 1662 г. служил на крымских «засеках» полковым воеводой и получил чин стряпчего, был воеводой в Юрьеве-Польском. В 1673–1675 гг. он занимался межеванием земель Троицко-Сергиевского монастыря в Серпейском уезде. В 1680 г. — судья в Казанском и Поместном приказе, а в 1683 г. получает чин думского дворянина и назначается патриаршим боярином. Близость к Патриаршему разрядному приказу и Чудовской библиотеке позволила Ивану Федоровичу дать хорошее образование сыну. Известно, что он, Андрей Иванович, был начитан по русской истории, знал польский и латинский языки, был знаком со строительным делом. Благодаря исключительным способностям и влиянию отца в 1675 г. Андрей Иванович получил чин стряпчего, а через два года был переведен в стольники. Об авторитете отца свидетельствует тот факт, что 17 августа 1684 г. сам патриарх Иоаким отпевал его в церкви Введения в Хлынове.

В 70-е гг. XVII в. Россия совместно с Речью Посполитой готовилась отразить новую волну османской агрессии в Европе. Вся тяжесть борьбы с султаном и крымским ханом и их пособниками на Украине легла на Российское государство. Лызлов участвовал в Чигиринских походах 1677–1678 гг. Когда турецко-крымская армия начала генеральное наступление на Украине, А.И. Лызлов в специальной челобитной попросил командование перевести его в полк князя В.В. Голицына. Служба под началом одного из самых образованных людей своего времени побудила его к занятиям историей. Для Андрея Ивановича были доступны материалы патриаршей ризницы, где служил его отец, библиотека В.В. Голицына, монастырские книгохранилища. Он знакомится и делает выписки из сочинений А.М. Курбского, посланий Ивана Грозного, «Хроник» Мацея Стрыйковского и Александра Гваньини, знакомится с книгой польского ксендза, писателя и историка Симона Старовольского «Двор цесаря турецкого». В условиях обострения борьбы «в верхах» и народного недовольства накануне Московского восстания 1682 г. начинающего историка не могли не волновать и внутриполитические проблемы своей страны.

В результате Лызлов приступает к созданию главного труда своей жизни «Скифской истории». Работа неоднократно

прерывалась. Так, почти три года автор находился в Крымских походах 1687–1688 гг. в полку В.В. Голицына, служил «ротмистром у стряпчих», ездил в Киев вручать воеводе И.В. Бутурлину жалованье, был послан с четырьмя наказами к гетману И.С. Мазепе и, конечно, постоянно выполнял полковую службу. Тем не менее в 1692 г. он завершает свой труд. «Скифская история» раскрыла историческое значение борьбы Руси, славян, народов Восточной, Южной и Центральной Европы с кочевниками. Огромный исторический материал призывал к решительной схватке с Портой, уничтожению очагов войны на Украине и освобождению европейских народов от османского ига.

Фундаментальный труд, объемом почти 800 страниц, был основан на изучении многих русских и иностранных источников. Из отечественных сочинений Лызлов использовал такие труды, как «Степенная книга», «Хронограф 1512 г.», «Казанский летописец», «Историю...» Андрея Курбского, летописец Затопа Засекина, печатный «Синопсис», жития и разрядные книги. Среди иностранных источников автор обратил внимание на наиболее популярные и авторитетные труды по истории борьбы славянских народов против ордынской и османской агрессии. Помимо упомянутых «Хроник» А. Гваньини и М. Стрыйковского, Лызлов использовал «Универсальные реляции» итальянского писателя-гуманиста Джованни Ботеро, «Церковные хроники» итальянского историка Цезаря Бароция, часть материалов нашел в «Хронике всего света» Мартина Бельского и «Польской хронике в 30-ти книгах» Мартина Кромера.

На основе этих сочинений «Скифская история» знакомила русского читателя с сочинениями Гомера и Геродота, Квинта Курция Руфа и Марка Юния Юстина, Птолемея и Плиния Старшего, Диодора Сицилийского и Вергилия, Яна Длугоша и Мацея Меховского. В труде Лызлова был помещен один из лучших переводов избранных мест из «Скорбных элегий» и «Писем с Понта» Публия Овидия Назона. Сочинение Лызлова знакомило читателя с историей огромного региона Европы и Азии с глубокой древности до конца XVI в. В центре внимания автора вековое противостояние оседлых народов Европы натиску кочевых племен и народов. По существу, это исследование истории борьбы греков, персов и римлян с кочевниками в Северном Причерноморье и на Балканах, обороны Руси от хазар, печенегов, половцев, история гуннов и волжских булгар, образование венгерского и болгарского государств.

Отдельно в своей книге Лызлов рассматривает историю Монгольской империи, историю взаимоотношений Руси, великого княжества Литовского, Польши, Молдавии и Валахии с монголо-татарскими ордами. Упоминается множество государств и народов Центральной и Южной Европы, Кавказа, Ближнего Востока, Средней Азии, Приуралья и Сибири. Скрупулезно разбирает Лызлов историю Казанского, Астраханского, Крымского и Сибирского ханств, их географию, природные богатства и древнюю историю, перемежая данные исторических источников с современными набюдениями. Значительное место уделяется анализу истории осман, приводятся подробные сведения об источниках происхождения и особенностях исповедывания ислама. Важные сведения касаются организации вооружения, комплектования и тактики ведения войны в османской армии. По мнению Лызлова, причины неудач и поражений христиан в борьбе с османами кроятся в несогласии и разобщенности, а не в недостатке мужества русских воинов. В «Скифской истории» упомянуто около 300 имен государственных и военных деятелей, из них около ста русских.

Помимо прочего, книга впервые в отечественной историографии обладала всеми признаками научной монографии: реконструкция событий, сопоставление материалов, система ссылок с точными указаниями томов и страниц использованных источников. Историк подчеркнул значение источников, указав их в заглавии и перечислив в начале книги. Основная идея книги — не уничтожение «неверных», а обуздание агрессора. При этом, по мнению автора, не только оружие, но и мирный договор могут служить залогом добрососедских отношений.

Историкам известно около 30 списков «Скифской истории», большинство которых относится к концу XVII и первой половине XVIII в. На рубеже веков книга Лызлова стала одним из самых популярных исторических сочинений. Рукописи «Скифской историй» были в библиотеках государственных деятелей, дворян, духовенства, купцов и промышленников. Распространялась книга очень широко не только в Москве и Петербурге, ее списки сохранились в Твери и Ярославле, Новгороде и Самаре, Вильнюсе и Париже.

Благодаря стараниям А.И. Лызлова в России появилось произведение, которое знаменовало собой переход от исторического повествования к историческому исследованию. Следует отметить еще одну особенность, отличающую произведение Лызлова от работ историков-гуманистов Западной Европы.

Последние отражали идеологию нарождающейся буржуазии и в этом была причина их воинствующего атеизма, идеализации античности и республиканских идей. В России выразителями новой, рационалистической мысли были дворяне, осуждавшие принцип выборности (султанов), в отличие от европейских коллег они восхваляли монархию и призывали к укреплению военного могущества своего государства.

Зарождение критики источников

Расширение круга источников и их скрупулезное изучение привело к тому, что в последней четверти XVII в. получает распространение настоящая критика источника. Интересно, что начало этому новому явлению было положено в церковной среде, а побудительным фактором стало исправление церковных книг и раскол церкви. Исключительным образцом такой критики стало определение Собора 1673 г. о мощах Анны Кашинской. После открытия мощей в 1650 г. в Кашине, которое происходило в присутствии самого царя Алексея Михайловича, духовенство объявило ее святой. Однако вскоре произошло изменение церковно-политической обстановки. На иконографии святой оказалось двуперстное сложение, осужденное соборным постановлением против раскола. Патриарх направил в Кашин следственную комиссию, а за этим последовало соборное определение 1673 г. Комиссия дала образец совершенно четкого применения критики текста. Был составлен акт из 13 пунктов. В первых восьми были установлены расхождения жития с Троицкой летописью; затем в пяти пунктах было проведено сличение свидетельств жития с актом непосредственного «досмотра» мощей. Из двойного ряда противоречий был сделан вывод о подложности жития и самих мощей. В данном случае мы видим, как практические цели побуждали к следующему этапу развития исторического самопознания. Историки, достигшие нового уровня исторического понимания, не могли уже довольствоваться летописями, хронографами, «Степенной книгой» или историей дьяка Грибоедова.

Основные выводы

Подведем некоторые итоги. Летопись возникла на Руси вместе с письменностью и принятием христианства. Зародилась летописная традиция в недрах церковно-учительной литературы. Отношения Руси и Византии в первые века христианства определяли характер политического звучания летописания. Первое историческое произведение «Сказание о первых русских

христианах» охватывало историю более чем столетия и доказывало право Руси на церковную и политическую самостоятельность. Русская летопись и русская жизнь были связаны самым прочным образом, что отразилось в простом и доступном летописном языке.

В первое время большое внияние на содержание и язык летописей оказал фольклор, а затем — воинские и вечевые речи, посольские переговоры. В дальнейшем форма летописей, их стиль, состав, характер работы авторов менялись в зависимости от областей, заказчиков и целей.

С конца XI — начала XII вв. летопись носит официальный характер. Первою летописью Киевского княжеского дома стала «Повесть временных лет», соединившая в себе документы, открывки византийских хроник и литературных произведений. Летописец впервые осмыслил русскую историю с точки зрения единства земли и княжеского рода и вывел Русь на мировую историческую арену. Это — первая полная, народная история Руси. На ней воспитывались многие поколения русских людей.

В XII–XIII вв. все летописание зависит от местных традиций и тенденций политического дробления Руси. Вся культура интенсиво развивается по областям. В Чернигове, Галиче, Новгороде, Владимире появляются свои формы летописания. Князья, городские собрания (вече), монастыри и отдельные церкви ведут собственные летописи. Появляются семейные, родовые и личные летописцы.

В Новгороде летописание демократизируется и отражает узкоместные интересы, приобретает антикняжеский характер. В то же время создаются произведения, посвященные только одному событию — причине раздоров князей. Исторические повести специально включаются в летопись для оправдания одной стороны и осуждения другой.

Однако чувство единства Русской земли не покидало летописцев. В XII–XIII вв. владимирско-суздальское летописание неуклонно стремится стать общерусским.

Ордынское нашествие в определенной степени стимулировало собирание Русской земли. Идейно в летописании это произошло раньше, чем в политической жизни. Москва в конце XIV–XV вв. соединяет в своем летописании новгородские, тверские, ростовские, владимирские летописи, возрождает традиции киевского летописания. На основании московских сводов в Новгороде, Твери, Пскове, Ростове создаются общерусские своды. Идея единства побеждает раньше самого политического единения.

В XV–XVI вв. летопись является выразителем строго официальной точки зрения, но утрачивает значение государственного документа. Государственный архив и архив Посольского приказа становятся конкурентом летописи. Последняя превращается в чисто литературное произведение и приобретает воспитательный характер. Приказное делопроизводство и повествовательная литература вытесняют летопись, как таковую, выделяя из нее новое историческое повествование типа «Степенной книги», исторических повестей и сказаний.

В то же время летопись становится сводом, описью исторического материала. Она уже не могла удовлетворить усложнившихся политических потребностей. Непосредственно документ и историческая беллетристика заменяют официальное летописание. Сказание о Смуте, «Новый летописец», «Летопись о многих мятежах» уже по существу летописями не являются.

Благодаря Смуте усиливается летописание на местах (Новгород, Псков), но это неофициальные летописи. В них в большей степени оказывается частная инициатива и демократические тенденции, а также стихия фольклора. На протяжении семи веков существования летопись постоянно была связана с жизнью, отражала все общественно-политические сдвиги. В этом причина ее живучести и огромного влияния на русскую действительность.

В XVII в. появляется немало новых форм исторического повествования. Помимо новых летописных сводов, летописей и летописцев тиражируются сотнями списков «Русский хронограф» и «Степенная книга». Люди самого разного происхождения и социального положения делают свои повременные записи летописного характера, вносят дополнения, исправления и продолжения в исторические тексты. Можно сказать, что в это время зарождается мемуарная литература. Далеко не все авторы известны, но мы знаем произведения дьяка Благовещенского погоста на реке Ваге Аверкия, московских площадных подьячих Шантуровых, знатного дворянина, государственного деятеля и дипломата И.А. Желябужского. Более того, в конце XVII в. получили развитие исторические и автобиографические повести, посвященные отдельным событиям и лицам, такие, как «Житие» протопопа Аввакума Петрова, «История о вере» Саввы Романова, «История о невинном заточении... боярина Артамона Сергеевича Матвеева» и др. Самыми крупными произве-

дениями, в которых тщательно продуманный замысел сочетался с внимательным отбором источников и сопоставлением сведений, стали «Созерцание краткое» и «Известие истинное» Сильвестра Медведева, «История...» Федора Грибоедова, три редакции Латухинской «Степенной книги» Тихона Макарьевского, «Генеалогия» Игнатия Римского-Корсакова и «Скифская история» А.И. Лызлова. Эти и ряд подобных произведений знаменовали начало нового этапа в развитии русской историографии, связанного с переходом от накопления к ученому осмыслению исторических знаний. Последние противоречат распространенному мнению о возникновении научного подхода к истории в России только во второй четверти XVIII в. во времена В.Н. Татищева.

Литература

Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVIII вв. М., 1973.

Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа XVII — первая четверть XVIII века. М., 1976.

Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980.

Лызлов А.И. Скифская история / Отв. ред. Е.В. Чистякова; сост. А.П. Богданов. М., 1990.

Око всей великой России / Отв. ред. Е.В. Чистякова; сост. Н.М. Рогожин. М., 1989.

Пештич С.Л. Русская историография XVIII в. Л., 1961.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). М.; СПб., 1843. Т. 1.; М., 1968. Т. 31.

Пушкарев Л.Н. Общественно-политическая мысль России. Вторая половина XVII века: Очерки истории. М., 1982.

Чистякова Е.В., Богданов А.П. Да будет потомкам явлено. М., 1988.

Глава 4 ПЕТРОВСКИЕ РЕФОРМЫ И РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Условия развития исторического самосознания

Первая четверть XVIII в. была временем больших и серьезных преобразований, которые коснулись практически всех сторон жизни России (социально-экономической, политической, культурной и религиозной). Реформы Петра I содействовали образованию абсолютистской монархии, предпосылки для которой зародились значительно ранее. В это время был создан административный бюрократический аппарат. Значительные успехи были достигнуты и в области внешней политики. Взятие Азова открыло доступ к южным морям, выход к Балтийскому морю вернул стране древнерусские земли и поднял международный авторитет России.

И наконец, именно в первой четверти XVIII в. были учреждены специальные учебные заведения и Академия наук (1725 г.). Стала издаваться газета, посылались экспедиции для обследования страны. Правда, в средних учебных заведениях, появившихся при Петре Великом, история как особый предмет не преподавалась. Такого предмета не было в программах цифирных школ и Школы навигационных наук, только в частной школе Феофана Прокоповича предусматривалось преподавание истории. Появление светских учебных заведений, введение более легкого для восприятия гражданского алфавита, распространение печатных светских книг, появление газеты предопределили скорое появление исторической литературы. Правительство было заинтересовано и в том, чтобы запечатлеть события исторической важности, и в том, чтобы сделать их доступными широкому кругу населения. Издате-

ли первой русской печатной газеты «Ведомости» подчеркивали ее историческую направленность. На заглавном листе комплектов газеты за 1704 и 1705 гг. было написано: «Ведомости о военных и иных делах достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и во всех иных окрестных странах».

Развитие исторического самосознания в начале XVIII в. самым непосредственным образом связано с широким распространением деловой письменности. Приказное делопроизводство в это время переживало апогей своего развития. В многочисленных приказах постоянно составлялись служебные записи дипломатического, военного, гражданского и церковного характера. В архивах отложилось колоссальное количество хроник текущих дипломатических, военных, поместных событий. Дворцовые и частные разряды, статейные списки (отчеты) дипломатов, различного рода журналы или поденные записи походов, путешествий, хождений по святым местам стали бесценными источниками для истории исторической науки. В значительной степени они вошли в боярские, посольские, разрядные, писцовые, родословные, вкладные и прочие книги. В общей сложности вся деловая документация представляет собой особый вид исторических произведений с хронологической и календарной последовательностью и определенным самобытным содержанием. Нельзя не заметить преемственность хроникальной манеры повествования этого рода исторических произведений с летописанием. И не только по форме, но и по содержанию. Летописи и деловая письменность, сохраняя хронологическую последовательность, оставляют взаимосвязь событий и их исторический анализ без заранее намеченного изучения. Иначе говоря, их авторы не обусловлены социальным или политическим заказом. Ярким примером могут служить статейные списки (отчеты) русских дипломатов, которые составлялись на протяжении XVI–XVII вв. К концу XVII столетия полнота и красочность их содержания достигли высокого совершенства. Это исторические источники не только по истории дипломатии, исторической географии, лингвистике, этнографии, но и памятники, свидетельствующие о высоком уровне исторической подготовленности русских дипломатов, их осведомленности в вопросах всемирной и отечественной истории.

Служащие Посольского приказа постоянно обращались к истории дипломатических отношений России с иностранными государствами. Наиболее яркий пример являет большая подготовительная работа перед отправлением Великого посольства Петра I. В конце 1696 г. в Посольском приказе была затребована справка о сношениях России с иностранными государствами с 1580 г. Служащим было приказано снять копии со статейных списков посольств в те страны, куда намеривались отправиться члены Великого посольства. Наводились многочисленные исторические справки по вопросам титулования государей и правителей. В конце XVII — начале XVIII в. были составлены такие справки, как «Краткое описание жития, владения и смерти государствующих королей шведских от Рождества Христова даже до сего времени...», «Описание Рима и двора папского», «Пресветлейший свет, или Краткое приятное генеалогическое и политическое описание почитай всех нынешних живых пресветлых высоких персон и пр.».

Не меньшее значение имеют повседневные записи о жизни русских царей — «дворцовые разряды» — своеобразный придворный журнал XVII в. Здесь регистрировались дипломатические приемы, различные церемонии, процессии, церковные службы, которые также в известной степени могут быть отнесены к историческим произведениям. Благодаря разрядным записям с 90-х гг. XVII в. появляются исторические произведения об отдельных военных походах. Они во многом напоминают старые разрядные записи военных событий, но отличаются от них тем, что представляют собой отдельные законченные исторические повествования. В этом отношении заслуживают внимания описание «потешных» маневров 1691 г. и Кожуховских маневров в сентябре–октябре 1694 г. К источникам, близким по происхождению к разрядным записям, относятся журнальные записи, которые велись в бомбардирской роте, всегда сопровождавшей Петра I. Петровские «Юрналы» систематически составлялись со времени первого Азовского похода в 1695 г. и закончились в 1724 г. Это официальные исторические документы, которые велись специально назначенными или выделенными лицами. Подобные же журналы боевых действий составлялись при командующих. Например, журнал вице-адмирала Крюйса о походе на Азовское море в 1699 г., морские журналы Н.А. Сенявина за 1705–1712 гг., Ф.И. Соймонова о походе в Персию и многие другие. Важно отметить, что оригиналы походных журналов, морских компаний и копии с них стали основным источником

при написании «Гистории Свейской войны». Со временем походные журналы эволюционировали в самостоятельные исторические произведения первой четверти XVIII в. Несомненно, что деловая письменность XVI–XVII вв. — это хроникальная основа, которая представляла основной фактический материал и питала историческое самосознание начинающих историографов XVIII в.

Петр I и история

Надо отметить, что и сам Петр I очень интересовался отечественной историей и немало способствовал ее разработке. Современники оставили свидетельства о том, что учитель будущего императора Н.М. Зотов уже «сказывал своему воспитаннику о царе Алексее Михайловиче, Иване Грозном, Дмитрии Донском, Александре Невском и Владимире». Для наглядного обучения использовались лицевые летописи — «Царственная книга», Никоновская летопись и др. Мать Петра царица Наталья Кирилловна повелела отдать для обучения сына «все исторические книги с диковинами, и всея России книги с рисунками градов, и многих знатных во вселенной городов». Распоряжение 1682 г. предписывало прислать Петру Алексеевичу в Троице-Сергеевский монастырь «книгу Царственную, откуда произыде корень великих государей». В 1683 г. из библиотеки царя Федора Алексеевича для Петра были взяты «Библия в лицах с летописцем» и «Хроника» Матвея Стрыйковского.

Не случайно в своих записных книжках Петр ссылался на исторические примеры гибели греческой монархии, падение Карфагена и Константинополя. В 1709 г. он потребовал разыскать в монастырях жалованные грамоты великих князей до времени правления Ивана IV и уточнить, какие имеются у тех грамот печати. Петр собирал старинные монеты, медали, необыкновенные предметы, мечтал написать текст первой русской истории и составлял новый алфавит. Специальным указом 1720 г. он предписал губернаторам городов пересмотреть все, что у них хранится в монастырях, соборах и башнях, составить описи и прислать в Сенат. Тогда же Петр писал Б.И. Куракину: «Ежели еще какие наши старинные пушки, а наипаче мартиры, которые литы в Руси во сто лет и старее, чтоб их купить, не допустя до переливки». В 1722 г. был издан новый указ с требованием «гражданские летописцы, степенные хронографы и прочие им подобные прислать в Синод для снятия копий с них». Интересно, что довольно часто эти указы не исполнялись из-за нежелания передавать

в руки правительства те документы, которые ценились в антипетровских кругах.

Теоретические основы изучения истории

В первой половине XVIII в. под исторические факты подводится определенная философская основа и вырабатывается критическое отношение к источникам. Тематика определялась самой действительностью: вопрос о значении государства и роли самодержавного монарха в жизни страны и задачи внешней политики. Соратники Петра I понимали необходимость увековечения славных побед России. С этого же времени гораздо в большей степени устанавливается тесная связь с западноевропейской историографией, переводится сравнительно большое количество иностранных работ по всеобщей истории. Среди переводов отметим «Введение в гисторию Европейскую» Самуила Пуффендорфа, сторонника теории «естественного права», т.е. права на основе человеческого разума. Были опубликованы также переводы католического писателя, папского кардинала, библиотекаря Ватикана Цезаря Бароция «Анналы», книги протестантского епископа Вильгельма Стратемана, сочинения Юлия Цезаря, Иосифа Флавия, Квинта Курция «О делах, содеяных Александром Великим...», Шхонебека «История о орденах или чинах воинских» и др. Особенное внимание переводчиков привлекали сочинения на политические и военные темы.

Философское осмысление человеческой истории в XVIII в. связано прежде всего с учением о естественном праве и общественном договоре. Выдающимися преверженцами этого учения были голландский юрист Гуго Гроций (1583–1645) и английский философ Томас Гоббс (1588–1679). Важнейшим сочинением Гроция стал труд «О праве войны и мира», опубликованный в 1625 г. и переведенный на русский язык около 1710 г., наиболее известная работа Гоббса «Левиафан» вышла в свет в 1651 г. Гроций и Гоббс близко сходились в объяснении происхождения государства в результате добровольного общественного договора. Расхождения начинаются, когда заходит речь о вытекающих из общественного договора правах и обязанностях государства и подданных. Благодаря успехам естествознания, позволившим научно объяснить многое из того, что еще недавно являлось сферой теологии, ученые начала XVIII в. надеялись распространить действие законов математики и естествознания на историю. В России, как и в Германии, теория естественного права использова-

лась не только для апологии абсолютизма, но и для обоснования дворянских привилегий.

Ф. Прокопович

Представителем теории естественного права был один из виднейших публицистов и церковно-политических деятелей петровского времени Феофан Прокопович (1681–1736). Он написал ряд похвальных слов, сочинений по риторике и педагогике, стихи, драму и специальные исторические труды. Одним из первых ввел в рускую драматургию сюжеты из отечественной истории. «Трагедокомедия» из эпохи крещения Руси «Владимир», написанная им в 1705 г., стала одним из первых национально-исторических произведений. В 1706 г. при встрече Петра I в Киеве Феофан Прокопович в приветственной речи говорил о событиях отечественной истории, связанных с Киевом, деятельностью Владимира и Ярослава Мудрого. После 1706 г. Феофан Прокопович составил историографический трактат, вошедший составной частью в его учебник «Риторика». Отмечая возможные случаи использования риторики для исторических сочинений, он говорил: «Не просит ли помощи у красноречия наше отечество, когда столько славных деяний его совершенно забыты?» В историографическом сочинении Феофан Прокопович преследовал две цели: во-первых, показать приемы и правила, необходимые для историка, и, во-вторых, подвергнуть критике вымыслы против православия писателей-католиков. История, по Прокоповичу, должна излагать факты прошедшего и представлять возможность учиться делать полезное и избегать вредного.

Народы, еще не знающие государственных законов, «естеством законная творят», говорил Ф. Прокопович. «Таковы законы суть в сердце каждого человека». К числу присущих природе человека законов или свойств относятся: стремление к сохранению, продолжению жизни и своего рода, почитание родителей и требование «не творити другому, аще себе не хощещи». Первейший же закон сердца каждого человека «любити и боятися Бога». Согласно Ф. Прокоповичу власть и слава царская обосновывались как Священным Писанием, так и естественным правом. При этом подчинение царской власти и вообще всем властям предержащим признавалось главным естественным законом («се всех законов главизна»).

Ф. Прокопович соглашался с «политическими учителями», утверждавшими, что форма правления зависит от «природы народов» и ее особенностей. Однако все же считал, что демократия и аристократия порождают многие бедствия, как и выборная монархия по польскому образцу. Как доказательство в «Слове похвальном», посвященном рождению царевича Петра Петровича, он приводил многие примеры из древней и новой истории, из истории Европы, Азии и Африки, Киевской Руси и Смуты начала XVII в.

Феофану Прокоповичу принадлежит также труд «История императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии и до взятия в плен остальных шведских войск при Переволочне включительно». «История...» делится на четыре книги: в первой книге излагаются события от рождения Петра Алексеевича до начала Северной войны; в книге второй описываются первые годы войны (до основания в 1703 г. Санкт-Петербурга); третья книга доводит изложение материала до 1708 года; книга четвертая посвящена действиям войск Карла XII на Украине и заканчивается победой русских войск под Полтавой и Переволочной. Так видит Феофан Прокопович решающие этапы Северной войны. Построение Петербурга, согласно концепции автора, — это результат побед России, приведших к возвращению берегов Невы. Выступая апологетом абсолютизма, Феофан Прокопович поднимает вопрос о взаимоотношении государства, монарха и народа, одновременно усложняя идеологическую трактовку основ абсолютизма. Появляется теория ответственности монарха за порученное ему государство и за народ; кроме того, была сформулирована идея «государственной пользы», к которой должны быть направлены труды монарха. Подчеркивается мысль о том, что государь должен являться примером своим подданным. Особое значение приобретают понятия «ревности Отечества», «славы России» и т.д.

В «Истории..» Феофана Прокоповича использованы «Рассуждение...» П.П. Шафирова, материалы «Журнала или поденной записки Петра I» и другие источники, о которых будет сказано ниже. В целом все изложение отличается документальностью. Имеются характеристики отдельных исторических лиц (положительные и отрицательные), например гетмана Мазепы.

Ф. Поликарпов

В начале XVIII в. в России все еще делаются попытки осмыслить историю и определить ее задачи с точки зрения правящего класса, что было необходимо для дальнейшей практической деятельности. История становится самостоятельной отраслью знания, исторические произведения начинают отделяться по своему содержанию, характеру и целям от произведений литературы, публицистики и т.д.

В 1708 г. Петр I поручил справщику московской типографии, дьяку Ф. Поликарпову написать историю России. Задачи были четко определены: «Понеже его царское величество желает ведать российского государства историю, и о сем первее трудиться надобно, а не о начале света и других государствах, понеже о сем много писано... И того ради надобно тебе из русских летописцев выбирать и в согласие приводить прилежно. О сем имей старание, да имаши получить немалую милость; от гнева же сохрани тебя Боже!»

Предметом рассмотрения Поликарпова, по мысли Петра, должна быть история Русского государства с XVI в., т.е. со времени, когда закончился период политической раздробленности и началась политическая централизация России. Иными словами, нужно было идеологическое обоснование политики абсолютизма. Уже в самой постановке социального заказа есть указание источниковедческого порядка (выборка материала из летописей и его сличение, критическая проверка разноречивых свидетельств). Однако опыт не удался, и автору передали мнение царя: «История твоя российская не очень благоугодна была». Поликарпов не угодил своим трудом Петру и его окружению прежде всего потому, что о современных событиях, особенно связанных с ходом Северной войны, он писал кратко и без достаточного источниковедческого обоснования. Стоит добавить и то, что Поликарпов был воспитан в духе старой образованности XVII в. и критически относился к преобразованиям, которые проводил Петр и его сподвижники.

«Ядро российской истории» А.И. Манкиева

В 1716 г. секретарь русского посольства в Швеции А.И. Манкиев закончил большой труд «Ядро росийской истории». По словам автора, он «имел на сей труд повеление, а особливо, чтоб описать славные его царского величества дела». Манкиев использовал, кроме летописей, актовые и вещественные источники. Это произведение уже далеко отошло от сочинений типа летописцев и отличается по своему построению от «Степенной книги» и «Синопсиса». Оно делилось на семь книг, каждая из которых разбивалась на главы. Деление на книги соответствовало наиболее характерным и крупным периодам русской истории.

В первой книге автор стремился решить вопросы происхождения русского народа и Русского государства. Он считал, что история Руси начинается с Рюрика, положившего начало самодержавной власти. Тем самым династия русских

царей в целях ее возвеличивания через Рюрика генеалогически связывалась с династией римских императоров.

Далее в первой книге ставился вопрос о происхождении названий «славяне», «росы». Автор применил метод анализа и сопоставления корней, общих для ряда близких по значению слов. Имя «россианы» производится от потомка Мосоха — князя Руса, термин «славяне» — от той великой страны, которую они себе заслужили своей храбростью и мужеством. Он впервые критически разбирает утверждения историописателей других стран, которые, сопоставляя корни русских слов с латинскими, отождествляли эти слова и по смыслу («славяне» и «sclavus» — невольник, раб). Манкиев осмысливал имена славянских вождей — Святослав, Венцеслав, Мстислав, Болеслав — и подчеркивал, что «почти все от славы имена имели, а не от невольничества, как некоторым приснилось». Второй довод сводился к признанию большой древности славянского языка по сравнению с «испорченным римским». Как ни субъективна такая аргументация, она была шагом вперед в руской историографии по пути развития приемов изучения источников.

Несовершенство демократического строя согласно концепции Манкиева привело к раздорам, «несоюзству» среди новгородских «граждан» и заставило их обратиться к варяжским князьям с призывом взять на себя правление на Руси. Политический смысл концепции Манкиева заключался в утверждении давности абсолютизма в России и того, что самодержавие — наиболее совершенная форма государственного устройства.

Последующее изложение посвящено истории этой самодержавной власти, которая обеспечивает, по мнению автора, твердый порядок и проходит в своем развитии следующие этапы:

— от Рюрика до Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо,

— от нашествия татаро-монголов до ликвидации их власти при Иване III,

— от Ивана III до смерти Федора Ивановича,

— от Бориса Годунова до Михаила Романова,

— от Михаила Романова до царствования Петра I по 1712 г.

Так обосновывалась великодержавная схема исторического развития России.

Что касается народных движений, то Манкиев дает отрицательную характеристику городским восстаниям в Москве

в 1648 и 1662 гг.: «бунты черни». Бунтовщиком называет он С. Разина: «даже по самую Рязань и к Москве идти был намерен». Стрелецкое восстание 1682 г. Манкиев называет «великим смятением» и расценивает его как акт, подготовленный царевной Софьей и направленный против ее противников из числа бояр.

Политическая история в «Ядре российской истории» занимает основное место, но встречаются известия, касающиеся и экономических вопросов. Например, о торговле с Англией в XVI в. На всем протяжении книги Манкиева замечается интерес к вопросам всемирной истории. Так, говоря о происхождении русского народа, автор приводит предания, касающиеся происхождения египтян, греков, римлян, англичан, французов, венгров. Дает представление о византийском законодательстве и особенно о законах Юстиниана. Рассказывает автор и об открытии Америки, о Кромвеле и Английской революции.

Наряду с русскими источниками автор использует и материалы иностранные, ссылается на античных авторов (Геродота, Ксенофонта, Птолемея, Плиния), польских хронистов (Длугоша, Стрыйковского, Кромера, Бельского и др.). Свидетельства С. Герберштейна он сопоставляет с данными русских летописцев. Про посланника шведского короля Карла IX Петрея-де-Ерлезунда пишет: «во всех своих книгах народ русский без чистой совести и срама ругает».

К сожалению, работа Манкиева была напечатана только в 1770 г., что, несомненно, снизило ее значение в развитии исторической науки. Однако появление ее показывает, что уже в первой четверти XVIII в. наметились очень серьезные сдвиги в русской историографии: «Ядро российской истории» — это памятник историографии, в котором, с одной стороны, отразились старые представления, свойственные средневековым историческим трудам, с другой — появились новые приемы в подходе к источникам и объяснению исторических явлений.

Исторические труды о царствовании Петра I. П.П. Шафиров

Помимо трудов общего исторического характера, в первой четверти XVIII в. появился ряд книг, посвященных специально царствованию Петра I.

Важнейшей задачей историографии, выдвинутой в ходе Северной войны, было обоснование исторических прав России на побережье Балтийского моря. Эта задача была поставлена в «Истории Северной войны», «Журнале или

поденной записке блаженной и вечнодостойной памяти императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштадского мира». Последнее название работе дал М. Щербатов, подготовивший «Журнал...» к печати в 1770 г. Издатель указывал, что первая часть работы (до 1715 г.) была отредактирована Петром I, вторая же часть осталась им непросмотренной.

Это не был журнал военных действий. Его задачи были гораздо шире: показать развитие внешней политики России накануне и во время Северной войны; охарактеризовать вооруженные силы страны; осветить ход Северной войны на всех театрах военных действий. Таким образом, «Журнал...» положил начало систематическому освещению войн России.

Труд «Рассуждение какие законные причины его царское величество Петр I ... к начатию войны против короля Карла XII, Шведского 1700 году имел ...» вице-канцлера П.П. Шафирова напечатан в 1717 г. и представляет собой, с одной стороны, трактат по международным отношениям, с другой — произведение исторического характера. Поскольку «Рассуждение...» появилось накануне переговоров России со Швецией об условиях мирного договора и содержало программу международных отношений и обоснование норм международного права, которых, как стремился показать автор, придерживалось русское правительство. Переведенная на немецкий язык книга Шафирова получила известность в Европе.

В «Рассуждении...» поставены три вопроса, которые четко сформулированы в заглавии: 1) О причинах Северной войны; 2) О виновниках длительного ведения войны; 3) О том, в какой мере соблюдаются обоими противниками правила войны. Рассмотрению этих трех поставленных в заголовке вопросов автор посвящает соответствующие разделы своей книги.

Книга начинается с апологии Петру I, далее Шафиров говорит об успехах, достигнутых Россией при Петре I. Таким образом, оценка значения царствования Петра I, данная Шафировым, свидетельствует, что в его понимании исторического развития России определяющая роль отводится царю-преобразователю. Прославление абсолютизма сочеталось у Шафирова с идеализацией монарха, т.е. Петра I. Это, конечно, был шаг вперед на пути постепенного отказа от объяснений исторических явлений с позиций провиденциализма. Вопрос о причинах Северной войны решался в том смысле, что она вызвана неприязненными действиями Швеции и вследствие этого является законным актом со стороны России.

Второй вопрос: на кого падает ответственность за длительный характер военных действий? В «Рассуждении...» доказывалось, что виновником является Карл XII, отвергавший предлагаемые ему русским правительством «обширные пропозиции».

В третьем разделе книги собраны доказательства того, что Россия вела войну по обычаю и правилам всех христианских народов, а Швеция допускала правонарушения и жестокости.

Изложенная в «Рассуждении...» Шафирова внешнеполитическая программа, отвечавшая интересам дворянского государства, имела, конечно, объективно прогрессивное значение, так как овладение Балтийским побережьем было необходимо для экономического и культурного развития России. Однако в «Рассуждении...» имеется и явная идеализация внешней политики России и культ самого государя. Сам тип «Рассуждения...» как явление исторической мысли с историческим обоснованием и документацией выдвигаемых вопросов, конечно, был новым явлением в области русской исторической, правовой и политической мысли.

Хотя зарождение археографии в России относится к середине XVIII в., однако уже в «Рассуждении...» Шафиров начал публикацию дипломатических документов о русско-шведских отношениях с середины XVI в. по 1700 г. Он один из первых, кто начал разрабатывать приемы передачи текста документов.

Б.И. Куракин

Царствование Петра I послужило темой ряда исторических работ, принадлежащих перу его ближайших сотрудников: один из них — представитель потомственной аристократии, женатый на сестре первой супруги Петра I А.Ф. Лопухиной, Борис Иванович Куракин (1676–1727). Участник многих военных походов, начиная с Азовских и вплоть до Полтавы, с конца 1709 г. Б.И. Куракин был назначен полномочным послом в Англию, затем в Ганновер, Нидерланды и Францию. Он был не только дипломатом, мемуаристом, автором большого эпистолярного наследства, но и историком. В своих политических взглядах Куракин симпатизировал потомственной аристократии, которую он считал несправедливо обиженной Петром. Исторические познания Куракина были непосредственно связаны с его дипломатической деятельностью. Ему как дипломату надо было знать историю того или иного города или страны. Нередко приходилось составлять для себя своего рода исторические справки. Его перу принадлежат: «Дневник и путевые заметки» за время с 1705 по 1708 г., «Жизнь князя Бориса Куракина», «Записки о русско-шведской войне до 1710 г.», «Гистория о царе Петре Алексеевиче» (1682–1694) и «Введение о главах в Гистории».

«Дневник и путевые заметки» Куракин вел во время своего пребывания за границей. Это произведение, конечно, еще нельзя назвать историческим. Автор побывал в Вильно, Ковно, Кенигсберге, Кольберге, Берлине, Карлсбаде, Лейпциге, Амстердаме и других городах. Свое описание он снабдил небольшими историческими справками. Однако, сравнивая «Дневник...» со статейными списками российских дипломатов XVII в., мы видим, насколько ушли вперед путевые записки петровских дипломатов.

Другое произведение Куракина «Жизнь князя Бориса Куракина» охватывает время с 1676 по 1709 г. и по своему содержанию выходит далеко за пределы автобиографии. Автор помимо перечисления преобразовательных мероприятий петровского правительства подробно рассказывает о прибылях государства, расчетах государственных доходов и т.д.

«Записки...» о русско-шведской войне доведены Куракиным до 1710 г. Источниковедческой основой этого произведения стали личные воспоминания, современные газеты и реляции. В «Записках...» содержится много дипломатических и военных подробностей. Однако Куракин писал только о тех сражениях, в которых принимал личное участие. Сохраняя общеисторический фон, он также описал деятельность Петра и его военачальников.

Наиболее заслуживающим историографического изучения представляется сочинение Куракина «Гистория о царе Петре Алексеевиче». Это часть большого, но незавершенного труда по «Гистории Славянороссийской империи». Сохранился план, в основу которого должны были лечь как письменные источники, так и личные воспоминания автора. Куракин предполагал вкратце остановиться на происхождении славянороссийского народа и рассказать о начале князей по киевской линии. Конечно, аристократическое происхождение Куракина сказалось на восприятии им исторической действительности. Так он намеривался изложить не только историю всех ветвей рюриковского рода, но и «фамилии выезжих», т.е. рода Куракиных, поскольку последние вели свое родословие от полоцкого князя Изяслава. Затем рассказывается о перенесении столицы из Киева во Владимир и оттуда в Москву, специальные главы посвящены Новгородской и Псковской республикам. Из глав книги до середины XV столетия читатель узнает о крещении Руси, обычаях, княжеском правлении и времени, когда Русь стано-

вится суверенной страной. Описание конкретных исторических личностей начинается с Ивана III, значительное место отведено Ивану Грозному. Смутное время Куракин называет революционным. Рассказывая о периоде от Михаила Романова до воцарения Петра I, Куракин отдельно выделяет главы о Разине, бунтах на Украине и в Москве, расколе и Никоне.

Описывая время правления Петра I, он выделяет три основные темы: вопросы внутриполитической жизни, война со Швецией и дипломатическая деятельность России. Фигура Петра I занимает не столь большое место. Автор, симпатизируя Софье, основное внимание обращает на борьбу различных придворных группировок за власть в 1682–1694 гг. Говоря о государственных деятелях, он пишет, что Софья — «принцесса доброго темпераменту, добродетельного, токмо не была ни прилежная и не искусная в делах и ума легкого». Имеются очень язвительные характеристики ряда представителей боярства и дворянства: Л.Н. Нарышкин — «человек гораздо посреднего ума и невоздержанный к питию, также человек гордый, хотя и не злодей». Т.Н. Стрешнев — «лукавый и злого нраву, а ума гораздо среднего... интриган дворовый». Б.А. Голицын — «ума великого, а особливо остроты, но к делам неприлежный, понеже любил забавы, а особливо склонен к питию». Про Лопухиных — родственников первой жены Петра I — говорится: «были люди злые, скупые, ябедники, умов самых низких и незнающих нимало во обхождении двором, ниже политики — в оной знали». Про князя Ф.Ю. Ромодановского Куракин пишет: «Сей князь был характеру партикулярного; собою видом как монстра, нравом злой тиран; превеликий нежелатель добра никому; пьян по вся дни; но его величеству верный так был, что никто другой». Лефорт «был человек забавный и роскошный или назвать его дебошан французской». Интерес к человеческим характерам пронизывает всю « Гисторию...» Куракина. «Характеры» исторических лиц во многом определяют, по мнению автора, происходящие события. Ход истории определяется влиянием и взаимодействием таких факторов, как «интрига» и «счастье».

Объяснение причин исторических событий и пользы изучения истории

Мы видим, что центр внимания в объяснении истории переходит с Божьего повеления на действия, «интриги» отдельных людей и их групп, связанных между собой общими целями. История — это поле борьбы отдельных характеров, причем успех часто зависит от счастья, случая, «фавора». История становится самостоятельной

отраслью знания, и исторические произведения начинают отделяться по своему содержанию, характеру и целям от произведений литературы и публицистики.

Авторы первой половины XVIII столетия приходят к выводу о том, что исторический процесс дает примеры непрочности как отдельных человеческих судеб, так и судеб целых царств, зависящих от воли провидения. История учит властителей тому, как надо держать в подчинении своих подданных, как укротить мятежников, смирить крамольников и искоренить непокорных. Мы видим, как все больше утверждается идея о том, что история должна быть не просто собранием занимательных россказней и небылиц, а надо изучать события, характеризующие историю государства или общества. Причем изучение истории следует доводить до современности. Интересно также критическое отношение переводчиков к публикуемым трудам.

Поиски, публикация, критика источников

Отдельно следует сказать о том, что в историографии XVII — XVIII вв. существовали историки-эрудиты, посвятившие себя делу собирания, публикации и критики исторических источников. Как правило, это были люди, непосредственно связанные с религией и церковью. Начало исходило от западноевропейских эрудированных монахов-историков, которые занимались оправданием Римско-католической церкви и видели свою задачу в том, чтобы привести в известность как можно больше документов, способных противостоять против критики и разоблачений идейных противников. Монахи-эрудиты открывали неизвестные материалы и хроники, проводили скрупулезный и тонкий источниковедческий анализ в защиту и во имя славы Господней. Порой именно благодаря тщательности поиска, тонкости анализа и трудолюбию, они даже вопреки своим убеждениям входили в противоречия с интересами и постулатами церкви.

Среди прочих для нас особо следует отметить труды библиотекаря Сен-Жерменского монастыря Мабильона (1632–1707), который справедливо считается основоположником вспомогательной исторической дисциплины — дипломатики. А началось все с изучения актов и дипломов, полученных церковью и монастырями на пожалованные земли и доходы. Мабильон и его соратники значительно продвинули вперед разработку других вспомогательных исторических дисциплин, таких, как палеография и хронология. Ученый

монах-бенедиктинец Б. Монфокон (1655–1741) на рубеже XVII и XVIII вв. развернул огромную публикационную и комментаторскую деятельность с теоретическим обоснованием, положив тем самым начало палеографической науке. Подобные достижения соответственно отражались на формальной критике источников, определении их состава и подлинности. Будущий фактический создатель научной критики письменных источников в России А.Л. Шлецер вышел из немецкой школы профессора Геттингенского университета И.Д. Михаэлиса.

Схожие случаи можно встретить и в России. Это, конечно, деятельность патриарха Никона, связанная с исправлением богослужебных книг после сравнения их с более древними подлинными первоисточниками. Позднее в борьбе с расколом Петр I прибегал к прямому документальному подлогу. С санкции императора были опубликованы и вышли тремя изданиями «Деяния соборные на еретика арменина Мартина», документ, якобы относящийся к 1157 г., и «Феогностов требник», который будто бы был составлен в 1329 г. по повелению Ивана Калиты. Оба памятника содержали резкую критику того, что раскольники считали присущим древнему благочестию. В ответ раскольник Андрей Денисов провел тщательное источниковедческое исследование как «Деяний...», так и «Феогностова требника» и доказал, что «вид письма», «речения и пословицы», содержащиеся в документах, «не древнего времени, но нынешнего». Кроме палеографических и филологических методов критики источников, Денисов обратился к хронологии и установил, что упомянутый в «Деяниях соборных...» в качестве правившего киевского князя Ростислав Мстиславович в действительности не княжил в это время. Раскольники доказывали подложность «Деяний...» и «Требника...» тем, что в безусловно подлинных древних памятниках письменности они ни разу не были упомянуты. Кроме того, такой известный церковный деятель, как Иосиф Волоцкий (Санин), указывал, что со времен крещения при Владимире и до новгородской ереси «жидовствующих» на Руси каких-либо ересей не существовало. Следовательно, не было и никакого еретика Мартина в XII в.

Подводя итоги, можно сказать, что развитие историографии в XVII — начале XVIII в. происходило в двух направлениях. Первое — это историография, воодушевленная и наполненная идеями естественного права и общественного договора. Иными словами, социальный заказ развивающегося абсолютизма. Второе — в это время начинают специально собирать и издавать письменные исторические источники.

Следующий этап в развитии исторической мысли и критики связан с именем Василия Никитича Татищева.

Литература

Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Л., 1961. Ч. 1.
Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен до 1917 г. М., 1993.

Глава 5 В.Н. ТАТИЩЕВ (1686–1750)

В XVIII в. в европейской науке произошли заметные сдвиги в развитии философии и истории. В работах европейских ученых Д. Локка, Л. Гоббса, С. Пуфендорфа, Х. Вольфа и других широкое распространение получили теории «естественного права» и «общественного договора». Постепенно они начинают проникать в Россию. В первой половине XVIII столетия в российской исторической науке наметился отход от провиденционализма. Очевидным стало стремление объяснять произошедшие события, анализируя их причинность. Рационалистический подход к истории становится основным. Исторические факты и события начинают рассматриваться через призму человеческой деятельности, да и сам ход истории истолковывается с точки зрения человеческого разума. Это не всегда удавалось, но желание первых русских исследователей объективно оценить ситуацию очевидно. К историческим знаниям и исторической науке формируется устойчивый интерес. Качественно новый этап превращения исторических знаний в науку связывают с именем Василия Никитича Татищева.

Биография

В.Н. Татищев был многогранен в своей жизнедеятельности. Он не был профессиональным историком, но ему были близки этнографические и археологические сюжеты. Татищев обладал глубокими познаниями в географии и горном деле. Его называли математиком, естествоиспытателем, лингвистом, юристом. Просвещенный деятель и талантливый администратор, свой главный след в отечественной культуре он оставил, однако,

благодаря историческим и публицистическим трудам. Татищев происходил из захудалого рода смоленских дворян, но он получил хорошее домашнее образование и в 1704 г. поступил на военную службу. Развивая умения и таланты, в ходе своей деятельности Татищев был замечен Я. Брюсом, генерал-фейцмейхером, а в дальнейшем президентом Берг и Мануфактур коллегий. Татищев участвовал в сражениях во время Северной войны, был ранен под Полтавой. Сам Петр I поздравил его «быть раненным за Отечество». В ходе военной кампании, по поручению Брюса, Татищев совершил ряд поездок за границу, где не только выполнял приказы царя, но и повышал свое образование.

В 1720–1721 гг. и 1734–1737 гг. Татищев возглавлял горнозаводскую промышленность Урала. В регионе он развернул свою деятельность по строительству школ и библиотек, которые после его смерти просуществовали без коренных изменений 158 лет.

После смерти Петра I Татищев оставался сторонником самодержавной власти, с которой связывал силу и могущество России. В 1730 г. он принял активное участие в отражении попыток «верховников» (членов Верховного тайного совета) ограничить власть новой императрицы Анны Ивановны. Несколько лет Татищев был губернатором Астрахани, где занимался решением экономических и национальных вопросов, после чего переехал в свое родовое имение Болдино под Москвой. Здесь он продолжил свои научные изыскания и провел последние годы жизни.

Основы мировоззренческой концепции

Исторические воззрения Татищева проникнуты идеями рационализма и практицизма. Он стремился убедить как представителей власти, так и отдельных лиц в необходимости и пользе исторических знаний. Сам он объяснял понятие «история» как «слово греческое, то самое значит, что у нас деи или деяния». При этом он впервые делает попытку объяснить причины происходивших событий, подчеркивая, что «ничто само собою без причины и внешнего действа приключиться не может», тем самым указывая на существующие закономерности в развитии народов. В «Предъизвесчении» (предисловии) к «Истории Российской» Татищев упоминал имя Х. Вольфа как человека, на идеи которого он опирался при написании своего труда. В «Истории Российской» он писал о необходимости знания истории представителями различных профессий.

Она нужна богослову, юристу, медику, политику, военачальнику и др., так как всем им необходимо «древнее знание» по своим специальностям. Нравственная роль истории заключается в том, что она свидетельствует «как добродетель постоянно вознаграждалась, порок наказывался». Этим утверждением Татищев указывал, что знание истории нужно прежде всего для понимания и осознания будущего.

История человечества есть ни что иное, как развитие человеческого разума — «всемирного умопросвесчения». Исходя из этого, Татищев выделил три ступени в развитии человечества. В 1733 г. свои взгляды Татищев обстоятельно изложил в философском произведении «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ», где обосновал свое видение истории человечества и становление процесса научного знания. Татищев сравнивал развитие человечества с развитием человека: «како разделяете состояние всего мира на станы младенческий, юношеский и протчее». В разных формах такое представление будет распространено в науке вплоть до XX в. У Татищева же оно имеет определенное своеобразие, навеянное духом Просвещения. Более краткую характеристику каждого этапа Татищев привел в «Предъизвесчении» к «Истории Российской».

Первый шаг к «всемирному умопросвесчению» — это есть «обретение букв», благодаря которым человек смог сохранить в своей памяти произошедшие события. Данный этап Татищев определяет как младенчество. Эпоха младенчества — это время до письменное, когда люди жили по естественному закону. В этот период истории они как «...младенец без речения другим и ближним себе своего мнения и желания изобразить и... разуметь, ниже ... в памяти для предбудущей пользы сохранить может...». Тогда все держалось одной только памятью. Но она не у всех была одинаково «тверда» и со временем мало кто мог сохранить в ней правила и законы, которые остались от предков. Татищев считал, что младенчество начиналось в условиях непосредственного общения с Богом. И хотя Бог заботился о тех, кто живет на земле, сам человек не становился от этого лучше, так как не было письменности, и из-за ее отсутствия «...мало им такое наставление помогало и большая часть ослепяся буйством, в невежество суеверия впали, сквернодейства и свирепости, яко же протчие самим вредительные обстоятельства и поступки за благополучие и пользу почитали».

Юность, второй этап в развитии человечества, связывалась у Татищева с пришествием Христа. Дохристианский мир погряз в «мерзости» языческого кумирослужения. Учение же Христа принесло с собой не только душевное спасение, но и прежде всего благодаря этому «все науки стали возрастать и умножаться, идолопоклонничество и суеверие исчезать». Но на этом этапе развития можно увидеть препятствие в распространении знаний, причиной которого становится церковь, устраивавшая гонения на науку, мешая в распространении знаний посредством сжигания рукописных книг.

«Мужеский стан» является третьей ступенью развития. Свое начало она берет с «обретения теснения книг», так как книгопечатание открыло миру свет на многие вещи и принесло человечеству огромную пользу. Ученый, рассматривая этот этап, стремился в дальнейших своих изысканиях уделить должное внимание положению дел в России. И в связи с этим отмечал, что сейчас из-за отсутствия в России вольного книгопечатания и вольного «книгопродавства» «...наукам нуждным распространяться не возможно, и из древних, полезных нам письменные книги распродадут, что оных впредь знать не будут».

У Татищева сложился «прямолинейный» вариант концепции поступательного «восходящего» хода истории. Сам прогресс он связывал с развитием научных знаний и представлений, а не с развитием социально-экономических отношений. Решающим критерием в данной периодизации служило идейное развитие общества, истории и его культуры.

В предложенной Татищевым классификации наук история была отнесена к «полезным» вместе с письмом, грамотой, красноречием, греческой риторикой, иностранными языками, математикой, геометрией, механикой, оптикой.

Развивая идеи о «естественном праве» и «общественном договоре», Татищев строит свое учение о государстве и политическом устройстве общества. Основой общественного строя является естественный закон, заложенный самой природой человека. Сам человек «недостаточен», поэтому ему необходимо «сообчество». Таким сообществом первоначально будет семья. По мере развития отношений семья перерастает сперва в род, затем в род с усложненной структурой, город-государство и монархическое государство. Татищев предложил классификацию форм правления, существовавших в мировой истории. Он выделил монархию — правление «...едино-

властное, как то Россия, Франция, Дания, Гишпания и прочие... единым государем правится». Другая форма правления — это «аристократия, или избранными неколиками персонами, как видим венецианское правление». Следующая форма — «демократия, или общенародное, когда общества... от себя выбирая, определяют, как то Галандия, Швейцария и многие малые республики». Выбор формы правления, по мнению Татищева, определяется географическими факторами. В основе лежит территория, естественная ее защита (например, островное положение государства, защита в виде гор), соседи. «Великие же и от соседей небезопасные государства, без самовластного государя быть и в целости сохраниться не могут» — так Татищев обосновывал изначальное становление монархии в России. Он прослеживал формирование и развитие единодержавия на различных исторических примерах, следуя хронологии событий. Исследователь констатирует, что как только «зделалась аристократия», то «государство ... в такое безсилие» пришло. При сильном же правителе (например, Владимире I) Русь «в славе, чести и богатстве непристанно процветала и в силе умножилась». Для большей убедительности своих доводов Татищев приводил примеры из мировой истории. Ассирия, Египет, Персия, Рим и другие государства были прочны до тех пор, пока сильной являлась власть монарха. В России, по мнению Татищева, наиболее приемлемой формой правления являлась монархия, так как в родном отечестве он «видит и низкий уровень просвещения, и сепаратизм отдельных областей, преодолеть который в состоянии только сильная центральная власть», видевшаяся ему «в форме единовластия». Сам Татищев принимал активное участие в событиях 1730 г., где выступил в стане «мятежников», но позднее под давлением «монархистов» принял их сторону. При Елизавете Петровне им была написана повествующая о недавних событиях записка «Произвольное и согласное разсуждение... о правлении государственном», в которой Татищев, подчеркивая преимущества единодержавия, выдвигал предложения конституционного характера. Он предусматривал создание «Внешнего правления», состоящего из 21 человека, и «другого правительства», включавшего 100 человек, как прообраз парламента для занятий «делами внутренней экономики».

Татищев понимал необходимость использования и опоры на опыт и произведения предшественников. В своей работе

он активно использовал материалы и дела «российских древних государей и народов касающиеся», находившиеся в российских архивах и библиотеках других государств. Из произведений иностранных авторов Татищев широко использовал материалы «Кромерова о Польше, Гельмольднева и Арнольдовна о славянах, Плиниева География, Кирхеровы примечания о татарской хронологии» и др.

Хотя первое место Татищев отводит изучению отечественной истории, он отмечал, что знание иностранной истории необходимо. Во-первых, потому, что иначе «своя не будет ясна и достаточна». Во-вторых, знания «о других государствах, в каком состоянии находятся, с кем в какую перемену пришло и в каком состоянии находятся, с кем когда прение или войну о чем имели, какие договора о чем поставлено и утверждено» важны как для правителя, так и каждого образованного человека.

Исторические источники

Татищев подробно описал различные исторические источники, которые он собирал во время своих поездок за границей и по России. Он не только констатировал факт существования того или иного манускрипта, но и описывал местонахождение списка, время и место приобретения и хранения. Исследователь также разграничивал найденные и используемые в работе исторические источники по их профилю и назначению, выделял внешние признаки материала: стиль и язык написания, что помогло ему датировать время появления источника.

Ученый переписывал, систематизировал материал, который тщательно собирал во время всех своих поездок и выполнения служебных поручений. Все исторические источники Татищев распределил на 4 категории «по верности сказанного», т.е. по степени их достоверности: 1) автор — участник, описываемых событий; 2) автор — современник происходившего; 3) автор — писал позже, но на основе документов; 4) автор — соотечественник, хорошо знающий язык, а не иностранец.

Работая над «Историей Российской», Татищев столкнулся с трудностями, одной из которых был сбор исторических источников. Он неоднократно выступал с предложением в АН приступить к собиранию рукописных источников и сообщал по этому поводу библиотекарю Академии наук И.Д. Шумахеру: «мое предложение о собрании манускриптов не бесполезно быть может, и чем ранее оное начнется, тем более собрать

можно», так как «за продолжением времени многое нечаянно гниет, которого после сыскать не можно». Татищев также высказывал мысль о том, что успешное исследование истории России невозможно без широкого издания исторических источников. Татищев подготовил проект публикации некоторых исторических памятников, о котором он сообщил И.Д. Шумахеру в письме от 14 января 1740 г.: «В собрании русских древностей сообсчить ... русских есче не печатано и для того можно сие за первую часть почесть ... II часть может духовные великих князей зделать, в III некоторые старинные грамоты, в IV соборы, бывшие в Руси».

Татищеву постоянно требовались новые источники для написания своих произведений. В этом же письме Татищев указывает на необходимость прислать ему старый киевский летописец «имянуемого Феодосиева», описания шведских авторов, «яко Руфбека и Шифера», финские «гистории на латинском и шведских языках». Упоминая о бунте 1682 г., ученый отмечал, что в его распоряжении находятся два произведения об этом событии — графа Матвеева и старца Медведева. При этом ученый подчеркивает информационную значимость работы последнего, так как в «оной все надлежащие документы собраны».

Татищев собирал и хранил у себя рукописи, необходимые ему для работы. Это и «1. История Курбского о Казанском походе...; 3. Попова, архимандрита Троицкого монастыря, от царствования царя Иоанна II до царя Алексея Михайловича; 4. О Пожарском и Минине, о польских временах...; 6. Сибирская история...; 11. ...истории, написанные по-татарски» и др. Многие источники имелись у ученого не в единственном экземпляре и варианте (в частности, история о казанском походе наличествовала у Татищева не только под авторством А. Курбского, но и как произведение неизвестного автора). Татищев не копировал и переписывал древние источники, а стремился к их критическому осмыслению. Многие документы, используемые Татищевым в работе над «Историей Российской», не дошли до последующих поколений ученых и, скорее всего, навсегда утеряны для науки. Уже в XIX в. возникает дискуссия по поводу так называемых «татищевских известий». Ставилось под сомнение определение Татищева как историка на том основании, что он использовал источники, до нас недошедшие. Его работа в этом случае признавалась очередным летописным сводом, автор которого приукрашивал текст, изменял смысл, включал недостоверные сведения. Отсутствие сведений и материалов, подтверждающих правоту и достоверность сведений автора «Истории Российской», расценивается исследователями как преднамеренная компиляция.

Начиная с А. Шлецера историки, среди которых был и Н.М. Карамзин, обвиняли Татищева в недобросовестности. Многие авторы забывали о том, что добросовестность и достоверность его сведений не одно и то же. В настоящее время дискуссия по поводу «татищевских известий» продолжается, но при любой точке зрения «Историю Российскую» необходимо рассматривать как важный исторический труд, не забывая о критическом подходе к нему, как, впрочем, и к любому другому историческому произведению.

В своем исследовании Татищев производил тщательный критический отбор материала, в том числе и летописного. Поэтому мы связываем с его именем важный опыт критического анализа источников. Татищев обратил особое внимание на русское летописание, сам занимался поиском и перепиской летописей. В 1735 г. И.Д. Шумахер получил от него Новгородскую летопись, которую обещал напечатать. Летопись представляла для Татищева большой научный интерес, так как позволила ему заполнить «многие места в истории», «родословия князей» и «хронологии», высказать предположение, что в Древней Руси не существовало единой системы при составлении летописных известий. Каждый князь отдельной земли, каждый монастырь вел свой собственный летописный свод, с наиболее выгодной для себя позиции. Татищев использовал недошедшие до нас летописные материалы, например Раскольничий летописец, а также летописец Южной Руси — Галицинский манускрипт. Тем самым ученый указывал на существование не только центрального, но и местного летописания. Татищев черпал сведения в архивах Казани, Астрахани, Сибири. Многие документы находились в библиотеках частных лиц и доступ к ним для Татищева не всегда был открыт. Сам Василий Никитич в «Предъизвесчении» сетовал на то, что не может сослаться в своей работе на источники, «кроме находясчихся в постоянном государственном книгохранилище и монастырях». Ученый использовал гораздо более широкий круг источников, чем его предшественники.

Отдельные главы его произведения повествуют об Иоакимовской летописи — «О истории Иоакима епископа новгород-

ского» (глава 4), «Несторе и его летописях». Так Татищев не только сохранил описание Иоакимовской летописи, но и дал ей критическую оценку, в частности отмечал «сходство ее с польскими авторами».

Татищев обработал произведения иностранных авторов, содержащих сведения по русской истории: «Для изъяснения русской истории ... потребно паче всех польские и древние шведские гистории». Изучая произведения зарубежных авторов, Татищев неоднократно сталкивался с проблемой переводов. Сам он сетует в письме, направленном в АН от 22 ноября 1736 г., что интересующие и необходимые ему иностранные истории «на таких языках писаны, которых не всяк руской разумеет». Для этого Татищеву требуются переводчики, которых «...при Академиии... на то способнейших ... не оскудевает».

В иностранных источниках много «недоразумений» по российской истории. Об этом он писал К.Г. Разумовскому в 1747 г.: «Ноне я, получа из Немецкой земли новоизданные книги сторические, в которых много касается России, желая из оных нечто к сочиняемой мной истории почерпнуть, но читая с великою досадою, великие неточности нахожу, а паче клеветы бесстыдные горечь наносят». Ученый выявил «многие лжи и злобные поношения и клеветы» и «колико возможно оные неправности обличить и темности изъяснить». Европейские историки «о многих древностях правильно знают», но «сказать бес читания наших не могут», — в этом Татищев был убежден. К созданию «Истории Российской» его подтолкнуло не только «написание географии», но и иностранное «невежество» и «незнание».

Татищев обратил внимание на такие исторические источники, как «древние церковные истории». Интерес к церковной литературе объясняется тем, что, находясь на Урале в качестве начальника горнозаводской промышленности региона, он наблюдал распространение учения «старо или паче пустоверцев». Для этого как раз и необходимо издание «древних церковных гисторий», которых «большей части на руском языке нет, а некоторые переведены, да или не совсем исправно, или темно и невразумительно».

М.Н. Тихомиров в своей классификации исторических источников, используемых Татищевым в работе, выделял летописи, древние сказания, сочинения различных исторических деятелей, биографии, а также «браки и коронования».

«История Российская»

В 1719 г. Петр I специальным объявлением в Сенате «определил» Татищева к «землемерию всего государства и сочинению обстоятельной российской географии с ланд картами». Приступив к изучению географической науки, Василий Никитич пришел к выводу, что «нельзя написать географию России без знания ее истории». Работа по написанию труда по родной истории с начала 1720-х гг. становится главным делом жизни. Итогом явилась «История Российская».

В послании к К.Г. Разумовскому (президенту Академии наук в 1746–1765 гг.) от 24 августа 1746 г. ученый писал: «...я чрез 25 лет трудяся о собрании весьма всем нуждной и полезной обстоятельной русской истории». В более раннем письме к И.И. Неплюеву от 31 декабря 1743 г. Татищев отмечал, что «...о сочинении обстоятельной древней истории и географии чрез 23 года ... тружуся».

Взявшись за написание труда, Татищев ставит перед собой несколько задач. Во-первых, выявить, собрать и систематизировать материал и изложить в соответствии с летописным текстом. Во-вторых, объяснить смысл собранного материала и установить причинную связь событий, сопоставить русскую историю с западной, византийской и восточной.

Работа Татищева по написанию «Истории Российской» шла довольно медленно. Приступив к изучению и сбору материалов в 1721 г., ученый в ноябре 1739 г. представил в АН «Предъизвесчение гистории руской», написанное на древнем наречии.

Прибыв в 1739 г. в Санкт-Петербург, Татищев многим показывал свою «Историю Российскую», «требуя к тому помосчи и разсуждения, дабы мог что пополнить, а невнятное изъяснить». Работа Татищева не встретила одобрения. Сопротивление оказали духовенство и иностранные ученые. Концепция ученого и для тех и для других была неприемлемой. И, как он с горечью отмечал в своем «Предъизвесчении», «явились некоторые с тяжким порицанием, якобы я в оной православную веру и закон ... опровергал». «Порицания» в адрес ученого вызывало толкование сюжетов из истории церкви. Его обвиняли в вольнодумстве. Тогда Татищев отправил свою «Историю Российскую» новгородскому архиепископу Амвросию, прося его «о прочитании и поправлении». Архиепископ не нашел в работе Татищева «ничего истине противнаго», однако просил его сократить спорные моменты: «...о апостоле Андрее, о владимирском образе Пресвятыя Богородицы, делах и суде Константина

митрополита, о монастырях и училисчах, о новгородском чуде от образа Богородицы знамениа». Обескураженный нападками со стороны церкви и не чувствуя поддержки со стороны АН, Татищев не решился протестовать открыто. Не только поднятые им вопросы церковной истории послужили поводом для отторжения труда, но и главенство в АН иностранных ученых, преимущественно немцев по происхождению.

«Предъизвесчение» Татищева является не только предисловием к его «Истории Российской», но и изложением важнейших мировоззренческих основ. Он предложил свою периодизацию истории Отечества. Первый период охватывает события с 862 по 1238 г. и посвящен описанию деятельности русских князей. Время с 1238 по 1462 г. является вторым периодом. Следующий описываемый этап в истории — это 1462–1577 гг. — так и остался незаконченным в изложении Татищева.

«История Российская» Татищева состоит из 5 книг, которые включают в себя 4 части.

Первая книга Татищевым разделена на две части. Первая часть целиком посвящена характеристике и истории различных народов, населявших Восточно-Европейскую равнину в древности. В отдельных главах он говорит о «сорматах, скифах, гетах, готах, болгорах, торках, половцах, печенегах, уграх, обрах, роксоланах» и др. В этой части содержится информация о становлении представлений у разных народов. Разные представления о течении времени, продолжительности и начале года вызывали расхождения, по мнению Татищева, в русских «манускриптах», когда «одно дело в разных годах положено». Он учитывал возможность серьезных разногласий в датировке событий.

Вторая часть книги посвящена древней истории Руси. Ее рамки охватывают 860–1238 гг. Особое внимание в ней уделено вопросу о роли варяжского влияния на развитие и становление древнерусского государства. В 17 главе «Из книг северных писателей, сочиненное Сигфридом Беером» дан пересказ статьи Г.З. Байера, напечатанный в научном сборнике «Комментарии Санкт-Петербургской Академии наук», издававшемся АН. Вопрос о варягах явился одним из наиболее спорных у Татищева. Норманнистские взгляды Байера находились в противоречии с татищевской точкой зрения. По мнению Байера, государство славянам было принесено Рюриком и его товарищами, которые его и создали. Вследствие этого уровень развития славян был гораздо ниже, чем у варягов, выходцев из Пруссии. Сам Татищев в главе 31 «Варяги, какой народ и где был» (первой части) рассматривал возможное происхождение имени варягов. При этом автор отмечает, что о «сем народе русские древние историки нередко упоминают». Татищев подчеркивал факт долгого правления варяжской династии «от 862 года по 1607 год». Он не подвергает сомнению существование Рюрика и считает его родоначальником русских князей. Сомнение у ученого вызывали известия, указывающие на место обитания этого народа. Сравнивая различные летописные сведения, а также апеллируя к мнениям иностранных исследователей, Татищев приходит к выводу о том, что «пришествие их является из Финляндии», а значит, начало они свое берут «от королей или князей финляндских».

Отмечал Татищев и то, что в русских хрониках и летописях отсутствуют указания на происхождение рода Рюриков «от прусов и царей римских». Известия о происхождении русских князей «от цесаря Августа произшествие» он почитал за «скаску», так как у Августа после смерти не осталось ни одного наследника, так же как и у его брата. Приводимые Татищевым факты в защиту финского происхождения Рюрика сводятся к следующему: во-первых, у финнов, как и руссов, «видный цвет волос их... рыжих». Во-вторых, при древнем финском городе Абове (вероятно Татищев имеет ввиду город Або) есть место под названием «Русская гора, где... издавна жили руссы». В качестве аргумента финского происхождения варягов Татищев рассматривает этимологию их имени. Сами шведы трактовали название варяг как «варг», т.е. «волк». В то время именно так называли разбойников, которые пиратствовали на море. Это наименование было «не сусчественное Швеции», но могло принадлежать и финнам, так как «разбойников волками едва не всюду» звали. Хотя Татищев уделял внимание «варяжскому вопросу», но их роль в становлении древнерусского государства считал незначительной, отводя им около 40 страниц. Татищев критически отнесся к различным версиям о происхождении Рюрика и высказывал свою точку зрения. Стоит отметить и то, что Татищев пытался объяснить ошибки Байера тем, что ему «русского языка, следственно рускои истории, недоставало», а также тем, что он использовал при написании статьи «неисправной» «Степенной книги» (литературный исторический источник второй половины XVI в.),

которую «переводивший ему не умел порядочно изъяснить». Татищев подчеркивал «пристрастность» Байера, который выводил начало рода Рюрика из Пруссии.

Татищева интересовала проблема происхождения славян и их имени. В 33 главе первой части «Славяне от чего, где и когда названы» он приводит различные точки зрения из Степенной новгородской книги, сведения иностранных «писателей», «польских авторов». Суть представленных мнений сводилась к выведению происхождения славян от различных библейских персонажей, таких, как Афет, Скиф, Мосох. Но Татищев очень осторожно подходил к вопросу выведения названий народов подобным образом, так как это не всегда согласовывалось с дальнейшими дошедшими до него источниками. Словесное толкование названия привело Татищева к выводу, что предками славян являлись греческие амазонки. Он полагал, что имя славян имеет греческое происхождение и звучит как «алазоны» и в переводе означает «блестящие» или «славные». Но постепенно их название изменилось на «амазонки».

Во второй, третьей и четвертой частях «Истории Российской» Татищев ведет свое повествование в хронологическом порядке. Наиболее законченный вид имеет вторая часть произведения. Дело в том, что Татищев не только написал ее на древнем наречии, но и переложил на современный ему язык. Это, к сожалению, не было сделано с последующим материалом. Данная часть знаменательна еще и тем, что в дополнении к ней Татищев составил примечания, где дает комментарии к тексту, которые составляют приблизительно пятую часть написанного. Татищев так и не довел четвертую часть своего произведения до запланированных временных рамок (1613 г.), закончив повествование 1577 г. Хотя в личном архиве Татищева были обнаружены материалы о более поздних событиях, например о царствовании Федора Иоановича, Василия Иоановича Шуйского, Алексея Михайловича и др.

Работая над «Историей Российской» Татищев понимал, что «неудобно в древней истории все одному изследовать». Поэтому он обратился за помощью к П.И. Рычкову, видному историку, географу, экономисту того времени. Ученый послал ему «из первой части... истории главу 18» и просил «оную разсмотря погрешности исправить, недостатки дополнить и колико заблагоразсудите, яснейшею и полнейшую зделав, ко мне прислать...». Глава «о татарах» была отправлена Рычкову не случайно, так как в это время он являлся асессором оренбургской канцелярии и, так же как и Татищев, собирал материал о живущих на территории края народах. Ко всему прочему, Татищев полагал, что Рычкову «большему о том известно». Рычков отнесся с большим интересом к работе Василия Никитича.

Уединившись в своем имении Болдино после многочисленных скитаний и ссылок, Татищев продолжает целеустремленно работать над написанием «Истории Российской». К концу 1740-х гг. относится решение Татищева начать переговоры с АН об издании своего произведения. Большинство членов Петербургской АН было настроено благожелательно. Это объясняется изменением общей ситуации в стране. К власти пришла Елизавета Петровна. Национальная наука в ее лице обрела государственную поддержку.

Историческое значение работ Татищева

В «Истории Российской» Татищев делает упор на политическую историю государства, а социально-экономические и культурные факторы остаются за рамками исследования. Развитие истории у Татищева связано с деятельностью конкретных исторических личностей (князей, царей). В описываемый период времени подобный подход был характерен не только для русских исследователей, но и для европейской науки в целом. Хотя Татищев и стремился установить причинно-следственную связь событий, но она сводилась к описанию тех или иных исторических личностей, а следовательно, к их воле. Это делает произведение одним из наиболее значимых в становлении исторической науки в России в первой половине XVIII столетия. Мы наблюдаем прагматический подход в изложении материала. С точки зрения рационалиста и прагматиста Татищев являлся родоначальником исторической науки в России. «Историю Российскую» Татищева использовали как основу для своих произведений М.В. Ломоносов, Г.Ф. Миллер, И.Н. Болтин и др.

Благодаря Татищеву до нас дошли такие исторические источники, как «Русская Правда», Судебник 1550 г., «Степенная книга». Они были опубликованы после смерти Татищева благодаря усилиям Миллера.

Своими изысканиями Татищев положил начало становлению исторической географии, этнографии, картографии и ряда других вспомогательных исторических дисциплин. В ходе научной и практической деятельности Татищев все глубже осознавал необходимость исторических знаний для развития Рос-

сии и стремился убедить в этом «власть имущих». По мнению Н.Л. Рубинштейна, «История Российская» В.Н. Татищева «подвела итог предшествующему периоду русской историографии... на целое столетие вперед».

Литература

Алпатов М.А. В.Н. Татищев и западноевропейская история // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976.
Кузьмин А.Г. Татищев // Великие деятели России. М., 1996.
Кузьмин А.Г. Татищев. М., 1987.
Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941.
Татищев В.Н. Записки. Письма. 1717—1750 гг. М., 1990.
Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979.
Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1963.

Глава 6 ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ И СЕРЕДИНЫ XVIII в. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АКАДЕМИИ НАУК. Г.З. БАЙЕР, Г.Ф. МИЛЛЕР, А.Л. ШЛЕЦЕР, М.В. ЛОМОНОСОВ

Со второй четверти XVIII в. развитие научной мысли в России возглавляет основанная Петром I в 1725 г. Академия наук. Положение об учреждении Академии наук было послано за границу русским дипломатическим миссиям для опубликования за рубежом и набора подходящих кадров. Помощь иностранных академиков принималась и оплачивалась, но каждому из них предписывалось обязательно привезти одного-двух учеников и желательно «которые из словенского народа, дабы могли удобнее русских учить...». Следует объяснить причину преобладания в Академии наук в XVIII в. ученых немецкой национальности, в том числе и историков. Дело в том, что «Священная Римская империя германской нации», как тогда называлась эта страна, не была единым политическим целым. Она состояла более чем из 300 суверенных государств и 1800 таможенных границ. Ученые, писатели, музыканты и художники, можно сказать вся интеллигенция, были вынуждены поступать на службу к маленьким деспотам и находились в полной от них зависимости. Тирания меценатствующих князьков, сословная замкнутость, душная атмосфера карликовых резиденций и имперских городов — все это заставляло многих выдающихся деятелей немецкого Просвещения бежать из Германии в поисках лучшей доли, в том числе и в Россию.

По проекту устава Академии в ее «третьем классе» должен был состоять один академик по «гистории древнейшей и нынешней». На этой должности сначала состоял И. Коль, который занимался рукописями Московской синодальной библиотеки. Специалист по церковной истории, он в Академии

занимался изучением древних славянских народностей. Однако, слабо зная русский язык, не смог внести существенного вклада в изучение этой проблемы.

В 1729 г. профессор «нравоучительной философии» Х.-Ф. Гросс составил на основе «Степенной книги» краткие хронологические таблицы. Следует сказать, что среди ученых-историков того времени только древнейшая история считалась достойной внимания. Первым, кто оставил наиболее значительный след в отечественной историографии того времени, был бывший кенигсбергский профессор Готлиб Зигфрид Байер.

Г.З. Байер

Г.З. Байер (1694–1738) был приглашен в Академию наук в 1730 г. Он сразу пришелся ко двору Анны Иоанновны и Бирона. До приезда в Россию в Кенигсбергском университете он изучал семитические и китайский языки, говорил свободно по-латыни и писал диссертацию «О словах Христа». Очень усидчивый молодой человек к двадцати годам накопил большой запас знаний по Востоку, свободно объяснялся по-китайски, обладал солидными сведениями по маньчжурской и монгольской литературам, мастерски владел приемами филологической критики. Ко времени приезда в Россию Байер изучил византийское рукописное наследие, средневековых писателей и, таким образом, подготовил себя к разработке древнейшего периода русской истории. Однако ему не хватало еще одного условия, и, надо сказать, он и не старался его выполнить — Байер не знал русского языка. Русская летопись была известна Байеру в латинском переводе. Среди тщательных исследований Байера следует выделить постановку варяго-русского вопроса на основе непосредственного изучения скандинавских материалов, а также первые разработки исторической географии Киевской Руси.

Трактат Байера о варягах послужил краеугольным камнем целой норманнской теории. Свое внимание он сосредоточил на одном факте — призвании князей из варягов. Байер так начинает свой рассказ: «Исстари русами владели варяги; потом их прогнали. Гостомысл начал править государством. Но вследствие неурядиц он дал совет призвать тех же варягов, и был призван Рюрик с братьями». Байер опровергает данные летописных сводов XVI в. о призвании варягов из Пруссии. Далее автор не соглашается с мнением С. Герберштейна о происхождении варягов от вагров — славянского племени из Голштинии. По мнению Байера, варяги были из Скандинавии и Дании, т.е. скандинавами, и представляли собой наемную гвардию. Выводы Байера легли в основу норманнской теории.

Деятельность Байера в нашей историографии получила различную оценку. Н.Л. Рубинштейн отмечал прекрасное знание Байером византийских и скандинавских источников. По мнению М.Н. Тихомирова, он был «бездарным, малоразвитым и воинствующим немцем, с отсутствием настоящего интереса к науке и ее задачам». В.К. Яцунский подчеркивал беспочвенность его утверждений в области норманнского вопроса, но в то же время признавал, что историко-географические исследования «сыграли полезную роль в истории нашей науки» и что ими пользовался В.Н. Татищев.

Действительно, Байер был крупным ученым-ориенталистом (арабистом) и филологом. Им опубликованы труды по языкознанию, литературе, нумизматике, эпиграфике Древнего мира, восточного и частично западного Средневековья. Работы Байера, относящиеся к истории России, основаны преимущественно на данных античных и средневековых греческих и латинских писателей, а также и на скандинавских источниках. Они имели довольно узкий историко-географический уклон и были посвящены древнейшим векам. Это этюды по истории Скифии и скифов, Греко-Бактрийского царства, киммерийцев, гипербореев (народы, упоминаемые Геродотом); изыскания в области русско-византийских отношений. Ими действительно пользовался В.Н. Татищев, с некоторыми наблюдениями Байера соглашался и М.В. Ломоносов.

Отдельно надо выделить специальные статьи Байера, посвященные обоснованию норманнской теории возникновения Русского государства: «О варягах», «О происхождении Руси», «География Руси и соседних областей по данным северных писателей». В них доказывается скандинавское происхождение Руси. И здесь, по мнению Л.В.Черепнина, аргументация автора весьма натянутая и неубедительная. Например, ряд славянских имен выводится из корней слов скандинавского языка. Еще Татищев подчеркивал, что убедительность работ Байера в значительной мере подрывалась вследствие незнания им русского языка. Но тем не менее он перевел главные работы Байера по древней русской истории и поместил их в 1-м томе своих сочинений.

Г.Ф. Миллер

Из немецких историков, более всех, почти 60 лет, в Академии наук работал Герард Фридрих Миллер (1705–1783). Своей необычайно активной деятельностью он оставил значительный след в разработке

научной русской истории, архивном деле и просвещении. Миллер приехал в Россию в 1725 г., когда ему было всего 20 лет, после учебы в Ринтельнском, а затем в Лейпцигском университетах, где получил степень бакалавра. Он был приглашен в Россию президентом Академии Л.Л. Блюментростом и зачислен адъюнктом. Благодаря покровительству секретаря Академии И.Д. Шумахера получил должность преподавателя латинского языка, истории и географии при академической гимназии.

В начале своей деятельности в России Миллер имел в виду не столько науку, сколько службу. Вскоре он получает должность библиотекаря при Академии наук и становится довольно близко к влиятельным академическим сферам. В первые годы, вспоминал впоследствии Миллер, он «более прилежал к сведениям, требуемым от библиотекаря, рассчитывая сделаться зятем Шумахера и наследником его должности».

В то время Шумахер, занимая должность секретаря АН, был фактическим вершителем ее дел. В 1728 г., в связи с отъездом в Москву конференц-секретаря Академии, Миллеру «препоручено было... при Академии вице-секретарство». В том же году он становится редактором академической газеты «Санкт-Петербургские ведомости». В качестве приложения к газете он издает «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях». Миллер окончательно переселился в Россию, но его «семейная» карьера не удалась, а отношения с администрацией АН были очень натянутыми. Он пишет, что «счел нужным проложить другой ученый путь». Это была русская история. Подкреплял его на этом пути Байер, ставший его единственным руководителем. Миллер приступил к созданию первого в России исторического журнала («Собрание российской истории»), который выходил на немецком языке начиная с 1732 г. В журнале печатались источники и статьи по русской истории, как отечественные, так и иностранные. После отъезда Миллера в Сибирь издание остановилось (1737) и было возобновлено им же лишь в 1758 г. Именно в этом журнале началась публикация Начальной русской летописи.

Новый этап в биографии Миллера связан с участием в Сибирской экспедиции В.Беринга. Он продолжался с 1733 по 1743 г. и был завершением той практической школы, в которой Миллер окончательно сложился как историк и ученый. Десять лет Миллер провел вместе с натуралистом И.Г. Гмелиным в Сибири. Он знакомился с географией Сибири, этническим составом ее населения, собирал архивные материалы, составлял карты. До того времени центром исторического изучения были летописи. Миллер натолкнулся на акты, и перед ним впервые открылось безбрежное море архивных источников по русской истории. С этим открытием центр тяжести в изучении русской истории должен был переместиться из глубокой древности в XV–XVII вв. Два года ушло на обследование архивов Западной Сибири — Тобольска, Тюмени, Туринска, Омска, крепостей по Иртышу. С 1735 г. началось обследование Восточной Сибири, с 1738 г. — Западной Сибири и Приуралья. Помимо письменных источников, Миллер приступил к разработке археологических памятников, изучал быт и фольклор. В процессе этой работы самое собирание материала начинало приобретать научные формы и научную организацию. Надо сказать, что к чести Миллера он не боялся быть чернорабочим в истории. Уже, будучи академиком, он готов был ехать в деревню к В.Н. Татищеву, чтобы снять копии и сохранить для истории огромный материал, собранный первым историком России для своих трудов.

Результатом десятилетней работы в Сибири стали 38 фолиантов копий актового материала, так называемые «портфели Миллера», представляющие богатейший фонд для изучения Сибири и не утратившие своей научной значимости до наших дней. Тем более что многие подлинные документы с тех пор навсегда утрачены вследствие плохого хранения и многочисленных пожаров. Материалы Миллера далеко выходят за рамки местной сибирской истории и примыкают к общей истории России XVI–XVII столетий. Среди них акты периода Смуты (грамоты Бориса Годунова, Василия Шуйского, Михаила Романова и др.), что положило начало его «Опыту новой истории России», опубликованному в 1760 г.

В Петербург Миллер вернулся с развернутой программой научно-исторической работы. В 1744 г. он подал свой известный проект учреждения «Исторического департамента для сочинения истории и географии Российской империи». Его план наметил следующий круг изучения и публикации источников: 1. Степенные книги, летописи и хронографы. 2. Рукописи татарские, персидские, турецкие. 3. Архивные дела из столичных и местных архивов. 4. Жития святых. 5. Рукописные известия о построении церквей и монастырей. 6. Надгробные и другие надписи в церквях и монастырях. 7. Родословные книги. 8. Разные русские древности. 9.Устные предания. 10. Ино-

странные сочинения о России, других государствах и подлинные документы о международных отношениях.

В этой связи им была предложена программа организации специальных экспедиций для сбора источников на местах. Однако план Миллера был отклонен. В 1748 г. он вновь повторил его в представлении президенту Академии графу К.Г. Разумовскому, но результат был тот же. Миллеру было предложено заняться окончанием истории Сибири. Первый том его «Описания Сибирского царства и всех, происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его русской державой по сии времена» увидел свет в 1750 г. В «Ежемесячных сочинениях...» была опубликована основная часть второго тома. Целиком этот труд впервые был издан в 1761–1763 гг. на немецком языке под названием «История Сибири».

В 1747 г. Миллер окончательно перешел в русское подданство. К.Г. Разумовский заключил с ним контракт. Ученому присвоили звание историографа и утвердили в должности ректора университета. Исторический департамент был учрежден в 1748 г., но на других основаниях.

В 1749 г. ученый занялся разбором архива А.Д. Меншикова, привел его в систему и описал. Одновременно Миллер интенсивно работал над «Историей Сибири», которую писал по-немецки, а затем его работа переводилась в АН на русский язык. Полностью этот труд Миллера так и не был издан. В том же году Миллеру было поручено составить речь для произнесения 6 сентября на торжественном заседании Академии — на другой день после тезоименитства императрицы Елизаветы Петровны. В приглашении Академии наук, говорилось, что Миллер «читать будет диссертацию о начале российского народа и отчего оный так называется». Торжественное заседание было перенесено на день вступления Елизаветы на престол — 25 ноября, а обсуждение речи продолжалось с 23 октября 1749 по 8 марта 1750 г. и заняло 29 заседаний Чрезвычайного собрания академиков. На основании письменных мнений академиков Канцелярия Академии наук отправила Профессорскому собранию указ об уничтожении диссертации Миллера, «так как она предосудительная России».

Основные тезисы труда Миллера четко сформулировал В.О. Ключевский: 1) приход славян с Дуная на Днепр, в соответствии с рассказом Начальной летописи, Миллер относит к христианским временам, не раньше Юстиниана; 2) варягов он отождествляет со скандинавами; 3) «принимает тождество варягов и Руси и утверждает, что скандинавы дали Руси государей». Эта точка зрения была развитием «норманнской теории», основоположником которой был Г.З. Байер.

Заседания Чрезвычайного собрания академиков проходили в довольно резкой форме. Свою речь Миллер произнес вскоре после правления Анны Иоанновны, когда немецкая партия была удалена от двора. Национальное царствование Елизаветы Петровны началось во время войны со Швецией, которая закончилась миром в Або в 1743 г. Было крайне неосмотрительно в это время сказать, что шведы дали России имя и государей. Основным оппонентом Миллера стал М.В. Ломоносов, которого поддержали астроном Н.И. Попов, а также С.П. Крашенинников, А.П. Сумароков, И.Э. Фишер, Ф.Г. Штрубе де Пирмонт и даже всесильный Шумахер. Нельзя не признать того, что в источниковедческом отношении позиции Миллера были достаточно серьезно обеспечены. Однако норманнская схема часто приводила его к ошибочным выводам в вопросах конкретной истории и заведомо обедняла историю Древней Руси. Оппоненты не могли согласиться с тем, что начало Руси сводится к влиянию извне. Тем более что это не соответствовало национальной патриотической идеи о самостоятельном развитии славянства. И все же заслуги Миллера в изучении истории Сибири, в собирании и анализе исторических источников полностью перекрывают его норманнистские заблуждения.

В 1754–1755 гг. Миллер возвращается к издательско-журнальной работе, которой занимался до 1764 г. В это время в «Ежемесячных сочинениях» выходят его работы по истории Сибири, «Опыт новейшей русской истории», очерки истории Новгорода и Пскова. Вся предыдущая деятельность, достаточно сложные отношения в АН приводят его к мысли о необходимости сосредоточить свои усилия на специальной археографической работе. В 1766 г. он был назначен начальником в Московский архив Иностранной коллегии. В это время ученому исполнилось 60 лет, он переезжает в Москву, одержимый желанием, с одной стороны, «давать наставления молодым людям для продолжения исследований после его смерти», а с другой — «устраивать архив, приводить его в порядок и сделать полезным для политики и истории». Судьба подарила ему еще целых 17 лет. Миллер предпринимает первую экспедицию для розыска архивных материалов по городам и монастырям Московской губернии. Таким образом, за 50 лет до начала археографических экспедиций, он сформировал и вос-

питал кадры русских архивных и археографических работников, среди которых были Н.Н. Бантыш-Каменский, А.Ф. Малиновский и др. Он пишет историю российского дворянства, очерк истории Преображенского и Потешного полков, историю АН, морских плаваний. Мы обязаны Миллеру изданием «Истории Российской» Татищева, он же впервые издал Судебник 1550 г., «Ядро российской империи» Манкиева, «Степенную книгу», «Географический лексикон», Письма Петра I к Шереметеву, «Описание земли Камчатки» Крашенинникова. Огромная работа, проделанная Миллером, превратила его в исключительного знатока истории России и поставила в центр всей исторической науки второй половины XVIII в. М.М. Щербатов в своей «Истории России» пишет о нем: «Миллер не токмо вложил мне охоту к познанию отечества моего; но, увидя мое прилежание, и побудил меня к сочинению оной». Также с благодарной памятью пишут о нем Новиков и Голиков. Основная часть миллеровских «портфелей» ждет опубликования до настоящего времени.

Итак, практическая работа Миллера развила метод собирания материала, принципы его фиксации и воспроизведения. От первичного собирания материала он перешел к организованному систематическому его подбору, и этот принцип определяет всю его работу в любой специальной области исторического изучения. Принцип точной документировки и воспроизведения памятника стал также основным для археографического изучения, который он распространял на этнографический и фольклорный материал. Миллер впервые потребовал точного воспроизведения исторического документа в неизменном виде с сохранением всех особенностей печатаемого списка, его орфографии и грамматических особенностей. Он указывал, что язык памятника служит свидетельством места и времени его возникновения. В результате была создана реальная основа для научного изучения текста, для критики источника, которая должна была стать основой исторического изыскания. Миллер также ввел еще один порядок научного обоснования изложения истории — обзор источников, которым начинаются его очерки. Когда свидетельства разных источников расходятся, он воспроизводит параллельно и другие взгляды и факты, чтобы была возможность для сопоставления и проверки высказанного суждения.

Во главу научного исследования Миллером был поставлен принцип «истинности». Если до него критика факта сводилась

к критике «здравого смысла», как единственного «разумного» критерия, то Миллер отстаивает общий принцип рационализма, задача которого — борьба с баснословием. Для ориентировки в сложных княжеских счетах русских летописей Миллер приступил к разработке «генеалогии» как специальной практической дисциплины. Однако он оставался представителем своего времени в вопросах исторического синтеза, в деле осмысления исторического процесса. Не имея целостного научного миросозерцания, он шел путем прагматического изложения, установления внешней последовательности, частной связи исторического повествовования. Основой обобщения для Миллера оставалась политическая идея российского самодержавия. Но он впервые показал значение источника во всей широте и объеме, впервые сделал попытку анализа этого источника и положил начало его научной критике. После Миллера М.М. Щербатов — уже на новой основе — смог возобновить попытку В.Н. Татищева создать общий труд по истории России.

А.Л. Шлецер

Младший коллега Миллера Август Людвиг Шлецер (1735–1809) родился в городе Ягштадте, в графстве Гогенлоэ. Сын пастора он в пять лет потерял отца. Чтобы продолжить обучение он с 10-летнего возраста давал частные уроки. В 16 лет Шлецер поступил на богословский факультет Виттенбергского университета, где получил хорошую богословскую и филологическую подготовку. В1754–1755 гг. Шлецер слушал лекции в Геттингенском университете. Его учителями были филолог-классик А. Гесснер и крупнейший исследователь-библиист И.Д. Михаэлис. Последний настоятельно рекомендовал Шлецеру осуществить научную поездку на Ближний Восток для изучения исторических и лингвистических древностей.

С 1755 по 1758 г. Шлецер работал в Стокгольме домашним учителем, конторским служащим, корреспондентом гамбургской газеты и одновременно изучал скандинавские языки. Продолжая научные изыскания, он издает на шведском языке «Опыт всеобщей истории торговли и мореплавания в древнейшие времена», а на немецком языке написал «Новейшею историю учености в Швеции». К 25 годам, по его собственным словам, он знал «грамматически до пятнадцати языков», а также естественные науки и медицину. В 1761 г. Михаэлис в ответ на просьбу жившего в Петербурге Г.Ф. Миллера рекомендовал ему Шлецера в качестве домашнего учителя и помощника в обработке собранных материалов по русской ис-

тории. В Петербург Шлецер приехал в конце 1762 г. и некоторое время был на частной службе у Миллера. В 1762 г.он получил официальную должность адъюнкта по русской истории при Академии наук. К этому времени он был уже сложившимся ученым с широким кругозором и большой эрудицией.

Представленный Шлецером в Академию наук план занятий одновременно стал и проектом разработки источников русской истории. А именно: 1. Изучение отечественных памятников. 2. Изучение памятников иностранных. 3. Использование и тех и других источников для составления свода русской истории. Под отечественными памятниками Шлецер понимал прежде всего летописи, которые, по его мнению, необходимо обрабатывать в следующих направлениях: 1. Подбор списков, их сличение и выявление «чистого и верного текста». 2. Грамматическое изучение, т.е. прочтение текста и выяснение его смысла. 3. Сопоставление разных летописей с целью проверки разнородных сведений, в них содержащихся. Кроме специальных источниковедческих работ, Шлецер считал необходимым написать очерк русской истории от основания государства до пресечения династии Рюриков. И последним этапом своего плана Шлецер считал задачу, связанную с созданием популярных книг по истории, географии и статистике.

В 1767–1768 гг. вместе с переводчиком Академии С. Башиловым Шлецер издал «Русскую Правду», Судебник царя Иоанна, две первые части Никоновой летописи. В 1769 г. он напечатал на французском языке очерк русской истории и на немецком — «Русскую историю до основания города Москвы (1147)». Оба эти руководства были переведены на русский язык и долго служили для школьного образования. Покинув Россию в 1769 г., Шлецер преподавал в Геттингене всеобщую историю и статистику и не переставал заниматься русской Начальной летописью. В 1800 г. он приступил к печатанию своего критического исследования о Начальной летописи и посвятил его императору Александру I, который в благодарность прислал ему бриллиантовый перстень, а позже пожаловал орден Владимира и герб с изображением Нестора.

Надо признать, что история России поражала и влекла Шлецера своими масштабами, но он не был достаточно подготовлен к ее научному изучению. Историк признавался, что не способен написать сколь-нибудь хорошую историю России для серьезных читателей. Однако Шлецер имел превосходную подготовку к историко-критической работе. В этом направлении и сосредоточилось все его внимание. Изучение источника и его критика — тема «Нестор» — стали основными в его научной работе. В «Несторе» Шлецер сформулировал общие принципы и описал технические приемы проведенной им критики текста. Он различает три вида критики, три этапа критического изучения:

1) Что Нестор писал действительно?
2) Что он под сим разумел?
3) Правильна ли его мысль?

Третья «высшая критика» была уже переходом от критики текста к интерпретации исторического факта, т.е. самого исторического процесса. Сам Шлецер остановился на пороге третьего этапа. Дело Шлецера — критика текста. Применительно к этой задаче он дает чрезвычайно четкое и ясное описание технических приемов критики. Сличение и систематизация списков по их названиям, установление их взаимосвязи, генеалогии, что дает основу для их сличения и внутренней критики, поскольку для древней летописи мы имеем не подлинник, а позднейшие списки. Шлецер подробно характеризует сложный комплекс дальнейших признаков: бумага и внешнее оформление, письмо и приемы написания, иллюстрации, язык. Из этого комплекса данных может быть выведено место и время возникновения не только изучаемого списка, но и того утраченного текста (протографа), от которого данный список происходит. В результате Шлецер вывел главный принцип: древность списка не тождественна древности его редакции и сама по себе не решает вопроса о степени достоверности даваемого им чтения.

На основе этих принципов Шлецер и подошел к изучению русского летописания. В его распоряжении было 20 текстов русских летописей, из которых лишь 13 допускали научное изучение и критическую проверку. Шлецер дал близкую к действительности историю летописных сводов, в частности установил позднее происхождение Никоновского и Воскресенского сводов, и «Степенной книги» и подверг их критической оценке. К слову, составление «Степенной книги» Татищев, Миллер и Щербатов относили к XIV в. Шлецер доказал, что это — памятник XVI в. с искаженным первоначальным текстом. Разбор русской летописи был доведен Шлецером до 980 г. и привел к научному пересмотру основных вопросов, занимавших современную Шлецеру историческую науку:

1) историческая этнография и происхождение современных народов;

2) говоря о норманнской теории происхождения Руси, он указал, что через 200 лет не осталось ни одного скандинавского термина в русском языке;

3) исследуя общественный строй славян IX–X вв., доказывал примитивность политического строя и отсутствие государственности.

Эти выводы Шлецера встретили резко отрицательную оценку современников — русских историков. Шлецера обвинили в немецком национализме, в стремлении доказать, что именно немцы принесли в Россию и культуру, и государственный строй, а внешняя политика России, начиная с образования Московского государства, носила исключительно завоевательный характер. С этого времени в историографической литературе довольно широкое распространение получило мнение, что Шлецер презирал Россию и русский народ. Но вопрос этот не так прост, как кажется на первый взгляд. Когда Шлецер принялся за изучение церковно-славянского языка, он, не скрывая своего изумления, восхищался его богатством и говорил: «Вот на какой язык лучше всего перевести Гомера». Ученый прекрасно видел, что пребывание в России прямо связано с его научным ростом, расширяет кругозор, не говоря о жизненном опыте. Будучи достаточно тщеславным человеком, он понимал, что из русских летописей можно сделать настоящее ученое открытие для европейской науки. Видел и не ошибся в том, что перед ним — область, которая даст ему и деньги, и ученую славу в Западной Европе. Действительно, судя по его работам, мы можем говорить, что Шлецер недооценивал глубину и творческие возможности русской культуры. Он подчеркивал превосходство иностранцев и особенно немцев, которые, по его мнению, облагородили Россию и распространили в ней просвещение.

Однако основное значение Шлецера заключается в том научном методе, которым он вооружил русского историка. В 1809 г. ученый был избран почетным членом Общества истории и древностей российских. В 1813 г. Н.П. Румянцев внес 25 тыс. рублей в Академию наук как фонд издания русских летописей и в своем обращении в АН сослался на Шлецера как основателя научного издания летописей. «Нестор» после этого сразу получил широкое признание в науке, был тотчас переведен и издан на русском языке.

Сочинение Шлецера «Нестор» имело большое влияние на развитие нашей историографии. Начиная с Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, М.П. Погодина все русские историографы, включая А.А. Шахматова, смотрели на Шлецера как на первоучителя, родоначальника своей науки и руководствовались его приемами. Позже А.А. Шахматов доказал, что сама летопись Нестора была лишь одним из промежуточных звеньев в общей истории летописания. Но этот вывод Шахматова стал возможен только на основе развития исторической науки XVIII в., которое было подготовлено, в том числе и трудами А.Л. Шлецера.

М.В. Ломоносов

Выдающийся русский ученый Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765) не был профессиональным историком, но его работы в области изучения прошлого России и других стран явились новым словом в науке. Для Ломоносова занятия историей были делом, связанным с выработкой национального самосознания, с борьбой за экономическую, политическую и культурную независимость России. В то же время он должен был сделать русскую историю достойной внимания высшего общества, украсить ее новыми приемами изложения и одеть в соответствующий времени классический костюм. Представитель народа, он органически воспринял и пронес через всю жизнь чувство высокого патриотизма, которым пронизаны и его исторические труды.

Жизненный путь ученого хорошо известен, и мы остановимся лишь на тех обстоятельствах, которые наложили свой отпечаток на идеологию Ломоносова и оказали влияние на те практические предложения, с которыми он выступал. Выходец из государственных крестьян, он считал, что экономическое развитие России возможно лишь при проведении ряда мероприятий по улучшению положения крестьянства. В то же время он оставался сторонником просвещенного абсолютизма и обосновывал руководящую роль абсолютной монархии в жизни страны. Дойдя до материализма в области понимания явлений природы, Ломоносов в объяснении общественного развития был идеалистом. В своеобразных условиях крепостнической России в его работах проявляются демократические тенденции.

Связь исторических взглядов В.Н. Татищева и М.В. Ломоносова видна из того, что в 1749 г. последний по просьбе Татищева написал посвящение (великому князю Петру Федоровичу) к первой части его «Истории Российской». В этом посвящении Ломоносов излагает мысль о том, что занятие ис-

торией является патриотическим делом. К нему побуждает «искренняя любовь и горячее усердие к отечеству». В то же время в соответствии со взглядами Татищева на первый план выдвигается задача изучения «дел бывших в России владетелей, а особливо самодержавных...», т.е. абсолютистских монархов. История народа тесно сливается с историей правителей, делам которых народ обязан своей славой. Ломоносов отмечает, что из-за отсутствия «достоверного описания деяний российских», «похвала государей, заслугами своими Россию одолживших, равно как и древнего российского народа славное имя затмевается, и добрые примеры мужественных поступков и премудрых поведений остаются в закрытии». Таким образом, о «похвале государей» говорится в первую очередь, о «славном имени российского народа» — во вторую, потому что, с точки зрения Ломоносова, причиной могущества народа являются заслуги просвещенных монархов.

Критика Ломоносовым Миллера

В том же году Ломоносов выступил с замечаниями на диссертацию Миллера «Происхождение имени и народа российского», предназначавшуюся для оглашения в качестве речи на публичном собрании Академии наук. Миллер доказывал норманнское происхождение Руси. В решительных возражениях Ломоносова против этой концепции представляет интерес прежде всего его разбор источниковедческих основ диссертации Миллера. Ломоносов считает неправильным сам принцип отбора источников, игнорирование показаний русских авторов и преимущественное внимание к иностранным. Он высказывает свои соображения о задачах критического анализа древних памятников письменности: «Надо уметь отделить в них правду от баснословия». Далее отмечает субъективный подход Миллера к иностранным источникам, использование лишь того материала, который отвечает его предвзятой точке зрения. Подвергает Ломоносов сомнению и выводы Миллера (идущего вслед за Байером), основанные на созвучии корней ряда слов, например производство имен древнерусских князей от скандинавских (Ольга — Аллогия, Владимир — Валдмар, Всеволод — Визвальдур и т.д.). Ученый называет подобные сопоставления «перевертками», происходящими от «неразумения российского языка». Возражая Миллеру по существу, Ломоносов считает неправильными его утверждения о позднем появлении славян в местах их последующего пребывания, о том, что Русь — это новое название, наконец, противопоставление

руси славянам. Он доказывает, что название «россияне» происходит от «роксалан» (славян) и что роксаланы вместе с готами (тоже, по Ломоносову, славянами) перешли с берегов Черного моря к побережью моря Балтийского, получив там название «варяги». Таким образом, варяги-русь, по Ломоносову, говорили на славянском языке.

Интересна система доказательств, приводимых Ломоносовым. Привлекая топонимические данные, он доказывает наличие славянских названий деревень, городов, рек, целых земель там, где (как он считает) когда-то жили варяги-русь. Далее Ломоносов утверждает, что еще в его время курляндцы, обитающие на территории, занятой ранее варягами-русью, и являющиеся их потомками, говорят «языком, от славенского происходящим». Указание Нестора-летописца также свидетельствует, что «славенский и русский язык едино есть». Если бы варяги-русь отличались по языку от славян и были скандинавами, очевидно, в русский язык должны были бы проникнуть какие-то шведские слова, чего в действительности не случилось. В то же время, например, татарский язык оказал влияние на русский, хотя татары и не жили в русских городах, а лишь посылали туда баскаков. Принимая предпосылку о скандинавском происхождении варягов-руси, следует ожидать, пишет Ломоносов, что в России должны сохраниться деревни и даже города, население которых говорило бы на одном из скандинавских языков. Отсутствие подобных населенных пунктов опровергает, по Ломоносову, вывод о скандинавском происхождении варягов-руси.

Полемика Ломоносова с Миллером свидетельствует о хорошем знании Ломоносовым источников (древних и средневековых, русских и иностранных), а также о своеобразном и в ряде случаев вполне критическом подходе к ним. По существу вопроса Ломоносов стоял на правильных позициях, доказывая значительную давность появления славян на территории Восточной Европы и зарождения у них государственности независимо от варягов.

В полемике Ломоносова с Миллером чувствуется большая любовь первого к родине и ее прошлому, забота о славе и чести Отечества. Он не может примириться с утверждениями Миллера, ибо, по выражению Ломоносова, почти на каждой странице миллеровской диссертации «русских бьют, грабят благополучно, скандинавы побеждают, разоряют, огнем и мечом истребляют...» и т.д.

Ломоносов считает, что для «славено-российского народа» будет «предосудительно», «ежели его происхождение и имя положить столь поздно, а откинуть старинное, в чем другие народы себе чести и славы ищут». В то же время иногда Ломоносов выступает с церковно-охранительных позиций. Он упрекает Байера, что тот не столько заботится об «исследовании правды», сколько о том, «дабы показать, что он знает много языков и читал много книг». Ломоносов изображает его в виде «идольского жреца, который, окурив себя беленою и дурманом и скорым на одной ноге вертением, закрутив свою голову, дает сумнительные, темные, непонятные и совсем дикие ответы». Больше всего он возмущается критикой Байером летописной легенды о пребывании на Руси апостола Андрея. В своем «исступлении и палоумстве» Байер, по мнению Ломоносова, подрывает основание, на котором Петр Великий учредил орден Андрея Первозванного.

С начала 50-х гг. XVIII в. Ломоносов начал работать над обобщающим трудом по русской истории. Сохранились два первоначальных наброска плана этого труда, содержащих периодизацию исторического процесса. В первом наброске выделяются 5 периодов: 1. От Рюрика до смерти киевского князя Владимира Святославича (начало XI в.). 2. От смерти князя Владимира Святославича до нашествия Батыя. 3. От нашествия Батыя до царствования Ивана Васильевича Грозного. 4. От времени Грозного до времени Петра Великого. 5. От Петра Великого до Елизаветы Петровны. В целом эпоха до Рюрика осторожно характеризуется как «прежде сомнительные времена».

Во втором наброске Ломоносов продвигает периодизацию в глубь русской истории. «Прежде сомнительные времена» превращаются в первый период — «век древний до Рюрика». Зато ближайшее к Ломоносову время из плана исключается, и набросок заканчивается смертью царя Федора Алексеевича.

В дальнейшем, работая над историей России, Ломоносов, как видно из некоторых материалов, продолжал уточнять периодизацию, в результате чего снова передвинул некоторые рубежи. В конце концов, он пришел (в пределах до XVI в.) к установлению следующих периодов: 1. Время до Рюрика. 2. От вокняжения Рюрика до смерти князя Ярослава Мудрого. 3. От смерти князя Ярослава до «Батыева нашествия». 4. Время татаро-монгольского владычества до вокняжения Ивана III. Эта схема близка к периодизации истории России, разработанной В.Н. Татищевым и в ее основу положено развитие абсолютизма.

Основным произведением исторического характера, принадлежащим М.В. Ломоносову, является «Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава первого или до 1054 года». Работать над этим трудом Ломоносов начал в 1751 г., написал его в 1754–1758 гг. Напечатана «Древняя Российская история» была уже после смерти ученого, в 1766 г. Текст «Истории» начинается со «Вступления», в нем излагаются те руководящие идеи, которым следовал Ломоносов в работе по изучению исторического прошлого своей родины. Автор говорит, что российский народ «много видел в счастии своем перемены», страдал от внешних врагов и от внутренних междоусобиц, и тем не менее не только не утратил своей национальной независимости, «не токмо не расточился», «но и на высочайший степень величества, могущества и славы достигнул».

Историческая концепция Ломоносова

В связи с этим Ломоносов высказывает некоторые общие соображения об историческом развитии как смене периодов упадка и расцвета. «Каждому несчастию последовало благополучие большее прежнего, каждому упадку высшее восстановление...» Представление о том, что исторический процесс совершается путем конфликтов внутреннего и внешнего характера было передовой для того времени идеей. Автор образно представляет себе этот процесс как течение «великия реки», которая «от источников своих по широким полям распростираясь, иногда в малые потоки разделяется и между многими островами теряет глубину и стремление», но затем снова «соединяясь в одни береги, вящую быстрину и великость приобретает», и чем дальше, тем в большей мере вбирая в себя другие реки, «обильнейшими водами разливается и течением умножает свои силы». Это — мысль о поступательном движении истории, преодолевающей на своем пути многочисленные препятствия, отступающей и снова идущей вперед, — мысль для того времени достаточно прогрессивная.

Для Ломоносова характерно также стремление понять прошлое своего народа в рамках всемирно-исторического процесса, представляющего собой последовательную смену ряда народов, проходящих циклы своего развития от расцвета до заката. «Начинаются народы, когда другие рассываются; одного разрушение дает происхождение другому». Это высказы-

вание, конечно, далеко ушло от фаталистической концепции средневековых хронографов, видевших в истории поучительный пример тщетности и суетности как личных человеческих судеб, так и судеб целых обществ и государств. Изучение истории Ломоносова, напротив, убеждает в том, что дела «смертных», преходящие «труды» отдельных лиц сообщают бессмертие народу. Всемирно-исторический процесс, по его мнению, свидетельствует о прогрессивном движении человечества, во время которого оставляют свой след в прошлом люди разных поколений и народы разных времен. И историческая наука должна по этим следам воссоздать путь развития от прошлого к настоящему. История — это движение, она не знает ограниченных рамок времени и пространства, она дает беспредельные возможности дальнейшего роста.

Ученый поднимает вопрос о том, как из действий людей ряда поколений слагается история человечества. Если люди разных времен выступают раздельно, то история объединяет их деяния в общем всемирно-историческом процессе. Эта трактовка представляет значительный шаг по сравнению с развитым Татищевым пониманием истории как науки, изучающей цепь человеческих «деяний» и «приключений», к мысли об их преемственности и непрерывности.

Ломоносов выдвигает задачу выяснения общих начал и черт своеобразия в развитии отдельных народов. При этом он исходит из идеи повторяемости явлений у народов, разновременно выступающих на всемирно-исторической арене. Ломоносов сравнивает политическую историю России с историей Древнего Рима. Если римская история началась с единовластия «королей», то история России — с единовластия князей. Период, когда в Риме установилась республика, напоминает Ломоносову время феодальной раздробленности на Руси. Наконец, Римская империя, на его взгляд, аналогична по своему характеру «самодержавству государей московских». Таковы черты сходства истории русской и римской.

Но Ломоносов не только сопоставляет, но и противопоставляет историческое развитие России и античного Рима. Это противопоставление производится с целью доказать, что абсолютизм содействовал росту могущества России. Таким образом, «в единоначальном владении залог... блаженства» России. И в данном случае, выявляя параллели в истории отдельных народов и указывая особенности их исторической жизни, Ломоносов, выступая с позиций просвещенного абсолютизма, ушел значительно вперед от схемы Татищева с его выделением в развитии народов четырех «станов», подобных возрастам отдельных людей. Сама идея «бессмертия» народа получила яркое звучание лишь в трудах Ломоносова с их демократической направленностью.

Как и Татищев, Ломоносов поднимает вопрос о пользе истории. Он видит ее в правдивости изображения прошлого, которая является условием морального воздействия (силой примера) на людей. Представление о значении славных подвигов исторических деятелей прошлого как примера для последующих поколений свидетельствует о большом патриотизме Ломоносова. В то же время на исторических фактах он обосновывает роль просвещенного абсолютизма в развитии человечества. История «дает государям примеры правления, подданным — повиновения, воинам — мужества, судиям — правосудия, младым — старых разум, престарелым — сугубую твердость в советах, каждому незлобливое увеселение, с несказанною пользою соединенное». Здесь ученый в свете рационалистического мировоззрения рисует и сущность государства, и характер исторического процесса, подчеркивая также моменты, помогающие их пониманию, как «разум», «польза», «правосудие», «твердость», «мужество» и т.д.

По Ломоносову, «Древняя Российская история» делится на две части: 1) «О России прежде Рюрика»; 2) «От начала княжения Рюрикова до кончины Ярослава первого». Первый вопрос, который ставит Ломоносов, — это вопрос о древнем населении России и о происхождении русского народа. Автор указывает, что по летописным данным «старобытными» жителями России являются славяне и чудь. В этом нет ничего унизительного для русских, так как «ни в едином языке утвердить невозможно, чтобы он сначала стоял сам собою без всякого применения». И далее Ломоносов выдвигает интересную мысль о том, что народы как этнические категории формируются в процессе «переселений» и «странствований», «в таком между собою сплетении», что часто нельзя сказать, какому народу отдать преимущество в смысле древности. Словом, не бывает «чистых» народов.

Затем исследователь подробно рассматривает данные древних и средневековых писателей (Плиния, Тацита, Птолемея, Прокопия Кесарийского, Иорнанда и др.) о славянах и их роли во всемирной истории. Он стремится доказать древность «словенского племени». Автор отмечает, что славяне, «ненавидя римского ига и любя свою вольность», сыграли свою роль

в падении Римской империи. В этих утверждениях, подкрепляемых ссылками на источники, было много верного, несмотря на ряд наивных суждений, вроде того, что венеды переселились из Трои. Ломоносов проявил и известный критицизм в отношении легендарного материала, подвергнув, например, сомнению наличие грамоты Александра Македонского «славенскому народу», отметив вымышленный характер имен славянских князей Славена и Руса.

Специальные главы «Древней Российской истории» посвящены чуди и варягам. В данном случае высказывается (вслед за Байроном) неверное соображение о том, что чудь (финны, ливы, эсты) — это скифы. Варягами, по мнению Ломоносова, именовались вообще северные народы. Варягов-россов Ломоносов отождествляет с пруссами, говорившими на языке, близком к литовскому, который являлся «отраслью» языка славянского. Говоря о быте восточных славян до вокняжения Рюрика, Ломоносов указывает, что они жили семьями «рассеянно», редко имели «общих государей» и города. Киевские славяне (поляне) давали дань хазарам, новгородские — варягам. Тем не менее и те и другие «без монархии почитали себя вольными». У полян «самодержавство» началось с вокняжения Аскольда и Дира, укрепилось при князе Олеге. У новгородских славян сначала правил старейшина Гостомысл, затем, после смерти последнего, они призвали на княжение Рюрика с братьями. «Самодержавства российского основатель» Рюрик рассматривается Ломоносовым как «герой», отличающийся «разумом и мужеством». Утверждение «самодержавства», по Ломоносову, вызывало сопротивление сторонников «общенародного прежнего владения». Это — интересная мысль, указывающая на понимание автором того, что возникновение государственности происходило в борьбе, участниками которой выступали родовые и племенные старейшины. Факт создания государства у восточных славян Ломоносов расценивает как исторический прогресс.

Вторая часть книги Ломоносова разбита на главы, посвященные отдельным княжениям (Рюрика, Олега, Ольги, Святослава, Ярополка, Владимира, Святополка, Ярослава). Изложение построено на данных летописи, а также некоторых византийских источников (например, при описании походов Святослава в Болгарию). История Киевской Руси изложена хорошим языком, просто и доступно, в некоторых случаях имеет характер литературного произведения. Летописные тексты даны в пересказе на современном Ломоносову русском языке.

При рассмотрении внутренней истории Древней Руси проводится мысль о том, что киевские князья вели борьбу за единодержавие, добиваясь включения ряда славянских и неславянских племен в российское подданство. Эта борьба расценивается как выражение заботы об этих племенах. В такой концепции, несомненно, сказалось присущее Ломоносову стремление подчеркнуть роль просвещенных государственных правителей. До нас, к сожалению, не дошли комментарии (цитаты, тексты документов и т.д.), которые Ломоносов предполагал приложить к своему труду.

В 1759 г. ученым был написан (а в 1760 г. издан) «Краткий Российский летописец» с родословием, посвященный царевичу Павлу Петровичу. Этот летописец состоит из трех частей. В первой части дан краткий очерк (на основе «Древней Российской истории»), посвященный древнему населению на территории России и истории славян до вокняжения Рюрика. Изложение пронизано идеей величия славянского народа. Во второй части помещены сжатые сведения о русских князьях и царях, кончая Петром Великим. Эта часть написана А. Богдановым и отредактирована Ломоносовым. Последняя часть содержит материал, касающийся брачных связей и генеалогии русских князей и царей вплоть до Петра I и его потомства.

Для понимания исторических взглядов Ломоносова представляет интерес его рукопись «Идеи для живописных картин из российской истории». Это — сюжеты исторических картин. Они могут быть разбиты на несколько групп: 1. Темы из истории государства (единодержавия — абсолютизма) в России. 2. Темы национально-освободительной борьбы. 3. Темы, касающиеся международного значения России. Самая идея создания живописных картин на исторические сюжеты показывает, что Ломоносов придавал большое воспитательное значение истории.

Среди исторических тем, интересовавших Ломоносова, важное место принадлежит сюжетам, относящимся ко времени Петра I. В 1757 г. ученый написал примечания на рукопись «Истории Российской империи при Петре Великом», составленной по предложению русского правительства Вольтером. Кроме внесения в текст Вольтера ряда поправок фактического характера, Ломоносов исправляет также его неверные утверждения, касающиеся уровня экономического, политического и культурного развития России. Поправки Ломоносова отличаются заботой об историческом достоинстве русского народа. Так, Вольтер указывает, что земля около города Архан-

гельска стала известна в Западной Европе лишь в XVI в. Ломоносов же поправляет этот текст и утверждает, что датчане и другие северные народы торговали по Двине еще в XII в. Характеристику Вольтером Москвы как «нарочитого города» Ломоносов отказывается признать достаточной и с чувством законной гордости пишет: «Москва великий город, первого рангу во всей Европе». Ломоносову кажется оскорбительным («бесчестным и поносительным») для русского народа, что Вольтер, описывая Лапландию, самоедов и т.д., обходит молчанием такие «многолюдные, плодоносные и наполненные городами... провинции», как Ярославская, Тверская, не упоминает Нижний Новгород, Владимир и «великое множество городов около Оки и других рек великих».

Примечания Ломоносова исполнены заботой и о военной славе России. На утверждение Вольтера, что в первое восемнадцатилетие XVIII в. единственным героем на севере был шведский король Карл XII, Ломоносов возражает, что «геройские дела», «великие предприятия и труды славны» Петра I стали известны еще до сражения при Лесной и Полтавской победы, а Карл XII своим бегством после Полтавской битвы показал задолго до 1718 г. «больше себя героя в Петре Великом...». Совершенно неудовлетворительным разделом труда Вольтера признал Ломоносов текст, касающийся «стрелецких бунтов», и предложил исправить его на основе составленного им самим описания этих событий.

«Описание стрелецких бунтов и правления царевны Софьи», принадлежащее Ломоносову, сохранилось во французском переводе не дошедшего до нас оригинала. Это рассказ о политической борьбе конца XVII в., облеченный в художественную форму, с пересказом речей действующих лиц и психологическими мотивировками их поступков, с известной драматизацией всего происходившего. Рассказ написан живо и интересно. В целом выступления стрельцов характеризуются Ломоносовым как действия «солдатчины, всегда готовой к бунту». Говоря о стрелецких казнях, организованных Петром I, Ломоносов выступает с позиций просвещенного абсолютизма и пишет, что царь «заглушил в себе милосердие и обрушил справедливую кару...».

Ломоносов о Петре I

Характеристика Петра I и его царствования дана Ломоносовым в «Слове похвальном блаженныя и вечнодостойныя памяти государю императору Петру Великому», написанном в связи с празднованием дня коронования Елизаветы Петровны

в 1755 г. Это — настоящий панегирик (в торжественной форме художественной прозы) Петру. Ломоносов говорит о распространении в России при Петре просвещения, развитии промышленности, торговли, создании регулярной армии и флота. В своих похвалах Петру Ломоносов выступает борцом за самостоятельное экономическое и культурное развитие России, все время проявляет интерес к производительным силам страны, заботится об условиях для их роста, о преодолении отсталости. Раньше, указывает Ломоносов, соседи России с основанием говорили, что это великое сильное государство не может организовать металлургическую промышленность, производство собственного вооружения, «не имея в недрах своих не токмо драгих металлов для монетного тиснения, но и нужнейшего железа к приготовлению оружия...». Благодаря деятельности Петра «исчезло сие нарекание... отверсты внутренности гор сильною и трудолюбивою его рукою. Проливаются из них металлы... Обращает мужественное российское воинство против неприятеля оружие, приуготованное из гор российских, российскими руками».

Конечно, Ломоносов понимал, какое значение для экономического и культурного подъема России, для усиления сношений с окружающими странами, а также для защиты имеет использование окружающих страну морей. Поэтому он считает особым достижением Петра I строительство флота; указывает на роль флота и в распространении торговых связей, и для географических открытий.

Демократические тенденции в трудах Ломоносова проявляются в его характеристике Петра I. Он стремится подчеркнуть, что Петр не только управлял как государь, но и трудился как рядовой подданный.

Для мировоззрения самого Ломоносова важно, что, возвеличивая Петра, он искал в нем такие черты, которые, по мысли автора, должны были приблизить его к людям труда. Петр «собственным примером побуждал к трудам подданных!».

Несмотря на демократические тенденции в творчестве Ломоносова, его неумеренная идеализация абсолютизма Петра объективно означает и признание крепостничества. Так, введение подушной подати рассматривается как шаг к уравнению в повинностях трудолюбивых людей и лентяев, к уничтожению бродяжничества, праздности и нищеты. Говоря о препятствиях, мешавших «Герою» (т.е. Петру I) в совершении его подвигов, Ломоносов отмечает, что царь со всех сторон был

окружен «неприятелями». «Извне воевала Швеция, Польша, Крым, Персия, многие восточные народы, Оттоманская Порта; извнутрь стрельцы, раскольники, козаки, разбойники».

Ломоносов и деятельность Академии наук в области изучения истории

До конца своей жизни ученый интересовался и занимался историей и заботился о судьбах исторической науки. В проект нового регламента Академии наук (1764) им внесен специальный параграф о должности историографа, обязанного собирать исторические сведения о России и издавать труды по русской истории. Этому историографу должны быть доступны государственные архивы, но надо заботиться, чтобы он был человеком «надежным и верным», русским по национальности, не склонным в своих исторических сочинениях «ко шпынству и посмеянию».

Ломоносов выступал против назначения Г.Ф. Миллера академиком. Он не доверял Шлецеру и глубоко переживал, что в руках последнего окажутся судьбы русской исторической науки. Известен его отрицательный отзыв о составленной Шлецером русской грамматике, где русские слова искусственно сопоставлялись с немецкими («дева» и «Dlieb» — вор; «князь» и «Knecht» — холоп и т.д.). В поведении Шлецера он видел неуважение к русскому народу и использовал это как аргумент в пользу и необходимость создания национальных научных кадров, в том числе и историографов.

Деятельность Ломоносва в смежных областях

Характеристика Ломоносова как историка была бы неполной без упоминания о некоторых его работах в областях, смежных с исторической наукой. Среди его трудов есть сочинения по географии (физической и экономической) и статистике России. Им была составлена (1759) специальная анкета от лица АН в целях собирания сведений из разных городов, губерний и провинций для составления Российского географического атласа. В анкете было, в частности, указано: «В городах буде есть летописцы, присылать с них верные копии при географических известиях для истории российской». В труде «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» Ломоносов дает исторический обзор экспедиций, географических открытий, совершенных англичанами, испанцами, голландцами и русскими.

Проявляя большой интерес к русскому национальному языку, Ломоносов зарекомендовал себя выдающимися трудами в этой области. В «Российской грамматике» он пишет, что в русском языке есть «великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского и сверх того богатство и сильная в изображении краткость греческого и латинского языка».

В труде «О пользе книг церковных в российском языке» Ломоносов связывает проблему истории языка с проблемой истории народа. Главной побудительной причиной, толкавшей ученого на занятия историей, была деятельная любовь к своей родине. Он стремился познать историю России, чтобы ее возвеличить и защитить. Основной задачей историка он считал воспитание гражданина и патриота. Главной идеей его исторических и литературных произведений является требование ликвидации экономической и культурной отсталости России.

Предложения Ломоносова, направленные на развитие производительных сил страны и подъем промышленности, открывали пути развитию буржуазных отношений. Конечно, он был бесспорно великим исследователем, но, чтобы оттенить это величие, совсем не обязательно изображать всех немецких ученых, работавших вместе с ним, бездарными, тупыми и невежественными людьми. Сила Ломоносова в том, что он понимал политическое значение истории, ее роль в воспитании любви к родине и своему народу. Выдающийся ученый впервые приблизился к постановке вопроса о создании истории народов, а не только правителей.

Краткие выводы

Итак, мы видим, что норманнисты способствовали движению вперед народившейся русской исторической науки. В тоже время основной проблемой историографии XVIII столетия стал варяжский вопрос, который вышел из бироновских кругов как антирусское явление. В чем же состояли сильные и слабые стороны исторической концепции академиков-немцев — Байера, Миллера и Шлецера — и противостоявшей им концепции Ломоносова?

Академики-немцы продолжили и довели до конца критику легендарных исторических теорий о происхождении русских царей от императора Августа; подвергли критике представление о мирном, добровольном и всенародном призвании варяжских князей; утверждали, что приход варяжских князей знаменовал собой начало Русского государства; считали себя основоположниками русской исторической науки.

У антинорманнистов, возглавляемых Ломоносовым, тоже были сильные и слабые стороны. Заслуга знаменитого учено-

го заключалась в том, что он первым подошел к коренному вопросу всей проблемы — вопросу об уровне развития восточнославянского общества и о создании Русского государства. В противоположность норманнистам для Ломоносова история была прежде всего историей народа, который прошел длинный и сложный путь развития задолго до появления у него государства. Произведения античных писателей от Геродота до Прокопия Кесарийского, а также средневековых западных авторов от Гельмольда до Муратори стали для него основными свидетельствами по истории славян. Ученый доказал, что славяне прошли стадию родового строя, далеко продвинулись в своем общественном развитии и у них не было той «тьмы невежества» о которой твердили норманнисты.

Подводя итог «вечной» и жгучей «норманнской проблеме», или «варяжскому вопросу», следует отметить, что историография этой темы весьма значительна и результат очевиден. Исследования Б.Д. Грекова, Л.В. Черепнина и особенно Б.А. Рыбакова показали, что для исторической науки гораздо более важным и актуальным является вопрос, не кто создавал, а как создавалось Русское государство.

Литература

Джаксон Т.Н. Герард Фридрих Миллер // Историки России XVIII–XX вв. Вып. 1. Архивно-информационный бюллетень № 9. Приложение к журналу «Исторический архив». М., 1995.

Джаксон Т.Н. Август Людвиг Шлецер // Там же.

Некрасова М.Б. Михаил Васильевич Ломоносов // Там же.

Славяне и Русь: проблемы и идеи. М., 1998.

Черепнин Л.В. А.Л. Шлецер и его место в развитии русской исторической науки (из истории русско-немецких научных связей во второй половине XVIII — начале XIX в.) // Международные связи России XVII–XVIII в. М., 1966.

Глава 7 ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО И ИСТОРИОГРАФИЯ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Общая характеристика эпохи

Для Европы XVII в. был по преимуществу веком «английским», поскольку передовая европейская мысль в основном концентрировалась вокруг проблем Английской буржуазной революции. Век XVIII стал веком «французским» потому, что французское Просвещение стало тем эталоном, по которому определялся характер Просвещения в других странах. Великая французская революция наложила свой отпечаток не только на XVIII, но и на следующие два столетия.

То, что историческая инициатива перешла к французам, стало очевидно уже в первой половине XVIII в. после атеистического выступления французского философа П. Бейля (1647–1706). Затем последовало «Завещание» глашатая крестьянской революции, также французского философа-материалиста Ж. Мелье (1664–1729), в котором отразился протест народных масс против феодальных порядков. Ожидание революции во Франции нашло свое отражение и в историографии. Уже в 20-е гг. XVIII столетия развернулась полемика вокруг вопроса об истоках французской истории. Идеолог дворянства граф Буленвилье в работе «История древнего правительства Франции» поднял вопрос о том, что Франция вышла из германского завоевания Галии в V в. Следовательно, французский народ имеет все права свергнуть своих узурпаторов. Так родилась германо-романская проблема, сыгравшая впоследствии крупную роль в историографии Франции, Германии и России XVIII–XIX вв.

Таким образом, постановкой вопроса о революции с насильственным свержением феодального строя началась идео-

логическая подготовка буржуазного переворота во Франции. Задолго до самого переворота идейным обоснованием Французской революции стала апелляция к истории.

Просвещение XVIII в. стало развитием исторических идей гуманистов XVI и рационалистов XVII в. Как и их предшественники, просветители XVIII в. боролись за человека, который находился в центре всех их исторических построений. Просветители стремились вырвать человека из тисков феодальных корпораций (цех, гильдия, сословие) и рассматривали его как индивида, равного всякому другому. Христианская идея всеобщего равенства перед Богом была опущена с неба на землю и использована для того, чтобы сломать сословные перегородки. XVIII в. был периодом возрождения античного духа в противовес христианскому мировоззрению. Французы стали представителями античного принципа внутри христианства. Человеческая личность противопоставлялась феодальному корпоративизму как форма буржуазного мировоззрения. Для того чтобы подкрепить данную историческую концепцию, дополнительно использовались идея примата человеческого разума, которая доказывала, что исторический процесс не нуждается в Божьем руководстве, а церковь лишь тормоз в развитии истории; идея естественного права, согласно которой равенство людей по рождению представлялось естественным основанием равенства политического; теория общественного договора: равные люди могут основать общество и государство только путем взаимной договоренности.

Однако народ, с точки зрения просветителей, — это невежественная, инертная масса, неспособная к самостоятельному развитию. Все благодеяния, которые может дать народу исторический прогресс, должны последовать сверху, и чем могущественнее правитель, тем он имеет больше возможностей излить на своих подданных поток благодеяний и свет разума. Идея «просвещенного абсолютизма» выросла именно на этой почве. Просвещенный монарх, окруженный философами, — идеал, естественно выраставший из идеологии Просвещения.

Свою задачу просветительство видело в распространении взглядов, согласных с требованиями всемогущего разума. По мнению поборников просветительства, прогресс состоял в усвоении этих взглядов как можно большим числом людей. Однако надо иметь в виду, что просвещение отбрасывало все многообразие исторического процесса и обедняло его, подходя к нему с единственным мерилом — разумом. Если в области естествознания передовое место в XVIII в. занял материализм, то в области общественных наук оно остается за рационализмом. Самыми крупными деятелями и идеологами революционного французского просвещения были Вольтер (1694–1778), Ш.-Л. Монтескье (1689–1755), Г.-Б. Мабли (1709–1785), Ж.-Ж. Руссо (1712–1778) и Ж.-А. Кондорсе (1743–1794).

В отличие от боевого накала французских просветителей их английские соратники исповедовали исключительно концепцию разума и научного знания. Среди последних наиболее яркими фигурами были Д. Юм (1711–1763), У. Робертсон (1721–1793) и Э. Гиббон (1737–1794). Не осталась в стороне от волны просвещения и Германия. Целью немецких просветителей было достижение национального единства и политическая свобода буржуазии, которая в конечном итоге оказалась неспособной подняться на борьбу с феодализмом и раздробленностью своей родины. Однако просветительский порыв молодых поэтов и мыслителей нашел свое выражение в удивительно плодотворном соединении литературного таланта с ученостью. Позиции немецкого просвещения провозглашали и отстаивали Г.-Э. Лессинг (1729–1781), Ф. Шиллер (1759–1805), И.-Г. Гердер (1744–1803).

В результате общей деятельности французских, английских и немецких просветителей их идеи и труды стали общеевропейским явлением, захватившим и Россию.

Распространение исторических знаний в России во второй половине XVIII в.

Россия XVIII в., и в особенности его вторая половина, — это время формирования русской исторической науки, начало которому положили В.Н. Татищев и деятельность Академии наук. Ее подъем был связан и с интересом к истории императрицы Екатерины II, что способствовало выдвижению профессиональных историков.

Российское просветительство в значительной степени находилось под влиянием западноевропейской просветительской литературы, произведений Вольтера, Дидро, Д'Аламбера, Мабли, Руссо и др. Начало распространения просветительской идеологии было положено русскими правящими кругами во главе с Екатериной II. Обедневшее дворянство, разночинная интеллигенция и даже некоторые крепостные увлекаются переводческой деятельностью, часто превращая ее в профессию и источник дохода. Во второй половине XVIII в. было переведено колоссальное количество не только французских лите-

раторов, но и исторических произведений. Русский читатель впервые мог познакомиться не только со всеобщей историей, но и с историей славянских народов, а также Англии, Америки, Японии, Египта, Швеции, Турции, Китая и др.

В России XVIII в. историческая литература довольно широко была представлена переводами произведений античных писателей. В 60-е гг. XVIII в. в связи с общим подъемом культуры и науки в России, в том числе исторической, появляются переводы классических исторических источников, без которых невозможно было изучение древнейшего периода отечественной истории. В 1763–1764 гг. вышел перевод «Истории» Геродота, сделанный А.А. Нартовым. Крупным событием в научной жизни России явилось издание И.Г. Штриттером своего рода хрестоматии из византийских авторов, писавших о древних народах на территории России. Известный историк, впоследствии автор учебника по русской истории, данное издание сделал по примеру парижского «Corpos» византийских историков. В связи с этим событием в «Санкт-Петербургских ученых ведомостях», выходивших под редакцией Н.И. Новикова, была помещена развернутая рецензия с очерком историографии античных свидетельств о России.

Характерным явлением для большинства стран Европы того времени было издание энциклопедий. Во второй половине XVIII в. в России также выходит сравнительно большое количество энциклопедий, словарей, лексиконов по самым различным отраслям знаний и большое количество словарей или лексиконов иностранных языков, в том числе и языков народов России. Появилось несколько географических и исторических словарей. Лучшими из них были «Географический лексикон Российского государства», выпущенный Ф.А. Полуниным и Г.Ф. Миллером (1773 и 1788–1789), и незавершенное произведение В.Н. Татищева «Лексикон Российский, исторический, географический, политический и гражданский» (1793). Новиковский «Опыт исторического словаря о Российских писателях» (1772) впервые представил биографии лиц из различных слоев общества и положил начало демократизации исторических персонажей в русской историографической литературе. Во второй половине XVIII в. в России исторические знания становятся более близкими к запросам практической жизни, с одной стороны, и к науке — с другой.

В 60-е — первой половине 70-х гг. литературой и историей стали заниматься представители самых различных общественных слоев — от крепостных крестьян и разночинцев до вельмож и императрицы. 60-е гг. XVIII в. являются тем историографическим рубежом, который определил принципиально важные изменения в развитии и распространении исторических знаний в России. Происходит расширение круга историков в социальном отношении. Наряду с историками из дворян появляются историки из купеческого сословия или среды разночинцев. В это время столкнулись исторические концепции, выражавшие взгляды различных социальных групп, зарождается буржуазная историография и в некоторых трудах появляется критика крепостного строя. В свою очередь, дворянские историки пытаются осмыслить происходящее и укрепить позиции своего сословия, обращаясь к историческому опыту.

А.И. Мусин-Пушкин

Определенный подъем был связан с пробуждением так называемого «любительского интереса», который понимался исключительно как любовь к родной истории. «Любителями истории», знавшими и понимавшими ее вкус, были И.Н. Болтин, И.П. Елагин, Н.Н. Бантыш-Каменский, А.Ф. Малиновский, А.Н. Оленин. К этой когорте принадлежал и А.И. Мусин-Пушкин. Видный сановник, владелец одной из самых знаменитых в России библиотек и древнерусских рукописных собраний, крупный знаток российских древностей и языка, издатель ряда исторических памятников и автор исторических исследований, он особенно трепетно относился к историческому источнику. Это выразилось в собирании, коллекционировании письменных и материальных памятников, их критическом использовании и осмыслении.

Алексей Иванович Мусин-Пушкин родился 16 марта 1744 г. в доме капитана гвардии, а скончался в 1818 г. Его имя навсегда вошло в русскую литературу и историографию как имя человека, открывшего бесценное «Слово о полку Игореве». В ореоле этого события как бы в тени остались другие стороны жизни и деятельности Мусина-Пушкина. Он занимал руководящие посты в учреждениях, которые определяли правительственную политику в области просвещения и науки. Управляющий корпусом чужестранных единоверцев (создан в 1775 г. для обучения детей, репатриированных после русско-турецкой войны 1768–1774 гг.), обер-прокурор Синода, президент Академии художеств — эти должности предоставляли ему широкие возможности для формирования источниковой базы отечественной истории.

В.О. Ключевский, анализируя подъем национального интереса к отечественной истории в екатерининскую эпоху, очень точно определил, что основы самобытного взгляда на русскую историю лежали в изучении источников. Цель деятельности Мусина-Пушкина была не просто научная, а нравственно-патриотическая — собирательство древнерусских памятников, их изучение и издание как противопоставление иностранным влияниям в общественно-научной жизни.

В обществе второй половины XVIII в. утверждается следующий взгляд на русскую историю: если у нас были темные стороны, то они были и у других. Довольно мы гнулись под чужую мерку, пора нам жить самобытно и выработать свой характер. Да он уже и есть, но закрыт привозной маской. Чтобы его открыть, нужно начать изучение русской истории. При таких взглядах и настроениях особое значение получили памятники русской истории: «свитки и рукописи хранят черты русского национального характера».

Мусин-Пушкин, обладая немалыми средствами, принялся за собирание памятников старины с того, что приобрел все книги и бумаги Петра Крекшина — автора записок о Петре I. Среди прочего там оказался древнейший из известных списков летописи — Лаврентьевский. Многие, зная его страсть, дарили ему рукописи, в том числе и Екатерина II. Будучи обер-прокурором Синода, он издал указ об извлечении из монастырских архивов старинных документов и среди прочего нашел там список «Русской Правды». Когда Алексей Иванович обнаружил «Слово о полку Игореве», он сразу понял его значение и тут же издал знаменитый памятник. И, видно, не зря, ибо громадную коллекцию Мусина-Пушкина постигла печальная судьба. Весь дом его с библиотекой сгорел в Москве в 1812 г.

Мусин-Пушкин издал также «Русскую Правду», «Поучение Владимира Мономаха». В примечаниях к этим изданиям прежде всего порицалось увлечение иностранным. Подобное отношение к источнику было характерно для всех издателей того времени — М.М. Щербатова, Н.И. Новикова, И.Н. Болтина. Они даже не ставили своих имен на публикации, дабы ничем не заслонять сам памятник. В 1767 г. вышел первый том «Библиотеки русской истории». В нем был помещен Кенигсбергский, или, как его еще называют, Радзивиловский список летописи; биография Нестора и инструкция для издания памятников. Тогда же были изданы Никоновский список летописи, Царственная книга и летопись по Воскресенскому

списку. Помимо Мусина-Пушкина, в кружок любителей русской истории при дворе Екатерины II входили граф Н.П. Румянцев — один из организаторов археографической работы в России, граф А.Р. Воронцов и др.

М.М. Щербатов

Носителем идей аристократической части дворянства в области исторической мысли был князь Михаил Михайлович Щербатов (1733–1790) — общественный деятель, историк, публицист. Щербатов происходил из древнего и богатого рода князей Оболенских и вел свою династическую линию от Михаила Черниговского. Его отец М.Ю.Щербатов (1678–1738), архангельский губернатор, генерал-майор, участвовал в Северной войне и был сподвижником Петра I. В раннем детстве М.М. Щербатов был записан в Семеновский полк, получил прекрасное образование, владел несколькими иностранными языками. После него осталась библиотека в 50 тысяч томов, множество древних рукописей и собственных сочинений.

Воспользовавшись Манифестом о вольности дворянской, Щербатов в 1762 г. вышел в отставку в чине капитана. В 60-х гг. он написал ряд статей, в которых наметилась его социально-политическая доктрина: отрицание равенства людей, требование сильной государственной власти, критика правительства с позиций дворянской аристократии.

В 1767 г. в качестве депутата от дворян Ярославской губернии Щербатов участвует в Комиссии по составлению нового Уложения, выступая с историческим и политическим обоснованием привилегий дворянства против притязаний купечества и крестьян. В это же время Щербатовым была проведена большая работа в деле научной публикации исторических источников. Среди них такие значительные издания как «Царственная книга», «История Свейской войны», «Летопись о многих мятежах», «Царственный летописец» и др.

В 1768 г. Щербатов работал в Комиссии о коммерции, в 1771 г. был назначен герольдмейстером; в 1773 г. получил придворный чин действительного камергера, в 1775 г. заведовал секретным делопроизводством по военным делам, в 1778 г. получил чин тайного советника и был назначен президентом Камер-коллегии, а в 1779 г. стал сенатором.

В 1778 г. Щербатов ушел с гражданской службы и до конца своих дней занимался публицистикой и литературной работой. Его многочисленные сочинения посвящены законодательству, экономике, статистике, просвещению и всякого

рода «рассуждениям» и «размышлениям». В конце 80-х гг. он завершил мемуарный памфлет «О повреждении нравов в России» и издал утопический роман «Путешествие в землю Офирскую», в котором иносказательно воспевал старые порядки Руси. Свои взгляды на историю Щербатов выразил и обосновал в «Истории Российской от древнейших времен». Этот труд особенно ценен тем, что насыщен большим количеством разнообразных источников. С 1770 г. было напечатано 18 книг «Истории...», за которые автор получил звание историографа и почетного члена Петербургской Академии наук (1776).

Щербатов занялся изучением истории не без участия Екатерины II, которая назначила его историографом, открыла доступ в архивы и библиотеки и поручила разобрать архив Петра Великого. В «Истории Российской...» Щербатов довел повествование до избрания Михаила Романова. К работе приступил он без достаточной учено-технической подготовки и поэтому допустил немало ошибок, например, не различал двух Переяславлей — Южного и Залесского и т.д. За это ему немало досталось от современников. Важно другое: Щербатов не просто излагает события, он их обсуждает и сопоставляет с событиями западноевропейской истории, которую, кстати, знал лучше русской. Сравнением он старался подметить особенности русской жизни. Щербатов первым в историографии попытался изобразить внутреннюю жизнь общества. Как образно выразился В.О. Ключевский, «Щербатов удачнее угадывал вопросы, чем их разрешал, и в этом его главная заслуга». Несмотря на то что его «История...» написана тяжелым языком, она имела определенный успех в обществе.

В своих сочинениях прежде всего Щербатов был защитником крепостного права и дворянских привилегий. Историческими ссылками и своими рассуждениями он обосновывал необходимость сохранения в России крепостного права: «Земли, на которых живут крестьяне, принадлежат дворянам... которые их приобрели, жертвуя своею жизнью и здоровьем». Самодержавие нуждается в содействии со стороны дворянства. Примером государя, уважающего привилегии дворянства и охранявшего их права на участие в государственной жизни, Щербатов считал Петра I. Голос дворянства проявляется через Сенат, который служит хранилищем законов. Монархия, опирающаяся на старинное родовитое дворянство, — вот политический идеал Щербатова.

Вопрос о происхождении государства Щербатов решал исходя из рационалистических предпосылок. Человеку присущ дар разума, который должен его вести по прямому пути и стезе добродетели. Никакое общество, даже самое малочисленное, не может существовать без правил и законов, которые определяют поведение людей. Необходимость государства объясняется потребностями человеческой природы и велениями разума. Существуют четыре формы правления: деспотическое или самовластное, монархическое, аристократическое и демократическое. Последние два возникают в результате недовольства вельмож и народа действиями деспотов. В монархических государствах люди честолюбивы, в аристократических — горды и тверды, в демократических — смутнолюбивы и увертливы, а в деспотических — подлы и низки. Активное участие в управлении аристократии проявляется прежде всего в сфере законодательной. Главной положительной чертой государственного строя Щербатов считал обеспечение возможности вельможам сдерживать власть царскую и дерзость народа.

Щербатову принадлежит также интересный опыт изучения современной ему России (географическое положение, экономика, административное устройство, состав населения), который он осуществил в труде «Статистика в рассуждении России» (1775–1777). Работа содержит целый ряд исторических сведений относительно прошлого городов и губерний, происхождения тех или иных учреждений.

Рационалист XVIII в., воспитанный на французской просветительной философии, усматривающий в историческом процессе показатель успехов человеческого разума и развития просвещения, Щербатов всегда видел перед своими глазами призрак крестьянского бунта. Он восклицал: «Не так легко и не так полезно просветиться народу, как думают, ибо малое просвещение ведет к заблуждению и к духу не подданства. Подлый народ не должен рассуждать, ибо это опасно для дворянского государства. И если подлый народ просветится, и будет сравнивать тягости своих налогов с пышностью государя и вельмож, не зная нужды государства и пользы пышности, тогда он будет роптать на налоги и произведет бунт».

В своем сочинении «О повреждении нравов в России» Щербатов писал о падении в его время моральных устоев и принципов (почтения к родителям, любви между супругами, патриотизма, твердости духа). Истребление благих нравов грозит падением государству. Причина всех указанных явлений в раз-

витии сластолюбия. После Петра I история России — это история правления пороков, излишеств в пище и одежде, которые воспитали стремление к роскоши, корыстолюбию и лести.

Автор дает беспощадные характеристики правителей послепетровского периода: Анна Иоанновна «от природы нраву грубого, который не был смягчен ни воспитанием, ни обычаями века». Бирон — это «человек, одаренный здравым рассудком, но без малейшего просвещения, горд, зол, кровожаден и непримиримый злодей своим неприятелям». Елизавета Петровна — «женщина отменной красоты, набожная, добрая, одаренная от природы разумом, но без образования. Веселая нравом, всегда искала веселий, чувствуя свою красоту, всегда старалась ее умножить. Была ленива, роскошна и любострастна». Петр III — «человек с добрым сердцем, но без разума и нравов». Екатерина II «великодушна, сострадательна и трудолюбива ко славолюбию. Даже когда ее голову покрыли седины, не уменьшилось ее любострастие».

Говоря о методе исторического исследования, Щербатов выдвигает два понятия: «приключение» и «причину». Историк обязан уловить эту взаимосвязь. Выяснение причин событий — это установление между ними чисто прагматической связи в виде внешнего воздействия одного на другое. Исторический процесс представляет собой последовательно сменяющиеся события, которые происходят под воздействием людей, «тайные пружины» поступков которых историк обязан выяснить.

В области источниковедения Щербатов развивал идеи Байера и Миллера, демонстрируя критический подход к источникам. Он выдвинул определенные критерии выбора наиболее достоверных летописных списков и правила их палеографического анализа, обосновал некоторые приемы изучения актового материала (духовных и договорных грамот), необходимость знания хронологии. В основе периодизации, которой придерживался Щербатов, лежит развитие самодержавия и изменение его взаимоотношений с аристократией. Например, недоверчивость Ивана Грозного к знатным боярам «отнимала у них возможность отечеству услуги показать».

Статья Щербатова «О древних чинах, бывших в России и о должности каждого из них» посвящена рассмотрению придворных чинов и преследовала цель — исторически обосновать права «благородного сословия». В целом труды М.М. Щербатова — важный этап в русской историографии. Его творчество оказало заметное воздействие на исследования И.Н. Болтина, Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева.

И.Н. Болтин

Первый из них, Иван Никитич Болтин (1735–1792) стал оппонентом и критиком Щербатова. Будучи почти сверстником Щербатова, он прошел служебную карьеру, довольно далекую от его трудов. Болтин родился в старинной дворянской семье, получил домашнее воспитание и поступил в Конногвардейский полк. В полку стал близким товарищем Г.А. Потемкина, который впоследствии всегда помогал Болтину. После военной службы (18 лет) он поступил на таможенную службу, затем был прокурором Военной коллегии и, наконец, ее советником вплоть до самой смерти.

Потемкин очень дорожил умом и обширными практическими сведениями Болтина. При заселении Новороссии он вызвал Болтина в Крым для советов. Иван Никитич был одним из самых образованных и начитанных людей своего времени. В духе XVIII столетия он оставался умеренным вольтерианцем, хорошо знал французских историков и публицистов XVI в. (Бадена, Беллярмина, Потчицера), но любимыми его писателями и философами были Бейль, Мерсье, Вольтер. Опираясь на их воззрения, Болтин считал, что история движется климатом, религией и образом правления.

Во время своей служебной деятельности Болтин много путешествовал по России, поэтому оценивал современный ему государственный строй не в качестве наблюдателя со стороны, а как непосредственный участник административной машины.

С таким запасом знаний и наблюдений Болтин приступил к занятиям по русской истории. Как историк, в противоположность Щербатову, Болтин не выступал с обобщающим трудом по русской истории. След в историографии он оставил двумя произведениями, посвященными критике работ своих современников: француза Леклерка, врача по профессии, написавшего книгу «История естественная, нравственная, гражданская и политическая древния и нынешния России», и М.М. Щербатова. Построение критики у Болтина своеобразно. Оно дано в виде последовательно расположенных выписок из трудов Леклерка и Щербатова и примечаний к ним, представляющих развернутые ответы Болтина. Отсюда заглавия работ Болтина: «Примечания на «Историю древния и нынешния России» г. Леклерка, сочиненные генерал-майором И. Болтиным» (1788); «Критические примечания генерал-

майора Болтина на (первый и второй) том «Истории» князя Щербатова» (1793–1794).

Довольно легкомысленный и склонный к авантюризму француз Леклерк (1726–1798) приезжал в Россию в 1759 и 1769 гг. Он был врачом при Кирилле Разумовском, лейб-медиком при цесаревиче и занимал определенное положение при дворе. Всего прожил в России около 10 лет. В то время в Европе читали екатерининский Наказ и, соответственно, все, что касалось России, и особенно ее история, пользовалось большим спросом. Этими обстоятельствами решил воспользоваться Леклерк. Собрав наскоро материалы, в 1775 г. он вернулся во Францию, где с 1783 г. стал издавать большой труд под названием «Естественная, политическая и гражданская история России» в 6 томах. Это были своего рода путевые заметки, которые можно назвать образцом среди «иностранных историй» о России. Недобросовестное отношение к фактам и источникам, враждебность сочинителя к России вызвали ответную реакцию русских читателей. Потемкин подсказал Болтину идею: выступить против Леклерка в печати. Таким образом и появились «Примечания... Болтина» в двух больших томах — более 500 страниц. По общему определению Болтина, книга Леклерка «вовсе не история, а сельская лавочка, в которой можно найти и бархат, и помаду, и микроскоп, и медное кольцо».

Комментарии Болтина к «Истории Российской...» Щербатова во многом были преувеличенной цитированной критикой, однако автор обнаружил в «Истории...» довольно много ошибок и небрежностей, неправильное понимание всей древней истории, незнание исторических приемов и неумение разбираться в фактах по степени их важности. Комментарии имели важное научное значение, поскольку способствовали развитию углубленного анализа источников и становлению вспомогательных исторических дисциплин.

Задача «Критических примечаний...» — прежде всего восстановить правильность исторического факта, затем наметить пути установления этого факта и, наконец, дать характеристику и оценку отдельных сторон исторического процесса. Замечания Болтина остры и язвительны по форме и серьезны по существу. Леклерка он считает (с достаточным основанием) невеждой, не знающим источников, излагающим историю по чужим трудам, дающим извращенное представление об историческом прошлом русского народа. Отрицательно оценивает Болтин (не всегда в одинаковой мере убедительно) ряд выводов и наблюдений

Щербатова, считая, что они являются плодом авторского произвола в обращении с источниками, а не их научного анализа.

Болтин излагал свои взгляды на задачи исторической науки, подчеркивая, что достоинство историка составляет «избрание приличных веществ» (т.е. нужных и доброкачественных источников), «точность, безпристрастность в повествованиях, дельность и важность в разсуждениях, ясность и чистота в слоге и проч».

Автор указывал на трудность написания истории, требующего больших профессиональных навыков: «Всякую Историю вновь зделать, а особливо зделать хорошо, очень трудно, и едва ли возможно одному человеку, сколь бы век его ни был долог, достичь до исполнения намерения таковаго, при всех дарованиях и способностях, к тому потребных».

Основным требованием к историку является, по мнению Болтина, правдивость в изображении фактов прошлого, отказ от таких стимулов в освещении исторического процесса, как стремление показать в благоприятном свете родину, забота о репутации друзей, родственников и т.д. «Сказанное правило, что **историк не должен иметь ни родственников, ни друзей**, имеет смысл такой, что историк не должен закрывать или превращать истину бытий по пристрастию к своему отечеству, к сродникам, к друзьям своим; но всегда и про всех говорить правду, без всякаго лицеприятия». Сам Болтин, конечно, далеко не всегда соблюдал это правило, не был свободен от «пристрастий» характера классового, национального, фамильного, однако девиз, им выдвинутый, несомненно, заслуживает внимания как показатель тех требований, до которых доросла историография второй половины XVIII в.

Точность воспроизведения исторического факта, по Болтину, зависит от уровня источниковедческой методики, а последний определяется не только числом привлеченных памятников, но и умением их использовать в целях исторического построения. «Весьма те ошибаются, — пишет Болтин, — кои думают, что всякий тот, кто по случаю мог достать несколько древних летописей и собрать довольное количество исторических припасов, может сделаться историком; многого еще ему недостанет, если кроме сих ничего больше не имеет. Припасы необходимы, но необходимо также и умение располагать оными, которое вкупе с ними не приобретается».

Собственно говоря, здесь Болтин повторяет мысль Татищева, который служит для него образцом историка, критичес-

ки изучающего источники. Очень высоко ставит Болтин в качестве источниковеда и Миллера, который «имел к тому способность, чтоб из великих кучь дрязгу избирать драгоценнейшие зарытые в них перла».

Наконец, следуя Шлецеру, Болтин говорит о трех этапах в работе источниковеда, предшествующей историческому построению: 1. Следует произвести сличение летописных текстов и устранить погрешности, вкравшиеся при многократной их переписке («рассмотреть летописи, сличить их между собою, исправить погрешности, учиненные переписчиками, и привесть их в тот вид, в каковом они от сочинителей их были изданы»). 2. Уяснить смысл текста, освобожденного от вкравшихся при переписке ошибок («второй труд — в объяснении исправленных уже летописей, сиречь в истолковании слов, вышедших из употребления, дабы можно было понимать точный смысл ими сказуемого»). 3. Исторические сведения и наблюдения пополнять данными географического характера («Третий труд — в собрании известий, относительных до Географии; ибо История с Географиею столь тесно связаны, что не зная одной, писать о другой никак не может»).

Помимо использования русских памятников («домашнего источника»), Болтин в целях всесторонней проверки фактов считает необходимым привлечение «известий из чужестранных историков и летописцев, не только соседних нам государств, но и самых отдаленных».

Таким образом, Болтин пытается поставить на должную высоту проблемы источниковедения, считая, что «приуготовление к Истории не меньше есть важно и трудно, сколь и самое ее сочинение».

Разбирая различные неверные или сомнительные утверждения Леклерка или Щербатова, Болтин неоднократно подчеркивает необходимость отбора источников, умения отличить правду от вымысла. «Не всему без разбора, что путешественники рассказывают, должно верить, но тому только, что похоже на правду и что вероятно достойно». Требуется «великой труд и внимание» исследователя, «чтоб в толикую запутанность приведенное разобрать и привесть в надлежащий порядок». В то же время, толкуя «темные места летописей», историк должен опасаться уклониться «от подлинного их смысла» и не имеет права писать «чего ни есть с обстоятельствами времени или местоположения несогласного». Болтин в своих «Примечаниях на книгу Леклерка» много места уделяет пере-

воду статей договоров России с Византией X в., «Русской Правды», «Судебника» 1550 г., «Соборного Уложения» 1649 г.

При отборе фактов для исторического труда, говорит Болтин, надо помнить, что история как наука — это не летопись, «не имеет она нужды в таких мелочах, кои в летописях были помещены...». Историк должен останавливаться лишь на самом главном.

При изучении исторических явлений Болтин исходил из предпосылки о том, что общность человеческих нравов определяет близость общественного развития различных народов. «Писавшему историю какого ни есть народа надобно ежечасно помнить, что он человек и описывает деяния подобных себе человеков». «Пороки и добродетели суть общи всем земнородным. Во всяком обществе есть люди добродетельные и порочные, благие и злые». Мысль об одинаковом «свойстве человеческого естества», как определяющем факторе исторического процесса, не новая. Она типична для дворянской историографии XVIII в. Интересно другое: это представление широко используется Болтиным для исторических аналогий, к выявлению которых он был подготовлен вследствие хорошего знания всеобщей истории.

Но в поисках факторов общественного процесса Болтин уже не ограничивается наблюдениями над сущностью человеческой природы, в общих чертах везде одинаковой. Он останавливается на роли в общественной жизни таких условий, как климат, воспитание, форма правления и т.д. Он выдвигает мысль о том, что «главное влияние» на людей и общество имеет климат, остальные же причины «суть второстепенные или побочные: они токмо содействуют или, приличнее, препятствуют действиям оного». Идея о значении среды, географических условий в общественной жизни получила большое распространение в последующей историографии.

В связи со своим представлением о роли климата в истории отдельных человеческих обществ Болтин выдвигает понятие «национальный характер», который, по его мнению, зависит во многом от климата. Перенос внимания с человеческих нравов на естественную среду, на них воздействующую, при всей механистичности понимания этого воздействия был шагом вперед в попытке осмыслить исторический процесс.

Стремление определить общие линии исторического развития ряда народов сочеталось у Болтина с идеей своеобразия их исторической жизни. Так, он писал, что судить о Рос-

сии, «применяяся к другим государствам европейским, есть тож что сшить на рослого человека платье, по мерке снятой с карлы. Государства европейские, во многих чертах довольно сходны между собою; знавши о половине Европы, можно судить о другой, применяяся к первой, и ошибки во всеобщих чертах будет не много; но о России судить, таким образом, неможно, понеже она ни в чем на них не похожа...»

Наряду с поисками в историческом прошлом народов факторов, определяющих черты как сходства, так и своеобразия их общественной жизни, Болтин подчеркивал значение в истории счастья, фортуны — понятий, которые в конечном итоге ассоциируются с представлением о божественном промысле. Так причудливо в миросозерцании дворянского историка сочетались идеи человеческого «естества», естественной географической среды и божественного промысла как причин, влияющих на ход исторических событий.

Представление о близости прошлого России к прошлому других стран и одновременно о его своеобразии Болтин использует для обоснования своей концепции исторического развития России. Эта концепция характеризуется патриотической направленностью. Автор стремился опровергнуть утверждение Леклерка, изображающего русский народ примитивным, долгое время лишенным оседлости, разбойничьим. В то же время Болтин защищал историческую схему, отвечающую интересам дворянства, обосновывающую целесообразность крепостничества и самодержавия.

Защищая русский народ от нападок Леклерка, Болтин писал: «Не должно приписывать единому народу пороков и страстей общих человечества. Прочтите первобытные веки всех царств, всех республик, найдете во всех нравы, поведения и деяния их сходными». И далее Болтин подчеркивает, что все народы на определенной стадии их общественного развития участвовали в грабительских войнах. «Первобытные римляне упражнялися в разбойничестве... Сколько раз ломбарды для добычи впадали в Италию прежде, нежели поселилися части оныя? Колико крат франки разоряли и грабили Галлию, пока совершенно ее игу власти своей покорили..?»

Далее Болтин, возражая Леклерку по поводу того, что якобы первыми «учителями» русских явились варяги, доказывает, что еще до призвания Рюрика с братьями у восточных славян были развиты земледелие, ремесла, торговля, имелись города, славяне не были кочевыми племенами.

Крепостной строй для Болтина — это порядок, который можно обосновать, исходя из «естественного разумения о вещах». Если «вольный человек» не может быть «без собственности», то крестьянин не может быть без помещика. Болтин проводит мысль о том, что вольность приносит пользу далеко не каждому народу. Для того чтобы ею пользоваться, необходимы особые личные качества, исторический опыт и другие условия. «Не всякому народу вольность может быть полезна; не всякий умеет ея снести и ею наслаждаться; потребно к сему расположение умов и нравов особливое, которое приобретается веками и пособием многих обстоятельств».

По Болтину, «умоначертания о свободе» — это свойство «народов диких, живущих в совершенной и полной независимости от всякого народа, власти, закона обычая». Европейцам «свойственнее ... ограниченная вольность», а не «их [диких народов] безпредельная»: «...мы [европейцы] их [дикарей] свободы не снесем», а «они нашею довольны не будут».

Защищая крепостнический строй России, Болтин подчеркивал также, что он в большей мере отвечает интересам русского народа, чем современные ему порядки, господствовавшие в других странах. «Земледельцы наши прусской вольности не снесут, германская не сделает состояния их лучшим, с французскою помрут они с голода, а английская низвергнет их в бездну погибели». «Рабство народа в России», по мнению Болтина, менее тягостно, чем положение крестьян в других странах. «Земледелец в России меньше гораздо несет тягости, нежели во Франции, Англии, Германии, Голландии и других государствах».

Оправдывал он и такие явления, как рекрутчина. В данном случае он исходил из аналогии между человеческим организмом и политическим строем. «В теле политическом, яко и в теле человеческом, имеются некоторые проходы, чрез которые низвергаются непотребные влажности... Надобно, чтоб в каждом обществе гражданском был такой ров, коим бы стекали пороки». Рекрутские наборы Болтин расценивает как «вертеп, в которой из политического тела низводятся излишнии и вредоносные мокроты», т.е. крестьяне, сдаваемые помещиками в рекруты, «понеже в сии редко отдают людей, обществу нужных и полезных, разве по необходимой нужде...».

Излагая общественно-политическую историю России, Болтин исходил из предпосылки о том, что славяне «издревле жили под правлением монархическим», но первоначально

власть князей была ограничена: «вельможи и народ великую имели силу в определениях о вещах важных». В «общенародных собраниях всякой гражданин имел право подавать свой голос...».

В период политической раздробленности Руси усилилась власть удельных князей и боярской аристократии. «Самосудная власть вельмож начало свое возымела от уделов княжих; их примеру следуя, бояры и прочие владельцы равномерную власть во владениях своих себе присвоили».

Важным выводом Болтина было признание наличия в России феодальных порядков. Русское поместье он сопоставляет с французским феодом. Как «вид платы или награждения за службу, тоже самое, что наше **поместье, поместной оклад**: сии **поместья** зделалися по времени все наследными вотчинами». Очень ценно определение «феодального права» как «права помещика в деревне своей над его подданными».

Рассматривая феодализм как явление права, относя его господство ко времени политической раздробленности и наличия на Руси удельной системы, Болтин связывал конец феодализма с реформами Ивана IV. В личности и деятельности последнего он находит много общего с Людовиком XI французским.

Политическим идеалом Болтина является крепкая самодержавная власть. Поэтому он в противоположность Щербатову — стороннику участия в правительстве аристократии — сочувствовал политике Ивана Грозного. По мнению «дворянства русского, — указывает Болтин, — власть единаго несравненно есть лучшая, выгоднейшая и полезнейшая как для общества, так и для каждого особенно, нежели власть многих».

Касаясь вопроса о происхождении крепостного права, Болтин рисует крестьян до конца XVI в. вольными людьми. «Земля была собственностию владельческою; а плоды труда и промыслов — собственностию крестьянскою. Собственность того и другого была охраняема законом». Вольные крестьяне «имели владельцев и имели собственность, не имев земли; а помещики владели крестьянами, не имев власти учинить их невольниками; получали с них оброки, не могучи их грабить». «Запрещением крестьянам перехода от одного помещика ко другому, — писал Болтин, — положено начало их рабства».

Болтин поднимал важный для России вопрос о завоеваниях территории. Его концепция сводилась к оправданию внешней политики России. Сопоставляя ее с политикой Римской

империи, он выдвигал следующий тезис: там было завоевание, Россия производит мирную ассимиляцию народов присоединяемых территорий.

Следует сказать несколько слов об отношении Болтина к религии, церкви и духовенству. Он проводит мысль о том, что «для народа просвещенного духовенство просвещенное полезно; для народа же непросвещенного духовенство просвещенное бедственно и гибельно». Власть просвещенного духовенства приводит к тирании (подобной господству папства в Средние века), а «легче суеверие истребить, нежели из-под тиранического ига власти духовныя свободиться». Он резко критиковал католическую церковь и противопоставлял ей церковь православную.

Таковы исторические взгляды Болтина. В них много нового, оригинального. Болтин — человек образованный, начитанный, мыслящий. Это — один из наиболее крупных представителей дворянской историографии второй половины XVIII столетия.

Новые направления в историографии

Проникновение представителей третьего сословия во все области культуры и общественной жизни также стало довольно распространенным явлением второй половины XVIII в. Выдающийся сатирик Денис Фонвизин писал: «Третий сей чин есть убежище наук и освященное место человеческого познания. Нет такого рода заслуг и добродетели, которых бы не производил третий чин». В связи с расширением круга историков расширяется также круг исторических персонажей, т.е. круг лиц, деятельность которых представлена в исторических произведениях. Наряду с классическим репертуаром феодальной историографии на страницах исторических произведений появились, как и в художественной литературе, деятели третьего сословия (по западноевропейской терминологии). Так, В.В. Крестинин пишет историю крестьянско-промышленного рода Вахониных-Негодяевых.

Разработка отечественной истории осуществлялась не только в Петербурге или в Москве, но и во многих провинциальных центрах. Но самым характерным для развития исторической мысли явилось расширение тематики исторического исследования в экономическом направлении. Наиболее видными представителями этого течения были В.В. Крестинин, М.Д. Чулков, И.И. Голиков и др. Все они были выходцами из того нового класса, который со второй половины XVIII в. играл все большую и большую роль в экономической жизни России.

Тяготение буржуазии к истории закономерно, так как оппозиционность купечества находила в известной степени выход в истории. Историки из купцов или разночинцев, разумеется, не столько интересовались штатными сюжетами феодальной историографии, сколько историей коммерции, которую они понимали как историю торговли, финансов, фабрик и заводов.

Оппозиционность идеологов купечества сказывалась также и в идеализации Петра I. Этого великого государственного деятеля они считали образцом, давая понять, что современные правительства не могут действовать иначе, чем поступал Петр по отношению к купечеству в первую очередь. Если дворянская историография второй половины XVIII в. в отличие от первой половины отрицательно относилась ко многим преобразованиям начала XVIII в., то нарождающаяся буржуазная историография отстаивала их, добиваясь продолжения.

В 60-х гг. XVIII в. впервые были изданы произведения, ставшие основой русской историографии и сыгравшие значительную роль в развитии исторической науки. Были опубликованы не только труды, написанные современниками, но и историками первой половины XVIII столетия. Через год после смерти М.В. Ломоносова вышла в свет его «Древняя Российская история» (1766), в 1767 г. появился первый том «Истории Российской» Ф. Эмина и, наконец, еще через год — первая часть первой книги «Истории Российской» В.Н. Татищева; в 1770 г. М.М. Щербатов выпустил первый том своего фундаментального труда «История Российская от древнейших времен». Тогда же впервые были напечатаны основные источники русской истории — летописи и законодательные памятники: в 1767 г. — Кенигсбергская и Никоновская летописи, «Русская Правда», в 1768 г. — «Судебник» Ивана IV; с 1773 г. начала выходить «Древняя Российская Вивлиофика». Постепенно русская национальная литература и историография приходит на смену увлечению классицизмом и античной тематикой в изобразительном искусстве, исторической драматургии и истории.

Круг чтения провинциального дворянства, начиная с середины XVIII в., значительно расширился. Если в 1754 г. курский помещик И.П. Анненков заказал для удовлетворения своих исторических интересов переписать Степенные книги, то в 1758–1763 гг. он интересуется по преимуществу книжной продукцией. Среди приобретенных им книг — «История Сибирская», комплект «Ежемесячных сочинений» за 1755, 1756, 1757 гг. и первая книга за 1758 г., «Краткий Российский летописец» М.В.Ломоносова, десятый том «Древней истории» Роллена и его же четвертый том «Римской истории», «Универсальная история», «Родословец Российский» и др. Характерно, что большинство этих книг были новинками книжного рынка.

Представление о том, какую историческую литературу читали в провинции, дает роспись книг, затребованных в 1767 г. из Академии наук для продажи в Архангельске. В 1766 г. главный директор Академии наук В.Г. Орлов не столько с целью распространения культуры и знаний, сколько «по должности», проявил беспокойство в связи с перегруженностью книжной продукцией академической типографии. Он обратился к губернаторам с предложением организовать в губернских городах торговлю книгами на комиссионных началах. В Архангельске на это предложение откликнулся А.И. Фомин — сотоварищ В.В. Крестинина по историческому обществу, за кредитоспособность которого поручились местные купеческие воротилы. Хотя деятельность Фомина на поприще книжной торговли продолжалась всего два года (1767–1769), а конкретные результаты ее нам в точности не известны, но составленная им «Роспись» затребованных книг из Академии для продажи на родине Ломоносова является уникальным историческим документом, свидетельствующим о значительной потребности в исторической литературе не только в центре России.

Круг чтения мещанского сословия достаточно верно определил Н.И. Новиков (1775). По его свидетельству, большим спросом пользовались «Троянская история», «Синопсис», «Юности честное зерцало», «Совершенное воспитание детей» и «Азовская история» (Байера) и т.д. Хотя Новиков и жаловался, что романы и сказки имеют большее распространение, чем серьезные научные книги, но возросший интерес к исторической литературе бесспорен.

Н.И. Новиков

Развитие России в капиталистическом направлении, американская революция, напряженная обстановка во Франции перед 1789 г. — все это заставляло екатерининское правительство проводить такие мероприятия, которые объективно способствовали созданию условий для развития русской исторической мысли. В этом отношении характерен указ об открытии «вольных типографий». Еще 24 января 1773 г. был издан указ об учреждении типографий при губернских правлениях, сыгравших, правда, минимальную роль в истории русской культуры. 15 января 1783 г. вышел указ о заведении вольных типографий. Инте-

ресно отметить, что в нем было сказано: «... типографии для печатания книг не различать от прочих фабрик и рукоделий».

Николай Иванович Новиков (1744–1818) за дело издания памятников принялся в 70-х гг. и самым важным его начинанием стало издание 10 книг «Древней Российской Вивлиофики». Это был первый русский ежемесячный архивный журнал. Он состоял исключительно из архивных публикаций и памятников древней письменности. Здесь публиковались посольские книги, русские грамоты, описания свадебных обрядов, исторические и географические достопримечательности, сочинения древних российских стихотворцев и т.д. Русская история должна была служить, по представлению Новикова, целям просвещения и борьбы с невежеством.

Происходил Н.И. Новиков из небогатых дворян Бронницкого уезда Московской губернии, обучался в Московской университетской гимназии, в 1762 г. поступил на службу в лейб-гвардии Измайловский полк в Петербурге, где активно занимался самообразованием. В день воцарения Екатерины II как часовой у подъемного моста Измайловских казарм был произведен в унтер-офицеры. Еще до время службы он обнаружил вкус к словесности и книжному делу. В 1767 г. Новиков был назначен одним из протоколистов Комиссии депутатов по составлению нового Уложения. Здесь, изучая материалы наказов, Николай Иванович гораздо ближе познакомился с реальной русской действительностью и стал лично известен Екатерине II. В 1766 г. он вышел в отставку и стал издавать еженедельный журнал «Трутень». Свое издание Новиков противопоставил господствовавшей в русском обществе французской просветительской философии, которая усвоила лишь вольтеровский смех, превратив его в безразборчивое зубоскальство. Журналы Новикова сатирически изображали львов и львиц тогдашнего большого света, проводили мысль о несправедливости крепостного права, выступали против произвола помещиков, взяточничества, «неправосудия» и придворных интриг. Между новиковским «Трутнем» и екатерининской «Всякой всячиной» возникла полемика о содержании сатиры. В итоге «Трутень» сначала умерил тон, отказался от обсуждения крестьянского вопроса, а затем и вовсе прекратил свое существование, конечно, не по своей воле.

Новый журнал Новикова «Живописец» (с 1772 г.) стал лучшим изданием второй половины XVIII в. и особенно пришелся по вкусу мещанам. Однако и в этом издании Николай Иванович горячо ратовал против крепостного права, и в 1773 г. журнал был закрыт. С 1774 г. стал выходить журнал «Кошелек», выступавший против нравов светского общества. Придворные сделали все, чтобы он был вскоре закрыт.

Противовес модному французскому воспитанию Новиков пытался найти в добродетелях предков, в нравственной высоте, в силе старых русских начал. Вот почему Николай Иванович одновременно с сатирическими журналами стал выпускать исторические издания, чтобы содействовать укреплению национального самосознания, дать «начертание нравов и обычаев предков», дабы народ познал «великость духа своего, украшенного простотой». Материалы поступали из древлехранилищ и церковных собраний. Екатерина II сама разрешила Н.И. Новикову доступ в государственные архивы. Много документов предоставили ему Г.Ф. Миллер, М.М. Щербатов, Н.Н. Бантыш-Каменский, а субсидировала издание Вивлиофики и — достаточно щедро — императрица.

Новиков считал, что «введение наук в России и художеств безвозвратно погубили нравы», но вместе с тем он был ревностным приверженцем просвещения, почитателем Петра I и писательского таланта. С 1772 г. он составлял «Опыт исторического словаря о российских писателях». С середины 70-х гг. Новиков становится приверженцем масонства.

С 1777 г. он издавал «Санкт-Петербургские ученые ведомости». Это был журнал ученой и литературной критики, поставивший себе целью сблизить русскую литературу и науку с ученым миром Запада, но в то же время выставлял заслуги отечественных писателей, особенно исторических. Нравоучительные идеи Новиков проводил и в следующем ежемесячном журнале «Утренний свет» (1777–1779), который издавался в Москве и Петербурге, и публиковал произведения Юнга, Паскаля, переводы немецких писателей. Все доходы с изданий шли на устройство и содержание народных училищ.

В 1779 г. М.М. Херасков, куратор Московского университета, также масон, предложил Новикову взять в аренду университетскую типографию и издание «Московских ведомостей». В Москве начинается самый блестящий период деятельности Новикова. Он работает в окружении московских масонов, которые были преданы идее нравственного воспитания и самопознания (В.И. Лопухин, С.И. Гамалея, И.Е. Шварц, князья Трубецкие и Черкасские, И.П. Тургенев,

профессора Московского университета, княгиня В.А. Трубецкая). За три года деятельности в университетской типографии Новиков опубликовал в ней больше книг, чем вышло до него за 24 года ее существования. Из 448 названий книг, изданных Новиковым, 290 книг светского содержания, остальные — духовное чтение, в основном касающееся масонства. Продажа книг десятками тысяч проводилась не только в Москве, но и в провинциальных городах и даже деревнях. Открываются первые публичные библиотеки. Благодаря деятельности переводчиков, сочинителей, владельцев типографий и книжных лавок, в России создавалось общественное мнение. В голодный 1787 г. Новиков в больших размерах оказывает помощь голодающим. Проникнутые масонскими идеями, состоятельные люди отдавали свои средства Новикову для целей благотворительности и просвещения.

С 1773 по 1775 г. Николай Иванович издал 10 частей «Древней Российской Вивлиофики». Позднее, в 1788–1791 гг., Новиков расширил издание до 20 частей. Успех первого издания «Вивлиофики» был настолько велик, что аналогичное собрание источников стала выпускать и Академия наук под названием «Продолжение Российской Вивлиофики» (1786–1801; 11 частей). Новиков также напечатал «Книгу Большого чертежа», вышедшую в первом издании под названием «Древняя Российская идрография» (СПб., 1773; второе издание (1792) уже носило общепринятое название). В 1776 г. Новиков начал готовить к изданию сборник исторических материалов — «Сокровища древностей Российских», но книга в свет не вышла. Можно предположить, что он заменил ее другим изданием — «Повествователь древностей Российских, или Собрание разных достопамятных записок, служащих к пользе истории и географии Российской». Опубликованная им «История о невинном заточении ближнего боярина Артамона Сергеевича Матвеева» рассматривалась общественностью как смелое оппозиционное выступление против Екатерины II, отстранившей в результате дворцовых интриг от дел полководца П.А. Румянцева. В 1783–1784 гг. Новиков выпускал «Прибавления» к «Московским ведомостям», в которых имелись различные статьи по истории. Так, в 1784 г. была опубликована «История ордена иезуитов», продолжение которой было запрещено, а напечатанные экземпляры конфискованы. В 1788 г. Новиков без указания типографии выпустил «Историю о страдальцах соловецких», издание которой послужило одним из оснований для официальной мотивировки его ареста в 1792 г.

Деятельность Новикова была в полном расцвете, когда над ним собиралась уже гроза. В мае 1792 г. уже серьезно больной Новиков был заключен в Шлиссельбургскую крепость сроком на 15 лет.

Четыре с половиной года Новиков провел в крепости, был освобожден Павлом I в первый же день его царствования. На свободу вышел дряхлый, старый и согбенный человек. Он отказался от всякой общественной деятельности и до самой смерти (31 июля 1818 г.) прожил безвыездно в своем имении Авдотьино, заботясь лишь о нуждах и просвещении своих крестьян.

Несомненно, что именно благодаря Н.И. Новикову в 80-х гг. XVIII в. произошел определенный перелом не только в развитии отечественной литературы и общественной мысли, но и в распространении и развитии исторических знаний. Еще В.О. Ключевский назвал 1779–1789 гг. «новиковским десятилетием». Если до Новикова в Москве имелось всего две книжных лавки, то к исходу столетия их насчитывалось два десятка, а их оборот достигал огромной для того времени суммы 200 000 рублей. Николай Иванович установил книготорговые связи Москвы со Смоленском, Тамбовом, Глуховом, Вологдой, Коломной, Полтавой, Псковом, а несколько позже с Ярославлем, Казанью, Тулой, Богородицком, Киевом, Симбирском, Тверью, Рязанью, Ригой, а также Архангельском. В результате деятельности вольных русских типографий число ежегодно издаваемых книг с 1786 по 1790 г. увеличилось почти в три с половиной раза в сравнении с началом 60-х гг. Но это было не столько следствием работы вольных типографий вообще, сколько новиковской «типографической компании», организованной в Москве в 1784 г. Однако историческая литература в издательской деятельности Н.И. Новикова занимала далеко не первое по объему и значению место. Тем не менее просветительская деятельность Новикова не только отражала успехи в разработке русской истории, но и активно содействовала ей. Из его типографий вышли произведения и материалы видных историков XVIII в., в том числе В.Н. Татищева, М.М. Щербатова, Феофана Прокоповича, М.Д. Чулкова, И.И. Голикова, «Размышление о греческой истории» Мабли в переводе и с примечаниями А.Н. Радищева, Н.Н. Бантыш-Каменского, книга А.А. Засецкого и многие другие.

Рост интереса общества к истории

Исторические знания в России XVIII в. были ярким показателем культурного развития страны. Историки культуры справедливо считали, что самостоятельное развитие русской мысли в XVIII в. с особенной силой сказалось и проявилось именно в истории. Например, А.П. Щапов писал: «В XVIII веке, когда впервые пробуждалась самодеятельность русской мысли, она, прежде всего и с особенною возбужденностью, проявилась самостоятельно в историческом дееписании... Татищев, Ломоносов, Щербатов, Болтин, Хилков, Емин, Елагин, митрополит Платон представляют непрерывный ряд историков XVIII столетия. А кроме того, сколько тогда написано исторических и памятных записок, вроде записок Данилова, Шаховского, Болотова, памятных записок Храповицкого, записок Державина и т.д.»

Серьезное значение истории в общественной жизни сказалось и на одном из широко распространенных литературных жанров того времени — так называемых «Словах». Они посвящались разнообразной тематике — «Слова» к дням рождения, бракосочетаниям, восшествию на престол или коронации, кончине или погребению, заключению мира по случаю победы, открытию того или иного учреждения, освящению церквей и т.п. По численности же первое место занимали похвальные «Слова» царям. Несмотря на заведомую тенденциозность, дух панегирика и церковность, они могут служить интересным и ценным историческим и историографическим источником для освещения многих событий и характеристики политических и исторических взглядов их авторов. Рядом с церковными проповедями встречаются «Слова», защищающие науку. Например, М.В. Ломоносов произнес ряд публичных речей («Слов»), пропагандирующих научные знания: «О пользе химии», «О явлениях воздушных», «О происхождении света», «О рождении металлов». Многие просветители в произведениях данного рода высказывали свои идеи и историографические соображения. С этой точки зрения особенно интересны «Слова», которые построены на историческом материале, — «Слово о произшествии и учреждении университетов в Европе на государственных иждивениях» (М., 1768), «Слово о римском правлении и о разных оного переменах» (М., 1769), «Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государства» И.А. Третьякова (М., 1773), «Слово о свойствах познания человеческого» Д.С. Аничкова

(М., 1770), известны подобные произведения С.Е. Десницкого и многих других.

История русского законодательства была представлена Ф.Г. Штрубе де Пирмонтом, который, использовав выводы В.Н. Татищева, не упоминая о нем, произнес речь под названием «Слово о начале и переменах Российских законов» (СПб., 1756). Обращают внимание «Слова», посвященные Ломоносову, Пожарскому и Минину, Ж.-Ж. Руссо, Вольтеру и другим деятелям России и мира.

Значение исторических знаний в общественно-политической жизни России в какой-то степени подтверждается тягой к созданию книжных хранилищ. Приобретение библиотек видных деятелей науки и культуры стало своего рода модой в России. Екатерина II купила библиотеки Дидро и Вольтера (первая была приобретена в 1765 г., вторая — в 1778 г.; библиотека Дидро была привезена в Петербург только в 1775 г., а Вольтера — в 1779 г.). Пример императрицы нашел подражателя в лице Г.А. Потемкина, который пытался «торговать», как писал М.М. Щербатов, библиотеку известного историка и архивиста Г.Ф. Миллера. В библиотеке, кроме книг, находилось около 500 связок рукописей, списанных «с великой точностью», известных теперь как «портфели» Миллера. Последний ответил отказом на том основании, что нельзя отделять его рукописное собрание от книг, и потому он не будет продавать свою библиотеку никому, кроме «короны и в государственные архивы». Библиотека была приобретена Екатериной II, которая оставила ее в пользовании Миллера до конца его жизни.

Интересно, что несколько месяцев спустя после воцарения Екатерины II в одном из ее указов необходимость изучения истории формулировалась с определенным сословным акцентом: «Знание истории и географии политической нужно всякому, а необходимо дворянину». В правительственных документах этого времени часто можно найти обычные ссылки на примеры из русской истории. В указе от 22 сентября 1762 г. сказано: «Знающим древнюю историю нашего Отечества довольно известно...» — и далее шло рассуждение о природной храбрости и мужестве русского войска. Однако правительство Екатерины II направляло развитие историографии в определенную, необходимую для него сторону. Когда, например, Фонвизин собирался перевести и издать Тацита, то Екатерина II, которой он об этом предварительно написал, не позволила ему ознакомить русских читателей с античным писателем, так как

считала его тираноборцем. Большинство государственных деятелей понимали практическую ценность исторических знаний только для дипломатии, военного дела, законодательства и т.д. Ярким примером отношения к истории являются знаменитые «Записки» тульского помещика А.Т. Болотова. Андрей Тимофеевич не раз принимался за составление самых разных исторических произведений. Он занимался «Историей нашей Шведской войны» (1788–1790), собирал сведения «о разных происшествиях и любопытных анекдотах, случившихся при осаде Очаковской», трудился над сочинениями и переводами «без отдыха»; наконец, Болотов много работал над составлением атласов, карт и планов Тульской губернии.

Не оставались без внимания и острые исторические темы, в частности изучение истории раскола. В 1770 г. М.Д. Чулков впервые упомянул о знаменитом произведении старообрядческой литературы — «Житии Аввакума». Он, как и все просветители XVIII столетия, резко отрицательно относился к расколу, считая его яростным врагом всякого просвещения и прогресса. Позднее, в 1791 г., Чулков выпустил особую книжку, направленную против первого расколоучителя. В 1786 г. было напечатано небольшое сочинение, приписываемое П.И. Богдановичу, под названием «О российских староверцах» и переизданное как «Историческое известие о раскольниках» в Петербурге в 1787 и 1791 гг. Попытку изучения истории стригольников предпринял А.И. Журавлев (1751–1813), опубликовавший в 90-х гг. три издания «Полного исторического известия о старообрядцах, их учении, делах и разгласиях».

Следует помнить и о деятельности таких обществ, которые, казалось бы, не имели прямого отношения к истории. Так, например, Вольное экономическое общество, организованное в 1765 г. по инициативе видных деятелей, отражавших интересы помещиков, было создано «ко исправлению земледелия и домостроительства». Интерес к истории «домостроительства», возникший из потребностей общественной и хозяйственной практики, стимулировался в какой-то степени и «Трудами» Вольного экономического общества и непосредственно сказался в произведениях архангельского историка В.В. Крестинина, в наблюдениях и материалах участников академических экспедиций 60–70-х гг. и т.д.

По уставу Академии наук 1747 г. история не включалась ни в один из научных циклов. Но уже в 1748 г. для разработки истории были созданы Исторический департамент и Историческое собрание. Департамент должен был обрабатывать материалы Камчатской экспедиции. Собрание имело контрольные функции. Оно просматривало и обсуждало все, что переводилось и писалось в Историческом департаменте. Наиболее активно деятельность Исторического собрания проявилась во время обсуждения работ Г.Ф. Миллера, в особенности его диссертации в 1749–1750 гг. Однако в целом деятельность Исторического собрания, продолжавшаяся до 1760 г., не оставила сколько-нибудь заметных следов в развитии исторических и других общественных наук.

С середины 60-х гг. после смерти М.В. Ломоносова и перевода в Москву Г.Ф. Миллера деятельность Академии сосредоточивается на издании источников русской истории, без которых дальнейшее развитие науки было уже невозможно. В середине 80-х гг. Н.Я. Озерецковский, предпринявший издание десятитомного «Собрания сочинений, выбранных из «Месяцесловов», оживил в какой-то степени интерес к истории в Академии наук. «Новые ежемесячные сочинения» и сравнительно многочисленные книги по истории (например, В.В. Крестинина), выпускаемые Академией в 80-х — начале 90-х гг., также свидетельствовали о том, что в Академии не была забыта история.

Однако просветительское направление в русской историографии развивалось фактически самостоятельно. Нужно учесть, что культурный и научный центр, в особенности в области гуманитарных наук, с середины 60-х гг. перемещается в Московский университет, продолжавший и развивавший ломоносовские традиции, в том числе и в теории исторических знаний (работы юристов по философскому обобщению истории). Правительство в лице Екатерины II непосредственно берет в свои руки разработку истории. Так, создание Российской Академии, причастность к истории которой известна, высвобождала Академию наук от необходимости заниматься историей. Тем более что в Академии после смерти Г.Ф. Миллера (1783) фактически не осталось историков.

Успехи в развитии русской исторической мысли, а в еще большей степени практические потребности в дальнейшем совершенствовании и углублении различных наук привели к необходимости создания истории науки, точнее истории ее различных отраслей. Уже в середине XVIII в. были предприняты попытки осветить историю различных наук с исторической или математической точки зрения. Например, С.П. Крашенинников в речи 1750 г. «О пользе науки и художеств» исходил из

признания принципа историзма, когда говорил о происхождении «мастерства и художества» от самого простого: корабля от лодок, архитектуры от шалашей и т.д. С.К. Котельников в 1761 г., обращаясь к истории математических наук, доказывал преимущество математического познания перед философским и историческим. В конечном итоге ученые XVIII в. (М.В. Ломоносов, С.К. Котельников, С.Я. Румовский и др.) придерживались распространенной в то время классификации ступеней познания: историческое, философское и математическое. В 1779 г. при Академии наук начал выходить новый журнал «Академические известия», и в нем предполагалось самым широким образом освещать историю наук. Ценные и интересные мысли по истории наук высказывали ученые Московского университета. Речи И.А. Третьякова о происхождении университетов в Европе (1768), П.И. Страхова о влиянии наук на человека и общество (1788), А.А. Прокоповича-Антонского о начале и успехах наук (1791) и многие другие ставили глобальные вопросы, например, о темпах прогресса, о влиянии естественных наук и техники на умственное развитие и т.д.

Исторические темы в периодической печати

В деле распространения и развития русской исторической мысли определенное значение имела периодическая печать. Литературно-политическая борьба, развернувшаяся в молодой русской журналистике, не могла не отразиться на исторических произведениях. Борьба историографических мнений сказывалась на отборе статей для журналов и на их содержании. Интерес к истории экономики, антикрепостнические тенденции, соображения о содержании предмета истории и настойчивое стремление к критике источников свидетельствовали об укреплении нового историографического направления, связанного с просветительской идеологией, требующей знакомства с новинками западноевропейской исторической и экономической литературы. Впоследствии журнал «Ежемесячные сочинения» (1755–1764, 20 томов) был положительно оценен в русской исторической литературе. Н.М. Карамзин (1801) подчеркивал, что русская Академия наук во второй половине XVIII в. «сделалась несравненно полезнее для отечества... «Ежемесячными сочинениями», которые, будучи магазином исторических и других любопытных сведений, распространяли их в государстве». Митрополит Евгений (Болховитинов) в «Словаре русских светских писателей» отметил популярность журнала, который читала «вся Россия с жадностью и удовольствием».

Журнал не столько занимался изданием документов, сколько помещением оригинальных исторических произведений. Журнал отмечал также два подхода к изучению экономических вопросов — практический и исторический — и подчеркивал прежде всего практическое значение статей о купечестве и мануфактурах, но тем не менее уделял большое внимание истории экономики, точнее истории коммерции и мануфактуры. За десять лет в «Ежемесячных сочинениях» было опубликовано около трех десятков самостоятельных работ по русской истории, а также напечатаны некоторые интересные источники и документы. На страницах журнала появились работы В.Н. Татищева, Г.Ф. Миллера, И.Г. Гербера, Ф.И. Соймонова, П.И. Рычкова, И.Э. Фишера, А.П. Сумарокова.

В середине XVIII в. вспомогательные исторические дисциплины только начали оформляться. Археология в «Ежемесячных сочинениях» была представлена небольшой переводной статьей «Об остатках города Пальмиры», в которой рассказывалось о результатах частной археологической экспедиции (1755, январь), и работой Миллера, написанной по поручению Екатерины II, «Изъяснение о некоторых древностях, в могилах найденных», в которой были обобщены материалы археологических находок в Сибири и на Украине (в Новой Сербии). Наряду с довольно подробным описанием могильных памятников Миллер привлек этнографические данные. Древнейшим народам на территории России посвящена статья И.Э.Фишера «Рассуждение о гиперборейцах, или О народе за севером находящимся» (1755, февраль). В первом номере «Ежемесячных сочинений» и первой по порядку была статья уже покойного в то время В.Н. Татищева «Краткая роспись в. кн. Всероссийских от Рюрика до нашествия татар с показанием родословия», извлеченная Миллером из рукописи «Истории Российской» Татищева.

На протяжении всего XVIII в. историки проявляли повышенный интерес к генеалогии князей и царей, а также отдельных дворянских родов. К занятиям генеалогией побуждали насущные потребности исторической науки, а также практические интересы политики и дипломатии. О политической, или династической, актуальности генеалогии свидетельствует небольшая статья, опровергающая мнение немецких историков, доказывающих общность происхождения российского императорского дома и брауншвейгских герцогов от одной фамилии. Интересно, что данное опровержение появилось

в царствование Елизаветы Петровны в 1755 г., накануне Семилетней войны (Ежемесячные сочинения. 1755. Ч. 2. С. 93).

В.Н. Татищев и многие другие историки на протяжении всего XVIII в. вынуждены были обходить вопросы Новой и тем более Новейшей истории России. Уже после времени Ивана Грозного начинался своего рода запретный рубеж. Историю XVII столетия Татищев, например, официально исключил из своей научной программы. Не случайно такие историки, как М.М. Щербатов и даже Н.М. Карамзин, остановились на начале этого поистине злополучного века в русской историографии. Примечательно как В.Н. Татищев аргументировал решение довести «Историю Российскую» только до начала царствования Романовых, хотя и продолжил ее в черновиках до воцарения Петра I. Он отмечал, с одной стороны, сравнительную легкость написания современной, или Новой, истории благодаря значительному количеству сохранившихся материалов, но, с другой стороны, и то, что в современной истории являются «многих знатных родов великие пороки, которые, если писать, то их самих или их наследников подвигнуть на злобу, а обойти оные — погубить истину и ясность истории...».

Кроме того, по вполне понятным соображениям правящие круги в XVIII в. «засекречивали» историю XVII столетия по соображениям государственного порядка, в целях сохранения государственной тайны и поддержания внешнеполитического авторитета страны. Это действительно было во многом необходимо. Некоторые иностранные авторы, падкие на все, что только могло представить Россию в невыгодном свете, в своих мемуарах и сочинениях всячески подчеркивали и распространяли были и небылицы о русском народе, пытаясь часто изобразить его архиневежественным, диким, ленивым, отсталым во всех отношениях и пр. Подобная идеологическая обработка зарубежного общественного мнения была необходима для обоснования необходимости протектората над Россией якобы более цивилизованных государств.

«Ежемесячные сочинения» шли в ногу со временем. Произведения, помещаемые в них, способствовали замене объемистых компиляций по универсальной истории более компактными сочинениями, написанными по единому плану, а также содействовали выработке новых приемов источниковедческой критики. Историческая критика расшатывала старые догматические представления о каноничности любого исторического источника. Классики античной истории были подвергнуты серьезной проверке.

На страницах «Ежемесячных сочинений» профессор Геттингенского университета Геснер в 1755 г. предложил решить вопросы «о некоторых сумнительствах», относящихся к истории Ольги. Поводом к пересмотру канонического толкования летописи явилось издание в Лейпциге в 1757 г. «Церемониальной книги Константина Порфиродного» (на языке подлинника и в латинском переводе). На основании этого источника Геснер относил крещение Ольги к 946 г., а не к 955 г., как в летописи. В связи с этим редактор журнала Г.Ф. Миллер поставил вопрос о проверке хронологии Нестора.

Значение «Ежемесячных сочинений» для развития русской исторической мысли определяется тем, что этот журнал содействовал распространению исторических знаний, пропагандировал их роль в общественно-политической, экономической и научной жизни страны и осуществлял разработку ряда проблемных вопросов отечественной истории. Соображения о значении законодательных актов как источника для изучения отечественной истории также впервые были высказаны на страницах журнала «Ежемесячные сочинения». В связи с выходом в свет в 1762 г. «Собрания указов Петра Великого, Екатерины Алексеевны, Петра II» издатели считали необходимым расширить это издание за счет опубликования законодательных материалов за все время правления дома Романовых до екатерининского царствования включительно.

Следующий научно-литературный журнал Академии наук, выходивший с 1786 по 1796 г., — «Новые ежемесячные сочинения» был, как и его предшественник, энциклопедическим изданием. Но роль журнала в распространении исторических знаний не шла ни в какое сравнение с «Ежемесячными сочинениями».

В середине 80-х гг. Академия наук приступила к изданию «Собрания сочинений, выбранных из «Месяцесловов» на разные годы». Из числа исторических статей, опубликованных в «Собрании сочинений» впервые, обращает внимание «История о взятии города Казани при царе Иване Васильевиче и о разорении Казанского царства». Она была составлена из «Царственной книги» (СПб., 1768), «Опыта Казанской истории» П.И. Рычкова и исправлена по одной из рукописей Академии наук. К этой статье тематически примыкает другая статья, напечатанная в свое время в «Месяцеслове на 1779 год» под названием «Известие о браках царя Иоанна Васильевича».

В «Собрании сочинений» были перепечатаны статьи из «Месяцесловов», посвященные деятельности одного из сподвижни-

ков Петра I генерала Гордона и его собственные записки об осаде и взятии Азова с дополнениями из выписок Миллера, разрядных книг, документов архива Коллегии иностранных дел, из книги Г.З. Байера «Азовская история» и других литературных источников. Обзорный характер носили две другие статьи — «Сокращение Российской истории» и «Сокращение Российского летописца». В 1774 г. появилась интересная обобщающая работа «О покорении Сибири Российской державе». Впоследствии вывод этой статьи о решающей роли частной инициативы в завоевании и освоении Сибири нашел отражение и развитие в «Кратком повествовании о приобретении Сибири» А.Н. Радищева, в высказываниях А.С. Пушкина и А.И. Герцена. Характерно, что практически все названные работы были безымянными.

В конце 50-х гг. XVIII в. в первом частном журнале «Праздное время, в пользу употребленное» (1758), наряду со статьями по общественно-политическим вопросам, экономике, сельскому хозяйству и заводской технике, довольно подробно освещалась история русской торговли. В немногочисленных и недолговечных журналах того времени историческая тематика также не была забыта. В журнале «Трудолюбивая пчела», одном из первых частных журналов того времени, издававшемся А.П. Сумароковым (выходил в 1759 г.), было опубликовано несколько интересных исторических работ. Н. Монтис поместил небольшое «Рассуждение о двух главных добродетелях, которые писателю истории иметь необходимо должно, то есть об искренности и несуеверном богопочитании»; Г.В. Козицкий напечатал статью «О пользе мифологии»; сам Сумароков — «О первоначалии и созидании Москвы» и «Российский Вифлием» и др. Показателем развития исторических знаний и их проникновения в смежные отрасли духовной культуры является понимание литераторами необходимости изучения языка для истории, который в их представлении более важен, чем памятники материальной культуры. Татищев, Ломоносов и другие много сделали для развития сравнительного языкознания в России. Также заслуживают внимания журналы «Старина и новизна» (1773), издаваемый Н. Рубаном; «Растущий виноград» (1783), в котором помещены небесполезные статьи о русских древностях, «Уединенный пешехонец...» (1786), являющийся первым провинциальным журналом.

Если для первой половины XVIII в. историки русской критики говорят об усилении, умножении и новом качестве литературно-критических суждений писателей, о произведениях художественной литературы, а во второй половине столетия констатируют зарождение русской литературной критики, то в историографии дело обстояло несколько иначе. Литературная критика благотворно сказалась на возникновении и развитии историографической критики. Однако появление ее в первую очередь было обусловлено требованиями научности самих исторических знаний. Поэтому историографическая критика становится обязательной составной частью работ историков уже с первой половины XVIII в. Историографические справки или обзоры имеются у Эмина, Елагина, отдельные, но содержательные замечания встречаются у Ломоносова, Щербатова и др. Историографическая критика с середины XVIII в. проникает также на страницы русских журналов и предисловий, написанных русскими авторами к переводным книгам по всеобщей истории и оригинальным отечественным сочинениям. Уже в «Ежемесячных сочинениях» печатались разборы книг, например книги Гильмара Кураса, раскритикованной Г.Ф. Миллером. Примером обстоятельного критико-исторического обзора труда иностранного автора может служить предисловие Х.А. Чеботарева к «Краткой всеобщей истории» И. Фрейсра.

Нельзя не отметить благотворного влияния некоторых иностранных рецензий на произведения русских историков, вышедших в России или в переводах за границей. А.Л. Шлецер в «Геттингенских ученых ведомостях» прорецензировал 13 работ, в том числе книги П.И. Рычкова, С.П. Крашенинникова, полный комплект «Ежемесячных сочинений» и др.

Следует отметить также значение деятельности М.В. Ломоносова для развития научно-литературной критики и необходимости создания критико-библиографических отделов в журналах. Уже в 1755 г. он в «Ежемесячных сочинениях» выступил со статьей «О качествах стихотворца рассуждение». В ней Ломоносов выдвинул мысль о необходимости отбора лучших произведений для «руководства в науках и в чтениях многих книг». Как установлено, Ломоносову принадлежат рецензии, помещенные в «Ежемесячных сочинениях», на 31 произведение, из которых 13 относится к истории и географии.

История в художественной литературе

Литература и искусство, вынося на суд общественного мнения произведения, написанные на исторические темы, заставляли читателей, слушателей или зрителей задумываться над прошлым, настоящим и будущим. Однако специфика науки требует доказательности,особых средств, ко-

торые отличают научное мышление от художественного. Во второй половине XVIII в. наука дифференцировалась и специализировалась, отказываясь от беспредельного энциклопедизма, когда научные труды приобретали научную форму, т.е. сопровождались необходимым аппаратом. С этого времени произведения литературы и искусства в значительной степени теряют значение источника для изучения истории русской исторической мысли.

История нашла наиболее широкое отражение в русской литературе во всех ее жанрах, особенно в драматургии и поэзии. Видное место в распространении исторических знаний занимает историческая драматургия А.П. Сумарокова, получившая восторженные оценки как русских, так и иностранных современников. М.М. Щербатов в рассуждении «О способах преподавания разных наук» писал о его драматургических произведениях на темы отечественной и всемирной истории. Из девяти исторических трагедий Сумарокова семь были посвящены сюжетам русской истории. Вслед за первой русской трагедией «Хорев», написанной в 1747 г. на полуисторический сюжет, и трагедией «Синав и Трувор» (1750), основанной на предании о начале Древнерусского государства, драматург обратился к событиям Новой истории. Новаторство Сумарокова в исторической драматургии сказалось не только в том, что в лучшем своем произведении, переведенном на многие европейские языки, в «Дмитрии Самозванце» (1771), он изобразил события истории своей страны, отказавшись от классических сюжетов и персонажей, но представил события сравнительно недалекого прошлого, напоминающие о тяжелых для России временах. Известное совпадение точки зрения Сумарокова с мнением Миллера, считавшего необходимым освещать все исторические эпохи — и положительные и отрицательные, — в данном случае налицо, что свидетельствует не столько о влиянии историка на драматурга, сколько об общности их взглядов.

Историческая трагедия «Дмитрий Самозванец» была написана с позиций такого «просвещенного абсолютизма», который исходил из признания за подданными права низвергать монархов-тиранов. В интерпретации Сумарокова, расходящейся с привычной историографической оценкой того времени, главной виной Лжедмитрия I было не то, что он самозванец, а то, что он не заботился о «всенародном блаженстве» и был орудием папской политики. Упоминания заслуживают также трагедии Я.Б. Княжнина и его знаменитый «Вадим», драматургические произведения на исторические темы Екатерины II, а также другие многочисленные художественные произведения, написанные на исторические сюжеты.

История в изобразительном искусстве

Историческое изобразительное искусство в России XVIII столетия (живопись, скульптура и графика на исторические темы) имело своим предметом не только сюжеты из отечественной или всемирной истории, но главным образом до середины века мифологические и библейские, а также сцены из античного эпоса. Такое преобладание не отечественной тематики в русском историческом изобразительном искусстве во многом объяснялось господством в XVI–XVIII вв. античной традиции. Русская историческая живопись, скульптура и графика, как проявление национальной культуры, ведут свое начало со второй половины XVIIIв. В этот период русские художники создают значительные произведения на темы русской истории. Однако серьезными недостатками исторического изобразительного искусства XVIII в. были схематизм, идеализация прошлого и отступление от реалистичного изображения прошлого, подчинение его канонам классицизма. Несовершенство русского изобразительного искусства связано с достаточно низким уровнем исторических знаний на протяжении всего XVIII в., когда русская историческая наука делала лишь свои первые шаги, а об археологии и истории материальной культуры еще ничего не знали.

И все же современники хорошо понимали, что дает искусство для истории. Карамзин в статье «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств», справедливо писал, что «если исторический характер изображен разительно на полотне или мраморе, то он делается для нас и в самых летописях занимательнее». Так он учитывал познавательное значение искусства как средства для закрепления исторических знаний. М.В. Ломоносов в 1764 г., выступая на открытии Академии художеств, подчеркивал отрицательную роль односторонней приверженности к античности всего человечества, которое «едва уже не до отвращения духа через многие веки повторяет древние греческие и римские, по большей части баснотворные деяния». Он ратовал за национальную тематику в изобразительном искусстве, за изображение «не чужих, но домашних дел».

К исходу XVIII столетия темы из русской истории начинают преобладать над античными. Внимание художников

привлекали следующие исторические эпохи и события: Древняя Русь, деятельность и жизнь Олега, Владимира Святого, Александра Невского и Дмитрия Донского. Период реформ и Северной войны представлен Петром I. Одной из первых исторических картин в России была «Куликовская битва» И.Н. Никитина (начало 30-х гг. XVIII в.). Художник отступил от признанных образов того времени, стремясь показать активное участие народа в защите Родины.

Насколько можно использовать историческую живопись для распространения исторических знаний, показал Ломоносов в работе «Идеи для живописных картин из российской истории». Л.В. Черепнин, предложенные Ломоносовым 25 сюжетов картин из русской истории, разбил на три группы: 1) темы из истории государственной власти, самодержавия и абсолютизма; 2) темы из истории национально-освободительной борьбы и 3) темы, относящиеся к международному значению России. Ломоносов ориентировал художников на важнейшие события отечественной истории, ставшие к его времени обязательными в русской историографии. Являясь сторонником просвещенного абсолютизма, Ломоносов интересовался вопросом о роли народа в событиях, связанных с объединением Руси и созданием централизованного государства.

В начале 70-х гг. XVIII в. по заданию Академии художеств ее воспитанники М.И. Козловский и Ф.Ф. Щедрин создали интересные барельефы, изображающие воинские подвиги князя Изяслава Мстиславича. Накануне русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Ф.Г. Гордеев исполнил барельеф, имеющий определенный политический смысл: «Заключение мира Олега с греческими царями Львом и Александром под стенами Константинопольскими» (1767). Русско-турецкой войне 1787–1791 гг. М.М. Иванов посвятил акварели «Штурм Очакова» и «Штурм Измаила». Первым художником, который целиком обратился к русской истории, был Г.И. Угрюмов. Его кисти принадлежат картины «Торжественный въезд в Псков Александра Невского после одержанной им над немцами победы», «Взятие Казани», «Ян Ус-Марь», «Венчание Михаила Федоровича на царство» и др.

Одним из центральных сюжетов русского исторического изобразительного искусства в XVIII в. явился хорошо известный в исторической литературе, драматических и поэтических произведениях летописный рассказ о Владимире и Рогнеде. К этому драматическому эпизоду из древнерусской истории

неоднократно обращались выдающиеся художники XVIII в., в том числе скульпторы Ф.Ф. Шубин и М.И. Козловский, живописец А.П. Лосенко, с картины которого «Владимир и Рогнеда» русское национальное историческое изобразительное искусство оформляется как самостоятельный жанр в живописи.

Выходец из народа, А.П. Лосенко стал одним из зачинателей русской исторической живописи и основоположником национальной школы русской академической живописи. Его картина «Владимир и Рогнеда» демонстрировалась на первой выставке Академии в 1770 г. и имела большой успех.

Историки и художники демократического направления старались поставить в пример благородство Владимира современным правителям, далеким в нравственном отношении от своих предшественников. Ф.Ф. Щедрин получил золотую медаль за барельеф «Посягательство Рогнеды на жизнь Владимира», а начинающий скульптор М.И. Козловский — вторую золотую медаль за барельеф под названием «Князь Владимир, проснувшись, отклоняет удар, наносимый ему Рогнедой». Демократические тенденции нашли отражение в картинах конца XVIII — начала XIX в. «Встреча Игоря с Ольгой» и «Минин и Пожарский», автор которых точно не установлен. В первой художник отступил от версии, принятой в тогдашней исторической литературе, о княжеском происхождении Ольги и остановился на версии о ее простонародном происхождении.

Благодаря работам А.П. Лосенко, Ф.Ф. Щедрина и М.И. Козловского в Академии художеств уже в начале 70-х гг. произошел поворот к национальной традиции: мифологические и античные сюжеты заменялись тематикой из русской истории. Историческое изобразительное искусство становилось национальным. История влияла на иллюстративное оформление книг и журналов.

Преподавание истории в учебных заведениях

Значительную роль в истории русского школьного образования во второй половине XVIII в. играла Первая Казанская гимназия, открытая по указу 1758 г., в которой систематически преподавалась всеобщая и отечественная история. Однако исторические знания в учебных планах гимназии были далеко не на первом месте. Так, в 1800 г. в нижнем и высшем исторических классах всеобщей истории отводилось 3 часа в неделю, а Священной истории и катехизису — 6 часов. В 1759 г. в библиотеке имелась «Римская история» Тита Ливия, «Древняя история» Роллена, «Английская история» и др.,

а также некоторые сочинения Вольтера. Состав учащихся на протяжении XVIII столетия был довольно демократическим. В Казанской гимназии обучались Г.Р. Державин, С.Т. Аксаков, оставивший в «Семейной хронике» интересные воспоминания о ней, Н.И. Лобачевский и др. При оценке роли Казанской гимназии в развити русской культуры следует помнить, что она долгое время служила подготовительной школой для Московского университета и для Академической гимназии в Петербурге. Эта организационная и идейная связь с двумя столицами способствовала распространению ломоносовских традиций в Казанской гимназии.

История преподавалась и в других провинциальных учебных заведениях. Например, в Астрахани к началу 70-х гг. XVIII в. была открыта «публичная школа», в которой все желающие, особенно дети солдат астраханского гарнизона, могли изучать европейские и азиатские языки, географические, исторические, философские и математические науки. В Харькове в самом начале 80-х гг., как сообщал проезжавший через город адъюнкт В.Ф. Зуев, в семинарии или коллегиуме, были восстановлены «новые науки», в том числе история и география. Во второй половине XVIII в. в Петербурге история преподавалась почти во всех высших и специальных учебных заведениях.

В аристократическом Морском шляхетском кадетском корпусе, основанном в 1752 г. на базе Морской академии, и Навигационной школе преподавалась геральдика. В Сухопутном шляхетском кадетском корпусе, из стен которого выходили не только военные, а также чиновники для всех ведомств, педагоги и артисты, преподавание в котором носило энциклопедический характер, историческое образование еще с первой половины XVIII в. было поставлено очень обстоятельно. История преподавалась также в Артиллерийском инженерном корпусе (с 1762 г.). Однако в таком специальном и привилегированном высшем учебном заведении, как Пажеский корпус, история изучалась довольно поверхностно. В Учительской семинарии в Петербурге и в Главном российском училище также обучали истории, но из 12 нижних училищ ее преподавали только в двух. Как предмет история была в учебном плане Главного немецкого училища, находящегося при немецком лютеранском приходе св. Петра, открытом в 1762 г. Историческое образование предусматривалось и в Смольном институте благородных девиц (с 1764 г.), где, кроме гражданской и Священной истории, изучали также геральдику. История была

включена в учебные планы гимназии чужестранных единоверцев (греческий кадетский корпус), «благородного» и частных пансионов Москвы. Но самое главное, что с 1786 г., когда были открыты народные училища, история окончательно стала обязательным предметом школьного образования.

Политика екатерининского правительства в области учебного дела была сформулирована в «Генеральном учреждении о воспитании обоего пола юношества» (1764). Основная идея этого документа, определившего образовательную политику на протяжении всей второй половины XVIII столетия, сводилась к признанию преимущественного значения нравственного воспитания по сравнению с научным образованием. Обозначенное направление последовательно утверждалось во всех уставах новых и преобразованных учебных заведениях.

С созданием Комиссии об учреждении народных училищ в 1783 г. правительство Екатерины II стремилось создать единообразную структуру училищ. Комиссия должна была организовать в Петербурге Главное народное училище, заботиться о подготовке учителей и об издании учебников. В 1786 г. вышел указ об открытии народных училищ в 25 губерниях Российской империи и главных народных училищ в 14 губерниях.

Преподавание истории во второй половине XVIII в. было лучше всего поставлено в Московском университете. Университетский устав предусматривал для студентов за три года пребывания на первом, философском, факультете «успеть в так называемых словесных науках, состоящих особливо в знании латинского, греческого и российского языков (присовокупя к оным немецкий или французский), истории, географии, древностей, мифологии». Сюда же входили математика, физика и логика. В подробном методическом пособии, подготовленном для преподавателей Московского университета, особое внимание обращалось на преподавание латинского языка и истории. Преподавание истории носило определенный морализующий характер, но не была забыта и научная сторона преподавания, требовалось твердое знание исторической хронологии и параллельное изучение вспомогательных дисциплин – исторической географии, геральдики, нумизматики и родословия царствующего дома.

Можно достаточно точно указать то, что читали студенты Московского университета и ученики гимназии по истории в середине 60-х гг. XVIII в. Среди классических авторов, пред-

ставленных сравнительно широко, встречаются произведения Юлия Цезаря,Саллюстия, Светония, Тацита, Геродота, Фукидида и пр. По истории, географии и генеалогии использовались книги Фрейера и руководства по всеобщей истории Боссюэта, Цопфенса и Целлария. В числе рекомендуемых книг были произведения Вольтера «Сокращение всеобщей истории» и «История Петра I».

Историю в Московском университете и гимназиях преподавали русские и иностранцы. Среди них — А.А. Барсов, Х.А. Чеботарев, Ф.Г. Дильтей и др. Деятельность Ф.Г. Дильтея в университете вызвала острый конфликт, свидетельствующий о борьбе двух направлений в науке.

Ф.Г. Дильтей (1723–1781), профессор права и истории Московского университета с 1756 по 1764 г. и с 1766 по 1781 г., принадлежал к числу тех иностранцев, которые прибывали в Россию «на ловлю счастья и чинов». Он получил образование в трех европейских университетах и затем был приглашен в Москву. Дильтей возглавлял реакционное направление в Конференции Московского университета, выступал против демократических предложений ученика М.В. Ломоносова Н.Н. Поповского. А.П. Щапов считал, что Дильтей проповедовал «антиреалистические доктрины», т.е. задерживал распространение материализма в России. Конференция Московского университета в 1766 г. решительно отвергла составленное Дильтеем учебное руководство в двух частях под заглавием «Первые основания универсальной истории с сокращенною хронологиею в пользу учащегося российского дворянства». В протоколе экстраординарной Конференции 11 января 1766 г. записано следующее: «а) принятый им метод вопросов и ответов (катехизический) служат причиною излишнего многословия, б) вдобавок, история — неполная, поскольку она продолжается только до времен Августа, в) она является ничем, как компиляцией и переложением сочинения Боссуэта с добавлением множества ошибок». Забраковав компиляцию Дильтея, Конференция приняла решение поручить студенту Х.А. Чеботареву перевести на русский язык «Всеобщую историю» Фрейера.

На чеботаревском переводе «Всеобщей истории» Фрейера непосредственно отразился историографический авторитет Ломоносова. Харитон Чеботарев дополнил перевод книги Фрейера русскими известиями с 1725 г. и данными по всеобщей истории с 1756 по 1768 г. История России, почти совсем опущенная автором в оригинале, переводчиком была «исправлена и умножена» на основании «Краткого Российского летописца» М.В. Ломоносова, использованного «от слова до слова». Кроме того, Чеботарев привлек другой труд Ломоносова — «Древнюю Российскую историю» и произведение Ф. Эмина «Российскую историю». В результате перевод Чеботарева вытеснил устаревшее пособие по всеобщей истории — учебник Г. Кураса «История универсальная».

В 1783 г. Екатерина II решила преподать урок, как нужно писать историю России, и впоследствии ревниво следила, чтобы ее «Записки касательно Российской истории» служили для пишущих руководством. Так, работа И.Г. Штриттера «История Российского государства», написанная по предложению Комиссии об учреждении народных училищ, пришлась по душе Екатерине II. Она ознакомилась с этим произведением еще в немецкой рукописи, сделала отдельные замечания, но в итоге рекомендовала «из сего немецкого труда (заглядывая непрестанно в «Записки касательно Российской истории) сделать историю, выбирая из того и другого все то, что здравому рассудку не противно будет». На этом основании Комиссия 20 февраля 1784 г. сообщила Штриттеру «о высочайшем напечатании онаго соизволении». Однако учебники для школ по отечественной и всеобщей истории были изданы в самом конце века уже во время правления Павла I.

Опытный преподаватель И.Ф. Яковкин в 1797 г. составил хронологические таблицы по всемирной истории, которые были рекомендованы для использования в школах России. В том же году он представил составленную им по распоряжению Комиссии об учреждении народных училищ «Новую всемирную историю». Яковкин работал над ней четыре года, но ему пришлось ее сократить после того, как рукопись была рассмотрена Янковичем. В 1798 г. «Новая всемирная история» была напечатана в 1250 экземплярах. В 1799 г. был поставлен вопрос о дополнительном издании 3000 экземпляров каждой части, что и было сделано в 1799–1800 гг.

В октябре 1798 г. Комиссия об учреждении училищ приняла решение напечатать «Сокращенную Российскую историю» с историческими картами (ее авторами были асессор Шелехов и титулярный советник М.А. Матинский), которая и вышла из печати в 1799 г., «на первый случай» в 3000 экземплярах. Это было компактное руководство, построенное по четкому плану, напоминающему военные распорядки павловских времен. Согласно принятой еще в годы Екатери-

ны II периодизации, история России делилась на пять периодов (первый — до основания государства Рюриком, второй — до 1224 г., третий — до 1462 г., четвертый — до 1613 г., пятый — до 1797 г.). В свою очередь, каждый из перечисленных периодов делился на два раздела (имеющих, однако, общую нумерацию для всей книги). Первый из них в каждом периоде назывался «О государях» (за исключением первого отделения, который был озаглавлен «О разделении России и известных в ней народах в древности»), второй — «О внутреннем состояние России»). Кроме того, вся книга была разделена на параграфы. Выделение для каждого периода особого «отделения», характеризующего внутреннюю жизнь России, касалось преимущественно политического устройства, законодательства и религии, наук и художеств, просвещения, а также включало справки о денежном обращении и торговле. В «Краткой Российской истории» тщательно обходились все события, связанные с народными движениями. Так, народное движение начала XVII в. искусственно выпало из рассказа о самозванцах. О Разине также не говорилось ни слова; даже тогда, когда упоминалось о корабле «Орел», не было ничего написано ни о его сожжении, ни о том, что виновником этого был Степан Разин, также не нашлось в учебнике места и Емельяну Пугачеву. Для составителей учебника историографическим авторитетом были В.Н. Татищев и Екатерина II, использовались ими и произведения М.В. Ломоносова и Ф. Эмина. Говоря о степени распространенности исторических знаний на основании статистики вышедших книг, надо учитывать и то, что многие из них не доходили до читателя, десятилетиями залеживались на складах и потом попадали в макулатуру.

Краткие выводы

Основные направления отечественной исторической мысли были представлены дворянской и просветительской историографией, которая развивалась на русской почве, но подвергалась большому и плодотворному влиянию западноевропейской историографии.

Историки расширяли историческую тематику и обращались к поиску новых фактов и документов. Опубликование многих исторических трудов и источников отечественной истории с середины 60-х до середины 70-х гг. XVIII в. обеспечило небывало быстрое распространение и развитие исторических знаний в России. Все возрастающее развитие и распространение исторических знаний в различных кругах русского общества способствовало использованию исторических сведений в законодательстве, дипломатии, общественно-политической жизни, науке, литературе, искусстве.

Особо видную роль из всех журналов, в том числе и академических, сыграли «Ежемесячные сочинения», которые на протяжении десяти лет (1755–1764) были фактически единственным печатным органом, не только отразившим современное развитие исторических знаний, но и формировавшим их. Показателем и средством распространения, развития исторических знаний в России со второй половины XVIII в. становится художественная литература и изобразительное искусство. Правительственная политика в области школьного образования была направлена на установление строго регламентированного преподавания истории (ставшей обязательным предметом с середины 80-х гг. XVIII в.) в духе «Записок касательно Российской истории» Екатерины II. Прогресс в отечественной историографии, связанный с влиянием просветительской концепции исторической мысли, выразился в формулировке общих представлений об истории: ее целях и задачах, общественно-политическом значении, в использовании источников и методе исторического изучения. В это время расширяется круг историков и исторических персонажей, но особым вниманием пользуется экономическая история России. При изучении истории все чаще применяется историко-сравнительный метод, благодаря которому устанавливается общность исторического развития России и Запада. Западноевропейское просветительство и развитие естествознания содействовали превращению в России исторических знаний в науку, необходимую для «всех сынов Отечества».

Литература

Аксенов А.И. С любовью к Отечеству и Просвещению. А.И. Мусин-Пушкин. Рыбинск, 1994

Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX в.). М., 1985.

Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. СПб., 1913.

Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Л., 1961. Ч. I; Л., 1965. Ч. II; Л., 1971. Ч. III.

Черепнин Л.В. Русская историография до XIX века. Курс лекции. М., 1957.

Штранге М.М. Демократическая интеллигенция России в XVIII веке. М., 1965.

Глава 8

Н.М. КАРАМЗИН, «КОЛУМБЫ РОССИЙСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ» И ИХ СОВРЕМЕННИКИ

Возрастание интереса к истории

Николай Михайлович Карамзин по годам своей жизни (1766–1826) принадлежит двум столетиям. Вторая половина XVIII и весь XIX в. буквально пронизаны интересом к отечественной истории. В первую очередь этому способствовали деятельность Академии наук, а также активная университетская жизнь. В XIX столетии в Российской империи интенсивно и плодотворно работали созданные ранее университеты: в Вильно (дата основания — 1578), Юрьеве (Дерпте; 1632); Москве (1755); открывались новые: в Казани (1804), Харькове (1805), Варшаве (1816), Санкт-Петербурге (1819), Киеве (1834), Одессе (Новороссийский; 1856), Томске (1878). В каждом из них был представлен историко-филологический факультет. С XVIII в. прошлое не заслоняется настоящим, более того, оно начинает активно ему служить. Исторические сочинения В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, Г.Ф. Миллера, М.М. Щербатова, И.Н. Болтина, просветительская деятельность Н.И. Новикова и его многотомная «Древняя Российская Вифлиофика» (включавшая публикации древних документов), организация нескольких исторических архивов, рукописных отделов и музеев к концу XVIII в. создали фундаментальную источниковую основу. В свою очередь, интеллектуальная среда воспитывала в обществе сознание своей самобытности, глубоких корней и исторических традиций. Просвещенная публика желала знать историю своего Отечества и нуждалась в общении. Как следствие, появляются многочисленные исторические общества, в частности Московское общество истории и древностей российских (1804). Его членами были такие выдающиеся авторитеты исторической науки, как Н.Н. Бантыш-Каменский, К.Ф. Калайдович, Н.М. Карамзин, А.Ф. Малиновский, А.И. Мусин-Пушкин, П.М. Строев, А.Л. Шлецер и др. Общество периодически издавало «Чтения» и «Ученые записки». В 1805 г. открылось Казанское общество любителей отечественной словесности, в 1817 г. — Харьковское общество наук, а в 1839 г. — Одесское общество истории и древностей.

Н.П. Румянцев и его кружок

Граф Н.П. Румянцев (1754–1826) собирает вокруг себя кружок любителей русской истории, члены которого проделали большую работу по разысканию и публикации исторических источников. В кружок любителей русской истории Румянцева входили археографы и источниковеды А.Х. Востоков, П.М. Строев, В. Берх, Ф. Аделунг, ученые-историки Н.С. Арцыбашев, И.Х. Галиль и др. Деятельность Румянцевского кружка увенчалась великолепными публикациями десятков книг, созданием Музея древностей, рукописная часть которого в настоящее время является основой Отдела рукописей Российской государственной библиотеки.

Занимая пост министра иностранных дел, Н.П. Румянцев постоянно обращался к историческим документам Московского архива Коллегии иностранных дел. В архиве было сосредоточено уникальное собрание материалов по внутренней истории России, ее внешней политике с XII по XVIII в. Основу коллекций составили документы бывшего архива Посольского приказа, в котором хранились древнейшие духовные и договорные грамоты русских великих и удельных князей, договоры России с иностранными державами, документы по истории народов, вошедших в состав Российской империи. Учитывая историческую и политическую важность этих материалов, Коллегия иностранных дел еще в XVIII в. обратила внимание на их сохранность и систематизацию. Во главе архива стояли известные историки Г.Ф. Миллер, Н.Н. Бантыш-Каменский, И.Ф. Стриттер, А.Ф. Малиновский. Неудивительно, что к началу XIX в. архив превратился в крупный научно-исторический и культурный центр Москвы. Более того, он получил славу «рассадника для образования к статской службе лучшего в Москве дворянства». Всего только десять вакансий разрешено было иметь архиву для юнкеров из привилегированных дворянских семей, и, по словам служащих, было очень много желающих занять эти места. Это

был не только способ занять дворянских детей полезным делом, соприкасаясь с подлинными свидетельствами истории своего Отечества, они становились просвещенными патриотами. Через два-три года службы в архиве, чтобы расширить кругозор, юнкеров отправляли учиться в заграничные университеты. Через некоторое время молодые князья, графы, камергеры возвращались на Родину и получали выгодные места. Впоследствии среди них оказались многие видные общественные деятели: братья И.В. и П.В. Киреевские, Д.В. и А.В. Веневитиновы, С.П. Шевырев, А.О. Корнилович и др.

В 1815 г. началась необычно плодотворная работа П.М. Строева (1796–1876), считавшего невозможным писать русскую историю, не собрав всех материалов, разбросанных по разным хранилищам. Он описал и спас от гибели тысячи древних рукописей (историко-юридических актов, летописаний, житий, сказаний и поучений), которые донесли до наших дней историю и культуру средневековой Руси. С его именем связано становление отечественной библиографии, биобиблиографии и особенно археографии. Для издания документов, собранных экспедицией Строева, в 1834 г. при Академии наук правительство создало специальную Археографическую комиссию, ставшую преемницей Румянцевского кружка.

Сотрудник Румянцева К.Ф. Калайдович (1794–1832) снискал известность в России и за рубежом библиографическими, историческими, источниковедческими исследованиями. Он положил начало изучению и публикации этнографического и фольклорного материала. В Румянцевском кружке ученый подготовил к публикации памятник русского эпоса, известный как «Сборник Кирши Данилова», сочинения древнерусского писателя Кирилла Туровского, Судебники 1497 и 1550 гг. Он также провел археографические и археологические обследования центральных районов России.

Одним из первых сподвижников Румянцева в Петербурге стал Ф.П. Аделуг (1768–1843). Широкую научную известность ему принесло исследование «Систематическое обозрение литературы в России в течение пятилетия — с 1801 по 1806 г.». В этом библиографическом труде была собрана и систематизирована вся русская печатная продукция начала XIX в.

В.Г. Анастасевич (1775–1845) обладал энциклопедическими познаниями в истории просвещения. По предложению Румянцева он взялся за подготовку сводной публикации Ипатьевской летописи. Кроме переводов исторических источников

и сочинений польских авторов, он принимал участие в издании «Словаря русских духовных и светских писателей» Евгения Болховитинова.

Кроме Москвы и Петербурга, деятельность кружка Румянцева распространялась и на другие города и регионы России. Особенно активными были ученые западных районов страны, прежде всего в Гомеле, Полоцке и Вильно. Многочисленные поручения Румянцева в этих местах выполнял будущий министр финансов Е.Ф. Канкрин. В основном они были связаны с археологическими раскопками и описанием памятников. Активное сотрудничество и тесные контакты были налажены с финскими, польскими и литовскими учеными.

К этому же времени относится возрастающий интерес к археологии, исторической географии, геральдике, нумизматике и другим историческим дисциплинам, что во многом стимулировалось развитием аналогичных направлений в европейской исторической науке. Все это создавало прочную источниковую основу, на которой происходило дальнейшее развитие истории русской исторической мысли. Конечно, появление кружка Румянцева и тяготение к нему представителей различных слоев русского общества имели свои истоки в общественной атмосфере тех лет. Активный интерес к истории вытекал из желания общества объяснить настоящее фактами прошлого. Такие события, как Великая французская революция, наполеоновские войны и борьба народов Южной Европы и Южной Америки за свою независимость, возбуждали умы — изучение истории становится духовной потребностью.

Современники и потомки о Н.М. Карамзине

Между началом и концом XVIII столетия в исторической науке России — колоссальная разница. В первой четверти века мы видим практический утилитарно-националистический взгляд на задачи истории, смешение источника с исследованием, определение начала истории в современной терминологии, произвольную этнографическую классификацию и некритическую передачу разных летописных вариантов в одном сводном изложении. Но через все столетие проходит одна идея, общее стремление к реальному пониманию прошлого, к объяснению его из настоящего, и наоборот. Не слава и не польза, а знание истины становится задачей историка. Вместо изложения источника все большее место занимает основанное на нем исследование. Постепенно уходят патриотические преувеличения и модернизации. Специальное изуче-

ние летописей, лингвистических, археологических и этнографических памятников повышает научные требования, вырабатывается научная классификация и критические приемы изучения источников. И наконец, ученый кругозор значительно расширяется введением в изучение истории нового актового материала. Внимание историков все больше привлекает внутренняя история России.

В то же время ломоносовское — риторическое — направление с литературным взглядом на задачи историка продолжало существовать, вероятно, в связи с глубочайшими фольклорными традициями. Исторические корни оказывали свое воздействие на развитие литературы и поэзии. Может быть именно поэтому литературный взгляд на историю не только пережил XVIII в., но и был увековечен в сочинениях Карамзина, который соединил в своей «Истории...» крупный литературный талант с самостоятельной переработкой новых исторических источников. «С Карамзиным мы переходим из летописного мира русской историографии, где все мало кому известно и понятно, в другую область, где все знакомо, где живет устная традиция сказов и былин, где литература стоит вровень с использованием источников». Вот почему появилась эта знаменитая фраза А.С. Пушкина: «Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего Отечества, дотоле им неизвестную... Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом». Друг историка, поэт П.А. Вяземский писал: «Карамзин — наш Кутузов 12-го года — он спас Россию от нашествия забвения, воззвал ее к жизни, показал нам, что у нас есть отечество». Об этом же говорил и В.А. Жуковский: «Историю Карамзина можно назвать воскрешением прошедших веков нашего народа. По сию пору они были для нас только мертвыми мумиями. Теперь все они оживают, поднимаются и получают величественный, привлекательный образ».

Однако, что очень примечательно, рядом с восхвалением громко раздавались и критические отзывы. Эти отзывы исходят от специалистов-историков, младших современников Карамзина, представителей новой исторической науки буржуазного направления XIX в., которые шли по линии углубления и расширения критики источников. М.И. Каченовский прямо говорил об отсталости методологических позиций Карамзина, о том, что его «История...» содержит даже не историю государства, а историю государей, в которой «деяния государей» заменили «ход происшествий государственных». Н.А. Полевой писал: «Карамзин есть писатель не нашего времени...». И даже наиболее близкий к Николаю Михайловичу по направлению политического консерватизма М.П. Погодин считал, что «Карамзин велик как художник, живописец, но как критик он только мог воспользоваться тем, что до него было сделано, а как философ он имеет меньшее достоинство, и ни на один философский вопрос не ответят мне его истории».

По мнению П.Н. Милюкова: «Карамзин писал не для ученых, а для большой публики, как критик он только воспользовался тем, что было сделано до него; образцами для Карамзина остались историки XVIII в., с которыми он разделял все их недостатки, не успев сравниться с достоинствами; прочитайте его 12 томов и вы убедитесь как было чуждо Карамзину понятие об истинной истории. Карамзин не начал собою нового периода, а закончил старый, и роль его в истории науки не активная, а пассивная».

Надо сказать, что, высказывая столь различные точки зрения, авторы говорили о разных сторонах деятельности Карамзина. В приписываемой А.С. Пушкину эпиграмме обобщено отношение современников к сочинению Карамзина:

В его истории изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья и прелести кнута.

И в то же время гениальный поэт, отвечая на критику Н.А. Полевым «Истории...» Карамзина, пишет: «Карамзин есть первый наш историк и последний летописец. Своею критикой он принадлежит истории, простодушием и апофегмами — хронике. Критика его состоит в ученом сличении преданий, остроумном изыскании истины, в ясном и верном изображении событий. Нет ни единой эпохи, ни единого важного происшествия, которые не были бы удовлетворительно развиты Карамзиным. Где рассказ его неудовлетворителен, там недоставало ему источников: он их не заменял своевольными догадками. Нравственные его размышления, своею иноческою простотою, дают его повествованию всю неизъяснимую прелесть древней летописи. Он их употреблял, как краски, но не налагал в них никакой существенной важности.

Мы видим, что в творении Карамзина — «История государства Российского» — слились воедино две главные традиции русской историографии: методы источниковедческой критики от Шлецера до Татищева и рационалистическая фи-

лософия времен Манкиева, Шафирова, Ломоносова, Щербатова и др. О личных достоинствах Карамзина-литератора лишний раз не приходится говорить, ибо язык его произведений и сегодня доставляет живейшее наслаждение. В этом отношении он продолжил традицию, начатую Ломоносовым, — художественного изложения истории — и стал непревзойденным ее мастером во всей русской историографии. Можно сказать, что как ученый он точен, как философ — оригинален, а как литератор — неповторим».

Уже в наши дни выдающийся исследователь и знаток русской культуры Ю.М. Лотман мудро заметил: «Критики... напрасно упрекали Карамзина в том, что он не видел в движении событий глубокой идеи. Карамзин был проникнут мыслью, что история имеет смысл. Но смысл этот — замысел Провидения — скрыт от людей и не может быть предметом исторического описания. Историк описывает деяния человеческие, те поступки людей, за которые они несут моральную ответственность».

Время не властно над именем Карамзина. Причина этого необычайного общественно-культурного феномена заключается в огромной силе духовного воздействия на людей его научного и художественного таланта. Его труд — это работа живой души. Ключ же к пониманию личности ученого — в природных наклонностях и талантах, в обстоятельствах его жизни, в том, как формировался его характер, в семейных и общественных отношениях.

Становление историка

Николай Михайлович Карамзин родился в Симбирской провинции в деревне Карамзиновке. Волжское название деревни и фамилия будущего историографа имеют явный оттенок восточного происхождения (кара...). Отец, Михаил Егорович — отставной капитан, мать писателя умерла рано, мачехой стала тетка Ивана Ивановича Дмитриева. Таким образом породнились две будущие знаменитости. Николай сначала учился дома, затем — в Московском пансионе; с 15 лет — в Петербурге в гвардейском Преображенском полку, в 17 лет выходит в отставку поручиком и живет в Москве. В 23 года отправляется в заграничное странствие и возвращается оттуда с «Письмами русского путешественника», пишет сентиментальные повести, поэтические сборники.

Заметим, что меланхолия была свойственна Карамзину с детства и, видимо, перешла к нему от рано умершей, склонной к ней матери. Отсюда, вероятно, и резкие перемены жизненного пути и интересов. В 18 лет он — любитель света и развлечений, но, сблизившись с Н.И. Новиковым, вступает в масонскую ложу (Юнга), включается в просветительскую деятельность, занимается переводами, пишет стихи, редактирует журнал «Детское чтение». В это время ему еще присуща жизнерадостность с долей некоторого лукавства и самолюбия. По его мнению, назначение искусства в том, «чтобы распространять приятные впечатления в области чувствительного». В Москву из-за границы приезжает веселый развязный молодой человек с шиньоном, гребнем и лентами в башмаках. К 30 годам Карамзин — совсем другой человек. В это время он пишет: «В самом грустном расположении, в котором цветы разума не веселят нас, человек может еще с каким-то меланхолическим удовольствием заниматься историей. Там все говорит о том, что было и чего уже нет». Приступая к своему знаменитому труду, он прежде всего ищет утешение своей душе, не зная еще, что входит в бессмертие.

Отношение Карамзина к масонству сложное. Собственно говоря, он никогда не разделял масонских взглядов. Идеология Карамзина была проникнута рационализмом XVIII в. и решительно отвергала мистику масонства. Но в то же время нельзя не заметить, что морализующая и филантропическая тенденции масонства внутренне соответствовали «чувствительности» его натуры, на которую неоднократно указывал он сам впоследствии. Чувствительность натуры и морализующая тенденция у Карамзина могли создать своеобразную связь между его первоначальной близостью к масонскому кружку Новикова и последующим влиянием на него западноевропейского сентиментализма. Но и отношение Карамзина к сентиментализму, в свою очередь, двойственно. Сентиментализм на Западе имел определенную социальную направленность, он отражал начало буржуазного направления в литературе, вводя в литературу на место героизации и идеализации привилегированной общественной верхушки личную жизнь и душевные переживания обыкновенного среднего человека. Карамзин как представитель русского сентиментализма взял и от этого направления только морализирующее чувствительное начало, но извратил его социальную значимость; сентиментальная повесть у него превратилась в идиллическую картину крепостного быта.

Страсть к «сочинительству» особенно проявилась у Карамзина после сближения с московскими литераторами —

сподвижниками Новикова. В его мироощущении с этого времени преобладают просветительские принципы с их культом независимой и неповторимой человеческой личности. Не случайно он навсегда остался интеллектуалом-одиночкой. Путешествие за границу отразилось в блестящем литературном памятнике эпохи — «Письмах русского путешественника». Первое их полное издание вышло в свет в 1801 г. Последнее письмо содержит такие строки: «Берег! Отечество! Благословляю вас. Я в России... Всех останавливаю, опрашиваю, единственно для того, чтобы говорить по-русски и слышать русских людей... Трудно найти город хуже Кронштадта, но мне он мил. Здешний трактир можно назвать гостиницей нищих, но мне в нем весело». Таков результат его восприятия остального, отличного от России, мира в сопоставлении с российской действительностью.

Во время своего путешествия он посетил страны, где формировалась просветительская философия, литература, эстетика, политэкономия, история. Он чувствовал пульс гуманистической мысли, беседовал с И. Кантом, стоял у дома и видел Гете, входил в келью Лютера, был гостем философа Лафатера и поклонился праху Вольтера. Карамзин посещал библиотеки, музеи, театры, государственные учреждения, слушал лекции в Лейпцигском университете, многие часы провел в Дрезденской галерее. В Национальном собрании революционной Франции слушал Мирабо, бывал в якобинском клубе, во время литургии видел Людовика XVI и Марию-Антуанетту. В Англии в Вестминстерском аббатстве слушал «Мессу» Генделя и изучал работу парламента. Будущий историк сделал вывод: «Всякие гражданские учреждения должны быть соображены с характером народа». Революции не способствуют прогрессу человечества. По существу, в «Письмах русского путешественника» Карамзин уже наметил программу развития России: живительный патриотизм, критическое восприятие отечественной истории и сопоставление ее с историей других стран. По возвращении он полон литературных и издательских планов, готовит к публикации «Письма...», выпускает «Московский журнал», где публикуется «Бедная Лиза», имевшая шумный успех во всех слоях общества.

1793 год стал поворотным в его жизни. Ужас якобинской диктатуры, сомнения в идеалах Просвещения, которые предвосхитили наступление этой революции, пессимизм овладевают молодым литератором. Смерть нежно любимой им супруги Елизаветы Протасьевой окончательно повергла его в меланхолию.

Восшествие в 1801 г. на престол либерала Александра I вызвало энтузиазм просвещенного русского общества, воспрянул духом и Карамзин. В это время он уже признанный российский писатель и мыслитель. Николай Михайлович периодически выступает с публицистическими очерками по проблемам русской истории в созданном им в 1801 г. журнале «Вестник Европы». С ним сотрудничают Г.Р. Державин, И.И. Дмитриев, В.А. Жуковский. В это время он пишет: «Я по уши влез в русскую историю, сплю и вижу Никона с Нестором...»

Создание «Истории государства Российского»

31 октября 1803 г. 37-летний Карамзин Высочайшим указом получает должность историографа с пенсией (3 тыс. рублей), равной профессорскому жалованью. Перед ним открываются все архивохранилища и библиотеки, он удаляется в Остафьево, имение отца своей новой жены Екатерины Андреевны Вяземской. В скромно обставленном кабинете на втором этаже барского дома он начинает свой подвиг ученого-историка: «Пишет тихо, не вдруг и работает прилежно».

В советской историографии Карамзин характеризовался как идеолог «дворянско-аристократических кругов», крепостник и монархист. Ключ к пониманию личности ученого, как впрочем и любой другой, — в природной, генетической натуре, в обстоятельствах его жизни, в том, как формировался его характер, в семейных и общественных отношениях. «Благородную дворянскую гордость», любовь к Отечеству историка питали просвещенный отец, круг думающих и образованных друзей дома, трогательная и скромная российская природа. Но кроме этого из детства Карамзин вынес и впечатления об ужасной «пугачевщине», а в годы своего путешествия за границу увидел гибельность насилия, народную стихию, авантюризм вождей Французской революции. «Ужасы французской революции навсегда излечили Европу от мечтаний гражданской вольности и равенства»; «Народ в кипении страстей может быть скорее палачом, нежели судиею».

В своем труде исследователь не только поставил проблему художественного воплощения истории, повременного литературного описания событий, но их «свойство и связь». Его принципы: 1) любовь к Отечеству как части человечества; 2) следование правде истории: «История — не роман и не сад, где все должно быть приятно, — она изображает действитель-

ный мир»; 3) современный взгляд на события прошлого: «что есть или было, а не что быть могло»; 4) комплексный подход к истории, т.е. создание истории общества в целом: «успехи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность и т.д.». Движущая сила исторического процесса — это власть, государство. Весь русский исторический процесс является борьбой самодержавия с народоправством, олигархией, аристократами и уделами. Единовластие представляет собой стержень, на который нанизывается вся общественная жизнь России. Разрушение единовластия всегда приводит к гибели, возрождение — к спасению. Самодержавие олицетворяет собой порядок, безопасность и благоденствие. На примерах коварства Юрия Долгорукого, жестокости Ивана III и Ивана Грозного, злодейств Бориса Годунова и Василия Шуйского Карамзин показывает, каким не должен быть монарх. Противоречиво оценивает ученый и Петра I: «Мы стали гражданами мира, но перестали быть в некоторых случаях гражданами России». В то же время не случайно его «История...» называется российской, а не русской. Относительно простого народа историк все же не выступал за «прелести кнута», а видел его полноправным гражданином наряду с дворянами и купцами при одном условии: «народ должен работать». В его истории нет идеи избранности русского народа и национального нигилизма. Он сумел удержаться на объективном уровне подхода ко всем народам России и Европы.

Незадолго до своей смерти, на собрании Академии наук Николай Михайлович сказал: «Мы желали бы из самого гроба действовать на людей, подобно невидимым добрым гениям, и по смерти своей еще иметь друзей на земле». Этой чести Карамзин удостоился в полной мере.

Работа над «Историей государства Российского» шла очень интенсивно и в отношении подбора источников, и в части писания самого текста. Уже к 1811 г. было написано около 8 томов, но события 1812–1813 гг. временно оборвали работу. Лишь в 1816 г. он смог поехать в Петербург, имея уже 9 томов, и приступил к изданию первых 8 томов как законченной цельной части своей «Истории...».

«История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зерцало их бытия и деятельности; скрижаль откровения и правил; завет предков к потомству... — так начинает Карамзин свою «Историю...». — Правители, законодатели действуют по указаниям истории... Должно знать, как

искони мятежные страсти волновали гражданское общество и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление... Но и простой гражданин должен читать историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей... утешает в государственных бедствиях... она питает нравственное чувство и праведным судом своим располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества. Вот польза: сколько же удовольствий для сердца и разума».

Итак, на первом месте поставлена политико-назидательная задача; история для Карамзина служит нравоучению, политическому наставлению, а не научному познанию. Это — утверждение сильной монархической власти и борьба с революционным движением.

Живописность, искусство — таков второй элемент, характеризующий исторические взгляды Карамзина. История России богата героическими яркими образами, она — благодатный материал для художника. Показать ее в красочном, живописном стиле — основная задача историка. Исторический процесс Карамзин понимал через прагматизм Юма, ставившего во главу угла историческую личность как двигатель исторического развития, выводившего это развитие из воззрений отдельного человека и его действий. Все основные элементы в понимании истории взяты Карамзиным из XVIII столетия и отражают предшествующий этап в развитии истории. Но историческая наука прошла уже значительный путь, и, конечно, нельзя было вовсе обойти две основные проблемы исторической науки, к разрешению которых через наследие прошлого настойчиво пробивалась историческая мысль, — проблему источника и проблему исторического синтеза. Но здесь наступало противоречие между требованием научной документации и литературно-художественным направлением. Карамзин нашел этому противоречию своеобразное разрешение, разделив свою историю на две самостоятельные части. Основной текст — литературное повествование — сопровождался в приложениях самостоятельным текстом документальных примечаний.

Источники «Истории государства Российского»

С именем Карамзина и его «Историей...» связаны публикация, введение в научный оборот значительного числа исторических памятников. Следуя духу времени, ученый использует свои личные связи, сносится с московским и другими архивами, обращается к крупным библиотечным фондам, преж-

де всего в Синодальную библиотеку, прибегает и к частным хранилищам, например к фондам Мусина-Пушкина, и выписывает, точнее, извлекает оттуда те новые документы, о которых впервые читатель узнавал от Карамзина. Среди этих документов и новые летописные списки, например Ипатьевский свод (по терминологии Карамзина — Киевская и Волынская летописи), впервые использованный Карамзиным; многочисленные юридические памятники — «Кормчая книга» и церковные уставы, Новгородская Судная грамота, Судебник Ивана III (Татищев и Миллер знали только Судебник 1550 г.) «Стоглав»; используются литературные памятники — на первом месте «Слово о полку Игореве», «Вопросы Кирика» и др. Расширяя вслед за М.М. Щербатовым использование записок иностранцев, Карамзин и в этой области привлек впервые много новых текстов, начиная с Плано Карпини, Рубрука, Барбаро, Контарини, Герберштейна и кончая записками иностранцев о Смутном времени. Результатом этой работы и явились те обширные примечания, которыми Карамзин снабдил свою «Историю...». Они особенно обширны в первых томах, где по объему превышают сам текст «Истории...». 1-й том содержит 172 страницы, а примечания к нему — 125 страниц петита, во 2-м томе на 189 страниц текста приходится 160 страниц примечаний, также петитом, и т.д.

Эти примечания составляют главным образом выдержки из источников, изображающих те события, о которых рассказывает Карамзин в своей «Истории...». Обычно даются параллельные тексты из нескольких источников, главным образом — разные списки летописей. Это огромное количество документального материала сохранило свою свежесть в ряде случаев до конца XIX в., тем более что некоторые списки и памятники, которыми пользовался Карамзин, погибли во время московского пожара 1812 г. или от других стихийных бедствий. К примечаниям Карамзина долго продолжали обращаться историки, уже перестав читать его «Историю...»; ценность этих примечаний совершенно бесспорна.

Надо оговорить, что в самой работе по розыску и обработке документов значительную роль сыграли выдающиеся деятели русской археографии начала XIX в. Им и принадлежит значительная доля указанной заслуги «Истории...» Карамзина. Из переписки Карамзина с К.Ф. Калайдовичем, директором Московского архива Коллегии иностранных дел А.Ф. Малиновским, с П.М. Строевым видно, что новооткрытые памятники, использованные в карамзинской «Истории...», в значительной части — их находки. Они не только высылают ему дела, представляющие ценность и важность для этого периода, но и сами, по его поручению, делают подбор документов, выборку и систематизацию чернового подготовительного материала к заданной теме или вопросу.

Но Карамзин не ограничивается в своих примечаниях одним формальным воспроизведением источника. Примечания Карамзина свидетельствуют о том, что его длительная и углубленная работа над документальным материалом, его обширные исторические познания поставили его в известной мере в уровень с требованиями критического метода, принесенного Шлецером в русскую историческую науку. Историк летописания М.Д. Приселков отметил тонкое критическое чутье Карамзина в отборе использованных им текстов Ипатьевской, Лаврентьевской и Троицкой летописей. Его примечания о составе «Русской Правды», о церковных уставах Владимира и Всеволода, частое сопоставление разных исторических источников для разрешения отдельных научных контроверз сообщают примечаниям Карамзина не только археографическое, но и историческое значение. Не случайно к мнению Карамзина прислушивались в спорных вопросах специалисты-археографы. И все же в общей системе исторических взглядов Карамзина, в общем построении его «Истории...» весь этот источниковедческий, критический аппарат сохраняет чисто формальный, отсылочный характер.

Исследователь в примечаниях дает выписки из источников, изображающих те события, которые он описывает в своей истории. Но при этом тот самый критический материал, который содержится в примечаниях, остается неотраженным в самой «Истории...», оказывается как бы за рамками повествования. В плане последнего Карамзину важны не критика источников и раскрытие внутреннего содержания явлений. Он берет из источника только факт, явление само по себе. Этот разрыв между примечаниями и текстом переходит иногда и в прямое противоречие, так как эти две части работы Карамзина подчинены двум разным принципам, или требованиям. Так, в самом начале своей «Истории...», обойдя этногенетические вопросы в кратком очерке, как это сделал уже М.М. Щербатов, он подошел к объяснению имени славян: «...под сим именем, достойным людей воинственных и храбрых, ибо его можно производить от славы» — таково положение Карамзина. А в примечании 42-м

к этому тексту дается научная контроверза и фактическое опровержение этого толкования. Но, опровергнутое критикой, оно утверждается повествованием, как согласное с художественным образом создаваемым писателем. Так же дан и вопрос о призвании варягов. Если в примечании намечена критика легенды о Гостомысле, то художественные задачи повествования вводят его в текст, как «достойного бессмертия и славы в нашей истории». Критика текста вообще не переходит у Карамзина в критику легенды; легенда, напротив, — самый благодатный материал для художественного украшения рассказа и для психологических рассуждений.

Трактовка исторического факта

Исторический факт — это элемент прагматического повествования. И если примечания имеют целью в известной мере научное установление факта, то историческое повествование занято только его психологическим объяснением. В духе прагматизма XVIII в. Карамзин заменяет размышление над внутренней природой явлений, к которому подошел уже И.Н. Болтин, «плодовитостью в изъяснении причин». Событие служит ему лишь отправной точкой, внешним поводом, идя от которого он развивает свои психологические характеристики и морализирующие и сентиментальные рассуждения; люди и события — тема для литературного поучения.

Так, изложив в современной литературно-риторической передаче летописный рассказ об убийстве Аскольда и Дира Олегом, автор снабжает его в тексте своим политико-морализирующим комментарием: «Простота, свойственная нравам IX века, дозволяет верить, что мнимые купцы могли призвать к себе таким образом владетелей Киевских, но самое общее варварство сих времен не извиняет убийства жестокого и коварного».

Психологизм для Карамзина не только средство объяснения фактов, но и самостоятельная литературная тема, характер литературного стиля. Исторический факт превращается в психологический сюжет для литературного творчества, уже нисколько не связанного документальным обоснованием. Для примера можно привести рассказ о смерти Всеволода: «Всеволод, огорчаемый бедствиями народными и властолюбием своих племянников, которые , желая господствовать, не давали ему покоя и беспрестанно требовали уделов, с завистию вспоминал то счастливое время, когда он жил в Переяславле, довольный жребием удельного князя и спокойный сердцем». Описание превращается в сентиментальную повесть, в мечты о личном счастье

и скромной доле. Психологическая характеристика становится чисто механическим литературным приемом, так что иногда сама вступает в противоречие с основной психологической темой. Так, Святополк Изяславич, подготовляющий предательское ослепление Василька, называется «ласковым» Святополком. В то же время психологизм исторической науки XVIII в., как указано, связан с рационализмом, с ее основной концепцией, которая делает историческую личность ведущей действующей силой истории. При этом в самой деятельности исторической личности Карамзин видит осуществление своего политического идеала.

Психологическое повествование определяет основную связь между событиями, политическая схема определяет общее содержание исторического процесса. Как у Татищева или потом у Щербатова, его содержание дано не развитием самих исторических событий, а внешним раскрытием политической идеи самого автора.

Общая концепция русской истории

Политическая концепция самого Карамзина в своем законченном виде формулируется им уже как политический итог двадцати лет бурных событий европейской истории, отмеченных на Западе Французской революцией и наполеоновскими войнами, а в России — демократической проповедью А.Н. Радищева, павловским режимом, наконец, политикой Тильзита и реформами М.М. Сперанского. Это было двадцать лет борьбы между старым, феодальным, и новым, буржуазным, порядком. Отражая идеалы старой, дворянской, России, Карамзин защищает традицию XVIII в., идущую от В.Н. Татищева и М.М. Щербатова.

Свою историко-политическую программу Карамзин изложил во всей полноте в «Записке о древней и новой России», поданной в 1811 г. Александру I в качестве дворянской программы и направленной против реформ Сперанского. Эта программа вместе с тем подводила в какой-то мере итог и его историческим занятиям, в которых ученый дошел уже до конца XV в.

Российское единодержавие — таков первый элемент историко-политической концепции Карамзина. «Самодержавие основало и воскресило Россию». «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием». Это — татищевская схема «совершенного единовластительства» от Рюрика до Мстислава, которое сменяет «аристократия или паче расчлененное тело», и, нако-

нец, восстановление «совершенной монархии» при Иване III. Эту идею Карамзин развил и в своей «Истории...», подводя итог истории Древней Руси перед княжением Ивана III. «Было время, когда она (Россия. — *Н.Р.*), рожденная, возвеличенная единовластием, не уступала в силе и в гражданском образовании первейшим европейским державам». Но за этим последовало «разделение нашего отечества и междоусобные войны». «Нашествие Батыево ниспровергло Россию». Наконец, Иван III восстановил единовластие: «Отселе история наша приемлет достоинство истинно государственной, описывая уже не бессмысленные драки княжеские, но деяния царства, приобретающего независимость и величие».

Но на протяжении столетия эта монархическая система осложнилась новым элементом. За это время согласие между монархией и дворянством временами нарушалось. Пошатнулись и социальные позиции дворянства, напряженно отстаивавшего свои привилегии. Историческое обоснование монархии дополняется историческим обоснованием дворянских прав и привилегий, притом именно родовой знати, аристократии. Это превращение татищевской схемы начато уже Щербатовым. В этом переработанном виде принял и развил ее Карамзин в условиях обострения кризиса, обозначившегося Французской революцией на Западе, реформами Сперанского и назреванием движения декабристов в России. «Самодержавствие есть палладиум России; целость его необходима для ее счастья; из сего не следует, чтобы государь, единственный источник власти, имел право унижать дворянство, столь же древнее, как и Россия». И Карамзин ссылается на положение Монтескье: «Без монарха — нет дворянства, без дворянства — нет монарха». «Дворянство и духовенство, Сенат и Синод, как хранилище законов, над всеми — государь, единственный законодатель, единовластный источник властей. Вот основание Российской монархии» — таков итог политической программы Карамзина. Рядом с политическим правом дворянства как участника власти монарха стоит неотъемлемость его земельных прав (земля «есть собственность дворянская») и его крепостнические права. Монархия Щербатова и Карамзина — это дворянская монархия. Дворянство и крепостничество — опора самодержавия: «безопаснее поработить людей, нежели дать им не вовремя свободу».

Отсюда исторический национализм, идеал консервативной традиции, противопоставляемый и Щербатовым, и Карамзиным буржуазной революционности Западной Европы; это было противопоставлением российского самодержавия «ужасной французской революции», которая «погребена», и современной конституционной монархии, представляющей, по Карамзину, «право без власти», тем самым обращенное в «ничто». «Все народное ничто перед человеческим», — писал Карамзин в 1790 г. Теперь он боится уже этого европейского влияния. Петр I, насаждая просвещение, «захотел сделать Россию — Голландиею». Эта схема в целом являлась утверждением консерватизма, отрицанием всякой реформы, всего нового, т.е. самого принципа исторического развития, теории прогресса, утверждаемой передовой, исторической мыслью уже с конца XVIII в.

Эта осложненная дворянской идеей монархическая концепция приводит к пересмотру ряда конкретных моментов Новейшей истории России и их оценки. Переоценке прежде всего подвергся Петр I. Петр I исказил ход русской истории, изменил национальному началу, подорвал моральное влияние русского духовенства. Идеолог дворянства начала XIX в. полностью сошелся со своим предшественником Щербатовым, начавшим с Петра I историю «повреждения нравов в России». Одинаково для обоих это противоречие старого и нового воплотилось в противопоставлении Москвы, представляющей национальную традицию, и Петербурга, носителя насильственной европеизации. Это гениальное дело Петра для Карамзина лишь «блестящая ошибка», обреченная на неудачу — «человек не одолеет натуры». И здесь Карамзин непосредственно примыкает к «Путешествию в землю Офирскую» Щербатова.

Вслед за дворянским публицистом Екатерининского царствования Карамзин подвергает критике и Екатерину II, хотя и более сдержанно, имея за собой определенную историческую перспективу. Но основная тема та же: фаворитизм, нарушивший право дворянства на соучастие во власти. «Нравы более развратились», — полагает Карамзин, как и Щербатов. Поэтому он говорит, что в государственных учреждениях Екатерины мы видим «более блеска, нежели основательности», а хваля ее достоинства, «невольно вспоминаем ее слабости и краснеем за человечество».

Наконец, перенося этот дворянско-монархический принцип на события более отдаленного прошлого, Карамзин в свете конфликта царя с дворянством рассматривает царствование

Ивана Грозного, повторяя Щербатова в своей отрицательной оценке его деятельности.

Периодизация истории России

Развивая в общей историко-политической концепции дворянскую концепцию М.М. Щербатова, Карамзин следует за ним в основном и в конкретном развитии общей исторической схемы своей «Истории государства Российского». В своем «Введении» к «Истории...» Карамзин начал с критики шлецеровской периодизации, предложив взамен свою, более обобщенную. Он предлагает разделить историю России на три периода: древний — от Рюрика до Ивана III, средний — до Петра I и новый — послепетровский. Это деление как будто звучит более современно, как перенесение на нашу историю периодизации всеобщей истории. Но эта связь со всемирной историей только кажущаяся. Достаточно вспомнить, что древний период — это период от Рюрика до Ивана III, т.е. так называемый удельный период, чтобы понять, что с древним периодом всеобщей истории он ничего общего не имеет. Это деление Карамзина — сугубо условное, и идет оно, как все периодизации XVIII в., от истории русского единодержавия. Периодизация Карамзина начинается с Рюрика, т.е. с образования государства, как предлагал и Шлецер. В истории государства — это, по Карамзину, удельный период, так как разделение на уделы началось уже с Рюрика, когда русская земля разделилась между тремя братьями — Рюриком, Синеусом и Трувором; так же раздавались земли и города боярам и князьям «под Ольгом сущим». С Ивана III для Карамзина, как и для других историков XVIII в., начинается история единодержавия в России. Наконец, с Петра начинается новейший период — история «преображенной России».

Новым и несколько неожиданным в этой периодизации является определение первого периода, в котором слиты два периода первоначальной схемы, вернее, выпал ее первый период, обозначавшийся как начальный период единодержавия в Киевской Руси. Это была одна из проблем, вызвавших оживленную полемику уже в исторической литературе XVIII в. Щербатов, Шлецер, за ними, уже в XIX в., Эверс давали картину последовательного развития Древней Руси, история которой начинается варварским периодом и лишь в XV в. осуществляет их политический идеал в Московском государстве Ивана III. К этой схеме примкнула и указанная характеристика Карамзина. Но, примкнув к ней, ученый далеко не остался последовательным в ее проведении. Да, говорит он, мы застаем нашу страну в состоянии младенчества «и не должны его стыдиться», но «отечество наше, слабое, разделенное на малые области... обязано величием своим счастливому введению монархической власти». «Основанная, возвеличенная единовластием», «Русь Владимира и Ярослава «шагнула», так сказать, в один век от колыбели своей до величия». Таким образом, Карамзин преодолел основную принципиальную трудность, порожденную совмещением двух исторических концепций. Как и у Щербатова, главы отвечают великим княжениям; взятое из «Степенной книги», это деление перешло целиком к Карамзину и впоследствии сохранило значительную устойчивость в исторической литературе.

Показательнее в своем совпадении с Щербатовым деление по томам. В 1-м томе Карамзин, после краткой характеристики источников и беглого очерка древнейшего периода (как и у Щербатова), историю начал с образования государства, т.е. с Рюрика, и закончил расцветом Киевской Руси при Владимире Святославиче — крещением Руси, т.е. тем же княжением Владимира, которое составляло грань I и II томов «Истории...» Щербатова.

Разгромом Киева в 1169 г. и перенесением столицы во Владимир закончил Карамзин свой 2-й том, этой же датой закончил Щербатов 5-ю книгу II тома. Новой столицей обозначается и новый период русской истории. Только промежуточная дата удельного раздробления после Ярослава, хотя и отмеченная в тексте 4-й главы II тома, так и осталась затерянной в общем рассказе и не введенной в основное деление материала.

Как и Щербатов, даже больше, чем он, подчеркнул Карамзин роль татар в истории России; это сказалось на дальнейшей периодизации у обоих. Завоевание Батыя — третья определяющая дата русской истории: 1238 г. кончается 3-й том «Истории...» Карамзина и II том у Щербатова. 1362 г. кончается 4-й том и великим княжением Дмитрия Донского начинается 5-й том «Истории...» Карамзина; княжением Дмитрия Донского начинается и IV том Щербатова.

Схемы отчасти разошлись на Иване III. Щербатов передвинул грань к Ивану IV; Ивана IV выделяла «Степенная книга», с ним русский князь получил титул царя и утвердил свое международное значение. Карамзин вернулся здесь к схеме Татищева и Ломоносова и, связав восстановление единодержавия со свержением татарского ига, отнес его к Ивану III.

Торжественным хвалебным словом Ивану III начинается 6-й том «Истории...» Карамзина. Близкий по времени к «Записке», он уже противопоставляет Ивана III Петру I, восхваляя национальный характер политики первого.

Впрочем, дальше, на Иване IV, схемы Карамзина и Щербатова опять сошлись: их объединила дворянская симпатия к боярской оппозиции самовластию Ивана Грозного. Основное положение Щербатова — правление Ивана IV было благодетельным, пока он слушался боярского совета; его ненормальная жестокость и беспочвенная подозрительность привели к устранению добрых советников и к гибельным для России последствиям опричнины. Это положение полностью принято Карамзиным: как и у Щербатова, история царствования Ивана IV разделена у Карамзина на две половины 1558 г., две части V тома Щербатова превратились у Карамзина даже в два самостоятельных тома (8 и 9); у обоих царствование Федора и конец династии определяют рамки следующего тома. Последние два тома должны были составить историю Смуты.

Новым является при этом то, что Карамзин не довольствуется простым воспроизведением схемы, заимствованной у Татищева, а ищет объяснения устанавливаемой смены политических форм, пытается установить те исторические силы, те конкретные условия, которые определяли эти изменения. Но при этом самый характер принятой схемы закрывает путь к решению поставленной задачи. Внутренняя связь берется из самой схемы, характеристика исторического процесса превращается в его объяснение, история народа с предельной последовательностью превращается в историю государства. «Мы хотим обозреть весь путь государства российского от начала до нынешней степени оного» — такова тема русской истории по Карамзину. Отсюда смена политических форм превращалась в разрыв внутренней связи между историческими явлениями, а самый разрыв заполнялся внешними явлениями и фактами, которые превращались в объяснение явлений.

Так, факт призвания варягов превратился, по сути дела, в идею варяжского происхождения Киевского государства, несмотря на противоречие этой идеи всему националистическому направлению «Истории...» Карамзина.

Таким же образом татарское завоевание превратилось в источник возрождения русского единодержавия, в спасительную силу русской истории. «Нашествие Батыево ниспровергло Россию... Дальнейшее наблюдение открывает и в самом зле причину блага, и в самом разрушении пользу целости». Внутреннее развитие страны вело ее к политической гибели: «Могло пройти еще сто лет и более в княжеских междоусобиях: чем заключались бы оные? Вероятно, погибелию нашего отечества... Москва же обязана своим величием ханам».

Как в вопросах источниковедения, так и в трактовке исторических явлений ученый не мог, однако, полностью уйти от новых явлений в исторической науке наступившего века, сказывающихся в последовательном обращении от внешней схемы к попыткам раскрытия реальной внутренней связи исторических событий.

Отражение идей XIX в. в исторической схеме Карамзина

Отражение нового понимания истории исследователи пытались увидеть иногда в высказываниях Карамзина о феодализме, в его сопоставлении феодального и поместного строя. Но и в этих случайных упоминаниях не было даже того содержания, которое вложил в это сопоставление еще Болтин. Карамзин и здесь пошел не за Болтиным, предварявшим уже в известной мере научную мысль XIX в., а за Щербатовым. И если можно говорить в какой-то мере о сопоставлении исторического развития России и Западной Европы, то оно превращалось скорее в противопоставление, притом такое же внешнее, как и вся историческая схема Карамзина.

Реальным отражением нового направления в общем строе карамзинской истории остается выделение специальных глав, посвященных «состоянию России» за каждый отдельный период ее истории. В этих главах читатель выходил за рамки чисто политической истории и знакомился с внутренним строем, экономикой, культурой и бытом. С начала XIX в. выделение таких глав становится обязательным в общих работах по истории России.

Карамзинская «История...», безусловно, сыграла свою роль в развитии русской историографии. Николай Михайлович не только подвел итог исторической работе XVIII столетия, но и донес ее до читателя.

Издание «Русской Правды» Ярослава Мудрого, «Поучения» Владимира Мономаха, наконец, открытие «Слова о полку Игореве» пробудили интерес к прошлому Отечества, стимулировали развитие жанров исторической прозы. Увлеченные национальным колоритом и древностями, российские литераторы пишут исторические повести, «отрывки», публицистические статьи, посвященные русской старине. При этом история вы-

ступает в виде поучительных рассказов, преследующих воспитательные цели.

Взгляд на историю сквозь призму живописи, искусства — особенность исторического видения Карамзина. Он считал, что история России, богатая героическими образами, — благодатный материал для художника. Показать ее красочно, живописно — задача историка. В «Письмах русского путешественника» Карамзин пишет: «Больно, но должно по справедливости сказать, что у нас до сего времени нет хорошей российской истории, т.е. писанной с философским умом, с критикой, с благородным красноречием. Говорят, что наша история менее других замечательна: не думаю; нужен только ум, вкус, талант. Можно выбрать, одушевить, раскрасить, и читатель удивится, как из Нестора, Никона и других могло выйти нечто привлекательное, сильное, достойное внимания не только русских, но и чужестранцев».

Современники Николая Михайловича сразу же обратили внимание на то, что в его «Истории...» наука идет рука об руку с искусством. Не случайно среди его почитателей было много художников. Примечательно, что на «Портрете А.И. Иванова» кисти Бугаевского-Благодарного рядом с фигурой художника, мастера исторической композиции, мы видим книгу Карамзина.

Что же значит в понимании Карамзина «выбрать, одушевить, раскрасить»? В 1802 г. в журнале «Вестник Европы» он опубликовал статью «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств». Это был своего рода манифест о необходимости органического слияния исторической правдивости с образностью. Продолжая и развивая традицию, выраженную в патриотической работе М.В. Ломоносова «Идеи для живописных картин по русской истории», Карамзин отстаивал идею внесословной ценности человека применительно к русской истории, взятой как материал искусства. Историк требовал отражения в искусстве и литературе национальных особенностей русского характера, подсказывал живописцам темы и образы, которые они могут почерпнуть из древней отечественной литературы. Советы Николая Михайловича охотно использовали не только художники, но и многие писатели, поэты и драматурги. Особенно актуально его призывы прозвучали в период Отечественной войны 1812 г.

Поводом для статьи Карамзина явилось решение президента Академии художеств графа А.С. Строганова о том, чтобы

слушатели Академии избирали темами своих работ сюжеты из отечественной истории для увековечения памяти и славы великих людей, «заслуживших благодарность Отечества». Следствием выступлений Строганова и Карамзина явилось то, что в 1803 г. начались работы над созданием известного памятника «Гражданину Минину и князю Пожарскому». Модель его была завершена скульптором И.П. Мартосом в 1815 г., а торжественное открытие состоялось в 1818 г. в Москве на Красной площади.

В своей статье Карамзин не только призывает, но и полемизирует. Он спорит с теми, кто не видит нужды в эстетическом освещении русской истории, а в деле воспитания патриотизма и национального самосознания полагается только на силу голого исторического факта. «А те холодные люди, — писал он, — которые не верят сильному влиянию изящного на образование душ и смеются (как они говорят) над романтическим патриотизмом, достойны ли ответа?» Создайте национально-патриотическую тему в искусстве, утверждал ученый, и тогда не только русский, но и «чужестранец захотел бы читать наши летописи...».

По мнению Карамзина, искусство только выявляет и заостряет эстетические возможности истории, но не создает их. «В наше время историкам уже не позволено быть романтиками и выдумывать древнее происхождение для городов, чтобы вызвать их славу». Это многозначительное заявление, сделанное Карамзиным в 1802 г., прямо перекликается с авторской установкой «история не роман, и мир не сад...», сформулированной в «Истории государства Российского».

«Таланту русскому всего ближе и любезнее прославлять русское, — заявляет Карамзин. — Должно приучить россиян к уважению собственного, должно показать, что оно может быть предметом вдохновения артиста и сильных действий искусства на сердце. Не только историк и поэт, но и живописец, и ваятель бывают органами патриотизма».

В отличие от Ломоносова, Карамзин интересуется не столько героическими эпизодами Древней Руси, показывающими личное мужество отдельных исторических деятелей, сколько сюжетами, которые дают возможность раскрыть психологические состояния персонажей, такими, например, как свадебный сговор Ольги с Игорем; прощание Ярослава Мудрого с дочерью Анной, просватанной за французского короля, и т.п. По мнению историка, художник должен вдохновляться

«чувственностью, ибо тень меланхолии» не может испортить «действия картины».

Призывы Карамзина были услышаны, и в середине 1830-х гг. издатель А. Прево решил воплотить его идеи и подарить россиянам, прежде всего младшему поколению, «Живописного Карамзина». Можно сказать, что великий историк и художник слова проделал всю подготовительную работу. За окончательное воплощение замысла взялся Владимир Михайлович Строев, брат знаменитого археографа Павла Михайловича, переложивший карамзинский труд для детского чтения. Журналист, переводчик французских романов и занимательных путешествий, неутомимый популяризатор и просветитель, к тому же обладавший тонкой наблюдательностью и великолепным чувством юмора, В.М. Строев смог передать идеи, дух и даже слог карамзинского труда. Более того, ему удалось добиться единства живописных и словесных образов.

В работу по созданию литографий с энтузиазмом включился целый коллектив рисовальщиков и граверов. Составителем картин был Борис Артемьевич Чориков, сын таможенного досмотрщика, получивший образование в Императорской Академии художеств, куда принят был на казенный счет в 1819 г. Еще на студенческой скамье он обратил на себя внимание преподавателей рисунками с натуры, которые не раз оценивались серебряными медалями. Окончил Б.А. Чориков академию в 1829 г. В пушкинскую эпоху он был известен своими жанровыми картинами и композициями, выполненными карандашом, сценами из русской истории. За свои работы Чориков был выдвинут Академией художеств на соискание звания академика.

По рисункам Чорикова сцены «Истории...» Карамзина ожили на литографиях, выполненных П. Ивановым, О. Андерсоном, К. Беггровым, И. Щедровским и П. Разумихиным. Среди этих людей были и маститые академики, и начинающие художники, выходцы из аристократических родов, и дети крестьян. В составе авторского коллектива словно отразились внесословные и интернациональные взгляды Карамзина. Чориков — сын таможенного досмотрщика, Андерсон — выходец из семьи шведского крестьянина, Иванов — рисовальщик военной типографии, Беггров — академик, ученый-литограф при Главном штабе. Каждый из них заслуживает нескольких слов.

Олаус Андерсон был известен как рисовальщик, акварелист и литограф. Сын шведского крестьянина, он был удостоен за свои работы звания учителя рисования средних учебных заведений, был участником академических выставок, среди его работ — акварельные портреты Николая I и членов царской семьи.

Петр Иванов — рисовальщик на камне и гравер — трудился при военной типографии в Петербурге. Им запечатлены на литографиях памятники Петру I, М.И. Кутузову и Барклаю де Толлю, а также виды Петербурга, церквей и монастырей Москвы и Суздали.

Карл Петрович Беггров — академик перспективной живописи, ученый литограф при Главном штабе. Его лучшие литографии — виды Санкт-Петербурга и его окрестностей.

Художник И. Щедровский был известен как автор альбома литографии «Сцены из русского народного быта».

Петр Иванович Разумихин — автор большой литографии с картины К. Брюллова «Последний день Помпеи». Его работа поражала современников точностью передачи оригинала.

Современному читателю могут показаться излишне нарочитыми иллюстрации, выполненные в традициях академической школы. Думается, что авторы, подобно самому Н.М. Карамзину, стремились подчеркнуть классический характер русской истории, ее величие и монументальность, сопоставимые с историей Древнего Рима или любой другой мировой державы. К тому же хронологический период «Живописного Карамзина», протяженностью почти в тысячелетие (с IX по XIX в.), слишком велик, чтобы учесть колорит «места и времени» и национальные изобразительные традиции. Поэтому была выработана единообразная форма, которая могла быть применена к любому из сюжетов и одновременно связывала бы их между собой. К тому же определенные ограничения изобразительного языка обязывали рисовальщиков к максимальному отражению психологической глубины каждого образа. Большинство иллюстраций «Живописного Карамзина» выполнены в традициях академической школы. Для монументальных образов карамзинской «Истории...» язык классицизма оказался наиболее подходящим. Батальные сцены, эпизоды примирения князей и избрания на царство, прием послов других государств, предсмертные минуты исторических героев — все это исполнено торжественности и значимости. В то же время гравюрам недостает колорита «места и времени», национальных красок — того, что было в древнерусской миниатюре, в росписи старинных храмов.

Сразу же после выхода в свет в 1836 г. «Живописный Карамзин» получил восторженную оценку на страницах популярного журнала «Библиотека для чтения» и, конечно, у «русского юношества», которому книга и предназначалась. В журнале отмечалось: «Нас весьма радует успех этого красивого издания. Действительно, эти милые картинки, с краткими, но хорошими описаниями главных событий русской истории, увлекли в свою пользу мнение малолетней публики, которая их очень полюбила». С выходом этого издания поэты, художники, драматурги, музыканты и актеры, по существу, обрели методическую разработку для художественного воплощения наиболее ярких страниц отечественной истории. На протяжении многих лет творческую интеллигенцию будут волновать и вдохновлять события и герои отечественного прошлого, которые впервые были «открыты» Карамзиным.

Создатели «Живописного Карамзина» с честью выполнили завет Николая Михайловича: «Историку нельзя говорить за своих героев. Что остается ему... Порядок, ясность, сила и живопись». Сам издатель, Андрей Прево, называл «Живописного Карамзина» «детским», т.е. приспособленным для юношеского восприятия. Идея подобной публикации возникла далеко не случайно. Она полностью соответствовала просветительскому настрою образованного русского общества середины XIX столетия и, как ни странно, остается актуальной и в наши дни.

Дело в том, что в это время в России публиковалось довольно большое количество детской литературы, но в основном переводной. Многие дамы высшего круга увлекались просветительством, и в обществе считалось хорошим тоном заниматься переводами для юношества. Да и собственных, отечественных детских книг практически не было. Дети столичных аристократов, провинциальных дворян, помещиков и купцов-грамотеев читали немецкие сказки Гофмана, английские «Evening at Home» («Семейные вечера») или «Собрание полезных и приятных рассказов для юношества» Экипа и Барбольда, французские рассказы для детей Ламота Фукэ, Шамисо и др.

Справедливости ради надо сказать, что в периодической печати уже тогда раздавались голоса критиков о том, что ни издатели, ни переводчики «Библиотеки воспитания», «Детских повестей» и прочей подобной литературы «решительно не понимают, что такое дитя, и притом дитя русское, с чем

оно родится на свет, что в нем должно быть истреблено и что посеяно, к чему оно предназначено в сей жизни и где тот прямой верный путь, которым можно и должно вести его к той цели». Патриотически настроенные писатели С.Н. Глинка, М.Н. Загоскин, М.П. Погодин и другие указывали на то, что пропаганда «западного язычества» или «индийской мифологии» неприемлемы для России и рождают в детях «ложь, нелепость, несообразность и праздное суетное любопытство». Между тем история родного Отечества, герои русских народных сказок являются «предметами, достойными к познанию, вызывают добрую любознательность, самоуважение и любовь... Хотите предохранить своих детей от нравственной заморской золотухи, английской, французской и немецкой болезней — не давайте им никаких переводов с заморского... если вы не желаете их видеть людьми заблудшими и большей частью ничтожными машуриками и себялюбцами, — ни Богу, ни людям, ни себе угодными. Нет! Дайте им прямо Евангелие, дайте им Карамзина...»

Влияние «Истории государства Российского»

Выход в свет весной 1818 г. первых восьми томов карамзинской «Истории...» совершил переворот в сознании россиян. Уже во второй половине XIX в. воспитанники всех учебных заведений были знакомы с этим трудом. Даже тогда, когда появились новые имена историков — С.М. Соловьева, Н.И. Костомарова, И.Е. Забелина, В.О. Ключевского, — труд Николая Михайловича оставался обязательным чтением в гимназиях и университетах. На Карамзине выросли и с благодарностью вспоминают о нем в своих произведениях писатели Л.Н. Толстой, И.А. Гончаров, С.И. Аксаков, А.А. Григорьев, Ф.М. Достоевский; публицисты-демократы Н.А. Добролюбов и Н.Г. Чернышевский; великий сатирик М.Е. Салтыков-Щедрин; мемуарист-географ П.П. Семенов-Тян-Шанский; историки К.Н. Бестужев-Рюмин и С.М. Соловьев. Известный мыслитель Н.Н. Страхов, близкий к Достоевскому и Толстому, писал: «Я воспитан на Карамзине... Мой ум и вкус развивались на его сочинениях. Ему обязан пробуждением своей души, первым и высоким умственным наслаждением». В свою очередь Ф.М. Достоевский, отвечая на вопрос о детском чтении, советовал «не обойти Карамзина», полагая, что «исторические сочинения имеют огромное воспитательное значение. Берите и давайте лишь то, что производит прекрасные впечатления и родит высокие мысли».

Практически все издания прошлого столетия, рассчитанные на юношеское восприятие, включали отрывки или пересказы «Истории...» Карамзина. В популярных хрестоматиях сочинения Карамзина определялись как веха в истории российской словесности: «От Петра I до Карамзина», «От Карамзина до Пушкина». Отрывки из «Истории государства Российского» помещены в книге знаменитого педагога К.Д. Ушинского «Детский мир и Хрестоматия» (для чтения на уроках родного языка в младших классах). К 1916 г. эта книга выдержала 41 издание. Известный педагог и литературовед А.Д. Галахов подготовил хрестоматию с фрагментами из «Истории...», которая к 1918 г. переиздавалась 40 раз. В своих статьях он рассматривал такие проблемы, как «Карамзин и нравственность», «Карамзин как оптимист». В известной Поливановской гимназии в Москве на Пречистинке, где училось немало будущих знаменитостей (В.Я. Брюсов, Б.Н. Бугаев (Андрей Белый) и др.), как правило, писали исторические сочинения «из Карамзина». Историк Москвы П.В. Сытин в 15 лет прочитал все 12 томов «Истории государства Российского» и сделал из них обширные выписки.

В послеоктябрьский период общественно-политические воззрения Карамзина (как, впрочем, практически всех дореволюционных историков — С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, М.П. Погодина, Н.И. Костомарова, И.Е. Забелина, П.Н. Милюкова, С.Ф. Платонова и многих других) были признаны консервативными, националистическими и монархическими, и его труды надолго исчезли из педагогической литературы.

Нельзя не упомянуть и о влиянии труда Карамзина на историческое краеведение. Этот, по определению Д.С. Лихачева, «самый массовый вид науки» получил свое становление в России также под воздействием «Истории...» Карамзина. Патриоты своего края пользовались трудами Николая Михайловича как основой для отбора фактов о родном городе и знаменитых земляках. Так, благодаря Н.М. Карамзину происходило воспитание историей. Видный этнограф И.П. Смирнов (1807–1863) вспоминал годы учения в Тульской духовной семинарии: «Среди чтения «Истории...» Карамзина являлась всегда одна мысль: что такое Тула и как жили наши отцы».

Интерес к местной истории пробуждал в обществе внимание к частному быту, каждодневной жизни. Историк русского быта, археолог И.Е. Забелин с детских лет зачитывался «Историей...» Карамзина и навсегда определил для себя, какое важное значение в познании бытовой истории имеют вещественные источники. Опережая время, Николай Михайлович намного расширил источниковую базу исторической науки. Он был один из первых историков, кто ввел в научный оборот такие источники, как древние монеты, медали, надписи, сказки, песни, пословицы; обратил внимание на старинные слова, обычаи россиян, их жилища, одежду и захоронения; впервые в русской науке заговорил о влиянии природных условий на исторический процесс, на физический и духовный облик различных наций. И сегодня исследователи, начиная изучать быт Древней Руси, прошлое отдельных ее областей, изобразительные и архитектурные памятники, в первую очередь обращаются к «Истории...» Н.М. Карамзина.

Благодаря влиянию труда Николая Михайловича значительно расширилось представление о социальном составе лиц, действовавших в истории России. Поэтому обвинения, предъявляемые ему как историку князей и княжений, а не народа, со временем оказались несостоятельными. Напротив, его труд способствовал демократизации представлений о содержании истории и ее участниках, расширял круг самих исследователей и в конечном счете воспитывал в обществе уважение к науке и труду ученого.

Младшей современницей Карамзина была детская писательница, переводчица и педагог Александра Осиповна Ишимова (1805–1881). Свою деятельность она начинала с переводов английских детских книг, а затем пришла к мысли написать историю России в рассказах для детей, наподобие истории Англии, созданной Вальтером Скотом для английских детей. Довольно много времени она потратила на чтение всевозможных доступных ей исторических источников, несколько раз перечитала всю «Историю государства Российского» Карамзина и в августе 1834 г. принялась за работу.

Свою «Историю России в рассказах для детей» Ишимова создавала 6 лет. Написав первые 15 рассказов, она отдала свой труд на просмотр академику Петербургской АН, известному поэту и критику П.А. Плетневу, который преподавал тогда историю и литературу наследнику престола и великим княжнам. Написанные простым, понятным для ребенка языком, хорошим живым слогом, рассказы произвели очень благоприятное впечатление на академика и получили одобрение при дворе. На литературных вечерах у Плетнева Ишимова познакомилась с А.С. Пушкиным, В.А. Жуковским, князем П.А. Вяземским, князем В.Ф. Одоевским, И.С. Тургеневым,

Я.К. Гротом. Сам же Плетнев стал ее постоянным советником и руководителем.

По выходе из печати 3-го тома императрица Александра Федоровна назначила Ишимовой ежегодную пенсию, чтобы она могла спокойно продолжать свой труд. В 1841 г. сочинение было доведено до царствования Александра I, закончено и напечатано на средства Российской Академии, а в 1852 г. труд Александры Осиповны был отмечен Демидовской премией.

Публика приняла «Историю...» Ишимовой очень благосклонно, а все тогдашние периодические издания («Современник», «Отечественные записки», «Санкт-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости», «Русский инвалид» и «Северная пчела») отозвались о нем с единодушным одобрением. Впоследствии писательница стала автором учебника по русской истории для женских учебных заведений, который несколько раз переиздавался.

В то время было уже достаточно много произведений, связанных с исторической тематикой. Надо сказать, что «сочинитель» — публицист, автор повестей, рассказов и массы мелких журнальных статей — был одним из самых ярких представителей того официального патриотизма, который особенно расцвел после военных событий 1812–1814 гг. Правительство усиленно культивировало и поддерживало таких авторов, но требовало, чтобы они не порицали ничего из деяний правителей прошлого. Среди произведений такого рода можно, например, указать на сочинения Покровского «Избранные места из истории всех древних народов» (1823), «История государства Российского в назидание юношества» (1824).

В это же время появляются и созданные для детей книги о русских путешественниках. Среди них — «Всемирный русский путешественник, представляющий зрелище народов света, или Историческое и географическое описание образа жизни, нравов, правлений, веры, языка и проч. разных народов» (1812); сочинение Дункена и Головина «Краткое описание путешествия в пользу и увеселение юношества. Описание кораблекрушений в разные времена случившихся» (1822); книга девицы Марии Гладковой «15-ти дневное путешествие 15-ти летней, писанное в угождение родителю и посвящаемое 15-ти летнему другу», представлявшая собой краткое описание поездки из Москвы в Петербург. Были и необычные издания, такие, например, как «Азбука. Подарок

детям в память 1812 года», состоящая из раскрашенных карт и букв — карикатур на французов, отступавших от Москвы. В подобных работах проявлялась новая педагогическая идея — учить забавляя.

Определенный «исторический» фон создавали в обществе сказки и басни, которые предназначались не только для детей, но и для взрослых, и имели как фривольное, так и серьезное философское содержание. К примеру, сказки А.С. Пушкина, В.А. Жуковского, поэма П.И. Ершова «Конек-Горбунок», произведения И.А. Крылова, некоторые повести Н.В. Гоголя.

Новым явлением исторической прозы стали повести-биографии П. Фурмана «Суворов» (1848), «Меншиков» (1847), «Потемкин» (1848), «Саардамский плотник» (1847), «Боярин Матвеев» (1849). Детская литература этого времени стремилась учить и воспитывать ребенка на примерах живых образов героев отечественной истории.

В 30–50-х гг. XIX в. среди маленьких читателей постоянно растет спрос на произведения отечественных писателей и заметно падает интерес к переводной и иностранной литературе. Наиболее популярными авторами были А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, Н.М. Карамзин, А.Ф. Вельтман, далее шли — Г.Р. Державин, Н.В. Гоголь, М.Н. Загоскин.

Очевидно, что труд Н.М. Карамзина и через долгие годы после публикации продолжал влиять на культурную ситуацию в России, на дело патриотического просвещения юношества благодаря усилиям многих людей, вдохновленных великим историографом.

Литература

Козлов В.П. «История государства Российского» Н.М. Карамзина в оценке современников. М., 1989.

Козлов В.П. Колумбы российских древностей. М., 1985.

Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1987.

Сахаров А.Н. Николай Михайлович Карамзин (1766—1826)//Историки России XVIII—XX веков. Вып. I. Архивно-информационный бюллетень № 9 — Приложение к журналу «Исторический архив». М., 1995.

Соколов А.Н. Бессмертный историограф. Николай Михайлович Карамзин// Историки России XVIII — начало XX века М., 1996.

Шмидт С.О. Н.М. Карамзин и его «История государства Российского// Н.М. Карамзин об истории государства Российского. М., 1990.

Эйдельман Н. Последний летописец. М., 1983.

Глава 9

КРИТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 20–40-х гг. XIX в. И.-Ф.-Г. ЭВЕРС. Н.А. ПОЛЕВОЙ. М.Т. КАЧЕНОВСКИЙ

Условия зарождения критического направления. 20–40-е гг.

XIX в. — это начало нового этапа в развитии отечественной историографии, время критического осмысления своего настоящего состояния и определения нового отношения к историческому знанию. Изменения в исторической мысли были вызваны внутренними потребностями российского общества, сдвигами, которые происходили в общественном, в том числе и историческом, сознании людей, традициями развития самой исторической мысли. Значительно расширилась источниковая база исторических исследований; крупнейшими центрами изучения истории стали университеты, научные общества, расширились возможности для распространения исторических знаний (публикации в журналах «Вестник Европы», «Северный архив», «Сын Отечества» и др.).

Новое направление в исторической науке этого времени проявило себя в полемике вокруг «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Этот труд Карамзина был оценен как высшее достижение отечественной историографии XVIII — начала XIX в., пробудивший интерес к прошлому и поставивший перед общественностью и ученым миром России проблемы, имеющие непреходящее значение. В ходе полемики подверглись критике мировоззренческие основы его концепции, понимание задач и предмета исторических исследований, отношение к источнику, трактовке отдельных явлений русской истории. С учеными, выступившими с критическими замечаниями в адрес «Истории государства Российского» и предложившими новые идеи в осмыслении прошлого связывают «кри-

тическое направление» в историографии того времени. Наиболее ярко новое направление проявило себя в творчестве Г. Эверса, сделавшего попытку осмыслить историю российского государства с точки зрения его органического развития, Н.А. Полевого, обобщившего в единой системе основные положения новой теоретико-методологической концепции изучения истории, М.Т. Каченовского, который выразил потребность более глубокого изучения эмпирического материала.

Кроме того, критикой исторической концепции Карамзина и определением новой системы «прагматической истории» в 30–40-х гг. выступил Н.Г. Устрялов. М.П. Погодин отмечал отсутствие в концепции Карамзина «философского подхода», а затем уже в полемике с Каченовским доказывал плодотворность позитивного критического подхода к источнику. Научное творчество и Устрялова, и Погодина, отразившее общие тенденции развития исторической науки 20–40-х гг., следует рассматривать в рамках критического направления, а не охранительного, что было характерно для советской историографии.

В трудах ученых критического направления утверждалось в качестве предмета исследования изучение истории общества, его внутренней структуры, истории народа как носителя специфики национальной истории, истории России в контексте мировой истории. Изменения происходили в определении целей исследования. Из науки, имевшей своей целью назидание, наставление современных правителей опытом истории, она превращалась в науку, изучающую настоящее как естественный и необходимый результат прошлого.

В своих определениях новых научных подходов историки обращались к идеям романтизма, привлекавшим внимание к истории жизни народов (народного духа), его обычаев, быта и т.п. Широкое распространение в отечественной историографии получили также идеи философской системы немецкого ученого Шеллинга, поставившего проблему соотношения общих законов мирового исторического процесса со спецификой жизни отдельных народов, и философии истории Гегеля, представлявшего историю и духовный мир в виде процесса, т.е.беспрерывного движения, поступательно-прогрессивных изменений в обществе, сформулировавшего диалектические положения о связях явлений и процессов, единстве и борьбе противоположностей как источника изменений общественной жизни.

Все это определило основные направления дальнейшей работы историков и в частности тех, творчество которых рассматривается в рамках критического направления.

И.-Ф.-Г. Эверс (1781–1830)

Все научное творчество профессора Дерптского университета Иоганна-Филиппа-Густава Эверса было определено стремлением «посвятить всего себя изучению русской истории».

Окончив Геттингенский университет, Эверс в 1803 г. приехал в Лифляндию и начал работу по выполнению своего замысла. Уже первый его труд «О происхождении русского государства», вышедший на немецком языке в 1808 г., получил научное признание. В 1809 г. Эверс при поддержке Н.М. Карамзина был избран членом Московского общества истории и древностей российских и затем членом Петербургской Академии наук. В следующем году он становится профессором Дерптского университета, возглавляет кафедру географии, истории и статистики, читает лекции по русской истории и истории права. В 1818 г. Эверс был назначен ректором университета.

Эверс как ученый сформировался под влиянием немецкой школы, в том числе А. Геерена, К. Савиньи, К. Эйхгорна. Он воспринял их научные идеи, направление исследования, стиль мышления. С глубоким уважением относился он к своему учителю А. Шлецеру, который пробудил в нем интерес к русской истории. Эверс был последователем исторической критики источников, разработанных Шлецером, его отношения к задачам исторического исследования. Он не только использовал опыт, накопленный предшественниками, но и критически переосмыслив его, сделал ряд новых выводов о русской истории и создал оригинальную концепцию происхождения русского государства.

Взгляды на древнейшую историю Руси

Научные интересы Эверса были сосредоточены на изучении древнейшего периода русской истории. Каждая его работа — это этап в осмыслении главной для него проблемы: образования государства на Руси и его правовых институтов. Сначала это были отдельные мысли, замечания, сомнения в правомерности некоторых положений, уже утвердившихся в исторической науке, постановка новых задач, наброски общего плана осмысления интересующих его проблем и, наконец, формулирование новой концепции.

В работах «О происхождении Русского государства» и «Предварительные критические исследования для Российской истории» (русский перевод 1825 г.) Эверс определил свое понимание происхождения Русского государства как результата внутренней жизни восточных славян, которые еще в доваряжский период имели самостоятельные политические объединения, верховных властителей (князей), использовавших для укрепления своего господства наемных викингов. Потребность объединения княжеств для решения внутренних и внешних проблем и невозможность осуществить ее в силу раздоров между ними в борьбе за главенство, привело к решению передать управление чужеземцу, «от коего наименее можно было ожидать пристрастия». Был призван Рюрик. «Русское государство при Ильмене озере образовалось и словом и делом до Рюрикова единовластия... Призванные князья пришли уже в государство, какую бы форму оно не имело». Поэтому, делал вывод ученый, «рюриково единодержавие было неважно и не заслуживает того, чтобы начинать с оного Русскую Историю». Этот его вывод разрушал традиционное для русской историографии представление о том, что история России начинается единодержавием Рюрика.

Эверс также подверг сомнению господствующее в историографии утверждение о скандинавском происхождении варягов-русов. Исследование этногенеза народов, населявших территорию России и ее окружавших, фактов, почерпнутых из арабских источников, у северных и восточных авторов, привели его к выводу о черноморском (хазарском) происхождении русов. Он выдвинул даже гипотезу о том, что полуостров Тмутаракань является «родовым наследием рюриковой династии». Это положение Эверса обострило споры об этнической принадлежности русов и образовании древнерусского государства. Его рассуждения о хазарской Руси почти не встретили тогда поддержки среди ученых. С резкой критикой выступили Карамзин, Полевой. Погодин не только в рецензии на книгу Эверса заявил об отсутствии у ее автора «строгих доказательств» и «цицероновской хитрости» в их поиске, но и написал в ответ диссертацию о норманнском происхождении Руси, посвятив ее Карамзину. Впоследствии Эверс отказался от своей гипотезы. «Не может быть и речи, — писал он, — о принадлежности русов к древнейшим обитателям между Черным и Варяжским морями».

В 1816 г. в работе «История русов» Эверс изложил свою версию русской истории, хотя во многом и повторявшую уже имеющиеся в науке, но корректирующую некоторые положения. Подобно Шлецеру, он выделял в русской истории пять периодов. Начало ее он относил к 552 г., первому известию о славянах. Окончание первого периода связывалось им с разделом Владимиром Святославичем своего княжества между сыновьями (1015 г.). Второй период продолжался до монгольского завоевания (битва при Кальке 1224 г.). Третий заканчивался началом княжения Ивана Грозного. Правление Петра I — рубеж четвертого и пятого периодов. Изложение он строил по княжениям и довел до 1689 г. В этой периодизации обращает на себя внимание определение Эверсом начала русской истории — с первого известия о славянах. В характеристиках периодов он отказался от подробного описания политической жизни князей, ограничившись кратким изложением фактов. Однако это не касалось главной для него темы исследования — внутреннего состояния жизни народов. В специальных главах Эверс характеризовал систему государственного управления, правовых норм, состояние торговли и ремесел, науки, искусства и т.п. По объему и содержанию их освещения он значительно превосходил своих предшественников, в том числе и Карамзина.

Родовая теория и происхождение государства

Эверс заявил и о новом подходе к изучению прошлого. «Для моей цели, — писал он, — должен был я подолгу останавливаться на законах и договорах: на первых так как они являются главным источником знаний о внутреннем состоянии народа, на вторых, потому что они свидетельствуют об основах внешней деятельности».

В законченном виде концепция Эверса представлена в монографическом исследовании «Древнейшее русское право в историческом его раскрытии», изданном на немецком языке в 1826 г. (русский перевод 1835 г.). Именно здесь он сформулировал на основе родовой теории органическую концепцию русской истории и провел первое в отечественной историографии исследование правовых институтов Древней Руси. Эверс, по его собственному определению, поставил перед собой задачу «собрать и изложить... сказания истории о состоянии права в древнейшем быту Российского государства» для раскрытия древнейшего права вообще. Идея единства исторического процесса представлена Эверсом в тезисе: «Все в истории

проистекает из естетственного развития рода человеческого». Естественный ход в представлении ученого — это эволюционный, постепенный переход из одного состояния в другое, где каждая последующая форма сложнее, чем предыдущая. Это положение определило исторический подход к исследованию истории права, истории государства. Эверс представил право результатом внутренней жизни общества, его органического развития, связанного, с одной стороны, с прошлым, а с другой — являющего собой новые определения. Каждой эпохе соответствуют те или иные отношения, представления людей. Изменения возникают под влиянием действия внутренних процессов, поэтому Эверс подчеркивал важный для него принцип исследования событий в связи с другими историческими явлениями. Он стремился «везде в голых, бессвязных факторах открывать мысль, которая в нем выражается, или связь прагматическую». Иногда, не имея возможности провести последовательно этот принцип, он прибегал к «остроумным догадкам» и логическим рассуждениям вместо выяснения действительных связей и закономерностей, конкретных условий перехода к той или иной форме общественной организации.

Эверс первый из историков России попытался объяснить древнейшее русское право, вообще древнейший быт, исходя из господствовавших у первобытных народов отношений, так называемого патриархального состояния гражданского общества. В «грубом естественном состоянии» первым общественным образованием, по мнению ученого, являлась патриархальная семья с сильной властью отца. Он хозяин дома и «начальник» своего потомства. Естественная нужда в защите от внешних врагов привела к необходимости объединения семей и образованию родов «под главенством общего родоначальника». Власть главы рода была ограничена, семьи имели определенную независимость, обусловленную имевшимися в их руках средствами, в том числе землею и наличием своего главы семьи. Глава рода был тот, кто стоял ближе к общему родоначальнику, следовательно, «старший сын первого родоначальника». Из родов образовались племена, главою его становился старший сын от старшего сына основателя племени. Он становится со временем могущественным князем. «Но первоначальное семейное отношение, основанное на самой природе, долго еще сохраняет свою силу».

Таковы, определял Эверс, первые шаги в постепенном образовании общества, через которые проходят все народы. Се-

мья, род, племя — эти три ступени составляют патриархальное общество. Развитие происходит от более узкого союза, семьи, к более широкому, роду и племени. Последнее является переходным звеном к государственному образованию. «Государства, которые потом начинают развиваться, — писал Эверс, (второй шаг в постепенном образовании человеческого рода) — суть не что иное, как соединение отдельных родов... под властью одного общественного главы». Глава государства, Эверс называл его «верховным патриархом», управлял государством как своей семьей, основываясь на здравом смысле и на понятиях освященных древним обычаем. Таким образом, Эверс выделял две ступени в развитии общества, присущие всем народам и обусловленные «природой человека»: патриархальное состояние общества и государство. Государство являлось результатом органического «естественного хода развития рода человеческого», высшей формой общественного образования. Такое понимание образования государства было новым для отечественной историографии. И хотя отдельные элементы схемы Эверса имели место в трудах Татищева, Ломоносова, Карамзина, она ломала привычные представления, связывавшие образование государства с внешним фактором, призванием варягов. Эверс пытался показать, что процесс образования государства на Руси не являлся спецификой ее истории, а соответствовал общему направлению развития мировой истории. «Страна, в которую призван Рюрик на княжение, — писал он, — была до прибытия его в Новгород, населяема многочисленными отдельными народами, жившими независимо друг от друга. Каждый народ слагался из многих племен, племена из родов и семейств, или, иначе сказать, из больших общественных союзов, которые сами собою, мало-помалу образуются из многочисленных, вместе живущих, потомков, одного какого-либо племени».

История русского права

Исторический подход Эверс применил и к изучению истории права, которое, по его мнению, являлось отражением общественных отношений и его развитие составляло собственно историю самого государства. Исходя из принципа объяснения древнейшего права «на основе понятий и отношений», соответствовавших определенному времени, Эверс считал невозможным подходить к историческим явлениям с современными мерками, не уяснив «себе предварительно, посредством общих исторических сведений характера известного народа на

той ступени образования, какое он имеет в данное время». Исторические явления живут только в контексте своего времени, своей эпохи. Нельзя, например, предупреждал он, судить о Святославе и его времени по понятиям настоящего века. «Не его вина, что первый пример разделения, о коем упоминает история, случайно падает на его княжение: не заслуга других, что не встретилось при них подобного примеру... Нельзя порицать и век, не поставляя в укоризну человеку того, что проистекает из естественного хода развития общества. Ибо сее-то развитие и произвело разделы». Раздача земель князьями соответствовала, писал он, уровню культуры, общественного развития, данной политической организации. Так, князь в политической системе того времени прежде всего глава рода, а в родовых представлениях все имущество есть не частная, а родовая собственность, она принадлежит всем членам рода. Поэтому Владимир, Святослав могли поступить только так, как поступили, а не иначе. Тоже относится и к характеристике Эверсом Святополка Окаянного, который расправился со своими обидчиками согласно понятиям своего времени о кровной мести. Для того времени все это было естественным. Когда изменились условия, был ликвидирован и этот порядок.

Определив теоретическое направление своего исследования, Эверс обратился к конкретному изложению истории русского права. Для Эверса право, законы — понятия исторические. При родовом строе не существовало еще формальных законов, т.е. письменно изложенных постановлений и правил. В основе их лежат обычаи, т.е. «всеми принятые правила, кои необходимо возникают из совокупной жизни в одном целом» и некоторые первоначальные постановления, которые были сделаны при первом основании государства, или с общего согласия, или по воле первых властителей. Законы письменные — продукт государственной деятельности. Таковыми он считает договоры Олега и Игоря, «Русскую Правду». Эверс последовательно прослеживал изменения, происходящие в правовых отношениях от времен Рюрика и до утверждения Ярослава на Киевском престоле. Каждое княжение рассматривалось как рубеж в практическом решении правовых норм — Рюрик, Олег, Ольга и т.д. Он проследил изменения основных атрибутов права: правила наследования, уголовное право, имущественное владение, государственное управление, финансовая система.

Исходя из родовой теории Эверс исследует и систему управления. В основе ее лежал, пришел он к выводу, единствен-

ный образец, который был известен людям, вступавшим в новое общество, — «правление великим семейством». Государь действовал «подобно частному человеку, пекущемуся о своем хозяйстве», т.е. как родоначальник в своей семье. Различия были только в величине союза. Традиция передачи власти была нарушена приходом варяжского князя, который образовал «чужую державу, отдельную от первоначальных жителей». Но это не смогло, по мнению Эверса, изменить естественного хода развития права и системы управления, а только ускорило ее формирование. Он определял две возможные формы правления на Руси. Первая — личное управление князем своими владениями, при которой все прочие земли разделялись между приверженцами князя или ближайшими родственниками, управлявшими выделенными им волостями и городами, как «сам князь управлял своими». Вторая — князь доверял управление всеми владениями наместнику. Первая форма правления, по мнению Эверса, вела к разрушению наследственного владения, содействовала созданию небольших, практически самостоятельных княжеств. Вторая — поддерживала единовластие. Рюрик следовал первому образу правления, самому древнему, в основании которого лежали родовые отношения, когда престол рассматривался как всякое родовое имущество, и, следовательно, члены рода могли требовать своей доли. Олег сделал попытку установить власть единодержавную. Но при нем первая форма, освященная родовыми отношениями, побеждала. Постепенно с развитием понятия «государство», т.е. с исчезновением родовых связей, на него перестают смотреть как на обыкновенное наследство. И, когда люди поняли это, заключал Эверс, «разделы исчезли и явилось наследие престола, основанное на первородстве». У Эверса родовые и государственные начала находятся в гармонии. Между ними нет никакой борьбы. По мере естественного развития, родовые отношения исчезают и на их месте устанавливаются государственные. Эверс не всегда объяснял содержание тех или иных понятий, но можно утверждать, что, определяя власть Рюрика понятием «единовластие», он не имел в виду «самодержавия». Монархия — древнейшая форма правления, ведущая свое начало от патриархальной семьи. Самодержавие — это уже определенная качественная характеристика монархии, историческая форма, утвердившаяся окончательно в период татаро-монгольского ига. Именно оно как институт власти способно было

создать условия для развития общественной жизни и благосостояния государства.

Одним из древнейших институтов государства Эверс считал податную и финансовую системы. В первоначальном образовании члены семейств исправляют для домоначальника личную службу и получают за это от него «продовольствие». Князь содержит себя за счет собственного имущества. Но с образованием государства князю его собственный доход становится недостаточным, и он вводит специальные подати в свою пользу. Введение их в России, отмечал Эверс, произошло весьма рано, в правление князя Олега. Он объясняет это обстоятельство следствием призвания варягов, поставивших туземное население в некоторую зависимость. Олег обложил данью славян, кривичей, мерю. Игорь — древлян. Ольга обложила дополнительной данью древлян, установила уроки, ввела разделение податей между великим князем и другими землевладельцами. Отношением к податной системе Эверс определял социальную структуру общества. Говоря о трех различных по экономическому, политическому и юридическому положению сословий, Эверс обращал внимание на привилегии «высшего сословия» — освобождение его от налогов и повинностей; основными налогоплательщиками являлись крестьяне.

Исследование правовых отношений в России в сравнении с подобными явлениями у других народов, стоявших на той же ступени образования, привели Эверса к выводу о том, что «у всех древнейших народов в первый период развития их гражданского состояния, право совершенно сходно в главных чертах».

Особенности исследовательской работы

Эверс тщательно проанализировал памятники русской истории и дал научную трактовку фактов, ими сообщаемых. На основании этого он пришел к выводу, что «данные летописей, хотя и переданные спустя двести лет, не могут быть подвергнуты ни малейшему сомнению, они согласуются с другими повествованиями из древнейшей истории народов». Эверс сделал ряд интересных замечаний, касающихся «Русской Правды», в частности относительно происхождения «Пространной Правды», принадлежности «Краткой Правды» Ярославу, связав ее с новгородскими событиями 1015–1016 гг. Эверс широко использовал иностранные источники, особенно византийские, впервые заинтересовался арабскими. Много фактов он почерпнул из работ иностранных авторов.

Эверс отказался от морализующего, нравоучительного тона. Явления истории происходили в определенной обстановке, подчеркивал он, и поэтому они не должны служить назиданием настоящему.

Начало занятий Эверса русской историей по времени совпало с началом научного творчества Карамзина, знакомство с которым оказало на ученого большое влияние. Делясь своими впечатлениями по поводу встречи с российским историографом, Эверс в письме к Шлецеру писал: «С Карамзиным подружился я еще больше. Он, кажется, почти приобрел личную симпатию ко мне, что меня вдвойне радует, ибо я редко могу похвастаться таким счастием... Мы говорим во время наших встреч о всевозможных вещах, которые относятся не только к истории, и в большинстве случаев мы единодушны. Всегда учусь у него нашей профессии, ни один человек не знает так много из русской истории, как он, и ни один не станет охотнее учить меня». Однако, по сути своей, история России в трудах Эверса имела значительные отличия от истории государства Российского в представлениях Карамзина.

Место Эверса в историографии

Труды Эверса не произвели на современников того впечатления, какое произвела «История государства Российского». Известность его не вышла за рамки сугубо научных кругов. Одной из причин этого был стиль и форма изложения материала: сдержанность, стремление к научной доказательности, строгая приверженность источнику. В его работах не встречается художественных отступлений, нравственных оценок, ярких картин исторических событий, пространных описаний характеров князей и их походов, пересказ событий многочисленных междоусобиц. В предисловии к одной из своих работ он так определял свое отношение к этому: «Иные историки весьма пространно описывают государей и их походы. Я не хотел бы им подражать». Безусловно, распространение трудов Эверса затруднялось тем, что они были написаны на немецком языке и переводы их запаздывали. Кроме того, дискуссионный характер его суждений, новизна идей требовали серьезных размышлений и времени для усвоения.

Современники ставили в заслугу Эверсу глубокое исследование юридического быта Древней Руси, отмечали плодотворность его работы по изучению древнейших памятников русской истории и поиск им новых идей для объяснения прошлого России. «Эверс пишет умно, приятно, — писал Карамзин, — читаем его с истинным удовольствием и хвалим искренне. У него много удовлетворительных объяснений и счастливых мыслей». Но лишь спустя десятилетия «счастливые мысли» ученого были оценены по достоинству и нашли своих исследователей. «Основателем, отцом историко-юридической школы» называл его один из крупнейших исследователей «Русской Правды» Н.В. Калачов. Труды Эверса, писал он, «по части русской истории останутся навсегда незабвенными: он первый из юристов бросил критический взгляд на древнейший быт нашего отечества, первый старался объяснить его с естественной точки зрения, приняв для этого в основание общий ход развития у всех народов государственного быта из патриархальных, родовых отношений; первый, наконец, показал самый способ, как приняться с этой точки зрения за разработку наших древнейших памятников».

Н.А. Полевой (1796—1846)

Николай Алексеевич Полевой вошел в историческую науку как историк, выдвинувший и утвердивший в ней ряд новых понятий и проблем. Он являлся автором 6-томной «Истории русского народа», 4-томной «Истории Петра Великого», «Русской истории для первоначального чтения», «Обозрения русской истории до единодержавия Петра Великого», многочисленных статей и рецензий. Полевой был широко известен и как талантливый публицист, литературный критик, редактор и издатель ряда журналов.

Путь в науку

Полевой происходил из небогатой, но просвещенной семьи иркутского купца, был человеком одаренным, обладающим энциклопедическими знаниями, чрезвычайно трудолюбивым. Его знания являлись результатом самообразования. Он много читал, изучал иностранные языки, во время нечастых наездов в Москву посещал лекции профессора Московского университета А.Ф. Мерзлякова, П.И. Страхова, М.Т. Каченовского. Его внимание привлекли сочинения В.Н. Татищева, М.М. Щербатова, И.Н. Болтина.

Жизненным кредо историка было служение просвещению России, «споспешествование» ее экономическому, культурному развитию. Наиболее ярко эти взгляды были выражены в издаваемом им журнале «Московский телеграф» (1825–1834) — первом энциклопедическом журнале России, назван-

ным В.Г. Белинским «лучшим журналом России от начала журналистики». На страницах его он последовательно выступал защитником и идеологом «третьего сословия», считая его производителем «благосостояния государственного, кормильцем и обогатителем миллионов своих собратьев», которое достойно проявило себя в прошлом и является залогом будущих успехов России.

Его политическая программа сводилась к некоторой демократизации общества в плане расширения прав и влияния «третьего сословия», критики отживших форм крепостнического строя, сословно-классовых привилегий дворянства, старых предрассудков. Реформирование общества, по его мнению, должно проводиться правительством с «уважением спокойствия каждого подданного».

Оппозиционные выступления Полевого привели к закрытию «Московского телеграфа» и запрещению заниматься издательской деятельностью. Но он продолжал это направление своей работы, став негласным редактором и сотрудником «Живописного обозрения», «Библиотеки для чтения» и других изданий.

Как историк Полевой заявил о себе в 1819 г. статьей об одном из древнейших русских памятников — «Слове о полку Игореве». Его исторические работы публиковались в «Отечественных записках», «Северном архиве», «Вестнике Европы». Они заслужили одобрения К.Ф. Калайдовича, М.Т. Каченовского, П.С. Строева. По их представлению он был принят в члены Московского общества истории и древностей российских.

Теоретические основы исторических построений Полевого

Мировоззрение Полевого формировалось под влиянием теоретических поисков русской общественной и научной мысли, передовых западноевропейских мыслителей XVIII — начала XIX в., немецкой философии Ф. Шеллинга, французских историков Ф. Гизо, О. Тьерри. По достоинству оценив труды своих предшественников по изучению русской истории, Полевой сделал попытку переосмыслить прошлое и дать новое направление познанию его основных аспектов.

Впервые свое понимание истории как науки Полевой изложил во вступительной речи, прочитанной в Обществе истории и древностей российских в 1825 г.: история — одно «из важнейших понятий человеческих... поверка всех догадок и предложений ума, философия опыта». Он отказался

от признания истории как поучения, наставления человеку или удовлетворения любопытства. Задача науки — «соображать ход человечества, общественность, нравы, понятия каждого века и народа, выводить цепь причин, производивших и производящих события». Такое определение задач исторической науки поднимало ее общественное значение, представляло ее как науку, позволяющую увидеть «тайну бытия в настоящем, цель будущей судьбы своей». Следование истине, беспристрастие, соблюдение исторической перспективы, отказ от изложения событий из «своего века, своего народа, самого себя» — так определял основные принципы работы историка Полевой.

Полевой высоко ценил труды историков, занимавшихся собиранием и систематизацией исторических материалов. В этом плане он отмечал «незабвенные» заслуги Н.М. Карамзина, В.Н. Татищева, Г.Ф. Миллера, особенно А.-Л. Шлецера. «Эпоху в истории наших древностей», по его мнению, составили труды Н.П. Румянцева, К.Ф. Калайдовича, П.М. Строева и др. Он сам представил опыты анализа источников, сделал попытку классификации их и высказал некоторые интересные наблюдения над текстами летописей; вмешался в спор о «Русской Правде».

В 1829 г. Полевой опубликовал критическую статью на «Историю государства российского» Н.М. Карамзина, где как бы подвел итог всей предшествующей историографии. Отдавая должное заслугам ученого, он, однако, сделал вывод о том, что труд Карамзина «в отношении истории, которой требует его время» является произведением «неудовлетворительным». В ней нет «одного общего начала, из которых истекали бы все события русской истории», не показана связь ее с историей человечества, и жизнь России «остается для читателя неизвестною». Он принципиально разошелся с Карамзиным в понимании предмета исследования и критиковал его за отсутствие изображения «духа народного», попытался противопоставить истории государей — историю народа. Отсюда его идея написать «Историю русского народа». Первый том вышел в 1829 г. Однако осуществить свой замысел полностью он не смог, подготовил и издал шесть томов, где изложение довел до середины царствования Ивана III. В 30–40-х гг. XIX в. в печати появились отрывки из истории России в царствование Ивана Грозного, Алексея Михайловича, Анны Иоанновны, несколько работ о Петре.

Основой изучения истории Полевой полагал «философский метод», т.е. «научное познание»: объективное воспроизведение начала, хода и причин исторических явлений, показ «места тех или иных событий в великой книге судеб». В осмыслении прошлого исходным положением для Полевого было представление о единстве исторического процесса. Идея не новая, но получившая у него более глубокое обоснование и конкретное содержание. Все народы и государства являются лишь частями «великого всемирного семейства — человечества». Они живут в непосредственном взаимодействии друг с другом и подчиняются «условиям общей жизни товарищей бытия его». Поэтому, пришел к выводу Полевой, понять истинную историю народов можно только «обнимая весь мир», рассматривая «каждое общество, каждого человека, каждое деяние его в связи с жизнью всего человечества». При этом он признавал многообразие исторического процесса. История каждого народа имеет свои особенности, и каждый народ заслуживает внимания. Исходя из этого Полевой сформулировал свою основную методологическую посылку: «Все, что бы не представлялось нам, мы созерцаем в частном и общем: но в самом деле, ни частное, ни общее отдельно не существует: частное есть общее, одно и то же, двояко познаваемое».

Рассматривая историю народов как проявление одинаковых явлений, повторение общих для всех народов элементов развития, Полевой подчеркивал, что в основе их лежат «одинаковые законы», которые проявляются в определенных формах в зависимости от времени и места действия. Разнообразное проявление их составляют частные истории.

Общий закон Полевой видит в единстве цели исторического развития, начертанной Провидением. Она определяет направление исторической жизни. Наличие общих причин, производящих «одинаковые следствия», — другое определение закона. Отсюда следующий его принцип исследования: рассмотрение соотношения явления с его началом и будущим, выяснение, почему «именно такое происшествие случилось именно в такое-то время, такой-то народ поступил так, а не иначе, шел туда, а не сюда».

В конкретном выражении идея единства представлена Полевым в решении одной из важнейших проблем исторической науки XIX в. — соотношение исторической жизни России и стран Западной Европы. Россия и Запад для него части мировой истории и, следовательно, подчинены общим законам развития. «Россия прошла школу веков подобно Западу и жизнь ее совершалась в тождественных с западною историей явлениях, представляя только исполинские размеры событий в началах, которые потом развиваются в изумительных подробностях последней». По мнению Полевого, история феодализма на Западе и история русских уделов, Новгорода и средневековых городских общин, междоусобия князей и феодальные войны — явления однопорядковые. Россия прошла через общие для всех народов фазы и повторила основные элементы общественной жизни. Но они отличались по форме, времени и месту.

Законом исторической жизни Полевой считал непрерывное, поступательно-прогрессивное движение человечества. «Род человеческий, — писал он, — совершает свое бытие спиралью, бесконечным винтом, бытие каждого народа образует полное кольцо, из чего составляется цепь всемирной истории, но тождество, каждый раз в новом виде, есть великий закон нашей природы». Каждый винтик — новая ступень развития. Она выше, совершеннее предыдущей, место действия обширнее, сущность более «объемлюща». Принимая установившееся в исторической науке деление на древнюю, среднюю и новую историю, Полевой каждую эпоху представлял как более высокую ступень в развитии основных элементов общества: философии, религии, политики, образования. Доисторический период — время становления первых обществ и возникновения первых наук, знаний, законов, торговли и т.п.

Древняя история — дальнейшее развитие этих элементов. В религии — освобождение духа и познание «истин откровения»; в философии — свобода мышления; в политике — борьба республики с единовластием. В Средние века — усиление влияния религии; в политике — «недоступная теократия». Новая история отразила в себе все, о чем «мечтали древние и Средние века, что заключалось в идеях самых смелых мыслителей». Все эпохи смыкаются между собой, образуя неразрывную цепь изменений, одно вытекает из другого, каждая эпоха подготовляется предыдущей. Закон прогрессивного развития имеет всеобщий и обязательный характер для любого народа. Движение остановить невозможно, всякие попытки этого ведут к упадку и гибели народа. Примеры этого Полевой видел в истории Швеции, Польши, Турции и др.

Но он отмечал и сложность, противоречивость движения. Оно включает в себя моменты упадка, возврата назад. Такой взгляд на исторический процесс дал возможность Полевому

признать правомерность всех эпох в истории человечества, в том числе Средних веков, периода уделов в России, и обосновать неизбежность и необходимость перемен в современной ему России.

Общими закономерностями являются для Полевого и источники развития, главным из которых он считал «нескончаемую борьбу» противоположных начал, где окончание одной борьбы есть начало новой. Одно из них, по его мнению, заключается в «беспрерывном, ненасытном желании удовлетворить свои потребности, в первую очередь в пище, одежде, жилье и т.п., и теми препятствиями, которые встают на этом пути».

Полевой обратил внимание на три фактора, определяющие жизнь человечества: природно-географический, дух мысли и характер народа, события в странах окружающих. Качественное разнообразие их определяет своеобразие исторического процесса каждого народа, проявление общих закономерностей, темпов и форм жизни.

Разницей в природных условиях Полевой объяснял различия в развитии Азии и Европы. Азия огромна, могуча физическими силами. Человек в ней подавлен громадностью природы. Европа уступала Азии обширностью и разнообразием, она бедна физическими силами. Следствием этого явилось преобладание в ней духа. Азия, бывшая в свое время колыбелью «общественного и умственного образования», в силу природных условий «окаменела в своем развитии». В ней сохранилась «пастушеская, полудикая, воинская жизнь». Религия — «тяжкое, подавляющее чувство величия сил природы»; философия — религиозный мистицизм; политика — неограниченный деспотизм; искусство — «исполинские истуканы, мрачные подземные храмы». В Европе — оседлая городская жизнь; религия — «возвышение духа»; философия — смелая, свободная, ведущая к разгадкам тайн природы; политика — развитие свободной воли человека; искусство — произведение изящного; человек — сознающий свое достоинство. Таким образом, делал вывод Полевой, Азия олицетворяет вещественность (природу), Европа — духовность (человека). Единство вещественности и духовности, т.е. Азия и Европа, составляют жизнь человечества. Определяющим Полевой считал духовность. Отсюда его интерес к Западу и ориентация на него.

Однако Полевой видел и другую сторону этого единства — вечную борьбу стихий вещественности и духовности. История человечества представлялась ему как борьба Азии и Европы. Борьба заключалась в попеременном вторжении Азии в Европу и затем «вдвижении ее Европой обратно». Этапами движения он определял границы периодов исторического развития. История человечества началась на Востоке. Мир древний был стерт с лица земли бурным потоком, хлынувшим из Азии. Затем Европа двинулась в Азию (крестовые походы). Ответное движение турецких орд в Европу — завоевание Царьграда, конец истории Средних веков. Одним из последних движений Запада на Восток Полевой считал вторжение Наполеона. Это начало новейшего периода в истории человечества. Восток устоял, и приходит его очередь двинуться в Европу. Это движение «не будет так воинственно и разрушительно, как было в начале Средних веков, не будет так воинственно и религиозно, как было в конце их. Оно заключает в себе власть духа и вещества». Это движение «великого народа, соединившего в себе Восток и Запад, Азию и Европу... народа... родного Европе и родного Азии... Сей народ — Русский народ, сие живительное начало — Россия».

Концепция всемирной истории Полевого — это столкновение Востока и Запада. В основе — различия природно-географические и вытекающая из этого специфика развития того и другого. Разрешение противоречия Полевой видел в достижении Востоком уровня развития Европы, установлении равновесия.

Географическими условиями, положением России между двумя стихиями, объяснял Полевой особенности ее исторического развития. Он обращал внимание на существование различия в природных условиях северной и южной России и отсюда определял специфику направленности их общественной жизни. Географический фактор, по мнению Полевого, не создает и не упраздняет общих закономерностей. Он влияет на темпы, формы, характер развития, на дух и характер народа, который, в свою очередь, является одним из основных факторов развития общества. В частности, характер русского народа, сформировавшийся в условиях местоположения его между Азией и Европой, определил своеобразие русской истории. Русский народ соединил в себе, писал Полевой, «воображение Востока с умом Запада, с твердостью северного характера», что определило его потенциальные возможности. А вера россиян является залогом силы и единства государства в прошлом и настоящем.

Третий фактор Полевой определял как взаимодействие народов друг с другом. Рассматривая Русь IX–XI вв., он обращал

внимание на связи ее с Грецией. Нашествию татар он придавал решающее значение при объяснении условий образования Московского государства. Определяя роль указанных факторов в истории России Полевой пришел к выводу: «Состояние общественности, дух времени, образ мыслей и понятий, географические подробности, современные события в странах, окружавших Русь, должны были произвести то, что было на Руси».

Общее настроение эпохи, романтизм как составная часть мировоззрения Полевого определили его интерес к проблеме народа, его места в истории и русском государстве. Государство является высшей формой выражения народного духа, считал Полевой. Но прочность и благосостояние его зависят от поддержки народа. Однако последний не подготовлен к самостоятельной деятельности, он не просвещен. Поэтому «двигают грубый материал» правители, самодержцы. Самодержавие «великой династии Романовых» обеспечило могущество русского государства в прошлом, оно является залогом процветания России и в будущем. Оно должно служить образованию и просвещению народа. В конечном итоге история народа в концепции Полевого остается все той же историей государства, историей самодержавия.

Одним из первых в отечественной историографии Полевой обратил внимание на обусловленность действия личности историческими условиями. Человек, писал он, не может действовать по своему произволу, «не может даже ускорить ход судеб и перепрыгнуть через ступеньки лестницы их, ибо он сам только ступенька в сей лестнице».

Великие люди — продукт деятельности человечества, их действия определены условиями и потребностями эпохи. Они являлись тогда, когда «время вызывало их на подвиг». Так появились в России Иван III, Петр Великий и др. Оценить значение личности, полагал Полевой, возможно только при рассмотрении «всех деяний» ее, с учетом предшествующей и последующей истории. Так, рассмотрение событий XVII в. убедили Полевого в необходимости реформ Петра. В деятельности Ивана III он так же видел отражение жизни народа и века.

Происхождение государства

Изучая русскую историю, Полевой сосредоточил внимание на проблеме происхождения государства. Он исходил из понимания того, что государство создается постепенно, исторически. Поэтому, полагал он, в словах «русское государство» в отношении к первому периоду русской истории содержится ошибка.

Древняя история России может быть только «историей русского народа», а не историей русского государства. Это положение определило его схему русской истории. Первый период — время истории русского народа. Второй — история русского царства. Третий — российская империя. Границы этих периодов: вторжение варягов, затем монголов и вступление России в европейскую систему при Петре. Полевой отверг два принципиальных положения предшествующей историографии — установление государства на Руси с приходом варягов и факт добровольного их призвания. Он категорически заявил, что известие «о призвании варягов оказывается недостоверно и несообразно». Как и другие народы Европы, славяне были покорены выходцами из германских и скандинавских земель, которые «на мечах» положили начало общественным образованиям.

Феодализм на Руси

Полевой предложил своеобразную концепцию феодализма на Руси. Начало ее он связывал с норманнским вторжением, что имело место и в других странах. Завоеватели строили городки-крепости, владетели их назывались князьями и повиновались власти главного князя-варяга, который имел значение «повелителя в действии». Каждый князь имел полную власть в местах своего княжения. Полевой называл такое состояние общества «феодализмом норманнским». С XI в. он констатирует изменение характера отношений. Малочисленность варягов, противоречия между ними, распространение гражданских прав между славянами способствовали слиянию обоих народов в одно «политическое тело». Установился новый образ правления. На смену норманнской феодальной системе приходит «система уделов, обладаемых членами одного семейства» под властью старшего в роде — «феодализм семейный». Все княжества составляли общий союз, глава его — киевский князь. Другие князья были полными властителями в своем уделе. Отношения между князьями определялись степенью родства. Со времени Андрея Боголюбского начинается борьба между ними. Ослабляется власть великого князя, единство распадается, уделы начинают жить «своим отдельным бытием».

Таким образом, различия двух этапов феодализма Полевой видит в формах междукняжеских отношений. Если в первую эпоху отношения между князьями были обусловлены первенством в захвате земель и силой того или иного князя, то во вторую — степенью родства. Считая, как и другие историки, феода-

лизм «гибельным и страшным для русских государей и подданных», Полевой вместе с тем отмечал, что он был необходим для развития «жизненных сил по всем землям русским».

Петр I

Особое место в творчестве Полевого занимала эпоха Петра I. Характеристику ее он предварил описанием внутреннего состояния России в XVII в. Петр продолжил начатые в это время реформы. Они касались всех сторон жизни государства. Петр, подчеркивал Полевой, «спаял» окончательно Россию единодержавием, используя опыт Западной Европы, «обогатил» ее торговлей, промышленностью, ввел новые обычаи и нравы. Смысл реформ Полевой видел в решительном повороте России к Западу. Главное, что сделал Петр, считал он, — собрал все средства государства и «непостижимою силою воли и нечеловеческими трудами, исполнил в краткий век человека дела столетий — догнал Европу, ушедшую далеко вперед». При этом для Полевого было важно, что Петр остался верен русскому духу, русской вере, русскому характеру.

Краткие выводы

Таким образом, Полевой на основе новых идей познания и осмысления прошлого, распространенных в 20–40-х гг. XIX в. в отечественной исторической науке, сделал попытку сформулировать целостную теоретико-методологическую концепцию исторического развития. Ее основные моменты включали положение о единстве и многообразии истории человечества, о закономерном, поступательно-прогрессивном характере ее развития, обусловленности объективными факторами развития. Он попытался на этой основе построить схему всемирной истории и переосмыслить историческое прошлое России. Концепция Полевого открывала возможности для широко сравнительно-исторического изучения исторического процесса и осмысления исторического опыта в контексте не только европейской, но и восточной истории. Удалось ему далеко не все. Главное, он не смог написать историю русского народа, не пошел дальше общих фраз о «духе народа», ограничившись некоторыми новыми оценками тех или иных событий. Но главная задача, писал К.Н. Бестужев-Рюмин о Полевом, не в перечислении ошибок ученого. Как человек, прокладывающий новый путь, он мог ошибаться в своих выводах, мог делать неудачные попытки, но главное то, что «им были требования выделены: последующим историкам предстояло их наполнить по мере сил и накопления материалов».

М.Т. Каченовский (1775–1842)

В отечественной историографии широко распространено понятие «скептическая школа». Ее появление относят к 30-м гг. XIX в. и связывают с именем профессора Московского университета Михаила Тимофеевича Каченовского.

О скептической школе много писали и в XIX и в XX в. Мнения различны — от признания заслуг в формировании нового критического направления в историографии, до резкой критики и отрицания сколько-нибудь положительной роли в познании прошлого.

Путь в науке

Каченовский — выходец из мещанской среды, сын торговца вином, грека Качони. «Умный, трудолюбивый, любознательный, от природы склонный к сомнению и недоверчивости», как характеризовал его М.П. Погодин, он являл собой пример, весьма типичный для своего времени — ученого-самоучки. Каченовский свободно владел несколькими иностранными языками, интересовался русской историей, славянской литературой. Его педагогическая и научная деятельность связана с Московским университетом. В 1805 г. Каченовский получил звание магистра философии, в 1806 г. — доктора философии. С 1810 г. он экстраординарный, а затем ординарный профессор. С 1821 г. заведовал кафедрой истории, статистики и географии Российского государства, в 1834–1836 гг. занимал должность декана отделения словесности, с 1837 г. — ректора Московского университета. Каченовский преподавал риторику и археологию, русскую и всеобщую историю, статистику, географию и этнографию, читал историю славянских наречий. Он издавал один из популярнейших журналов начала XIX в. «Вестник Европы» (1804–1830). В 1841 г. был избран действительным членом Российской Академии наук по отделению русского языка и словесности.

Среди учеников Каченовского были К.С. Аксаков, С.М. Соловьев, И.А. Гончаров и др. Аксаков вспоминал о годах учебы: «любили и ценили, и боялись при том, чуть ли не больше всех, Каченовского». «Это был тонкий, аналитический ум, «скептик» в вопросах науки: отчасти, кажется, скептик во всем», — отмечал другой его ученик.

В области изучения истории интересы Каченовского были сосредоточены на древнейшем периоде русской истории, и в первую очередь на источниках этого времени. Названия его

работ говорят сами за себя: «Параллельные места в русской летописи», «Об источниках по русской истории», «Нестор. Летописец на древнеславянском языке» и т.п.

Предпосылки появления скептического направления

Традиции глубокого интереса к источникам были заложены во второй половине XVIII — начале XIX в. широкой публикацией исторических материалов, с одной стороны, и выработкой принципов критического анализа их — с другой. В своем отношении к источникам Каченовский опирался на критику текстов летописи А.Л. Шлецера. Его «Нестор», по определению ученого, был «превосходнейшим руководством к познанию начал русской истории». Отмечал Каченовский и заслуги в области исторической критики Г.-З. Байера, Г.Ф. Миллера, Я.Э. Тунманна, И.Г. Стриттера, Н.М. Карамзина. В рецензии на 12-й том «Истории государства Российского» Карамзина он писал: «Не изучая Карамзина, иной записной историк, не узнал бы драгоценных указаний, не постиг бы другого, может быть лучшего, более удовлетворительного способа к изучению происшествий первых веков нашей истории, не отметил бы необходимости в ней избавиться от излишней достоверности, от сомнительного, ясного, от конкретного в густоте мрака». Но Каченовский сетовал на то, что историки предшествующего поколения, в том числе и Карамзин, безотчетно доверяли древним и «домашним» памятникам, небрежно сличали их с другими, слабо изучали историю славян вообще и в сравнении со всеобщей. Шлецер, отмечал Каченовский, дав очищенного Нестора, заложил фундамент здания, которое должно было воздвигнуть с помощью высшей критики, но оставил в летописи много «сомнительных происшествий». Это касалось призвания варягов, истории Олега и Игоря, договоров с греками и др. После его исследований, заключал Каченовский, ученые начали «сомневаться, осматривать предмет со всех сторон», новые разыскания «сделались очевидны».

Первые работы Каченовского

В первых своих работах Каченовский не выходил за рамки существующей традиции выяснения истинности сообщаемых источником фактов, очищения текста от позднейших вставок и переделок, выяснения авторства памятников. Вслед за В.Н. Татищевым он связывал первый этап в русском летописании с именами Нестора и Сильвестра. Второй начинал с 1203 г. и третий — с появления «Степенной книги». Прекращение летописания, подобно Карамзину, он датировал царствованием Алексея Михайловича.

Утверждал, что у всех народов «первые времена бытия их или скрываются во тьме неизвестного, или порождены вымыслом», Каченовский, однако, не высказывал еще сомнения в древности летописей и «Русской Правды», могуществе России в IX в. «Юное государство, — писал он, — войною и покорением земель привело в трепет соседей и даже самых императоров византийских», народ его достиг «высшей степени в образованности и превосходил почти всех современников своих, обитателей северной и южной Европы».

Теоретические основы концепции Каченовского

Решение главной задачи исторической науки, состоявшей, по его мнению, в предоставлении сведений о том, что «было и каким образом было», описании «истинных» происшествий и представлений «невымышленных характеров», Каченовский связывал с проведением тщательного анализа исторических памятников. Его уже не устраивала так называемая «малая критика» Шлецера. Под влиянием историко-критического метода немецкого историка Б.-Г. Нибура Каченовский поставил вопрос о необходимости «высшей», или исторической, критики. В работах конца 20–30-х гг. «Два рассуждения: о кожаных деньгах и «Русской Правде», «О баснословном времени в российской истории», «Мой взгляд на «Русскую Правду» и др. он сформулировал требования критики древних русских памятников, основываясь на своем представлении об историческом процессе.

Исторический процесс Каченовский представлял как «цепь великих происшествий», каждое из которых связано с предыдущим и последующим, каждое имеет свою причину и свои следствия. Это направляло его внимание на анализ содержания древнейших памятников с точки зрения соотнесения их с реальными условиями создания памятника, степенью развития общественных институтов, культуры и т.п. Источник должен был рассматриваться как продукт определенной эпохи.

Представление Каченовского об историческом процессе как едином, взаимосвязанном, подчиненном общим закономерностям развития всемирной истории обусловило обращение его к сравнительно-историческому методу: сравнение «всеобщего хода политического и гражданского образования» западноевропейских народов с конкретным ходом русской истории, соответствия исторических памятников тех и других.

Таковы две основные методологические посылки Каченовского в изучении древних русских памятников: рассмотрение их содержания в соотношении с фактами русской истории в момент их создания и в контексте западноевропейского исторического процесса. Кроме этого, Каченовский считал необходимым учитывать, что каждый народ имеет свой «баснословный период», когда знания о прошлом сохраняются в устных рассказах, мифах, когда народ любит освещать свое «младенчество сверхъестественными происшествиями, божественными предначертаниями или даже одними темными воспоминаниями о доблести и славе, которые как бы возвеличивают судьбу отечества». Это требует от историка умения отделить вымысел от действительно происшедших событий.

Взгляды Каченовского на древнейшую историю Руси

Каченовский подверг критическому анализу летописи и древнейшие законодательные памятники. Особое внимание он уделял разбору текста, сравнению его известий со свидетельствами других источников, в том числе иностранных, выявлял содержание понятий, происхождение слов, соответствие их уровню развития общественных отношений и культуры времени их происхождения. В результате он обнаружил, что в летописях одни и те же события описаны поразному. Употреблено много слов и понятий чуждых веку (гость, вира, немец и др.), дано неверное летоисчисление. Вывод Каченовского был категоричен: «из всех известных списков, даже древние, не старее четырнадцатого века», переписчики подновляли текст, изменяли его, «руководствуясь понятием своего века, собственным «образом мысли».

Исследуя денежную систему Древней Руси, в частности, рассматривая вопрос о замене кожаных денег как расчетной единицы на металлические, Каченовский пришел к выводу, что это произошло позднее, под влиянием Ганзы. Уровень развития Руси не позволял этого сделать самостоятельно. Каченовский подверг сомнению и факт составления Ярославом Мудрым «Русской Правды». Проведя сравнительный анализ гражданского устройства Новгорода и германских городов, он пришел к выводу, что Новгород во времена княжения Ярослава еще не достиг столь высокой степени общественного и культурного развития, которые необходимы для того, чтобы иметь письменное законодательство. Весь север, считал он, знал лишь «бродячие орды пастухов и семейства рыболовов и звероловов» в отличие от западноевропейских народов, у ко-

торых уже установился гражданский порядок. Но даже в Европе общие условия и уровень образования не позволяли иметь такие памятники, как «Русская Правда» и летописи. Они «в таком виде, — писал он, — как мы оные имеем, делают исключение из всеобщего хода образованности народов — явление беспримерное в истории и особливо нашего севера». Каченовский этим подтверждает предыдущий тезис что «Русская Правда» возникла под балтийско-немецким влиянием и не ранее XIII в., поскольку только к этому времени сложилось городское самоуправление в европейских странах и, следовательно, ранее не могло оно быть в Новгороде.

Таким образом, ученый пришел к заключению, что датировать древнейшие русские памятники можно лишь XIII–XIV вв., а отсутствие их в IX–XII вв. делают всю историю этого времени недостоверной и баснословной. Каченовский полагал, что тем самым он освобождал древнюю историю от «страшных вымыслов», «баснословия о начале государства», приписывания «предкам нашим небывалых триумфов», «договоров несбыточных», т.е. составления «ложных понятий о древнем могуществе, богатстве и славе любезного нашего отечества». Это дает возможность соблюсти историческую перспективу, в конечном итоге найти истину.

Влияние взглядов Каченовского на его учеников

Свои взгляды на древние русские памятники и содержание русской истории Каченовский излагал в лекциях, читаемых им в Московском университете. Плодом этих чтений было несколько исторических сочинений, написанных его слушателями. В 1830 г. в «Вестнике Европы» появилась первая статья из этой серии работ. Она была написана молодым ученым В. Виноградовым. Само название статьи — «О скудности и сомнительности происшествий первого века нашей древней истории от основания государства до смерти Игоря, т.е. до 945 г.» — отражало суть рассматриваемой проблемы. Исходным положением статьи было утверждение, что «каждое царство и каждый народ до развития сил гражданских, имеет свой век баснословный».

В начале 30-х гг. последовали публикации в «Ученых записках» Московского университета с подзаголовком «От профессора Каченовского». В них его ученики — С. Строев, В. Шеншин, Н. Сазонов, Н. Стрекалов — выражали мнение о том, что на место «слепого доверия» летописям придет новый взгляд на русскую историю, откроется «истинное представле-

ние о минувших судьбах нашего отечества». Недоверие к летописям высказывали и другие ученые, например О.М. Бодянский, в будущем один из основателей отечественного славяноведения; один из крупнейших археографов первой половины XIX в., старший брат С. Строева — П.М. Строев; Я.И. Бередников, впоследствии редактор «Полного собрания русских летописей». «Молодость охотно верит, но и сомневается охотно, охотно любит новое, самобытное мнение, — замечал К.С. Аксаков, — и исторический скептицизм Каченовского нашел сильное сочувствие во всех нас. Строев, Бодянский с жаром развивали его мысль. Станкевич, хотя не занимался русской историей, но так же думал. Я тоже был увлечен». Однако из учеников Каченовского только С.Строев продолжал писать в том же духе еще некоторое время. Остальные ограничились студенческой статьей. Но журналисты направление их деятельности, писал Погодин, «признали скептическим, и пошли гулять по свету скептики».

Вслед за своим учителем скептики приняли идею «философского» подхода к истории. Целью изучения прошлого ставили поиск общих законов и открытие в них «истин бытия», истины, «полезной для государства». Средство познания «минувшей судьбы отечества» они видели в очищении источников в «горниле критики». Главным для них было раскрытие внутреннего содержания древних русских памятников в отношении к реальным условиям развития общественного строя Руси и стран Западной Европы. Однако в своем практическом выражении такой подход не дал положительных результатов, поскольку изначальные представления скептиков об уровне развития Древней Руси не имели под собой оснований. Они считали славян дикими племенами, с примитивным общественным строем, отсутствием общественных институтов и письменности. Древняя история, как она представлена в летописи, утверждали они, «совершенно не в духе IX–X столетия», поскольку показывает, что в это время существовало на Руси государство, находящееся в цветущем состоянии, имевшее богатые города, гражданские законы и т.п. Признание первоначальной летописи и «Русской Правды» памятниками XI в., считали они, заставило бы утверждать превосходство Руси над современными ей западноевропейскими народами. О недостоверности сообщаемых в летописи известий говорили также разночтения, имевшие место в описании событий в летописи и иностранных источниках («бескорыстных» писателей). Подтверждало это и «сухость» изложения событий до смерти Игоря, отсутствие годовых описаний княжений Игоря и Ольги, различия в датировке и др. Отсутствие иностранных свидетельств о происхождении Рюрика и славян, походах Олега и Игоря послужило скептикам основанием для выводов о невозможности существования договоров русских князей с Византией. Они не были убеждены и в авторстве Нестора.

Таким образом, и Каченовский и его ученики пришли к выводу, что летописи «не только не соответствуют первому веку нашего младенческого государства, но и всеобщему духу европейских государств того времени», следовательно, они составлены в более позднюю эпоху, не ранее XIII–XIV вв. В конечном итоге недоверие к древнейшим памятникам привело их к утверждению, что «история наша не может быть подведена под строгую историческую истину».

Критика скептической школы

С опровержением выводов скептиков выступил Погодин. Обращаясь к работам Каченовского первого периода его творчества, он отмечал многие верные замечания относительно древнейших русских памятников. Но в 1829 г. Погодин уже находил, что «скептицизм Каченовского далеко распространился». После появления студенческих работ он выступил со статьей «О достоверности русской истории», где с возмущением писал: «Каким образом, по какому закону мысли, по какому закону критики могла возникнуть такая недоверчивость к главным происшествиям нашей древней истории. Это для меня задача психологическая, и только с этой стороны можно объяснить ее». В заключительной лекции о Несторе студентам Московского университета в 1837 г. он подчеркивал, что недоверие к летописи «предосудительно для нашего народного чувства» и призывал студентов учиться любви к отечеству у Нестора. Основная полемика разгорелась по вопросам о времени написания летописи, авторстве Нестора, доверия к сообщаемым им известиям, об обосновании древней истории.

В 1840 г. вышла книга историка П.Г. Буткова «Оборона летописей русских от «навета» скептиков». Автор поставил перед собой задачу защитить «достоинство древнего нашего летописания». Основанием для ее решения Буткову служили данные древних писателей, в том числе византийских, свидетельства широкого круга иностранных авторов и современные ему данные исторической науки. Он высказал сожаление по поводу разрушения всех прежних представлений и опасался угрозы «от-

нять у нас целых четыре века истории». О том, что скептицизм «калечит русскую историю», писали и другие ученые.

Значение концепции Каченовского

Вместе с тем многие современники Каченовского считали скептицизм «естественным», современным взглядом на прошлое. Своей постановкой вопроса о необходимости критического рассмотрения древних русских памятников Каченовский заставил не только современников, но и последующие поколения историков думать над ними, «терпеть беспокойство, сомневаться, рыться в иностранных и отечественных летописях и архивах». Предложенные им принципы анализа источников в целом были правильными, но заключения относительно древнейших русских памятников и состояния русской истории в IX–XIV в. были несостоятельны и отвергались как их современниками, так и последующими поколениями историков. Скептицизм сыграл свою роль как разрушитель старого, отжившего в науке и стимулировал развитие исторического знания на базе нового отношения к источнику.

Литература

Зеленов М.В. Иоганн Филипп Густав Эверс // Историки России XVIII–XX веков. М., 1995. Вып. 1.

Каченовский М.Т. О баснословном времени в Российской истории//Ученые записки Московского университета. 1833. № 12.

Каченовский М.Т. Два рассуждения: о кожаных деньгах и о «Русской Правде». М., 1849.

Киреева Р.А. Скептическая школа в русской историографической литературе дооктябрьского периода // Проблемы истории русского общественного движения и исторической мысли. М., 1981.

Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. СПб., 1913.

Полевой Н.А. История русского народа. М., 1829–1833. Т. I–IV.

Полевой Н.А. Обозрение русской истории до единодержавия Петра Великого. М.; СПб., 1846.

Шевцов В.И. Прогрессивное направление в русской историографии первой половины XIX в. Днепропетровск, 1980.

Шевцов В.И. Развитие прогрессивного направления в русской историографии первой половины XIX в. Днепропетровск, 1980.

Шикло А.Е. Исторические взгляды Н.А. Полевого. М., 1981.

Эверс И.-Ф.-Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб., 1835.

Эверс И.-Ф.-Г. Предварительные критические исследования для Российской истории. М., 1825.

Глава 10 ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ М.П. ПОГОДИНА И Н.Г. УСТРЯЛОВА

М.П. Погодин (1800–1875)

Имя Михаила Петрович Погодина — ученого-историка и педагога, собирателя старины, создавшего знаменитое «Древохранилище», публициста и драматурга, издателя «Московского вестника» (1828–1830) и «Московитянина» (1841–1856) было широко известно в научных, литературных и общественных кругах России XIX в.

Погодин был сыном крепостного крестьянина графа И.П. Салтыкова, получившего вольную в 1806 г. Он выпускник историко-филологического факультета Московского университета (1821). После защиты магистерской диссертации в 1825 г. начал читать лекции по русской и всеобщей истории на нравственно-политическом отделении университета. С 1828 г. Погодин — адъютант по кафедре всеобщей истории. В 1833 г. он избирается ординарным профессором, а с 1835 г. — заведующим кафедрой российской истории, созданной по университетскому уставу 1835 г. В 1844 г. из-за конфликта с попечителем Московского университета С.Г. Строгановым Погодин ушел в отставку и сосредоточил свое внимание на публицистической и издательской деятельности, продолжая свои научные исследования по истории России. Много работал в Обществе истории и древностей российских и в Обществе любителей российской словесности. В 1841 г. его избрали ординарным академиком Императорской Академии наук.

Отношение к Погодину современников и потомков

У своих современников Погодин пользовался уважением и авторитетом. Среди его друзей были А.С. Пушкин и Н.В. Гоголь, Д.В. Веневитинов и Ф.В. Одоевский, А.С. Хомяков и К.С. Аксаков, С.П. Шевырев и др. Его имя часто упоминается в воспоминаниях современников. О его научном и педагогичес-

ком творчестве писали И.Д. Кавелин, Д.А. Корсаков, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, Г.В. Плеханов и др. Н.П. Барсуков составил беспрецедентную по своим масштабам 22-томную биографическую хронику «Жизнь и труды М.П. Погодина». Однако оценки его как ученого, педагога и человека неоднозначны. Многие отмечали «тонкость его критики источника», трудолюбие в собирании материалов, но в то же время, отсутствие «широкого общего взгляда», в силу чего результаты его деятельности были «ограниченными, имеющими только частное значение».

Его политические убеждения укладывались в понятия «самодержавие, православие, народность» и имели, по определению П.Н. Милюкова, «охранительный характер». Однако другой исследователь общественно-политической деятельности Погодина Д.А. Корсаков не считал возможным четко определить ее направление: «Погодин не был ни консерватором, ни легитимистом, ни националистом — он был сторонником русского политического согласия, как сложилось оно жизнью, историей».

Советская историография, исходя из оценки творчества ученых с классовых позиций, однозначно относила Погодина к «апологетам самодержавия», называла его «уваровским холопом», консерватором, не оказавшим сколько-нибудь глубокого влияния на общий ход научно-исторического знания. В последнее десятилетие историографы стремятся дать непредвзятую оценку его научной и педагогической деятельности, показать сложность и многогранность его личности.

Диапазон научных, культурных, общественных интересов Погодина был широким. Но главным предметом его творчества была русская история, история древней и средневековой Руси. Его перу принадлежит ряд крупных исследований: «Происхождение варягов и Руси», «Исторические афоризмы», «Нестор. Историко-критическое рассуждение о начале русских летописей», «Исследования, замечания и лекции по русской истории» (т. 1–7), «Древняя русская история до монгольского ига» и др.

Теоретические основы концепции Погодина

«Время, в которое мы живем, — писал Погодин, — научило нас многому и предложило вопросы, прежде неслыханные», ответы на которые должна дать история. Найдено много новых источников, в общих понятиях и в самой исторической науке произошли «существенные изменения». «Столбовую дорогу» в отыскании истины в событиях прошлого проложил Карамзин. У него Погодин учился «и добру, и языку истории», «любви к отечеству, уважению к народным традициям». Духом критики, по определению Погодина, он «напитывался» у А. Шлецера. Уточнял свои исторические позиции в полемике с М.Т. Каченовским, Н.А. Полевым, Г. Эверсом, С.М. Соловьевым.

Погодин был в курсе новейших европейских исторических и философских идей. Как многие его современники он увлекался философией Шеллинга и идеями романтизма. Ученый пытался осмыслить национальные идеалы и традиции, место русского народа в общечеловеческой истории, определить собственное представление о смысле и содержании истории. «Российская история, — писал он, — это мы сами, наша плоть и кровь, зародыш наших собственных мыслей и чувств... Изучая историю, мы изучаем самих себя, достигаем до своего самопознания, высшей точки народного и личного образования. Это книга бытия нашего». Следовательно, определял предмет исследования Погодин, вместо политической истории надо изучать «дух народа», «историю ума и сердца человеческого», т.е. явления, прежде всего личные, бытовые, религиозные, художественные: «выставить наружу» работников и архитекторов, построивших Россию. Действия «духа человеческого» он представлял в виде цепи событий, где каждое кольцо «необходимо держится всеми предыдущими и держит в свою очередь все последующие». Эта гармония подчиняется определенным условиям, законам. Провидеть ее — задача историка. Для этого Погодин считал важным исследовать все, даже самые незначительные происшествия, их причины, «ловить звуки», тогда можно прочесть историю так, как «глухой Бетховен читал партитуру». Исходя из этого Погодин определял один из основных своих принципов изучения прошлого: «собирание, очищение, распределение событий».

«Связь и ход происшествий», продолжал он, есть понятие об управлении Божием, «поучительное зрелище народных действий, устремленных к одной цели человеческого рода, цели, указанной благим Провидением». Но тайна Провидения «едва ли доступна человеку». Все, что свершается, должно было свершиться. Каждое явление в цепи событий чудо. При этом Погодин утверждал, что «мы не слепые орудия Высших сил, мы действуем как хотим, и свободная воля есть первое условие человеческого бытия, наше отличительное свойство». Но так же как человеку недоступно проник-

нуть в тайну Провидения, невозможно и проследить «намерения и действия человека по законам свободы». Историк не может ответить на вопрос, почему все пошло так, а не иначе. Он может только почувствовать «замысел Божий», причем, замечал Погодин, «не в университете, не в библиотеке», а «во глубине души своей», интуитивно приблизиться к нему. В соединении «религиозного чутья» и научного поиска он видит возможность приблизиться к истине. «Ум, озаренный верою, науками подкрепится» — таков для него путь познания прошлого.

Погодин, убежденный в тождестве законов естественного и духовного мира, одним из первых в русской исторической науке пришел к выводу о том, что поиск истины в истории может быть таким же, как и в других науках, т.е. историческая наука может использовать приемы изучения, применяемые в других науках. Образ историка он связывал с образом натуралиста, который исследует все классы и виды, существующие в природе. Также и историк, имея дело со сложнейшими категориями — человек, народ, государство, развитие которых связано с целым комплексом свойств, — должен в деталях изучить все события, выявить условия и корни их появления, постепенность, органичность их развития. Именно это и делает, заключал Погодин, историческую науку действительно наукой.

Свой метод исследования Погодин называл математическим. Впервые он изложил его содержание в магистерской диссертации «О происхождении Руси»: «Должно... собрать все места из летописей, грамот и других источников об известном предмете, и потом уже, имея их перед глазами, делать выводы об его значении и отношении, в каком он находится к другим смежным предметам, и вообще ко всей истории, проверяя свои выводы прочими сведениями». Математическое заключение, как он его себе представлял, есть единственный путь ведущий к цели, а прочие «увлекают в сторону, назад, или, по крайней мере, замедляют успехи». Именно таким методом исследуя русские летописи, он доказал достоверность сообщаемых ими сведений, подтвердил древность их происхождения, и на этой основе представил древнейший период русской истории.

Погодин сравнивал работу историка с работой коллекционера, например нумизмата, разбирающего монеты по месту, времени чеканки, по материалу, из которого они изготовлены, и, подобно В.Н. Татищеву, с работой архитектора. «Если мы хотим построить здание, — писал Погодин, — прежде всего должны приготовить материалы — обжечь кирпичи, обтесать камни». Именно за эту «черную» работу он взялся сам, представив в своих исследованиях «план, фасад строения» и для себя и для будущих времен. Только после возведения такого «фундамента истории» можно было, по мнению Погодина, перейти к анализу и выводам, т.е. ко второму виду исторических работ — «повествованию». Пока в науке, констатировал он, еще недостаточно сделано в области исследования для того, чтобы перейти к изложению собственно истории. Существующие теории не отражают существа фактов: «Никакая теория, — писал ученый, — даже самая блистательная, никакая система, даже самая остроумная, не прочны, повторяю в сотый раз, прежде нежели соберутся, очистятся, проверятся, утвердятся быти, деи» (факты реальные). Именно это составляло основное содержание работ Погодина. Свои «Исследования, замечания и лекции по русской истории» он называл книгою «с тысячью справок и подлинных слов из разных сведений», «расчисткой поля» истории, чтобы другие получили возможность делать какие угодно соображения и идти дальше. Исследователи с высшими взглядами нашли бы в этих сочинениях «нужное знание для систем и теорий».

Написание общей истории России Погодин считал необходимым предворить изучением отдельных ее периодов, например норманнского, монгольского, московского, и сам дал образцы такого изучения. Важным он считал и детальное исследование отдельных групп населения: бояр, купцов, служилых людей, смердов, отношений между князьями и т.п.

Начало русской истории

«Россия — огромный мир», — писал Погодин. Она обладает неизмеримыми пространствами и богатствами «вещественных и духовных сил». Выяснить, как сложился этот «колосс», как «сосредоточились, как сохраняются в одной руке все сии силы» — главная задача исторической науки. Для ее решения ученый предлагает обратиться к изучению начала истории, т.е. истоков образования государства, ибо «начало государства есть самая важная, самая существенная часть, краеугольный камень» истории. Следует также показать отличительные свойства и судьбу российского государства в сравнении с историей других государств и народов. Отсюда две основные проблемы в изучении истории России Погодиным: происхож-

дение государства на Руси и соотношение основных моментов его развития с явлениями и процессами, имевшими место в странах Западной Европы.

Начинает свои исторические исследования Погодин с выяснения, кто были варяго-русы, т.е. племена, которые являлись основателями Русского государства. Он тщательно изучил источники, в первую очередь летопись, известия византийские и западные, свидетельства арабских авторов, провел анализ языка, обратился к религии, обычаям, действиям первых русских князей и пришел к выводу о скандинавском происхождении варягов-русов. Изучение славянских племен привело его к заключению, что славяне как особый народ были известны более чем за тысячу лет до Рюрика. Они жили общинами, как племя, управлялись родоначальниками и старейшинами. Это объясняет, почему пришлые варяги подчинились туземцам и через два-три века потерялись в славянском населении, оставив следы только в гражданском устройстве.

Обращаясь непосредственно к проблеме образования государства Погодин исходил из того, что, как все существующее в мире, оно начинается «неприметной точкой». Задача историка «уловить ее в человеческом хаосе, проследить ее постепенное увеличение, все моменты, все эпохи развития, пока эта точка через много лет забьется жизнью, установится на своем месте, примет лицо, оденется плотью, укрепится костями и начнет действовать». Такой точкой для России явилось, по его мнению призвание Рюрика новгородцами. Но это еще нельзя безусловно назвать началом Русского государства, предупреждал Погодин. Главный результат призвания Рюрика — начало династии. Для Погодина именно этот факт являлся наиболее важным: «началось преемство, стало за кем следить». Роду Рюрика было предназначено основать впоследствии величайшее государство в мире.

Судьба династии определяла последующее развитие русской истории, а ее сохранение стало основным делом русской истории. Направляемая Божественным промыслом она «чудесно» охранялась от прекращения. Одни князья сменяли других. Младенец Игорь «тонкой нитью» связывал начало истории с последующими событиями. Он убит, но есть Ольга, Святославу не удалось остаться в Болгарии, хотя он хотел. Погодин находил связь между смертью в Угличе царевича Дмитрия и Петром I, заявляя, что «не прекратись род Московских князей — не было бы Романовых, не было бы Петра». В этих

утверждениях ученого ясно проявляется его мистическое представление об историческом процессе.

Этапы русской истории

Призвание Рюрика, который положил начало русской истории, Погодин рассматривал как первый ее этап и называл его норманнским. Норманны раскинули план будущего государства, наметили его пределы. Но о государстве как целом, хотя, как определял Погодин, и «сметанным на живую нитку», можно говорить лишь с Ярослава: «все племена и города находились в подданстве у одного князя (а после одного рода), были одного происхождения, говорили одним языком... исповедывали одну веру».

Временем от кончины Ярослава до нашествия монголов Погодин датировал удельный период. Тогда на первом плане был вопрос о праве наследования великокняжеского престола, т.е. вопрос династический. Господствовало право старшего в роде. Власть великого князя определялась его личными качествами и обстоятельствами. Земли Руси находились в общинном владении княжеского рода. Все князья были равны между собой. Однако каждый князь стремился обособиться в своем уделе и в тоже время вел борьбу за великокняжеский престол.

Следующий период в определении Погодина — монгольский (до образования и становления Московского государства). Затем наступает новая эпоха — европейско-русская, или западно-восточная, и, наконец, период национально-самобытный. Ему и принадлежит будущее. Пожалуй, более определенно общие представления об истории России отражены Погодиным не в ее периодизации, а в перечислении им основных происшествий, составляющих, по его определению, существо русской истории. Среди них основание государства, принятие христианской веры, столица Москва, Донское побоище, освобождение России от поляков, Полтавская битва, сожжение Москвы в 1812 г. и «самое к нам близкое, самое радостное, животрепещущее — освобождение двадцати пяти миллионов крепостного народа».

Характеристики деятелей русской истории

Основное внимание Погодина было сконцентрировано на древнейшей и средневековой истории. Но он обращался к событиям и более позднего времени: высказал собственный взгляд на историю Московского государства XVI в.; пытался дать оценку событиям XVII в., личности Ивана Грозного, Петра I и др. Погодин часто вступал в полемику по этим проблемам со своими предшественниками и современниками.

Личность и эпоху Ивана Грозного ученый характеризовал негативно. Он видел в нем слабого человека, ничтожного политика, у которого отсутствовал государственный взгляд. Усиление власти при Иване VI Погодин рассматривал как естественное положение хода государственного строительства, начавшееся задолго до него, где каждый последующий князь был сильнее предыдущего. Он считал аномалией видеть «прогресс» в чудовищном, «слепом» произволе, творимом царем. Погодин отказался от деления жизни и деятельности Грозного на две половины, как это делали его предшественники. События, происходившие в обществе, опричнину, террор он объяснял не изменениями в характере самого Ивана IV, а изменениями в его окружении.

С уважением писал Погодин о Борисе Годунове. Он отвергал утверждение о его причастности к убийству царевича Дмитрия, сожалел о трагической судьбе Бориса, поплатившегося «за удовольствие» узнать о смерти Дмитрия «гибелью супруги и любимого сына, громким проклятием двух веков».

Одним из государей, восхищавших Погодина, был Петр I. Он подчеркивал, что реформаторская деятельность Петра, его нововведения имели глубокие корни на русской почве. Благодаря реформам Россия, воспользовавшись достижениями западной цивилизации, «заняла почетное место в политической системе европейских государств», приобрела основания для последующего развития.

Россия и Западная Европа

Вопрос о соотношении исторического развития России и стран Западной Европы являлся одним из важнейших в отечественной историографии и общественно-политической мысли XIX в. В рассмотрении его Погодин исходил из двух посылок. Первая — история России есть составная часть истории человечества, т.е. истории европейской. В них имели место одинаковые события, обусловленные «общим (родовым) ее подобием» и «единством цели». Поэтому историк не может изучать историю России вне контекста истории Европы. Вторая — «всякий народ развивает своей жизнью особую мысль» и содействует тем самым в той или иной степени, прямо или косвенно, исполнению предначертаний Провидения. Факты отечественной истории существенно отличаются по своему содержанию от подобных фактов истории европейских народов. Россия всегда шла своим путем, и обязанность историка отыскать этот путь, показать его своеобразие.

Все европейские великие происшествия, средства для развития которых «мы по Вере, языку и другим причинам» не имели, были заменены у нас на другие, писал Погодин. Они были у нас под другой формою, решали те же задачи, только другим путем. Ключ к пониманию использования им сравнительного метода находится в заглавии работы: «Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала».

В России не было западного среднего века, но был восточный русский; развивалась удельная система, которая существенно отличалась от феодальной, хотя и составляла вид того же рода; следствие крестовых походов — это ослабление феодализма и усиление монархической власти, а в России усиление монархической власти явилось результатом монгольского ига; на Западе была реформация — в России — реформы Петра I — такие параллельные события находит Погодин в истории русской и западноевропейской. Это два процесса, идущие рядом друг с другом, но не пересекающиеся. Их течение абсолютно самостоятельно и независимо друг от друга. Они могут пройти через похожие стадии развития, но это не будет означать, что они обязательны для их эволюции. В конечном итоге Погодин пришел к выводу, что «вся история России до малейших подробностей представляет совершенно иное зрелище».

Корень различий ученый видел в «изначальной точке», «зародыше», т.е. обращался к уже известному тезису о том, что история народа начинается с истории государства, а источник различий заключен в особенностях его происхождения. Государство на Руси началось вследствие призвания, «полюбовной сделки». На Западе оно обязано своим происхождением завоеванию. Идея для российской историографии не новая, но у Погодина она становится доминирующей, определяющей судьбу и особенности развития русской жизни во всех ее аспектах, в том числе в институтах власти, социальном строе, экономических отношениях.

На Западе пришельцы побеждают туземцев, отнимают у них землю, обращают в рабство. Победители и побежденные образуют два класса, между которыми возникает непримиримая борьба. В городах образуется третье сословие. Оно тоже борется с аристократией. Борьба их оканчивается революцией. На Западе король был ненавистен туземцам.

В России государь был «званым... мирным гостем, желанным защитником». Он не имел никаких обязанностей по от-

ношению к боярам. С народом имел дело «лицом к лицу, как его защитник и судья». Земля была в общем владении, сподвижники князя получали ее на время как род жалованья. Народ оставался свободным. Все жители различались только по роду занятий, а в политическом и гражданском отношении были равны между собой и перед князем. Высшие сословия приобрели свои привилегии «службой отечеству, России». Русскому простолюдину был открыт доступ к высшим государственным должностям, «университетское образование заменяло привилегии и грамоты». У нас, заключал Погодин, «нет ни разделения, ни феодализма, убежищных городов, ни среднего сословия, ни рабства, ни ненависти, ни гордости, ни борьбы». Все преобразования, все нововведения шли сверху, от государства, а не снизу, как в Европе. Таким образом, разница в первичной точке решила судьбу России.

Кроме исторических причин, разделивших судьбы России и народов Западной Европы, Погодин обратил внимание на физические (пространство, почва, климат, система рек) и нравственные (народный дух, религия, образование).

Россия занимала огромные пространства, объединяла многочисленные народы, причем «не механически, силою оружия», а всем историческим ходом своего развития. Это, по мнению Погодина, определило такие особенности, как отношение к земле, которая долго не имела цены и в силу этого из-за нее не враждовали; беспрерывное движение, имевшее место на протяжении 100 лет от смерти Ярослава до нашествия монголов, чему способствовало и правило наследования княжеского престола. Князья переходили, за ними следовали дружина, воины, бояре, иногда в движении принимали участие и поселяне. Переносились и главные центры (столицы). В этом движении Погодин видел одно из главнейших отличительных черт русской истории. При этом, подчеркивал он, Россия никогда не переставала быть единым целым.

Некоторые особенности политического развития России Погодин связывал с суровым климатом, который заставлял «жить по домам, около очагов, среди семейств и не заботиться о делах общественных, делах площади». Князю было предоставлено право самостоятельного решения всех вопросов. А это устраняло почву для всяких «раздоров». Географическая изолированность, связанная с системой рек, текущих внутрь земли, отдаленность от морей мешали общению с другими народами, что также способствовало тому, что Россия шла «своей дорогой».

При определении духовных различий Погодин подчеркивал особенности характера народа — терпеливость, покорность, равнодушие, в противоположность западной раздражительности. Принятие христианской веры из Византии смягчило нравы, способствовало сохранению доброго согласия в обществе. Духовенство в России подчинялось государям. Единство языка, единство веры, следовательно, один образ мыслей народа, делал вывод Погодин, составляли силу российского государства.

В определении особенности исторического пути России и условий, способствовавших обособлению ее от западноевропейского мира, Погодин исходил из традиций отечественной историографии.

Он развил и уточнил ее некоторые положения, например о влиянии географического фактора на постоянное движение населения и трудности сношений с другими народами, о влиянии православия на духовную и политическую жизнь русского общества. «Сколько же различий положено, — восклицал он, — в основание русского государства сравнительно с западным! Не знаем которое сильнее: историческое, физическое и нравственное». Их совместное действие и привело к тому, что история России предстала «совершенною противоположностью с историей западных государств». Постановка и решение проблемы «Россия–Запад» в трудах Погодина при всей уязвимости его рассуждений и выводов обращает на себя внимание попыткой целостного подхода к ее рассмотрению.

Уроки истории

Наблюдения за древней и средневековой историей России определили Погодиным основные постулаты жизни российского общества. Подчеркивая исторически сложившееся согласие в обществе, основанное на доверии правительству, царю, он сделал вывод, что в этом отношении «российская история может сделаться охранительницею и блюстительницею общественного спокойствия самою верною и надежною». Залогом этого всегда было и есть самодержавие, заботящееся о благе народа, способствующее сохранению исторических традиций и русской государственности. Россию всегда спасало и спасет, утверждал Погодин, самодержавие, сильное государство, народ, носящий «во глубине своего сердца сознание объединенной Русской земли, объединенной Святой Руси»; вера православная, готовая на всякие жертвы; «язык живой», земля просторная, плодоносная. На них «Святая Русь удержалась, удерживает-

ся и удержится!». Так он приходит к известной формуле — «самодержавие, православие, народность».

Погодин считал обязанностью историка и любого человека уважать, беречь и трудиться во благо России. Обращаясь к своим соотечественникам он писал: «Мы имеем собственную историю, удивительный богатый язык, собственное национальное право, собственные национальные обычаи, свою поэзию, свою музыку, свою живопись, свою архитектуру». Отказаться от этого, значит утверждать, что у «русских нет истории, нет предков... Руси нет». Он предупреждал об осторожности при попытках мерить Россию по масштабам западноевропейским, искать в них плодов, для которых нет семян. Это, однако, не означало отрицательного отношения его к Западной Европе в целом, ее культуре, науке. Только пересадка «чужих растений» не всегда возможна и полезна. Она всегда требует «глубокого размышления, великого благоразумия и осторожности».

Историческая наука как самопознание народа, был убежден Погодин, должна проникать в его национальный характер, помочь понять себя, чем были и, тем самым, чем стали. Он придавал истории значение «учителя жизни». Погодин отдавал себе отчет о том, что каждый век имеет свои требования и свой взгляд на прошлое, и картина его меняется в соответствии с состоянием науки. И в содержании научного творчества Погодина нашли отражение настроения общества, его потребности в историческом знании и самой исторической науке.

Давая оценку творчества Погодина Ю.Ф. Самарин ставил в заслугу историку то, что он пытался разъяснить «явления русской истории из нее самой». Погодин отстаивал первенствующее значение национальной идеи, национального сознания как главного условия жизни русского общества. Эти идеи получили признание и развитие в трудах других ученых, в частности, они были созвучны настроению славянофилов.

Главной национальной идеей он признавал образование и развитие государства, в связи с этим высказывал ряд положений в духе государственной школы. Погодин отмечал особую роль государства и самодержавия на Руси, представлял их как общенародных заступников и радетелей за благо народное.

Погодин одним из первых обратил внимание на возможность использования в исторических исследованиях методов естественных наук. Заслуживает внимания его отношение к историческим источникам, работа по их собиранию и публикации. Его полемика с М.Т. Каченовским о древнейших рус-

ских памятниках имела положительное значение. Погодин выдвинул программу развития вспомогательных исторических дисциплин, начал работу по составлению древнерусской географии, хронологии летописания.

Погодин относился к историкам, олицетворявшим переходное время в исторической науке, как писал К.Д. Кавелин, он «всеми своими сторонами принадлежал к прошедшему... но не чужд некоторых новых требований, взглядов, ученых приемов, которых мы не встречаем у его предшественников».

Н.Г. Устрялов (1801–1870)

Николай Герасимович Устрялов происходил из семьи крепостного, управляющего имением князя И.В. Куракина. Он окончил историко-филологический факультет Петербургского университета в 1824 г. Затем семь лет работал в канцелярии Министерства финансов. В 1830 г. начал читать лекции по русской и всеобщей истории в университете «без жалованья». В 1836 г. Устрялов защитил диссертацию на звание доктора философии «О системе прагматической русской истории». Был избран профессором и почти четверть века возглавлял кафедру русской истории в Петербургском университете.

Свою научную деятельность Устрялов начал с подготовки к изданию «Сказаний современников о Дмитрии самозванце» и «Сказаний князя Курбского». За их подготовку он был удостоен двух «бриллиантовых перстней» и ордена св. Анны 3-й степени. Интерес к источнику Устрялов старался передать своим ученикам, по воспоминанию одного из них, он, «начиная свой курс подробным перечислением и оценкою источников», открывал им «совершенно незнакомый мир».

Особенно плодотворный период его деятельности относится к 30–40-м гг. В 1837 г. публикуется его диссертация, вышли в свет двухтомная «Русская история»; в 1839–1840 гг. «Начертание русской истории для учебных заведений»; «Руководство по русской истории» и др. Устрялов получил статус официального историографа и в 1837 г. был избран адъюнктом Академии наук.

Теоретические основы концепции Устрялова

«История Российского государства, в смысле науки, как основательное знание минувшей судьбы нашего отечества, должна объяснить постепенное развитие гражданской жизни нашей от первого начала ее до позднейшего времени» — так начинал Устрялов свое первое научное сочинение по русской

истории — «О системе прагматической русской истории». Этим он определял и главный предмет исторической науки — события, в которых проявляет себя собственно жизнь государства: «достопамятные действия людей», управляющих внутренней и внешней политикой России; успехи законодательства, промышленности, науки и художеств; религия, нравы и обычаи. Задача историка — «не собирание биографий», а представление картины «постепенного развития жизни общественной», «изображение переходов гражданского общества из одного состояния в другое, раскрытие причин и условий изменений». История должна обнимать все, был убежден Устрялов, что имело влияние на судьбу государства. Она должна указать место России в системе других государств.

Для решения этих задач историк выдвигал два условия: первое — «самое подробное, верное и отчетливое знание фактов» и второе — приведение их в систему. Опираясь на традицию критики исторических источников, идущую от А. Шлецера и продолженную историками начала XIX в., он высказал собственное представление о классификации источников и принципах их критики. Устрялов разделил все источники на две группы — письменные и неписьменные. К первым он относил сказания современников (они являются основой исторических знаний); акты государственные, произведения наук и изящной словесности, которые отражают степень образованности народа и дух своего времени. К источникам «неписанным» Устрялов относил памятники материальной культуры — предметы художественного и домашнего обихода.

Он высказал ряд положений о конкретной работе с ними. Нельзя «безотчетно доверять фактам», писал он, только критическое отношение к тексту может дать истинное представление о прошлом. Прежде всего надо определить степень достоверности сообщаемой источником информации. Для этого следовало установить, например, был ли автор современником описываемых событий, так ли он «передал потомству, как знал». Наибольшую полноту и точность историческим исследованиям придает актовый материал. Он дает возможность выяснить механизм государственного устройства, внутренней и внешней политики, развитие экономики, культурный уровень страны в ту или иную эпоху. В «изустных преданиях» Устрялов находил элементы «явно баснословные», поэтому требовал тщательной проверки соответствия их «общему ходу событий, духу времени».

Интерес к источникам проявился в его работе в Археографической комиссии, участии в подготовке проекта издания Полного собрания русских летописей. Особо следует отметить работу Уварова по собиранию документов и книг, относящихся к царствованию Петра I. Он получил специальное разрешение на проведение исследований в государственных архивах и в течение десяти лет вел целенаправленный поиск материалов в архивах морского и военного министерств, Сената и Синода, Министерства иностранных дел, Императорской Академии наук, а также в архивохранилищах Вены и Парижа.

Но даже и «самое подробное знание фактов не принесет существенной пользы, если они не будут приведены в стройную систему», был убежден Устрялов. Он сформулировал широко известную в свое время «систему прагматической истории», которая предусматривала «объяснение влияния одного события на другое», рассмотрение каждого явления как «следствие предыдущего и причину последующего». Такое понимание исторического процесса дает возможность выявить «нить», связывающую все явления «неразрывной цепью», образуемою самим «ходом событий, влиянием века, гением народа». Историк должен вникнуть в общий смысл истории и соответственно ему определить точки, где общий ход событий получает иной характер, распределить все явления по мере важности, каждому «найти свое место». Развитие исторического процесса Устрялов рассматривал как следствие «преимущественно... действия людей, коим судьба вверяет кормило правления». Впрочем не всегда, замечает он тут же: «вокруг них обрисовывается в приличной перспективе все, что выражает век, что окружает исполнителей велений судьбы и, так сказать, составляет их сферу, от коей они не могут отделиться и сообразно коей действуют».

Значение науки, знания истории Устрялов видит в том, что история «верная повесть всего родного», «завет предков потомству». Она, показывая истинные свойства народа и потребности государства, «послужит лучшим пособием к применению всякого рода уставов: ибо все умножается опытом», а она и есть «самый обильный запас разнообразных опытов».

Представления ученого о предмете, задачах и значении исторического знания отражали интерес общества 20–30-х гг. XIX в. к гражданской истории, истории государства, истории народа.

Свое изложение прагматической русской истории Устрялов предворял рассуждениями своих предшественников в деле «бы-

тописания». Все, сделанное в XVIII в., было, по его мнению, только «младенческим лепетом», подход к истории был ненаучным. Отдавая должное Карамзину, который «оказал величайшую услугу отечественной истории тем, что привел в известность почти все ее источники, выбрал из них факты с редкой отчетливостью и добросовестностью, не упустив ни одной черты, ни одного замечательного слова, представил события в строгом хронологическом порядке и приготовил материал для прагматического бытописателя», Устрялов не соглашался с ним по ряду общих вопросов. Для него было неприемлемо то, что Карамзин изображал не общие явления, «что-нибудь целое», а биографии великих князей и царей. Не видел Устрялов у Карамзина и исторической «нити» событий. После «строгих суждений о лучших наших бытописателях», как сам историк определял свое отношение к предшественникам, он дал изложение русской истории с прагматической точки зрения.

Периодизация русской истории

Для того чтобы узнать, что такое Русь, что с ней было, как развивалась главная идея (складывалось государство), проследить переход ее из одного состояния в другое, чтобы вникнуть в «общий дух истории», надо начинать изложение с «колыбели» русской жизни, с первых веков, считал Устрялов. Важно показать главные моменты, происходившие изменения, внутренние и внешние условия, дающие направление «судьбе государства».

Устрялов делил историю России на две главные части: древнюю и новую. Каждая из них подразделялась на периоды в соответствии с изменениями, происходящими в гражданском быте. Древняя история, от начала Руси до Петра Великого (862–1689 гг.) и Новая история, от Петра до смерти Александра I (1689–1825 гг.). Последняя отличается изменением древнего образа жизни, быстрым развитием умственных и промышленных сил, деятельным участием России в делах европейских.

Возникновение у славян гражданского общества Устрялов связывал с установлением верховной власти норманнского князя. Тогда же сложилась и территория государства — от берегов Ильменя до днепровских порогов, от истоков Вислы до берегов Волги. Принятие христианской веры способствовало слиянию разноплеменных областей русской земли в одно государство. Оно стало «непременным условием бытия народного, элементом русской жизни», явилось основанием «особенного, самобытного направления и образовало из него мир

отдельный, отличный от мира западного в главных условиях государственных... в всех учреждениях внутренних». Окончательное устройство государства произошло при Ярославе Мудром. Он закрепил его законодательством, которое определило главные условия гражданской жизни, т.е. был введен новый порядок престолонаследия, установлены отношения между князьями удельными и великим князем, определены права и обязанности духовенства, урегулированы отношения с соседями. С половины XI в. началась борьба между потомками Рюрика, семейные споры за верховную власть. Произошло разделение на уделы, которое явилось следствием понятия о праве на удел каждого члена семьи. Однако, обращал внимание Устрялов, это не привело к уничтожению Руси, а, наоборот, еще больше «скрепило узы общественные», способствовало распространению одного языка, веры, одних гражданских уставов. Сохранилась мысль о единодержавии.

Покорение русской земли монголами, борьба ее с иноплеменными народами на западе привели к разделению ее на восточную и западную. Монгольское иго, считал Устрялов, не оказало влияния на внутреннее устройство восточной Руси. В неприкосновенности остались главные элементы государства — вера, язык, гражданский быт. В начале XIV в. совершился «великий переворот» и определилась судьба России — началось постепенное соединение удельных княжеств восточной Руси в Московское государство. Оно поднялось на борьбу с монголами и свергло иго; избавилось от удельной системы и образовало «державу сильную, самостоятельную — Русское царство». Главою его был государь самодержавный. В это же время произошло соединение западных земель в Великое княжество Литовское.

После «потрясений русского царства самозванцами» Устрялов видел цель русских царей в благоустройстве государства, в духе древнейших уставов и самодержавия, получившее окончательное образование при Алексее Михайловиче и его сыне Федоре.

Новую историю Устрялов начинал с Петра Великого, который решил «все, о чем заботились, к чему стремились русские цари». Он совершил «исполинский, беспримерный в истории подвиг, преобразовал и себя и свой народ, создав войско, флот, промышленность, торговлю, науки, художества, новую лучшую жизнь». Петр усвоил плоды европейской цивилизации, поставил «свое государство на такую ступень, что оно явилось вне-

запно исполином в кругу своих соседей». Российское царство было преобразовано в Российскую империю. Древний мир исчез «с большей частью своих уставов, законов, форм, нравов и обычаев». Но при всех изменениях, подчеркивал Устрялов, Россия сохранила два главных элемента — религию и самодержавие. Преемники продолжили дело Петра, завершила его Екатерина II. Она соединила почти все русские земли России, получила «перевес над соседними народами». «Одушевляемая отличительными свойствами народного характера, беспредельной преданностью Вере и Престолу» Россия выстояла среди всеобщего потрясения западных государств Французской революцией и избавила Европу от Наполеона.

Современный ему период Устрялов начинал с восшествия на престол императора Николая I. «Сейчас живее, чем когда-либо, — оценивал он свое время, — пробудилась мысль о необходимости органического устройства державы, особенно на началах народности и образования».

Таким образом, Устрялов с позиций «системы прагматической истории» представил русскую историю с древнейших времен до современного ему состояния и определил основные этапы развития государственности в России. Его периодизация отвергала широко распространенное в историографии деление истории на древнюю, среднюю и новую. Для него было главным проследить воплощение в конкретной жизни России идеи объединения русских земель в одно государство. В схеме Устрялова нет места средневековой истории. Он не считал это время переходным периодом, так как не видел ни в правлении Ивана III, ни его преемников появления никаких новых элементов, которые получили бы развитие в последующее время. С самого начала, подчеркивал он, русская история имела одно направление, один элемент в своем основании, одну идею — объединение русских земель в одно государство. Процесс этот един, неразделен вплоть до Петра Великого, который, изменив нравы, обычаи, уклад жизни, начертал новое будущее. Неприкосновенными остались только религия и самодержавие.

Петр I

Устрялов рассматривал, таким образом, Петровскую эпоху как переходную, а именно такие эпохи в его системе прагматической истории имели особое значение. Они определяли дальнейшее направление исторического процесса. Поэтому в своих исторических исследованиях ученый много внимания уделял личности Петра.

Царь-преобразователь, «орудие перемен государственных», обладающий сильным характером, умом, «страстью», угадав потребности века, работал для России «с топором в руках», наперекор всему. Он «сражался со всеми сословиями, со всеми понятиями, предрассудками... боролся со всеми соседями, боролся с природой, с семейством, женою, сестрой, сыном, наконец, с самим собой». Петр преобразовал «полуазиатскую» жизнь россиян в европейскую. Для Устрялова важно было то, что Петр преодолел презрительное отношение ко всему иностранному, ненависть ко всему новому и при этом не нанес «вреда... основным началам народности». В этом утверждении он противостоял взглядам Карамзина на Петровские реформы.

Петр, как его понимал Устрялов, «смягчил нравы», хранил и усиливал «светлые» стороны предшествующей эпохи. Главными среди них были: государственно-политическое устройство российской жизни, «согласное с духом народа» самодержавное правление, которое с уважением относилось к законам, «заботилось о благосостоянии каждого сословия». Русское самодержавие он представлял как идеальную форму правления. Другой «светлой» стороной старой русской жизни он считал церковь, хранившую веру («тихо и спокойно», «без фанатизма и людских расчетов»), и «самобытные начала русского общества». Петр I для Устрялова главный герой, «определитель будущего». «Мы пожинаем плоды: сеял Петр». Вникнуть в дела его, в мысли, понять состояние государства до и после него — в этом видел ученый задачу своих современников.

Значение трудов Устрялова

В «системе прагматической истории» Устрялова нашли отражение некоторые характерные для отечественной историографии 20–40-х гг. XIX в. идеи, в том числе: определение предмета исторической науки — история российского государства и гражданского быта; представление о ходе истории как непрерывном, поступательном процессе, обусловленном внутренними причинами; глубокое изучение источников. Устрялов предложил свою схему русской истории, привлек внимание к некоторым малоисследованным проблемам, дал новые определения отдельным явлениям и процессам. Впервые в отечественной историографии он рассмотрел вопрос о разделении Руси на восточную и западную, обратил внимание на историю Литовского княжества. Под новым углом зрения он представил удельную систему. Она, по его мнению, несмотря на междоусобия, сохранила целостность государства, способство-

вала развитию торговли и промышленности и т.п. Устрялов представил историческое обозрение царствования Николая I.

Об Устрялове писали немного в XIX в., еще меньше в XX в. Советская историография рассматривала его историческую концепцию как историческое обоснование «теории официальной народности». Действительно основы российской истории он видел в самодержавии, православии, народности, и его работы могли быть использованы с политической целью. Однако это не умаляет научного значения его трудов. Историческая концепция Устрялова является результатом глубокого исследования истории России на основе таких принципов познания, которые в его время определяли направление развития исторической науки. Его исторические труды вписываются в контекст развития исторических знаний 20–40-х гг. XIX в. Они способствовали формированию у его современников представлений о истории России.

Литература

Дурновцев В.И., Бачинин А.Н. Прагматический бытописатель: Николай Герасимович Устрялов // Историки России XVIII — начала XX века. М., 1996.

Дурновцев В.И., Бачинин А.Н. Разъяснять явления русской жизни из нее самой: Михаил Петрович Погодин //Историки России XVIII — начала XX века. М., 1996.

Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции по русской истории. М., 1846–1859. Т. 1–7.

Погодин М.П. Историко-критические отрывки. М., 1846, 1867. Кн. 1–2.

Погодин М.П. Нестор. Историко-критическое рассуждение о начале русских летописей. М., 1839.

Умбрашко К.Б. М.П. Погодин: Человек. История. Публицист. М., 1999.

Устрялов Н.Г. Начертание русской истории для учебных заведений. СПб., 1839.

Устрялов Н.Г. О системе прагматической русской истории. СПб., 1836.

Устрялов Н.Г. Русская история. Ч. 1–2. СПб., 1837.

Глава 11 ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ СЛАВЯНОФИЛОВ

Славянофилы и изучение истории

Большое влияние на русскую историографию оказал славянофильский кружок 30–50-х гг. XIX в. Идеи, высказанные его представителями в журнальных статьях и салонных дискуссиях, воздействовали на самые различные направления русской исторической мысли — от консервативно-монархического до народнического.

Нередко говорят об «умозрительном» отношении славянофилов к истории, недостаточном якобы знании ее фактической стороны, поверхностности. Эти обвинения являются результатом недопонимания тех методологических принципов, которые лежали в основе их историко-социологических построений. Действительно, восприятие некоторыми представителями «московского направления» исторического процесса коренным образом отличалось от его трактовки позитивистской историографией. Цель славянофилов состояла не в том, чтобы обработать максимально возможное количество фактов и выявить связи между ними (подобный подход к истории они считали слишком поверхностным), а в том, чтобы понять внутренний смысл исторического процесса. Весьма характерна в этом отношении мысль А.С. Хомякова, высказанная им в «Записках о всемирной истории»: «Все настоящее имеет свои корни в старине; даже самое неожиданное и странное явление, будучи хорошо исследовано, приводит нас или к своему зародышу, который есть не что иное, как плод прошедшего времени, или к своей прививке, или к явлению древнейшему, которое в нем поглотилось». Для Хомякова было

характерно стремление выявить «корни», «зародыши», скрывающиеся в глубине истории, которые в славянофильской публицистике обычно обозначались термином «начала». Поиск «начал» того или иного явления был характерен не только для главы «московского направления», но и для других его ведущих идеологов: И.В. Киреевского, К.С. Аксакова, Ю.Ф. Самарина.

Следует отметить, что далеко не всем славянофилам был присущ столь широкий философский подход к историческому материалу. Например Д.А. Валуев и П.В. Киреевский получили широкую известность как собиратели русских древностей и фольклора, а И.Д. Беляев оставил после себя целый ряд крупных монографических работ, посвященных отдельным локальным проблемам русской истории. И все же именно «старшим славянофилам» принадлежит заслуга разработки оригинальной историософской концепции, в рамках которой развивались взгляды других представителей «московского кружка».

Исторические взгляды А.С. Хомякова

Алексей Степанович Хомяков (1804–1860) являлся общепризнанным главой «московского направления». Именно его взгляды на исторический процесс во многом определяли точку зрения других славянофилов. К сожалению, Хомяков не успел изложить свои воззрения на историю в развернутом виде. Его фундаментальный труд «Записки о всемирной истории» так и остался незавершенным. Что же касается журнальных статей, то в них содержатся лишь отдельные высказывания, посвященные мировой и отечественной истории. Тем не менее даже по этим достаточно разрозненным отрывкам можно оценить оригинальность и самобытность системы взглядов славянофильского мыслителя.

Вещественный мир представлялся А.С. Хомякову лишь внешним выражением свободно творящего духа (Бога, абсолюта), а материальные факторы общественного развития — его внешними проявлениями. История воспринималась им как процесс постепенного проявления полноты духа в общественной жизни человечества. Развитие каждого народа выражало собой проявление той или иной стороны абсолюта. Соответственно, история народа представляла собой процесс проявления в его общественной жизни некой изначально присущей ему первичной идеи. Каждый народ, таким образом, обладал своей особой субстанцией, «началом» по славянофильской терминологии, которое постепенно проявлялось в ходе его исторического развития. «...Каждый народ, — писал Хомяков, — представляет такое же живое лицо, как и каждый человек, и... внутренняя его жизнь есть не что иное, как развитие какого-нибудь нравственного или умственного начала, осуществляемого обществом, такого начала, которое определяет судьбу государств, возвышая и укрепляя их присущею в нем истиною или убивая присущею в нем ложью». Как видим, в основе философии истории Хомякова лежал провиденциализм. Историческое развитие каждого народа предопределялось абсолютом. Однако предопределение это не носит фаталистического характера. В своем развитии народ в силу тех или иных причин может отклониться от него и не выполнить возложенной на него «миссии».

Понимание славянофилами, и в том числе Хомяковым, процесса исторического развития того или иного народа как постепенного проявления его «начала», субстанции имело два неоспоримых преимущества. Во-первых, подобный подход подразумевал стремление понять смысл истории народа. Во-вторых, заставлял обратить особое внимание на специфику народной жизни, ибо лишь через нее становилось познаваемым «начало», субстанция народа. То, что именно славянофилы первыми обратили серьезное внимание на такое фундаментальное явление русской социальной действительности, как сельская община, безусловно, является результатом их специфического понимания процесса исторического развития как постепенного проявления народного «начала».

Всемирная история, по мысли Хомякова, являла собой арену борьбы двух основных «начал» бытия — свободы и необходимости. Воплощением «начала» свободы в древности являлись иранские, а необходимости — кушитские (эфиопские) племена. В истории других народов «иранское» и «кушитское» «начала» проявлялись в смешанном виде. Русский народ, по мысли Хомякова, развивался под влиянием «иранизма». Это и предопределило его стремление к духовным, нравственным ценностям и пренебрежение к материальным интересам и формальной политической свободе.

Европейская цивилизация, в основе своей «иранская», по мысли Хомякова, постепенно выродилась под влиянием «кушитства» и в XVIII–XIX вв. вступила в полосу жесточайшего внутреннего кризиса. Проявления его славянофильский мыслитель видел в ничем не сдерживаемом «эгоизме личностей», поклоне-

нии «золотому тельцу», разрыве с традицией и безудержной революционности, угрожающей самим основам бытия западных обществ. Несмотря на то что русская образованная элита, впитавшая со времен Петра I идеи европейского просвещения, была заражена тем же духовным недугом, что и весь западный мир, Хомяков надеялся, что России удастся избежать судьбы Европы. Славянофильский мыслитель стремился привлечь внимание общества к «народным началам», призванным стать основой развития России по самобытному, исконному пути.

«Началом народного бытия» Хомяков считал общинность. В отечественной и отчасти зарубежной исторической литературе уже давно утвердилась точка зрения, согласно которой приверженность славянофилов общинному началу считается признаком их консерватизма. По мнению исследователей, придерживающихся этой точки зрения, для представителей «московского направления» община имела значение в первую очередь как институт, играющий стабилизирующую, охранительную роль в общественной жизни России. Эта позиция представляется верной лишь отчасти. Историко-философская концепция Хомякова отводит общине гораздо большую роль в истории России, нежели простому охранительному институту, выполняющему функцию стабилизирующего социального фактора. Община воспринималась славянофильским мыслителем как социальное выражение сущности русского народного духа. То, что именно она привлекла к себе внимание Хомякова, естественным образом вытекало из его понимания исторического процесса. Его историософская концепция требовала для своего обоснования отыскания особой субстанции русского народа. И первое, что при этом неизбежно должно было бросаться в глаза, — это наличие в России крестьянского мира, явления социальной действительности, не имевшего аналогов в Западной Европе.

Что же, какое реальное смысловое содержание вкладывал славянофильский мыслитель в понятие «общинность»? Прежде всего этическое. В своих работах он неоднократно отмечает, что община есть «...создание нравственной свободы русского народа», что «...единство, которое лежало искони в понятии славянской общины... заключается в понятии естественного и нравственного братства и внутренней правды». Вполне корректно, на наш взгляд, будет характеризовать содержание, которое Хомяков вкладывал в понятие «общинность» как «этический коллективизм».

Другой существенной чертой исторического развития России Хомяков считал отсутствие в ее истории завоевания. Эта особенность накладывала существенный отпечаток на историческое развитие России в сравнении с государствами Западной Европы. Там общество основывалось на насилии победителей над побежденными и было пронизано скрытой враждой между ними. Эта внутренняя вражда смягчалась временными договорами и из них постепенно возникла жизнь, основанная на условии, на контракте, возникло искусственное государство, жесткая иерархическая структура, на вершине которой находились завоеватели, а внизу завоеванные. В России государство развивалось естественным путем, его начало не было омрачено насилием и, следовательно, по мысли Хомякова, в нем отсутствовал тот изначальный внутренний антагонизм, который был характерен для Запада.

Вот на такую социальную почву и легло православие, воспринятое Русью из Византии. Хомяков рассматривал явление христианства как откровение абсолюта, как окончательную истину и абсолютный идеал, воплощение которого на практике означало бы достижение человечеством высшей точки своего развития. Но «абсолютную истину» славянофильский мыслитель видел лишь в «первоначальном христианстве», учении не искаженном человеческими страстями и пороками. Православие рассматривалось Хомяковым как единственное, восходящее к апостольской традиции каноническое учение. Католицизм и протестантство он считал ересями, возникшими в результате искажения «первоначального христианства» влиянием древнеримской цивилизации. Поскольку русский народ был единственным великим народом, оставшимся верным принципам «первоначального христианства», именно ему, по мысли Хомякова, предстояло воплотить в своей истории и общественной жизни христианский идеал. В противоположность Гегелю, который считал, что высшим достижением всемирно-исторического развития является германское государство и, соответственно, народом, идущим во главе прогресса, является немецкий народ, Хомяков, выдвигал мысль о том, что вершиной прогресса человечества является не идеальное государство, а христианское общество, основанное на высших этических ценностях. Таким образом, носителем наиболее прогрессивной идеи исторического развития выступал, по мысли Хомякова, русский народ, а страной, призванной воплотить ее в жизнь, — Россия.

Ведущего славянофильского идеолога волновал вопрос о том, почему, несмотря на долгую историю, Россия так и не смогла достичь предопределенного ей абсолютом идеала христианского общества, почему «этический коллективизм», будучи началом народной и духовной жизни России, так и не стал основой ее общественного устройства. Этот вопрос являлся центральной темой спора между ним и И.В. Киреевским в 1852 г. В своей статье «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России», опубликованной в первом номере «Московского сборника», Киреевский рисовал допетровскую Русь в радужных красках, как внутренне непротиворечивую, солидарную социальную общность, связанную лишь единством убеждений ее народа. Автор в своих рассуждениях, по сути дела, подменял реальную историческую Русь своим собственным идеалом. Термин «ретроспективный утопизм», не совсем справедливо данный П.Я. Чаадаевым славянофильству в целом, весьма верно характеризовал точку зрения И.В. Киреевского. Хомяков открыто выступал против чрезмерной идеализации Руси в своей работе «По поводу статьи И.В. Киреевского «О характере просвещения Европы...», которая должна была выйти во втором номере «Московского сборника». Сборник однако не состоялся по причине цензурных гонений, и статья Хомякова впервые увидела свет гораздо позже.

В восприятии Древней Руси Хомяковым мы находим гораздо больше реализма, чем у его соратника по славянофильскому кружку. Хомяков считал, что в ее общественной жизни еще до Петровских реформ существовало глубокое внутреннее противоречие. По мнению славянофильского мыслителя, с самого начала истории Руси в ней шла беспрерывная борьба двух стремлений: стремления к государственному единству, чьим выразителем был князь, княжеская дружина и духовенство, и стремления к обособлению, выражаемое «областной земщиной», опирающейся на общину. Считая стремление к государственному единству более высоким по своему существу, Хомяков тем не менее питал явную симпатию к земскому началу, ибо дружина — главная сила, стремящаяся к единству страны, была оторвана от земской жизни и в значительной степени складывалась из инородных элементов.

После долгой и кровавой борьбы идея государственного единства восторжествовала, но внутреннее противоречие между дружиной и земщиной продолжало существовать уже в едином государстве. Хотя это противоречие не было, по мнению Хомякова, столь глубоким, как антагонизм завоевателей и завоеванных на Западе, славянофильский мыслитель признавал, что единство Древней Руси было единством насильственным. Противоречие между двумя слоями общества усугублялось еще и тем, что влияние, оказываемое на них православием, было различно. В дружине оно развивало личные добродетели, в земщине — общежительные. Но ни земщиной, ни дружиной, по мнению Хомякова, православие не было понято по-настоящему.

Земщина первоначально приняла более его обрядовую, чем внутреннюю сущность. Дружина же находилась под влиянием Византии и для нее, по словам Хомякова, «...оставались доступными почти исключительно только те стороны всеобъемлющего просветительного начала, которые уже получили и проявление, и сознание в просветившей нас Византии».

Таким образом, делал вывод славянофильский мыслитель, «вследствие внутреннего разъединения общественного и отсутствия истинного познания о вере в большинстве народа, разум не мог уяснить, и Древняя Русь не могла осуществить своего высокого призвания и дать видимый образ мысли и чувству, положенным в основу ее духовной жизни», т.е. достичь социального идеала, предназначенного ей абсолютом.

Надежд на это Хомяков, однако, не терял и возлагал свои упования на развитие православием общежительных добродетелей в общине. Это развитие он считал «...прекрасной и новой стороной проявления жизни христианской в человечестве». Хомяков смотрел на общину как на маленькую и несовершенную модель соборного общества и достижение социального идеала связывал с усилением общинного начала в жизни страны.

«Ретроспективная утопия» И.В. Киреевского

Исторические воззрения Ивана Васильевича Киреевского (1806–1856) существенно отличались от аналогичных построений Хомякова. Киреевский не стремился к осмыслению процесса исторического развития во всемирном масштабе. Его видение русской истории вполне укладывалось в рамки проблемы «Россия — Запад», которая интересовала его больше всего и являлась стержневой в его наиболее значимых работах. По мнению Киреевского, в основе западной цивилизации лежали три фактора: античная традиция, «мир древних варваров», разрушивших Римскую империю, и христианство. В жизнь России античное наследие вошло через по-

средство Византии, следствием чего и явились специфические особенности русской цивилизации.

Понимая процесс исторического развития через призму немецкой классической философии и в первую очередь шеллингианства, и Хомяков, и Киреевский в своих работах стремились к выявлению и обоснованию наличия «начала» русского народа. Киреевский, однако, определял его иначе, нежели его соратник по славянофильскому кружку. По мнению Киреевского, «начало» народа было явлением относящимся исключительно к его духовной сфере. Хомяков в оценке исторического развития русского народа исходил из идеи дуализма его субстанциальных начал: «начала народной жизни» (социальная традиция) и «начала духовной жизни» (духовная традиция), представленные, соответственно, общиной и православной церковью. Киреевский в отличие от Хомякова, практически не учитывал влияние социальных факторов на процесс исторического развития России, рассматривая их лишь в качестве производных развития русского просвещения, широко понимаемого им, как всей духовной сферы жизни народа. Особенности социальной организации России Киреевский считал следствием влияния православия. «...Только возникая из веры, и ей подчиняясь, и ею одушевляясь, может государство развиваться стройно и сильно...», — отмечал он в одном из своих писем А.И. Кошелеву.

Первое, что бросается в глаза при внимательном рассмотрении историко-социологических построений Киреевского, — это отсутствие у него четко сформулированного социального идеала, рассчитанного на реализацию в будущем. Его концепция носит ретроспективно-утопический характер. Хомяков своим идеалом видел общество, в котором социальные связи были бы всецело подчинены нравственным, христианским. Это должно было быть общество социального равенства. Собор, огромная община, в основе которой лежало множество маленьких общин. Мыслитель считал, что достижение этой социально-христианской идиллии возможно лишь в далеком будущем. Киреевский же, наоборот, помещал ее в прошлом. По его мнению, христианское общество, в коем социальные связи были подчинены нравственным, уже существовало в Древней Руси. «Что касается до моего личного мнения, — пишет он в своей статье «О характере просвещения Европы...», — то я думаю, что особенность России заключалась в самой полноте и чистоте того выражения, которое Христианское учение получило в ней, во всем объеме ее общественного и частного быта».

Древнерусское общество виделось Киреевскому солидарной социальной общностью, согласием, лишенным внутренних противоречий. Что же, по его мнению, лежало в основе этого согласия? Он выделял два фактора: церковь и бытовое предание. При этом первому из них придавалось гораздо большее значение, нежели второму. Киреевский считал «русский быт», результатом христианского влияния, а общину рассматривал лишь как пассивный объект этого влияния, что вполне соответствовало его отношению к «просвещению» как единственному фактору, определяющему жизнь народа. Киреевский конечно знал, что крестьянский мир, малая община существовали на Руси задолго до введения христианства, но единение малых общин в «огромное согласие» Древней Руси он целиком относил на счет христианского влияния. Даже обычное право, являвшееся юридическим основанием общественного устройства Древней Руси, он считал результатом христианского влияния. «Бесчисленное множество маленьких миров, — отмечает он, — составлявших Россию, было все покрыто сетью церквей, монастырей, жилищ уединенных отшельников, откуда постоянно распространялись повсюду одинаковые понятия об отношениях общественных и частных. Понятия эти мало-помалу должны были переходить в общее убеждение, убеждение в обычай, который заменял закон, устраивая, по всему пространству земель подвластных нашей Церкви, одну мысль, один взгляд, одно стремление, один порядок жизни».

Каким же образом христианство обеспечивало существование непротиворечивого социального организма Древней Руси? По мнению Киреевского, через формирование особого, цельного типа личности. Цельность сознания человека обусловливала его моральность. Моральная личность всегда была готова к жертвам во имя общего интереса. Подобная жертвенность была, по мысли Киреевского, свойственна всем членам древнерусского общества, что собственно и было причиной его крепости. В отличие от Хомякова, конструировавшего перспективный социальный идеал, концепция Киреевского являлась ретроспективной утопией, далекой от реальной действительности.

Хомяков достаточно решительно выступал против крайностей «ретроспективного утопизма» Киреевского, упрекая

последнего в чрезмерной идеализации Древней Руси. Критикуя, в частности, тезис о воплощении в ее общественной жизни христианских начал во всей их «полноте и чистоте» Хомяков отмечал, что «...не было ни одного народа, ни одной земли, ни одного государства в мире, которому такую похвалу можно было бы приписать приблизительно... Нет, и как ни дорога мне родная Русь в ее славе современной и прошедшей, сказать его о ней я не могу и не смею».

Свои надежды на будущее возвращение России на свой самобытный путь Киреевский возлагал не на развитие общинного начала в жизни страны, а на духовное просвещение образованного слоя русского общества.

Теория «Земли и Государства» К.С. Аксакова

Константин Сергеевич Аксаков (1817–1860) был одним из «младших» членов славянофильского кружка. В его историко-социологической концепции оказались причудливо смешаны элементы взглядов старших славянофилов. У Хомякова он заимствовал трепетное отношение к крестьянской общине, у Киреевского — ретроспективный утопизм построений. В результате же К.С. Аксаковым была создана во многом совершенно оригинальная концепция русской истории, ставшая в конце концов своего рода «визитной карточкой» исторических воззрений славянофилов.

Особенности историко-социологической схемы Аксакова явственно выступают в сравнении со взглядами Хомякова. Алексей Степанович воспринимал историческое развитие России как процесс постепенного проявления «начала» народной жизни, заключающегося в сельской общине. Процесс проявления «народного начала» славянофильский мыслитель напрямую связывал с влиянием православия. В концепции Хомякова исторический процесс рассматривается как результат взаимодействия двух факторов: церкви как воплощения духовного начала и общины как воплощения начала народного. Содержание духовного и народного начал были одинаковы, но они различались по сферам и степени проявления. Церковь выступала одновременно как факт духовной жизни русского народа и как идеал, к воплощению которого в своей общественной жизни он стремится.

Аксаков в своих построениях не учитывал фактор церковного влияния. Если Хомяков рассматривал процесс исторического развития в двух плоскостях: духовной и социальной, «народной», то его единомышленник ограничивал свои построения только социальной сферой. Смешение Аксаковым в своей концепции социального и духовного (чего никогда не допускал Хомяков) обусловливало идеализацию им процесса исторического развития России. Христианская сущность русского народа проявлялась, по мнению славянофильского мыслителя, в особенностях его социальной организации. Отсюда идеализация традиционных социальных институтов допетровской Руси. В мировоззрении К.С. Аксакова община подменяет собой церковь.

Несмотря на свою «вторичность», концепция Аксакова имела достаточно большое влияние на развитие славянофильства. Он сумел взглянуть на проблематику, традиционно интересовавшую членов «московского направления», несколько под иным углом зрения, нежели его старшие единомышленники. Антитезу Россия — Запад, являющуюся стержневой в учении славянофилов, Аксаков поместил в плоскость общественных отношений. Конечно, приоритет и здесь принадлежал Хомякову и Киреевскому, гораздо раньше него заговорившим об «условности» западного общества. Однако Аксакову принадлежит заслуга оформления этих разрозненных высказываний в целостную концепцию. Каково же было ее содержание?

Аксаков противопоставлял друг другу внутреннюю правду — совесть, нравственное чувство человека и внешнюю правду — закон, юридическую норму. По мнению славянофильского мыслителя, именно совесть, нравственность являются основой общественных связей. Именно они — сила, обусловливающая само существование социума. Но он же отмечает, что этот идеал в реальной жизни не достижим и можно лишь стремиться к нему, бесконечно совершенствуя при этом общественные отношения. Для того чтобы сохранить единство, общество вынужденно прибегает к другой силе — к силе «внешнего закона». «Закон, — пишет Аксаков, — не требует искренности, не требует, чтобы поступок человека был согласен с его совестью; он требует, чтобы поступок был таков, а не другой, — и только; до внутренней правды, до души закону нет дела... Его цель — устроить такой совершенный порядок вещей, чтоб душа оказалась не нужна человеку, чтоб и без нее люди поступали нравственно и были бы прекрасные люди, дело бы делалось как следует, и общество бы благоденствовало. Внешняя правда требует внешней нравственности и употребляет внешние средства. ... Внешний закон, внешняя прав-

да в обширном и вместе определенном смысле, есть государственное устройство, государство одним словом».

Противопоставление Аксаковым «внутренней» и «внешней» правды приводит его к противопоставлению государственного устройства и общины, основанной на нравственных связях. Важно иметь в виду, что противопоставление «внутренней» и «внешней» правды носит абстрактный характер. «Внутренняя» и «внешняя» правда имеют значение «принципов», «начал» общественного устройства. Аксаков нигде не говорит об их проявлении в «чистом виде». При анализе сущности конкретных социальных явлений он говорит лишь о возможности преобладания в них того или иного из этих «начал», о пути «внутренней», и о пути «внешней» правды. Второй путь выглядит более удобным и простым — «...внутренний строй переносится вовне, и духовная свобода понимается только как устройство, порядок (наряд); основы, начала жизни понимаются как правила и предписания. Все формулируется». Вместе с тем он имеет «неисчислимые невыгоды», и главная из них состоит в том, что внешний, принудительный закон избавляет человека от необходимости внутренней нравственной деятельности. Перу Аксакова принадлежит замечательный афоризм, выражающий эту его мысль в концентрированной форме: «Цель Государства — сделать ненужною совесть». Именно по пути «внешней» правды, по пути государства двинулось «западное человечество». Издержки его не замедлили сказаться. Стремление к идеалу порядка, внешней стройности способствовали оскудению нравственного начала в западном человеке. «...Вера в Государство, во внешнюю правду, — отмечает Аксаков, — сильна повсюду на Западе, и повсюду там обеднел человек внутренний, человек свободный, человек собственно».

Совершенно иные начала лежали в основе исторического развития России. Русский народ, по мнению Аксакова, выбрал путь «внутренней» правды. Вот почему его социальная организация коренным образом отличалась от западноевропейской. «Под влиянием веры в нравственный подвиг, — отмечает славянофильский мыслитель, — возведенный на степень исторической задачи целого общества, образуется своеобразный быт, мирный и кроткий характер; и, конечно, если можем найти у кого-нибудь такой нравственный строй жизни (хотя бы и с набегающими диссонансами), то это у племен бытовых, по преимуществу у племен Славянских». Древнерусское общество было основано на более высоких нравственных началах, нежели общества европейские, и, следовательно, с точки зрения Аксакова, находилось на более высоком уровне общественного развития. Такое общественное устройство он называл «Землей».

Однако его «христианский анархизм» абсолютно не вязался с реальными фактами истории, свидетельствовавшими о большом значении, которое традиционно играло государство в России. И вот Аксаков выдвигает концепцию «союза Земли и государства в допетровской Руси». Путь «внутренней» правды, отмечал он, для русской «Земли» был труден. «Первая и главная помеха — бранные, неугомонные соседи, которые налетали на славянские земли и покоряли их, возмущая весь их быт... Земля, чтобы спасти себя, свою земскую жизнь, решается призвать на защиту Государство. Но надо заметить, Славяне не образуют из себя Государство, они призывают его; они не из себя избирают князя, а ищут его за морем; таким образом, они не смешивают Земли с Государством, прибегая к последнему как к необходимости для сохранения первой. Государство, политическое устройство — не сделалось целью их стремления, — ибо они отделяли себя, или Земскую жизнь, от Государства и для сохранения первой призвали последнее... Призвание было добровольное. Земля и Государство не смешались, а раздельно стали в союз друг с другом. В призвании добровольном означились уже отношения земли и государства — взаимная доверенность с обеих сторон. Не брань, не вражда, как это было у других народов, вследствие завоевания, а мир, вследствие добровольного призвания». Таким образом, в основании всей русской истории, по мнению Аксакова лежали две силы: «Земля» и «Государство». Эти силы находились в дружественных, союзных отношениях. «Государство» охраняло «Землю» от внешних врагов, «Земля» же признавала «Государство» и, не смешиваясь с ним, жила своей жизнью, в основе которой лежала «внутренняя» правда.

Необходимо отметить, что, несмотря на признание Аксаковым значительной роли государства в истории России, его оценки этого института оставались весьма и весьма сдержанными. Признавая государство в допетровской России как объективный исторический факт, он субъективно явно с трудом примирял с ним свои утопические построения. Он, например, отмечал: «Призывая государство как необходимое зло, смотря на него лишь как на постороннее средство, а не цель, не идеал своего

народного бытия, славяне (в России) не обратили сами себя в государство, не из себя выстроили его устройство, а призвали государство из-за моря, со стороны, из чужбины, как явление чуждое». В статье «Несколько слов о русской истории, возбужденных историей г. Соловьева», также читаем: «Государство создано было славянами как необходимая крайность — и они признали его, не смешивая его с общиною...» Это признание государства «необходимым злом», «необходимой крайностью» весьма наглядно характеризует его восприятие Аксаковым в контексте русской истории и лишний раз оттеняет систему приоритетов его историко-социологической концепции.

Антитеза «внутренней» и «внешней» правды, как «пути России» и «пути Запада» в общественной жизни, появилась также в контексте «отталкивания» мыслителя от гегельянства. Сама идея о том, что Запад избрал в своем развитии путь «Государства», что на Западе государство — «принцип», цель, безусловно, является результатом влияния на Аксакова гегелевского понимания исторического процесса как процесса развития государственных форм. Естественно, что в качестве сугубо рационального, лишенного нравственного основания института (а именно так понимал его Гегель), государство воспринималось им, как безусловное зло. Общество, основанное на «внутренней» правде, Аксаков мыслил именно в качестве противовеса этому злу.

Естественным образом возникает вопрос: на что опирался в своих построениях Аксаков? Лежали ли в основе его концепции какие-либо факты, или она являлась лишь плодом его воображения? Безусловно, доктрина Аксакова строилась не на пустом месте. Она опиралась и на осмысление социальных реалий России XIX в., и на исторические изыскания славянофильского мыслителя. Аксаков первым из славянофилов взглянул на социальную организацию Древней Руси с позиций историка-исследователя. И Киреевский, и Хомяков раньше него обратили внимание на общину как на традиционный социальный институт, игравший большую роль в общественной жизни Древней Руси, но именно Аксаков подтвердил своими историческими изысканиями правомерность оценок своих старших единомышленников. Поводом для их обнародования послужила полемика славянофилов с С.М. Соловьевым по вопросу о «родовом быте» Древней Руси. В своей работе «О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности», опубликованной в «Московском сборнике» (1852), и последующих статьях Аксаков, опираясь на целый ряд исторических источников, убедительно опроверг «родовую теорию» Соловьева. «Мы привели достаточно примеров, — писал он в своем исследовании «О древнем быте у славян...», — доказывающих, что в Древней Руси было общественное, именно общинное устройство — общинный быт. Здесь нет и места родовому быту». «Из исследований наших выводим заключение — русская земля есть изначально наименее патриархальная, наиболее семейная и наиболее общественная (именно общинная) земля». Исторические исследования Аксакова таким образом ясно показывают ту огромную роль, которую в Древней Руси играло общинно-вечевое устройство, и тем самым доказывают правомерность рассмотрения проблемы «земли», как одной из важнейших составляющих русского исторического процесса.

Необходимо отметить, что исторические изыскания Аксакова получили высокую оценку многих видных представителей русской интеллигенции середины XIX в. Даже некоторые западники, несмотря на свои «партийные» пристрастия, положительно отозвались о его статье «О древнем быте у славян...». Т.Н. Грановский, например, признавал ее «чрезвычайно дельною» и говорил, что в ее свете «...ошибки Соловьева и Кавелина очевидны». И.С. Тургенев, прочитав вышеупомянутую статью Аксакова, писал ему 16 января 1853 г.: «Насколько я могу судить в этих вещах, согласен с вами на счет родового быта. Мне всегда казался этот родовой быт — так как его представляет Соловьев и Кавелин, — чем-то искусственным, систематическим, чем-то напоминавшим мне наши давно прошедшие гимнастические упражнения на поприще философии... Я русскую историю знаю, как только может знать ее человек, не изучавший источников; суждение мое о ней вытекает более из сочувствия к тому, что теперь делается в русской жизни; стоит хорошенько присмотреться к современному распорядку деревенскому, чтобы понять невозможность Соловьевского родового быта».

Правомерность выводов Аксакова признали во второй половине XIX в. и многие русские ученые-историки, среди них Костомаров, Беляев, Щапов и ряд других. В настоящее время точка зрения славянофильского идеолога на роль общины и вече в Древней Руси принята исторической наукой. Современные исследователи раннего периода русской истории вполне определенно утверждают, что в основе социальной организа-

ции славянских племен лежала территориальная община, значительно отличавшаяся, в первую очередь осутствием иерархии, от кровнородственной (патриархальной) общины, господствовавшей в то время на Западе Европы. Городское и сельское общинно-вечевое самоуправление имело большое значение и в эпоху Киевской Руси. Его не смогло уничтожить и татаро-монгольское иго. Оно время от времени выступает как значимый политический фактор и в период «Московской Руси». Таким образом, данные современной исторической науки вполне подтверждают многие выводы, сделанные Аксаковым.

Историко-социологическая концепция Ю.Ф. Самарина

Ю.Ф. Самарин (1819–1876), так же как и Аксаков, принадлежал к числу «младших» славянофилов. Тем не менее его авторитет в философских и исторических вопросах признавался всеми, в том числе и «старшими» членами кружка. Исторические взгляды Самарина, развивавшиеся в целом в русле славянофильских построений, носили на себе печать оригинальности и самобытности.

Историю Западной Европы славянофильский мыслитель рассматривает через призму гегелевской диалектики, как непрерывную борьбу субстанциальных «начал» двух племен: римского и германского. Эти национальные «начала», сначала выражавшиеся непосредственно в их жизни, затем пройдя через сознание, наконец возвысились до общих начал, принципов. Таким образом, существовавшая первоначально борьба наций сменилась борьбой принципов. Идеей германского племени изначально была идея личности. Римская субстанция, по мнению Самарина, выразилась в начале отвлеченно-общего. Средневековая Европа возникла как результат наложения субстанции германского племени на римскую «почву». Первоначально именно влияние римского наследия определяло развитие европейской жизни. Его влияние, по мысли Самарина, сказалось прежде всего на западном христианстве, принявшем форму католичества, т.е. жесткой иерархической структуры, объединенной внешней связью папского авторитета. Римская и германская субстанции, механически наложившись друг на друга, так и не смогли составить органического единства. Вечные противоречия породили борьбу «начал». «Они беспрестанно притягивались и беспрестанно сталкивались, — отмечает Самарин. — Тайна органической жизни, полноты и примирения элемента общего и элемента личного, единства во множестве и множества в единстве была им недоступна, была над ними». В Средние века господствовало римское начало. Однако в новейшую эпоху все более активно начал проявлять себя германский элемент. Всю Новейшую историю Запада Самарин определял как «реакцию начала личности против начала отвлеченно-общего». «Отрицание объективной религии и объективного государства, реформация и французская революция, вот две великие катастрофы, к которым примыкают все явления новейшей истории», — писал он.

Между тем Европа, по мысли Самарина, стремится к органическому синтезу своих основных начал. Данный тезис вполне естественно вытекал из гегельянства, служившего его методологическим основанием. Как известно, основой панлогической системы Гегеля являлась диалектическая цепочка: тезис, антитезис, синтез. Любое явление при таком подходе представлялось в виде противоречия, стремящегося к внутреннему примирению, синтезу. Говоря о борьбе германского и римского начал в истории Европы и о стремлении к их примирению, Самарин строго следовал логике гегелевской системы. О том, что Европа стремится к синтезу, к примирению своих начал, свидетельствовало появление социалистических учений, конечной целью которых было снятие противоречия между общим и индивидуальным интересами. Самарин весьма скептически относился к этим учениям, отмечая, что в пронизанной антагонизмом общественной жизни Запада отсутствуют условия для реализации на практике заложенных в них идей. Воплощение же идеи органического синтеза в общественной жизни Самарин находил в России. По его мнению, идеалом, к которому стремились западные народы, зачастую неясно это осознавая, были православное христианство и крестьянская община.

Христианство, по мысли Самарина, — «религия братства». «Личность разъединяет людей, общее совокупляет, — писал он. — Потому в церкви и перед церковью все равны. Равенство, на языке церкви, братство, должно быть отношением членов церкви между собою. Понятая таким образом, церковь является живым, органическим целым». Славянофильский идеолог выражает убеждение в том, что христианские принципы будут со временем воплощены в социальной сфере. «До сих пор, — отмечал он, — влияние христианства ограничивается непосредственным действием на частные лица и социальное влияние христианства впереди. Мы еще не видим общества, осно-

ванного на христианских началах. Между тем оно возможно и необходимо. Его требует современность.

Стоит понять, что все то, что проповедует Христианская религия как нравственные обязанности, общество может перевести в права. Она проповедует богатому уделять от своего имущества бедному, притом не ради случайного, личного расположения к бедному, потому что такого расположения могло бы и не быть, а имени Божьего ради; следовательно, потому что так быть должно; но то что составляет обязанности богатого есть право бедного. Всякий человек должен иметь собственность. Это его право. Следовательно, собственность должна быть общей. И много других вопросов социальных разрешается тем же образом».

Основой нового общества, построенного на юридическом воплощении в жизни христианских начал, должна была стать, по мнению Самарина, русская сельская община. «В быту общинном, — писал он, — развитом на идее любви, равенства и братства, частные лица совокупляются в целое вследствие живого сознания их родового человеческого единства».

В социализме и коммунизме — учениях пролетариата — Европа выразила потребность в новой, органической жизни. Потребность осознана, но кто может удовлетворить ее? «Какое племя удостоится осуществить грядущее, кому выпадет завидный жребий ввести человечество в давно обетованную землю? Запад не знает России и имеет право не знать ее. Но мы, воспитанные Западом, мы, так дорого заплатившие за наше приобщение к его образованности, мы знаем Запад, мы признаем его прошедшее и вместе с тем мы чувствуем в нашей России полноту нетронутых свежих сил... Мы ждем призыва, мы верим, что будущность огромная, блистательная нам суждена, и никто в свете не отнимет у нас этой веры».

Россия как воплощение славянского племени даст ответ на осознанную Западом потребность, на поставленную проблему. Сама субстанция нового племени есть ответ на вопрос, поставленный старыми племенами Европы. «Сохрани нас Бог, — подчеркивал Самарин, — пророчить ему (западному миру) разложение и смерть. Нет, новое откровение будет для всех... Конечно, это только вера. Но всякая деятельность, всякий труд в настоящем уславливается только мыслью о будущем, а будущее доступно одной вере».

Период определенных иллюзий в отношении западного социализма продолжался у Самарина недолго. Конец ему был

положен европейскими революциями 1848–1849 гг. Социальный взрыв, к которому славянофилы отнеслись однозначно негативно, был в значительной мере спровоцирован организациями социалистического толка. Эта «революционная агрессивность» западных социалистов подействовала отталкивающе и на Самарина. С этого времени меняется его оценка социалистических учений. Уже в своем письме А.С. Хомякову, отправленном в августе 1849 г., он отмечал: «...Между гегелевской философией и коммунизмом Франции существует самая тесная, самая законная связь, но доселе не определенная. Немцы, признававшие ее, видели в коммунизме вывод самой философии, ее требование, тогда как он есть вывод жизни, требование человеческой природы, перевоспитанной или, может, изуродованной Гегелем. Все разумное — действительно; разумным же признается не то бытие, в котором человек убеждается внутренним или внешним инстинктом или в котором разум не находит противоречия, а только то признается разумным, что самою мыслью выведено из нее самой, что ею создано. Итак, знание мысли о себе самой есть верховное проявление истины, упраздняющее все предшествовавшее». Как видим, на оценку Самариным социализма оказал влияние и его критицизм в отношении к гегелевской философии, который все более и более возрастал на протяжении второй половины 40-х гг. XIX в. И тем не менее, несмотря на изменение отношения Самарина к Гегелю и к социализму, его социальной доктрине, в основе которой лежала мысль о том, что вопросы, поставленные на Западе, будут решены в России, продолжала сохраняться.

Подводя итог рассмотрению историко-социологических воззрений Самарина необходимо отметить следующее. Его взгляды складывались под непосредственным влиянием идей западноевропейского утопического социализма. Для Самарина было характерно их критическое осмысление, которое приводило его к выводу о наличии в России предпосылок для решения в будущем социального вопроса, поставленного Западом и об отсутствии таковых предпосылок в жизни самого Запада. Свои надежды мыслитель возлагал на православие и крестьянскую общину. В отличие от Аксакова, видевшего в крестьянской общине идеал общественного устройства, Самарин скорее склонялся к точке зрения Хомякова, считавшего «мир» лишь носителем идеальных «начал», но никак не результатом их проявления.

Сравнивая взгляды Аксакова и Самарина с построениями «старших» членов славянофильского кружка 40–50-х гг. XIX в., невозможно не отметить ряд существенных различий между ними. «Младшие» соратники Хомякова и Киреевского уделяли большее внимание собственно социальной проблематике, нежели их наставники. Это внимание и интерес явственно прослеживаются в их теоретических разработках и в сугубо конкретных предложениях, которые делались ими в период подготовки крестьянской реформы в России. Явно бо́льшее влияние на воззрения Аксакова и Самарина оказали западноевропейские социальные учения. Характеристика их как социальных мыслителей славянофильства, закрепившаяся в историографии, в целом представляется правильной. При этом, необходимо отметить, что историко-социологические построения Аксакова и Самарина опирались на «фундамент», заложенный Хомяковым и Киреевским. Подход к процессу исторического развития с позиций этики и вытекающее из него признание примата социального целого, неприятие индивидуализма и эгоизма, — все эти положения, лежащие в основе социальной философии славянофильства, были выработаны его «отцами-основателями». Необходимо отметить при этом, что мировоззрение Аксакова и Самарина развивалось в русле построений Хомякова. Во всяком случае, принцип «этического коллективизма» являлся стержневым в их социально-философских построениях.

«Чернорабочие» славянофильства

Славянофилы не только теоретизировали в вопросах истории. Широкие историко-философские построения Хомякова, Аксакова и других ведущих теоретиков славянофильского кружка опирались на обширный фактический материал, кропотливо собранный их единомышленниками по «московскому направлению». Некоторые из них весьма деятельно занимались поиском российских древностей и собиранием фольклорных памятников.

Собрание памятников русского народного творчества Петра Васильевича Киреевского (1808–1856) — собирателя русских народных песен и сказаний до сих пор остается ценнейшим источником по истории культуры и быта русского народа.

Ценнейший «Сборник исторических и статистических сведений о России» выпустил в 1845 г. молодой славянофил Д.А. Валуев (1820–1845). Преждевременная смерть этого талантливого и трудолюбивого человека нанесла сильнейший удар по планам исторических изысканий, намеченным славянофилами.

Самым крупным профессиональным историком в славянофильском кружке был И.Д. Беляев (1810–1873). Вместе с К.С. Аксаковым он принял участие в споре о сельской общине со сторонниками «теории родового быта» и помог отстоять точку зрения славянофилов в этом вопросе. И.Д. Беляев был автором первой в российской историографии книги по истории крестьянства. В 1860 г. он опубликовал капитальный труд «Крестьяне на Руси». Историк отмечал, что еще в XVI в. крестьяне были свободными людьми, полноправными членами русского общества. Государство прикрепило крестьян к земле, стремясь изыскать дополнительные материальные средства. Это решение Беляев считал неудачным. В XVII в. крестьяне еще сохраняли некоторые личные права и права собственности. Правда, уже в это время землевладельцы начинают продавать крестьян без земли и переводить их в дворовые, и в результате крестьяне оказались недалеки «от того, чтобы сравняться с рабами». Но целиком порабощение крестьян, слияние их с холопами осуществил Петр I. Положив холопов в подушный оклад, Петр, по мнению Беляева, хотел поднять их до уровня крестьян. На деле же крестьяне опустились до уровня холопов. Историк с осуждением относился к крепостному праву и был решительным сторонником его отмены.

Подводя итоги рассмотрению исторических концепций славянофилов, необходмо отметить значительные расхождения взглядов внутри кружка. Вместе с тем основные положения славянофильской доктрины: скептическое отношение к историческим перспективам европейской цивилизации, неприятие индивидуализма и культа стяжательства, вера в великую будущность русского народа и приверженность православию как единственно истинному направлению христианства — разделялись всеми представителями «московского направления».

Влияние славянофильства на русскую историографию было значительным и разносторонним. Их идеи органично вписались в концепции целого ряда крупных дореволюционных ученых, таких, как А.П. Щапов, К.Н. Бестужев-Рюмин, В.Н. Лешков и др. Более того, отголоски славянофильских идей мы можем обнаружить и в работах современных отечественных историков. Вот почему обзор российской историографической традиции будет неполон без учета особенностей исторических концепций славянофилов.

Литература

Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика. М., 1995.

Бенедиктов Н.А., Пушкин С.М., Шапошников Л.Е., Шаталин Е.Н. Философия истории в России. XIX век. Нижний Новгород, 1994.

Благова Т.И. Родоначальники славянофильства: Алексей Хомяков и Иван Киреевский. М., 1995.

Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1998.

Назарова Т.А. Общественно-политические взгляды Ю.Ф. Самарина. М., 1998.

Самарин Ю.Ф. Избр. произв. М., 1996.

Хомяков А.С. Соч. М., 1994. Т. 1–2.

Цимбаев Н.И. Славянофильство. М., 1986.

Глава 12 ГОСУДАРСТВЕННАЯ ШКОЛА В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ. К.Д. КАВЕЛИН. Б.Н. ЧИЧЕРИН

Особенности государственной школы

В «Очерках гоголевского периода русской литературы» Н.Г. Чернышевский характеризовал середину 40-х гг. XIX в. как время, когда «мы встречаем строго ученый взгляд новой исторической школы, главными представителями которой были гг. Соловьев и Кавелин: тут в первый раз нам объясняется смысл событий и развитие нашей государственной жизни».

В 1844 г. К.Д. Кавелин защитил диссертацию «Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства в период от Уложения до Учреждения в губерниях». В 1846 г. С.М. Соловьев сформулировал основные положения своей концепции истории России в докторской диссертации «История отношений между князьями Рюрикова дома», а в 1851 г. вышел первый том его «Истории России с древнейших времен». В 1853 г. завершил работу над диссертацией «Областные учреждения в России в XVII веке» Б.Н. Чичерин. Именно с этими именами связывают новое направление в нашей исторической науке, за которым утвердилось название «государственная школа».

При всех особенностях восприятия и осмысления каждым из них исторического процесса их объединяла система взглядов на отечественную историю. Они проявляли интерес к философии истории Гегеля, его диалектическому методу, их привлекали в той или иной степени идеи позитивизма. В трудах ученых получила обоснование необходимость теоретического осмысления прошлого, и они сделали попытку соединить историческую теорию с конкретно-историческим материалом,

сформулировали концепцию исторического развития российской государственности, ее институтов и правовых норм. Государство рассматривалось ими как субъект и двигатель исторического прогресса. Признание ведущей роли государства нашло отражение в теории «закрепощения и раскрепощения сословий», характеристике государства как органа внесословного и внеклассового. Гражданская история стала основным предметом русской историографии. Ученые государственной школы рассматривали историю как науку самопознания. Они были солидарны в утверждении способности русского народа к развитию и принадлежности его «к семье народов европейских». Русский исторический процесс при всех его особенностях — исторических, физических и нравственных — следовал общим с Западной Европой законам и «началам жизни».

И Кавелин, и Чичерин, и Соловьев критически относились к николаевскому режиму, признавали необходимость реформ и были единодушны в методах их проведения.

Индивидуальность каждого ученого проявлялась как в восприятии и трансформации идей эпохи, использовании тех или иных методов исследования, так и в определении содержания и хронологических рамок отдельных периодов русской истории, отношении к отдельным событиям и явлениям.

Кавелин пытался представить историю России как «живое целое», проникнутое одним духом, одними началами. Заслуга Соловьева в использовании богатейшего фактического материала и создании цельной, органической концепции русской истории, истории формирования и развития государства. Чичерин посвятил свое научное творчество изучению правовых норм и юридических учреждений.

Ко второму поколению представителей государственной школы современная историография относит В.И. Сергеевича, автора работ о роли земских соборов, удельно-вечевой Руси XIV в. и др. Основные подходы к изучению русской истории Чичерина разделял А.Д. Градовский, известный своими работами в области истории и теории права Древней Руси и европейских стран. Отмечают близость к государственной школе Ф.И. Леонтовича, изучавшего законодательство о крестьянах XV–XVI вв., историков русского государственного права И.Е. Андреевского, А.В. Романовича-Славатинского и др. Главным предметом исследования этих ученых были правовые и юридические институты, законодательство российского государства. Они, в отличие от своих предшественников, практически не касались истории России в целом. Их труды рассматривают в рамках эволюции государственной школы.

Некоторые аспекты концепции истории России, сформулированные учеными государственной школы, получили свое развитие и в трудах многих историков конца XIX — начала XX в. Сегодня наши современники снова обращаются к ним.

К.Д. Кавелин (1818–1885)

Становление историка

В отечественной историографии имя Константина Дмитриевича Кавелина историка-юриста, общественного деятеля, педагога связывают со становлением государственной школы.

Он происходил из старинного, но не богатого дворянского рода. Получил домашнее воспитание. Для подготовки к поступлению в Московский университет к нему был приглашен в качестве учителя В.Г. Белинский, который, как писал Кавелин в своих воспоминаниях, учил плохо, но «благотворно действовал на меня возбуждением умственной деятельности, умственных интересов, уважения и любви к знанию и нравственным принципам». Впоследствии Кавелин был участником кружка Белинского и дружба их не прерывалась до смерти последнего.

Время учения Кавелина в университете (1835–1839 гг.) совпало с активным участием университета в общественной и культурной жизни страны. Он окончил юридический факультет первым кандидатом права. В 1844 г. Кавелин защитил магистерскую диссертацию «Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства в период времени от Уложения до Учреждения о губерниях» и был оставлен в должности адъюнкта на кафедре истории русского законодательства. В 1848 г. он оставил университет из-за конфликта с профессором римского права Н.И. Крыловым.

Почти десять лет Кавелин служил в Министерстве внутренних дел и канцелярии Комитета министров. В 1857 г. он возвратился к преподавательской деятельности в качестве профессора гражданского права в Петербургском университете, но через несколько лет вынужден был уйти в отставку вместе с другими профессорами в связи со студенческими волнениями. Позднее он некоторое время преподавал в Новороссийском университете (Одесса), в Военно-юридической академии.

Кавелин — ученик профессора философии П.Г. Редькина, Н.И. Крылова, историка М.П. Погодина, друг А.И. Герцена и Т.Н. Грановского, А.С. Хомякова и К.С. Аксакова. Как и многие его современники, он увлекался философией Гегеля, в последние десятилетия своей жизни отдавал предпочтение научному позитивному знанию. Он оказался в центре споров славянофилов и западников о путях развития России. Себя Кавелин определял как сторонника европеизации России, отстаивал необходимость ее реформирования, стал одним из лидеров русского либерализма. Убежденный в необходимости сильной самодержавной власти, он тем не менее поддерживал борьбу с деспотизмом николаевской эпохи, требование отмены крепостного права. Он много работал над проектами крестьянской реформы и перестройки государственных учреждений. Кавелин глубоко верил в высокую нравственность русского народа и величие его судьбы.

Теория исторического процесса

В статьях о русской истории «Взгляд на юридический быт древней России», «Краткий взгляд на русскую историю», «Мысли и заметки о русской истории» и др. Кавелин неоднократно обращался к историческому знанию предшествующих эпох. Он выделял несколько этапов в развитии этого знания, определяемых формою «народного самосознания». Первоначально история привлекала как «любопытная сказка о старине», затем история стала «поучением» и «справкой», превратилась в «архив старых политических и государственных дел». Наконец, наступает время «глубоких раздумий». Но, приходил к выводу Кавелин, до сих пор «наше народное самосознание еще не установилось». Взгляд на русскую историю, оценки исторических событий оказываются «детским лепетом незрелой и нетвердой мысли». Время диктует необходимость понять «смысл и значение нашего исторического существования», сделать историческую науку «источником и зеркалом народного самосознания».

Решить эту задачу Кавелин считает возможным лишь при условии выработки теории, которая бы представила историю как «живое целое», как развивающийся организм, проникнутый «одним духом, одним началом». Теоретическое осмысление прошлого, неоднократно обращал внимание ученый, должно основываться на анализе источников. Они создают фундамент исследования и позволяют подойти к изучаемому предмету не абстрактно, а исторически. Однако даже изучение всех исторических фактов в их хронологической последовательности ничего не прибавит к имеющемуся знанию. Основываясь на фактах, историческая наука должна выступить в форме теории.

Работы Кавелина, как правило, имеют теоретический характер, но, вспоминал слушавший его лекции Б.Н. Чичерин, в основание своего курса он «полагал изучение источников, не внося в них никакой предвзятой мысли. Он брал факты, как они представлялись его живому и впечатлительному уму, и излагал их в непрерывной последовательности... не ограничиваясь общими очерками, а постепенно следя за памятниками, указывая на них и уча студентов ими пользоваться».

История для Кавелина — это открытие «народного духа», характера и наклонностей, достоинств и недостатков человека, представление его в определенном бытии. В этом высшем значении история воспитывает, развивает и укрепляет «народный дух», оказывает нравственное действие, является не только повестью о прошлом, но и дает понимание настоящего, предвидение будущего.

Основные положения своей теории исторического процесса Кавелин определил в следующих положениях: целостность и единство исторического процесса, постепенное изменение вследствии внутренних причин, взаимосвязь всех явлений и процессов. На основе этого он попытался создать теорию истории общества и русского народа, проникнутую одним духом, одними началами. Явления истории понимались как различные выражения этих начал, «необходимо связанных между собой, необходимо вытекающих одно из другого».

Содержание исторической жизни народов имеет два основных элемента — формирование общественного организма и развитие личности. Развитие их имеет определенные черты и направление, заложенные в них от рождения. Они изменяются, но не сразу, а постепенно под влиянием внутренних и внешних обстоятельств и случайностей. Следовательно, делал вывод Кавелин, ключ к пониманию русской истории «в нас самих, в нашем внутреннем быте», в начальных формах образования.

История России, писал он, являет с половины IX до XVIII в. изменение форм государственного быта, суть которых в постепенном упадке родственных отношений и развитии государственных, а также развитии личности. Особое значение он придает становлению государственных отношений

как основы всей жизни русского народа. «Вся русская история, как древняя, так и новая, есть по преимуществу государственная, политическая, в особенном, нам одним свойственном значении этого слова». В государстве сосредоточились все силы и соки народной жизни.

Показу развития российской государственности, ее юридического и гражданского быта России подчинено все творчество Кавелина.

Становление государства в России

Основы государственности — сформулировал он свое основное положение в статье «Взгляд на юридический быт древней Руси» — лежат в первоначальном быту и обстоятельствах, в которых он развивался, т.е. в кровном, родственном быте «русских славян». В этом быту лежали и зачатки его будущего разложения. Увеличение количества семей, усиление их самостоятельности, сосредоточение на собственных интересах ослабляли родовые отношения, власть старшего в роде, вели к междоусобиям. Призванные для прекращения раздоров варяги не нарушили в целом ход русской истории. Их попытки, длившиеся около двух веков, внедрить гражданские начала не увенчались успехами. Ярослав — «князь чисто русский», как называл его Кавелин, первый задумал основать государственный быт Руси и утвердить политическое единство на родовом начале. Оно вступает в противоречие с семейными интересами. Последние торжествуют, и князь превращается в вотчинника. Русь распадается на несколько независимых территорий. Наступает период уделов.

Московское княжество, продолжал Кавелин, — переходная эпоха в русской политической жизни. Оно являлось важным шагом в развитии внутреннего быта. Московские князья начали упрочивать свою власть как великих князей, поставили себя выше семьи, отказались от кровного союза во имя идеи государства. Удельная система была разрушена, появилось понятие государства, начала формироваться новая политическая система, законодательство, судопроизводство, появилось понятие государственной службы.

Представляя эволюцию вотчинных отношений в государственные, Кавелин первостепенное внимание обращает на внутренние процессы — постепенное, естественное распадение родовых отношений, вступление «на сцену действия» личности. «Смешно утверждать», писал он, что Московское государство было создано татарами. Стремление к объединению

появилось гораздо раньше и проявлялось постоянно под различными формами. Однако татаро-монголы выдвинули на первый план в своих отношениях с русскими князьями личные качества последних, а не родственные связи и тем способствовали («не подозревая об этом») разрушению родовых отношений и воссозданию политического единства, проявлению личности. Этим и воспользовались «даровитые, умные, смышленые князья Московские».

Московское государство, по представлениям Кавелина, подготовило почву для новой жизни. Начало ее — правление Ивана IV, окончание — Петр Великий. Он видел сходство в стремлении и направлении их деятельности. Оба, считал Кавелин, осознавали идею государства и были «благороднейшими ее представителями». Естественно, что время и условия наложили отпечаток на их деятельность.

В реформах Ивана IV для Кавелина было главным то, что они укрепляли государство, уничтожая власть областных правителей. Тем же задачам отвечало введение опричнины, создание служилого дворянства, принятие Судебника. На место кровного начала царь поставил в государственном управлении начало «личного достоинства». Таким образом обозначился второй главный элемент общественной жизни — личность. Но Кавелин считал, что реформы «не удались», так как в самом обществе не хватало еще «элементов лучшего порядка вещей». Однако главное, идея государства, уже глубоко проникла в жизнь. Об этом, по мнению ученого, говорили события Смутного времени: «Россия сама встала на свою защиту во имя Веры и Москвы, тогдашнего государственного нашего отечества». Новая династия продолжила на время прерванную борьбу царя с отжившими остатками догосударственной России. Завершила процесс образования государства во всех его проявлениях эпоха Петра I.

Такова теория русской истории, предложенная Кавелиным. Суть ее состояла в смене родовых отношений вотчинными и последних государственными, т.е. переход от естественных природных объединений к сознательному — государству. Процесс перехода есть отражение и претворение в жизнь идеи государства, изначально присущей русским.

Факт образования государства для Кавелина является наиважнейшим моментом русской истории. Это результат, с одной стороны, естественного, закономерного хода развития общества, с другой — воплощения основной идеи исторической

жизни русского народа, проявления его духовной силы. Он неоднократно подчеркивал, что только великорусский элемент, единственный между славянскими племенами сумел основать прочное государство.

Внутренний строй российского общества к XVII в. (вплоть до Петра I) был определен, считал Кавелин, первоначальными отношениями, сложившимися в великорусском племени — дом, двор, состоящий из главы семьи и домочадцев. Появившийся затем княжеский двор повторял прежнюю структуру отношений: князь — глава семьи, члены которой и дружина являются его слугами. То же и в основании политической власти Московского государства. Только пределы больше и развитие выше. Царь — безусловный господин и наследственный владелец земли. Масса народа — его холопы и сироты. Он защитник народа. Это его долг и обязанность. В свою очередь каждый член общества также обязан нести службу в пользу государства. С XVII в. устанавливается всеобщее крепостное право, где отправлять определенную повинность должен был каждый «до смерти и наследственно». Отсюда Кавелин делал вывод о надклассовости государства.

Крепостное право

Таким образом, Кавелин пришел к выводу, что в основе общественного построения лежал древний, великорусский быт, в том числе и крепостное право возникло из домашней власти и развивалось по ее образцу. Оно не было ни строго юридическим, ни экономическим явлением. В народных нравах и убеждениях крепостное право поддерживалось не насилием, а сознанием. Крепостные не считали себя рабами, «ни предметом промышленной эксплуатации, а несовершенными, неразумными, темными людьми, которых надо учить, наставлять». В Древней Руси крепостное право было властью, иногда жесткой и суровой, вследствие грубости тогдашних нравов, но не правом собственности на человека. К XIX в. оно начало выражаться в возмутительной эксплуатации. Людей стали обращать в рабов, и это поставило вопрос о его отмене.

Кавелин не считал закрепощение крестьян единичным актом, он видел в его установлении общую политику. Закрепощались не только крестьяне, а постепенно все группы населения. К земле, ведомству, учреждению были приписаны дворяне, купцы, мастеровые и т.д. Крепостное право, Кавелин неоднократно возвращался к этому вопросу, было основанием всей общественной жизни и прямо, по его мнению, вытекало из внутреннего быта великорусского дома и двора.

С середины XVIII в. началась постепенная отмена крепостных начал и дарование гражданских прав русскому народу. Совершался этот процесс, как и все движение в России, сверху вниз, от высших слоев общества к низшим. Получили гражданские права дворянство, духовенство и купечество, потом разнородные слои среднего общества, затем казенные крестьяне и, наконец, помещики. По мере распространения гражданских прав на все состояния и звания создавалась сословная организация, появилось общинное земское устройство. Таким образом формировался новый общественный быт, совершался переход «от несовершеннолетия к возмужалости».

Самодержавие

Суть политической системы России — это сильная централизованная власть, самодержавие. В основе его лежал тот же патриархальный быт — полная власть родоначальника в своем роде. Андрея Боголюбского Кавелин считал таким же самодержцем, как и Всеволода Большое Гнездо, как московских князей и царей. При Петре Великом царская власть приобрела новое значение, но именно Петр выразил начала старинной власти гораздо резче, определеннее и сознательнее, чем его предшественники (исключая Ивана IV). Петр был не только царь, он был двигателем и орудием преобразования российского общества. Своей личной жизнью он придал самодержавию новый храктер и в этом смысле, определил весь последующий ход нашей истории, внес навеки в наш государственный устав мысль о том, что прежде всего власть «есть труд, подвиг, служба России». Он укрепил царскую власть, поднял ее и придал ей высокое нравственное и «народное значение». В этом Кавелин видел величайшую заслугу Петра.

Личность

Вместе с развитием внутреннего быта и государства Кавелин рассматривал и другой, по его мнению, важнейший элемент жизни народа — личностное начало. «Я беру личность, — писал он, — в самом простом, обиходном смысле, как ясное сознание своего общественного положения и призвания, своих внешних прав и внешних обязанностей, как разумное постановление ближайших практических целей и такое же разумное и настойчивое их преследование». Если быт определяет содержание общественного развития, то «двигает» его личность. Уровень ее развития соответствующим образом сказывается на самом обществе. Он с сожалением констатировал, что русская история началась

с совершенного отсутствия личностного начала. Но, утверждал Кавелин, «если мы народ европейский и способны к развитию, то у нас должно было обнаружиться стремление к индивидуальности, высвободиться из-под давящего его гнета; индивидуальность есть почва всякой свободы и всякого развития, без нее немыслим человеческий быт».

Переход от естественного союза людей к сознательному их образованию делал неизбежным развитие личности. Первое проявление мысли о достоинстве человека и человеческой личности Кавелин связывал с принятием христианства, которое признало нравственное и умственное развитие человека целью жизни всех народов. Следовательно, истоки появления личности на Руси надо относить ко времени крещения. Однако ни родственный быт, ни вотчинные отношения не позволяли личности проявить себя. Первые зачатки ее проявления относятся только ко времени Московского государства. Но быт его, в частности всеобщее закрепощение, делал невозможным какие-либо действия индивидуальности. Поэтому пробуждение личного начала к нравственному и духовному развитию, полагал Кавелин, началось только в начале XVIII в. под влиянием внешних обстоятельств и только в высших слоях.

Петр — «первая свободная великорусская личность со всеми характеристическими чертами: практичность, смелость, широта... и со всеми недостатками». Частная жизнь его, государственная деятельность есть «первая фаза осуществления личности в истории». В его лице она отрешалась от «непосредственно природных, исключительно национальных определений», победила их и подчинила себе. Отсюда и оценка Кавелиным Петровской эпохи в целом и самого преобразователя, который, действуя во всех отношениях в связи с потребностями и возможностями своего времени, поставил развитие начала личной свободы как требование, которое должно быть осуществлено в действительности. Эту задачу русское общество решало в XVIII и первой половине XIX в. Таким образом, Кавелин представляет Петра как великого государя, творца новой России, ее политического могущества и «устроителя внутреннего быта».

Россия и Западная Европа

Уяснив для себя смысл русской истории, Кавелин определил и свой взгляд на отношение России к мировой истории, в его понимании истории Западной Европы. В основе решения вопроса лежит представление ученого о единстве исторического процесса, однако «предполагающее различия в качественной своей основе». Свое воплощение оно находит в единстве цели всех народов, определенной христианством. Цель эта состоит в утверждении достоинства человека и всестороннем его развитии, в первую очередь духовном. Но пути достижения этих целей различны, как разнообразна сама природа и исторические условия жизни народов. Пути определяются конкретными обстоятельствами: их внутренним первоначальным бытом, географическими условиями, культурным влиянием других народов и т.п. Кавелин не ведет речь о сравнении. Оно затруднено и иногда даже невозможно, так как история каждого народа имеет свои качественные характеристики и находится на разных ступенях развития. Сравнение событий и процессов, происходящих в Европе и на Руси, может показать только их «совершенную противоположность». Поэтому Кавелин сосредоточил внимание на качественных характеристиках тех факторов, под влиянием которых происходило развитие русского народа. В первую очередь, как говорилось выше, речь шла о внутреннем быте. Кавелин, подобно другим ученым, указывал на такую особенность россиян, как принятие христианской веры восточного вероисповедания. Православие не только способствовало выработке национального самосознания, но и стало «выражением нашего государственного единства». Вера и церковь на Руси получили характер государственного и политического учреждения.

Другую особенность Кавелин видел в постоянном расселении великороссов, колонизации ими северных земель, начало которой он относил к XI–XII вв. За 700 лет были освоены огромные пространства и создано государство.

Кроме этого, отличительной чертой русской истории было то, что Россия не подверглась влиянию завоевателей. Она также не имела в своем распоряжении наследия культурных, просвещенных народов. «Мы осуждены были жить своим умом», — делал вывод Кавелин.

Однако все это не способствовало быстрому достижению общей цели — развитию личности, выработке норм гражданской жизни. Чрезвычайная замедленность этого процесса являлась особенностью русской истории, и в конечном итоге перед россиянами и народами Западной Европы встали разные задачи. Вторым предстояло развивать личность, а первым — создать. Этот вывод раскрывал содержание положения Кавелина «о совершенной противоположности истории России истории запад-

вития сельской общины», «Еще раз о сельской общине (ответ г. Беляеву)» Чичерин обращал внимание на то, что сельская община «развивалась по тем же началам, по каким развивался и весь общественный и государственный быт России». Поэтому для выяснения состояния страны в современную ему эпоху Чичерин считал необходимым вникнуть в основы гражданского быта, исследовать ее происхождение и коренные начала, т.е. изучить ее исторически. На первоначальном этапе общественного устройства у восточных славян, так же как и у других народов, существовала община патриархальная или родовая. Под влиянием развития гражданского общества родовая община разрушилась. Вторжение владельческих элементов и общая подвижность народонаселения привела к установлению общины владельческой — «союз людей свободно селившихся на землях владельцев и соединенных временно общими к нему обязанностями». Община имела значение чисто финансовое, административное. Она ограничивалась сбором податей и отправлением повинностей в пользу земледельца.

Появление государственных начал в XV в. в корне изменило общину. Был создан «союз людей, связанных общими постоянными обязанностями государству», — община государственная. Устройство ее вытекало из «сословных обязанностей, наложенных на землевладельца... и преимущественно из укрепления их к местам жительства, из разложения податей на душу». Таким образом, заключал Чичерин, современная община — плод государственной деятельности, когда «государственные начала проникают до самых низких слоев общественной жизни». Свой современный вид община получила в конце XVIII в.

Из потребностей государства в России возникло и земское представительство. Оно наложено было действиями сверху, механически, а не выросло органически, как плод внутреннего развития общества. Чичерин одним из первых в отечественной историографии рассмотрел развитие земского представительства в связи с общим ходом исторического движения России. Его работы высоко ценил и продолжил изучение проблемы В.О. Ключевский. Обращаясь к современному состоянию этих органов, Чичерин считал, что земские соборы исчезли, причем «не вследствие сословной розни и опасения монархов, а просто вследствие внутреннего ничтожества».

Роль государства в русской истории

Соединяя население в прочные союзы, заставляя его служить общественным интересам, государство, полагал Чичерин, тем самым формировало и сам «народ». Только в государстве «неопределенная народность, которая выражается преимущественно в языке, собирается в единое тело, получает единое отечество, становится народом». При этом и народ, и государство имеют каждый свое назначение, свою «надлежащую самостоятельность». Народ «живет и действует, рождая из себя разнообразные стремления, потребности, интересы». Он составляет основу государства. Оно же, в свою очередь, «устанавливает в обществе... согласие, побуждает народ к тому, что необходимо для блага совокупного целого». Государство есть «глава и распорядитель». Оно оценивает заслуги, оказанные личностью обществу, возвышает внутреннее достоинство человека. В нем человек становится деятельным общественным фактором и может достигнуть полного развития своих интересов. Личность имеет возможность проявить себя. Государственная власть соединяет общие воли и частные устремления, в нем достигаются условия для развития разумной свободы, нравственной личности.

Все это и определило в концепции Чичерина особую роль государства в русской жизни. Образование его — есть «поворотная точка в русской истории. Отсюда она неудержимым потоком, в стройном развитии является до нашего времени». На вершине его — сильная самодержавная власть, гарантия государственного единства. Оно направляет общественные силы, ведет «народ за руку и народ слепо повиновался своему путеводителю». Нет такого народа, считал Чичерин, у которого «правительство было бы сильнее, чем у нас».

Этапы развития государства

В развитии государства он выделял два этапа. Первый — централизация всей общественной жизни, сосредоточение всей власти в руках государя. Народный элемент более и более отходит на задний план. Правительственная деятельность в наше время, писал Чичерин, достигает «нетерпимой крайности», «управление пустило свои ветви по всем областям, а централизация увенчала все здание и сделала его покорным орудием единой воли... Правительство сделалось всеобъемлющим, господствующим всюду, а народ все более бледнел и исчезал перед ним». Следствием этого стало всеобщее «растление государственного организма»: развитие чинопочитания, бюрократии, удаление спо-

собных людей, «умножение письменности, которая стала на место настоящего дела», распространение официальной лжи, взяточничества. Россия достигла критического момента в исторической жизни. Наступает время перелома, возникла необходимость освободить из-под государственной опеки все общественные элементы и прежде всего освободить и допустить к самостоятельной деятельности «народный элемент». Это положит начало второму этапу — либерализации, вплоть до достижения «всеобщего единения» всех общественных и государственных сил. «Нам нужна свобода!» — писал Чичерин, выражая свою политическую позицию.

Выводы

Таким образом, в построении исторической концепции Чичерин исходил из понимания исторического процесса как единого, как истории всемирной, в основании которой лежат единые цели и общие законы. Отсюда следовало признание им принципиального единства русской и западноевропейской истории. «Россия страна европейская, — утверждал он, — которая не вырабатывает невиданных миру начал, а развивается, как и другие, под влиянием сил, владычествующих в новом человечестве». В соответствии с основными социологическими законами она прошла путь от родового строя, к свободе личности в гражданском обществе и к государству.

Он так же признавал, что «если у каждого европейского народа при общих жизненных условиях есть свои особенности, то тем более имеет их Россия». Один народ может развивать преимущественно одну форму быта, другой — другую. Один может иметь более богатое содержание, другой бедное. Один прошел несколько ступеней, другой остановился на одной и не был в силах достигнуть высшего развития.

Выявляя законы развития, Чичерин полагал одним из них постепенность происходящих в истории процессов, в частности складывание государства. Прослеживая постепенный характер образования государственности, он исходил из того, что каждая новая ступень является следствием предыдущего развития. С появлением гражданского общества кровные связи не исчезают полностью, а входят в него как один из составляющих элементов. Государство, в свою очередь, не уничтожает все элементы гражданского общества. Люди остаются со своими частными интересами, со своими правами и отношениями родственными, имущественными, договорными, наследственными.

Чичерин подчеркивал сложность исторического процесса. Направления более или менее изменяются, встречаются отклонения в сторону, но «характер движения один», и основу его составляют личные и общественные интересы. Противоречия, возникающие между ними, являются побудительной причиной изменений в общественном организме.

В целом, придерживаясь в своих подходах к изучению и осмыслению прошлого идей гегелевской философии истории, Чичерин вместе с тем отмечал и некоторые уязвимые ее черты. Эта философия, писал он, достигла высших пределов умозрения, охватывая весь мир и все явления. Она подвела их под свою точку зрения, нанизывая факты на «нить ложных выводов», определенных человеческим разумом. Общую схему налагают на факты, насильно подводя их под логические формулы. Порочность этого пути выявляется при углублении в действительность, при соприкосновении с реальным миром. Историческая же наука должна основываться на добросовестном изучении фактов. «Чтобы показать значение и место известного явления, нужно изучить его вполне путем опыта, анализировать отдельно каждую сторону его, показать связь явлений». Таким образом, для Чичерина наиважнейшим принципом исследования является наблюдение и опыт, всестороннее изучение фактов. «Основательно изучать факты и выводить из них точные заключения — такова была историческая метода» в определении Чичерина. Постепенный переход от частного к общему, от явления к законам и началам им присущим, именно это, считал он, придает науке точность и достоверность. Научное знание — знание разума. Оно ничего не принимает на веру, все подвергает строгой критике разума. Цель его — выработка неприложных начал истины. Такое понимание задач исследования и отношение к изучаемому сближает принципы его познания с позитивистским пониманием содержания науки.

История есть изображение духа, «излагающего свои определения по присущим ему законам разума». Все разнообразие событий «слагается в живую картину, в которой каждая особенность становится органическим членом совокупного целого». Наука должна стоять на твердой почве. Но, признавал Чичерин, постоянные колебания общественной мысли приводят к тому, что меняются и научные точки зрения.

Итак, основные положения исторической концепции Чичерина включают: признание государства высшей формой общественного развития и его определяющей роли в русской истории. Особенностью исторического развития России является образование государства сверху, его крайняя централизация, ре-

шающая роль правительства в организации общественной жизни, что нашло свое отражение в закрепощении сословий, создании сельской общины, формировании русского народа. Определив в качестве основного предмета исторической науки изучение правовых и общественных институтов, он впервые в отечественной историографии попытался раскрыть содержание «гражданской истории» и представил собственные результаты ее исследования. Как и некоторые его современники и предшественники, Чичерин обратил внимание на развитие личного начала в русской истории, соотношение личностного и общественного, их противоречия, которые особенно в догосударственный период являлись двигателями исторического процесса.

Таким образом, вслед за Кавелиным, Чичерин дал теоретическое обоснование и представил конкретную разработку ряда проблем, составляющих содержание исторической концепции государственной школы.

Литература

Искра Л.М. Борис Николаевич Чичерин о политике, государстве, истории. Воронеж, 1995.

Кавелин К.Д. Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуре. М., 1989.

Петров Ф.А. К.Д. Кавелин в Московском университете. М., 1997.

Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. М., 1858.

Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1866.

Цамутали А.Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л., 1977.

Цамутали А.Н. Вся русская история есть по преимуществу государственная: Константин Дмитриевич Кавелин, Борис Николаевич Чичерин // Историки России XVIII — начала XX века. М., 1996.

Глава 13 С.М. СОЛОВЬЕВ (1820–1879)

Сергей Михайлович Соловьев – признанный классик. Его имя хорошо знают не только историки. Из всего многообразного, многожанрового наследия, оставленного потомкам, наибольшей известностью пользуется 29-томная «История России с древнейших времен». Ее написание стало смыслом жизни и творческим подвигом историка. Начиная с 1851 г. и вплоть до конца жизни Соловьев ежегодно публиковал очередной том своего понимания исторического развития Отечества. Выход в свет первого тома стал научным и общественным событием, вызвал массу откликов, не всегда благожелательных. Проблемы, поднятые в спорах вокруг труда Соловьева, оставались предметом изучения и обсуждения на протяжении десятилетий и тем содействовали разработке основополагающих явлений отечественной государственности. Хорошо знавший Соловьева В.И. Герье писал: «С.М. Соловьев вообще не любил борьбы, полемики с ложными тенденциями в науке и общественной жизни. Полемика нарушала правильное течение его научных занятий, которое сделалось для него нравственной потребностью». Однако на первые концептуально неприемлемые отзывы оппонентов Соловьев ответил. В дальнейшем он действительно отказался от участия в полемике. Его ответом были выходившие в свет очередные тома «Истории России...».

Соловьев о Карамзине

Соловьев заявил о себе во всеуслышание в середине XIX в. Принципиальное свидетельство о положении в исторической науке тех лет оставил К.Н. Бестужев-Рюмин: «...никем не замененный Карамзин утратил, быть может, слишком рано все свое

воспитательное значение». С.М. Соловьев, высоко оценивая значение Карамзина в историографии, был убежден, что свою роль в науке тот уже сыграл.

В этой связи принципиальным является ответ на вопрос: чем являлся для молодого историка основной труд предшественника «История государства Российского»? Сам С.М. Соловьев описал отношение к Карамзину таким образом: «Первый писатель эпохи, творец нового литературного языка Карамзин посвятил свою деятельность отечественной истории, и все, что мог сделать сильный талант для внешней живописи событий, все было сделано Карамзиным; мечта Ломоносова сбылась: русская история нашла своего Ливия. Что касается до основного взгляда историографа, то Карамзин был представителем екатерининского века, в который окончательно сложились его воззрения: недовольство эпохою преобразования, недовольство внешним заимствованием форм западноевропейской гражданственности, требование внутреннего нравственного совершенствования, перерождения, требование души, чувства, чувствительности...». Соловьев называл «Историю государства Российского» «величайшей поэмой», воспевающей славянское государство. Он подчеркивал, что у Карамзина вполне отразилось сознание того, что «из всех славянских народов народ русский один образовал государство, не только не утратившее своей самостоятельности, как другие, но громадное, могущественное, с решительным влиянием на исторические судьбы мира».

Однако Соловьев литературной составляющей труда Карамзина предпочел собственное научное смысловое наполнение русской истории и объяснение смысла событий и закономерностей в развитии русской государственности. Поэтическому настроению Карамзина Соловьев противопоставил прозу истории. Если у Карамзина, по мнению Соловьева, на первом месте была живопись, а на втором источник, то Соловьев поменял их местами сознательно. Соловьев считал, что литературной истории государства российского пришло время уступить место истории научной. Таким образом, он сознательно и с полной ответственностью взял на себя ношу написания новой «Истории России», которая с его точки зрения отвечала бы требованиям современной науки. И здесь столкнулся с непониманием. В глазах многих писать историю после Карамзина, все еще остававшегося в 1840-е гг. на недосягаемой высоте, выглядело большой дерзостью, очень смелым предприятием. Да и сам Соловьев, по выражению К.Н. Бестужева-Рюмина, «воспитывался на Карамзине». Он прекрасно знал «Историю государства Российского» с детства. К 13 годам, т.е. еще до поступления в гимназию, Соловьев прочел ее «не менее двенадцати раз», всегда, по его признанию, «предаваясь чтению Карамзина со страстью». Будучи студентом Московского университета, он демонстрировал свою начитанность на лекциях М.П. Погодина. В воспоминаниях «Мои записки» (а именно они легли в основу большинства жизнеописаний историка) С.М. Соловьев рассказал, как проходили лекции М.П. Погодина: «Бывало, он начнет что-нибудь читать по Карамзину, а я ему подсказываю: «Вот тут-то, Михаил Петрович! В примечаниях есть еще важное указание». Товарищи прозвали меня суфлером Погодина, и он сам обратил на меня внимание...» Иногда Соловьев уже тогда не получал ответов на возникавшие у него вопросы ни в лекциях Погодина, ни в «Истории...» Карамзина. В первую очередь его не удовлетворяло отсутствие широкого философского взгляда на историю. Соловьев считал, что концепция, объясняющая ход истории лишь замыслом или капризом отдельной личности, мало что объясняет: «Произвол одного лица, как бы сильно это лицо ни было, не может переменить течение народной жизни, выбить народ из своей колеи».

К этому времени философско-исторические воззрения Соловьева качественно отличались от взглядов Карамзина. Подходя к анализу конкретно-исторического материала с иных позиций, Соловьев сформулировал антропологический принцип изучения и понимания истории народа: «Наука указывает нам, что народы живут, развиваются по известным законам, проходят известные возрасты как отдельные люди, как все живое, все органическое...». Впитав богатство современных идей, в том числе «Философии истории» Г.Гегеля, Соловьев пришел к пониманию органической взаимосвязи исторических явлений.

Отношение к Г.Гегелю

В студенческие годы (1838–1842) в сознании С.М. Соловьева шел активный процесс узнавания, изучения, осмысления философии Гегеля. Он размышлял о ее применимости к русской истории. Гегель был тогда кумиром московского студенчества. «Кружил все головы, хотя очень немногие читали самого Гегеля, а пользовались им только из лекций молодых профессоров; занимавшиеся студенты не иначе выражались как гегелевскими терминами...», — вспоминал об этом времени С.М. Соловьев. Молодые лекторы античник Д.Л. Крюков,

экономист А.И. Чивилев, правоведы П.Г. Редкин и Н.И. Крылов, историк и юрист К.Д. Кавелин, историк-медиевист Т.Н. Грановский прошли стажировку за границей. Они выделялись среди московских профессоров, особенно так называемой «уваровской партии» (к ней принадлежали историк М.П. Погодин, словесники С.П. Шевырев и И.И. Давыдов), тем, что все были горячими поклонниками гегелевской философии и знатоками европейской историографии. Соловьев слушал лекции представителей обеих сторон, причем сила воздействия на студенческое сознание отдельных лекторов не была одинаковой. Соловьев отдавал должное профессору Д.Л. Крюкову, хотя в 1843–1844 гг. имел к нему претензии. «Крюков, можно сказать, бросился на нас, гимназистов, с огромною массою новых идей, с совершенно новою для нас наукою, изложил ее блестящим образом и, разумеется, ошеломил нас, ...посеял хорошими семенами...», — вспоминал Соловьев. Лекции Крюкова начинались с обзора основных трудов по истории философии и анализа научных схем Фихте, Шеллинга, Гердера, но предпочтение все же отдавалось Гегелю. Лектор демонстрировал плоды собственного применения историко-философского подхода к истории при изложении конкретных проблем (образования Римского государства на основе разложения институтов родового строя или характеристики родоплеменной структуры древнеримского общества). Он рассказал студентам о влиянии географической среды на эволюцию общественных отношений. Благодаря историографическим обзорам Крюкова Соловьев, возможно, обратил внимание на труды Г. Эверса.

Как же повлияло изучение Гегеля на творческий рост Соловьева? На этот вопрос отчасти ответил сам историк: «Из гегелевских сочинений я прочел только «Философию истории»; она произвела на меня сильное впечатление; на несколько месяцев я сделался протестантом, но дальше дело не пошло, религиозное чувство коренилось слишком глубоко в моей душе, и вот явилась во мне мысль — заниматься философиею, чтобы воспользоваться ее средствами для утверждения религии, христианства, но отвлеченности были не по мне; **я родился историком**». Так был сделан профессиональный выбор: не философия, а наука, не философия истории, а наука истории. Это противопоставление в глазах Соловьева имело методологический смысл.

Соловьев достаточно быстро перерос состояние увлеченности Гегелем и его детищем «Философией истории», благодаря исключительной работоспособности и любознательности: «В изучении историческом я бросался в разные стороны, читал Гиббона, Вико, Сисмонди; не помню, когда именно попалось мне в руки Эверсово «Древнейшее право русов», эта книга составляет эпоху в моей умственной жизни, ибо у Карамзина я набирал только факты, Карамзин ударял только на мои чувства. Эверс ударил на мысль, он заставил думать над русской историей».

Размышляя о прочитанном, Соловьев пришел к выводу, что западные мыслители пренебрегли русской историей; более того, русский народ не был у них (прежде всего, у Гегеля) включен в число «всемирно-исторических» народов. Соловьев прекрасно осознавал задачу, которая в то время стояла перед национальной русской мыслью — построение философии русской истории и тем самым «включение» в ее состав философии истории вообще. И он вносит весомый вклад в ее решение.

Если славянофилы старались приложить философско-исторические мысли Шеллинга к построениям и истолкованиям русской истории, то Соловьев поставил вопрос в другой плоскости. Он счел недостаточным «подключение» русского народа к числу всемирно-исторических только для выявления значения и специфики русского народа в истории по сравнению с западноевропейскими народами. Более важной представлялась историку другая задача, а именно: разъяснение неполноты и незавершенности философско-исторического взгляда на всемирную историю при условии игнорирования судеб русского и славянских народов. В этом он видел непременное условие успешного познания назначения истории русского народа и сравнения его с народами западноевропейскими. Как видим, определенное видоизменение содержания и структуры прежней философии истории (в данном случае — системы Гегеля) для Соловьева было неизбежно уже потому, что он вводил в философию истории новый элемент: русский народ.

В 1841 г. в семинаре С.П. Шевырева Соловьев подготовил работу «Феософический взгляд на историю России» (опубликованную в 1996 г.). В этой ранней работе были заложены важнейшие методологические основания исторической концепции ученого. Ряд высказанных тогда мыслей прозвучит в программных работах зрелого С.М. Соловьева («Публичных чтениях о Петре Великом» (1872) и «Наблюдениях над исторической жизнью народов» (1868–1876)).

Постановка вопроса об особом качестве русского народа и специфике его исторической жизни среди других всемирно-исторических народов в «Феософическом взгляде» дана Соловьевым в рамках его представления о двух «возрастах» народной жизни. «У всякого народа бывает свой религиозный период — детский»; для него характерны невысокая степень образованности, бессознательное следование «религиозным внушениям» и слепое повиновение «духовным водителям». Второй возраст — «возмужалость народа» — в исторической жизни народа начинается, когда место религии занимает философия (наука). Рождается «философия истории», или «сознание народа о собственных судьбах». С переходом от веры к разуму, по Соловьеву, «исчезает и спасительное влияние религии на человека и народ», сеются семена неверия и разрушения. Отличие (или исключение из общего правила) русского народа историк видел в том, что первый период его исторической жизни, соответствующий «детскому» возрасту (с конца IX до начала XVII в.), прошел, как и везде, под знаком глубокого религиозного чувства; но, вступив во второй период «возраст возмужания», и, выйдя, благодаря реформам Петра на поприще всемирно-исторической деятельности, русский народ не расстался с религией как основанием духовной сферы жизни народа. И в этом состоит его коренное отличие.

Таким образом, формула «правило — исключение» не чужда Соловьеву: «В одном только русском народе религиозное влияние будет продолжаться вечно, но вместе с тем разумно и сознательно». Это мнение Соловьева близко славянофильскому и показывает, что он испытывал разносторонние влияния. Много лет спустя, историк, сохранив общую структурную типологию общественного развития, т.е., не отказавшись от деления истории народной жизни на два возраста, изменил названия самих категорий, определив их как «возраст чувства» и «возраст мысли». Соловьев напишет в «Публичных чтениях о Петре Великом»: «Если народ способен к развитию, способен вступить во второй период или второй возраст своей жизни, то движение обыкновенно начинается знакомством с чужим; мысль начинает свободно относиться к своему и чужому, отдавать преимущество в жизни народов чужих, опередивших в развитии находящихся уже во втором периоде». В состояние исторического движения русский народ, по Соловьеву, привел Петр Великий.

Во время заграничной поездки 1842–1844 гг. у Соловьева усиливается его критическое восприятие Гегеля. В это время историк получил возможность глубоко ознакомиться с достижениями западноевропейской исторической науки. Тогда же он в основном определился в методологическом отношении. И первоначальное интуитивное чувство «неприятия» гегелевской философии истории, созрев, превращается у него в осознанную методологическую позицию, важнейшим признаком которой становится антигегелевская направленность.

Написание «Истории России...» требовало от историка полной самоотдачи, непрерывной работы с конкретными источниками и их осмысления. В течение трех десятилетий, вплоть до 1870-х гг., возникавшие у Соловьева историософские соображения не выливались в самостоятельные концептуальные работы. Один из современных исследователей творчества Соловьева (Н.И. Цимбаев) объяснял данное обстоятельство тем, что отлаженный механизм создания «Истории России с древнейших времен» не давал сбоев и историософские сомнения лишь в редчайших случаях появлялись на ее страницах. Но осмысление исторического процесса требовало «исхода», и в специальных историософских работах, которые увидели свет в 1870-е гг., Соловьев вновь вернулся к концептуальным обобщениям.

В современной историографии существуют разные подходы к анализу этих работ. Так, если Н.И. Цимбаев оценил их как проявление глубокого мировоззренческого кризиса, который, с его точки зрения, Соловьев переживал в конце жизни, то другой исследователь, А.Н. Ерыгин, придерживается прямо противоположного мнения.

Ерыгин комплексно подошел к рассмотрению студенческой работы «Феософический взгляд на историю России» и работ, написанных маститым ученым, — «Публичных чтений о Петре Великом» и «Наблюдений над исторической жизнью народов». Он обнаружил в них последовательную философско-методологическую ориентацию, которой Соловьев придерживался в течение всей своей творческой жизни. В «Феософическом взгляде», по мнению Ерыгина, она была выражена как бы в зародыше. Такое понимание позволило автору, не отрицая эволюции, проделанной Соловьевым в 1840–1860-е гг., проследить, с одной стороны, его отношение к учению Гегеля, а с другой — к позитивизму. После чего Ерыгин попытался определить степень самостоятельности системы собственных представлений знаменитого историка.

Сформулировав тезис о самостоятельности исторической концепции Соловьева, Ерыгин для характеристики ввел специальный термин «сциентический историзм» («научный историзм»). «Основная направленность сциентистской философии истории С.М. Соловьева — стремление к ниспровержению гегелевской спекулятивно-идеалистической методологии как априорной конструкции разума. По его мнению, ученый ищет разумом не разум истории, а только необходимую и устойчивую связь явлений, т.е. историческую закономерность. С помощью наблюдений и на основе сравнительного исследования он устанавливает особенности исторических индивидуальностей (цивилизации, народов, эпох, событий и выдающихся личностей). В силу этого для сциентического историзма Соловьева оказываются неприемлемым также и методология романтического историзма, и социология позитивизма. Он стремится к сциентизму на сциентистской основе и просветительских, и романтических, и позитивистских, и ранкеанских, и некоторых гегелевских идей и ориентаций» — так считает Ерыгин.

Нельзя не согласиться, что точки зрения, отличной от Гегеля, Соловьев придерживался в целом ряде вопросов, прежде всего в отношении роли русского народа во всемирно-историческом процессе. Для обоснования своей позиции Соловьев провел сопоставление России и Западной Европы по трем линиям, которые приобрели характер антитез. Первая антитеза «природа-мать» (для Западной Европы) — «природа-мачеха» (для России) подчеркивала различия по степени благоприятности природных условий. В свою очередь, специфика природных условий объясняла различие способов и результатов этногенеза. В отличие от европейских народов, закрытых «наплыву» новых азиатских варварских народов и поэтому имевших возможность развития национальности, народы Восточной Европы такой возможностью не располагали. В этническом отношении «народ пограничный, особенно живущий на распутии других народов, необходимо должен быть смесью из разных народов»; «славяне суть племя смешанное, народ, образовавшийся от наращения, а не нация, образовавшаяся порядком естественного происхождения целого рода от другого». И наконец, специфика генезиса государственности России вытекала из первых двух особенностей. На Западе монархические государства были результатом завоевания и насильственного покорения туземного населения дружинниками германских

племен. А насилие, в соответствии с законом диалектики, порождает свою противоположность — борьбу за свободу и, как следствие, — революцию. У славян же, по Соловьеву, ни деспотическая форма правления (в силу смешанного характера населения), ни республика (в силу обширности территории), ни монархическая власть, основанная на завоевании (такого завоевания здесь не было), утвердиться не могли. Славяне сами дошли до мысли о необходимости власти, и данное обстоятельство Соловьев им ставил в заслугу. А сама эта идея родилась из состояния первоначального безвластия. Собственно русская история, как считал Соловьев, начинается с началом русской государственности. Он связывал ее с утверждением Рюрика князем среди северных племен славянских и финских.

Таким образом, отказавшись от гегелевской триады, или трехэлементной структуры исторического бытия Восток–Античность–Христианство и выдвинув свою, четырехэлементную Восток–Античность–Западная Европа–Россия, Соловьев тем самым отказался от диалектики в ее гегелевской форме, предложив собственную философско-историческую конструкцию.

Еще более очевидна разница между Соловьевым и Гегелем при сравнении их позиций в вопросе о роли народов в движении мировой истории. Для Гегеля отдельные народы — орудия, средства «мирового духа», а их принципы — «моменты» идеи свободы, реализующейся в идеальном государстве. Для Соловьева же народы имеют самостоятельное значение, хотя и разное. Он видел в специфике исторической жизни народов, их религии и форм государственности продукт реальных географических, этнографических и исторических условий жизни.

Но всем этим размышлениям Соловьев все-таки обязан Гегелю. Очевидно, что Гегель оставил глубокий след в методологическом становлении Соловьева и его творчестве. Отметим лишь некоторые моменты: восприятие диалектических принципов развития, анализ «восточной мощи природы» как влиятельного исторического фактора; идею переселения и исторического движения; отношение к азиатским государствам, как стоящим вне связи с ходом всемирной истории; признание соединяющей роли рек и разъединяющей роли гор; роли государства как формы полной реализации духа в наличном бытии, выраженной Соловьевым таким образом, что только через государство или правительство народ проявляет свое историческое бытие, идею самосознания...

Исключительная ценность государства во взглядах Соловьева — это тоже от Гегеля. Дух русского народа (а в истории русской исторической науки Соловьев впервые определил научные параметры этого явления — природа страны, природа племени и ход внешних событий) проявился в особом отношении к государству. Государство — это ценностно-значимое явление русской истории вне зависимости от симпатий и антипатий. Соловьев считал, что ценностные ориентации народа не подлежат нравственному осуждению. Задача историка их понять, не допуская модернизации.

И в то же время идеи Гегеля Соловьев сознательно использовал против гегелевской философии истории. Среди таких идей — понятие об арийских (или исторических) народах. Соловьев подчеркнуто называет русский народ арийским народом и относит его к их числу, поскольку Гегель в этом ему отказал. Сравнивая славян с германцами, Соловьев пишет о них как о племенах-братьях одного индоевропейского народа. Он определяет их положение в Европе в христианские времена, как господствующее, которое они «удержали за собой навсегда». Соловьев считает неприемлемой постановку вопроса о племенном превосходстве кого-либо из них. Он видит причину происшедших различий в результате разного направления движения племен. Если немцы в свое время двинулись с северо-востока на юго-запад в области Римской империи, где уже был заложен фундамент европейской цивилизации, то славяне, наоборот, с юго-запада начали свое историческое движение на северо-восток в девственные леса, т.е. пространство, не затронутое цивилизацией. Поэтому суждение Гегеля о природно-климатических основаниях исключения стран и народов, находящихся в холодном или жарком климате, из всемирно-исторического движения для Соловьева было неприемлемо.

Обращая внимание на истоки различий России и стран Западной Европы, историк указывал, что целый ряд факторов, в том числе территории, уже освоенные древней цивилизацией, камень и горы, — содействовали быстрому утверждению на Западе феодального права, земельной собственности, быстрому оседанию, разнообразию народностей. Россия же, вследствие отсутствия этих условий, но при наличии беспредельного пространства, наоборот, была отмечена другими признаками: подвижностью князей, движимым имуществом, неустойчивостью, разбросанностью средств, небывалым по величине государством, дружиной, вечным движением. Соловьев писал, что в России брели с легкостью, везде «Русью пахло». «Мы говорили, — писал он в «Чтении третьем» о Петре Великом, — что Россия дурно защищена природою, открыта с востока, юга и запада, легко доступна вражьим нападениям; но отсутствие резких физических границ заменено было для русского народа духовными границами, религиозным различием на востоке и юге, вероисповедным на западе; в этих-то границах крепко держалась русская народность и сохранила свою особность и самостоятельность». Весь ход русской истории Соловьев связывал с началами христианства. Нравственные силы народу с его точки зрения давали христианство, созидательная роль государства и просвещение. Все названные Соловьевым признаки «особности» России никак не могли, по его мнению, исключить русский народ из числа исторических, или как вслед за Гегелем, он говорил «арийских».

Таким образом, в современной отечественной историографии сначала был поставлен под сомнение, а затем начал пересматриваться тезис о гегельянском характере философско-исторической концепции С.М. Соловьева, утвердившийся со времен вывода М.Н. Покровского о «гегелевской школе» в русской историографии. Осмысление творческой и методологической самостоятельности С.М. Соловьева привело исследователей сначала к наблюдению о неком «выпадении» Соловьева из рамок государственной школы (например, у Н.Л. Рубинштейна, А.М. Сахарова, С.С. Дмитриева, В.М. Далина), а затем и к суждению о том, что историк разработал свою своеобразную методологию исторического познания. Мнение А.Н. Ерыгина во многом разделяет А.Н. Шаханов.

Единство работам, посвященным С.М. Соловьеву, придает то обстоятельство, что никто не оспаривает сам факт методологической революции, происходившей в русской исторической науке в середине 1840-х гг., освоение русскими историками новых философско-методологических подходов.

Освоение историографического пространства

Ученик Соловьева В.О. Ключевский считал, что широта исторического взгляда учителя была отражением широты его исторического образования: «Знатоки поражались внимательностью, с какой он следил за текущей иностранной литературой по истории, географии, этнографии и другим смежным отраслям знания...» Благодаря столь обширной начитанности и знакомству с историей других наро-

дов Соловьеву был подвластен «сравнительно исторический метод». Так считал В.И. Герье.

Разнообразие курсов, которые Соловьев слушал, будучи в Париже в 1842–1843 гг., является свидетельством широкой любознательности историка. Производит впечатление простое перечисление имен. Соловьев прослушал лекции преемника Гизо по кафедре Новой истории Ленормана о Евангелии и христианстве; Ж. Мишле по истории Французской революции; Кине по истории иезуитов; Россье С. Илера о состоянии Италии до основания Рима; Ж.Симона по философии, а также лекции астронома Д. Араго по истории науки. Большое внимание Соловьев уделял лекциям по истории всемирной литературы: С.М. Жирардэна о французской драме; Ф. Шаля по истории немецкой литературы; Кине по истории древней немецкой, итальянской и испанской литературы; Ампера о французской литературе XVII в.; Патэна о комедиях Теренция. Тогда же Соловьев слушал польского поэта Адама Мицкевича.

Однако не только лекции определяли научное развитие Соловьева. Его исторические взгляды вырабатывались, по мнению Ключевского, «путем обширного чтения». В европейской историографии XIX в. Соловьев никого не ставил так высоко, как Ф. Гизо, а из исторических трудов XVIII в. «великое научное значение» придавал философии истории Дж. Вико. «Эти имена, — писал Ключевский, — бросают некоторый свет на источник и характер общих исторических воззрений, которые легли в основание трудов Соловьева по русской истории». Под воздействием французских историков периода Реставрации Ф. Гизо и О. Тьерри Соловьев пытался рассмотреть весь последующий исторический процесс, включая и Новое время, через призму отношений завоевателей и побежденных. Разрабатывая вопросы этногенеза, столкновений народов в истории, Соловьев стремился применить знания общественных отношений к раскрытию внутренних процессов развития восточнославянского общества. Поэтому он особенно внимательно вчитывался в исследования польского историка Р. Губе о древнем славянском праве, в книгу П. Шафарика «Славянские древности», подробно анализировал сочинение Ю. Венелина «Скандинавомания и ее поклонники». Соловьев возражал против недооценки инородных примесей в славянском этногенезе, а также представлений об изолированном развитии славян. В Праге Соловьев познакомился с В. Ганкой, Ф. Палацким, П. Шафариком, что также не прошло бесследно для его творчества.

Большое влияние на С.М. Соловьева оказал патриарх немецкой историографии Леопольд фон Ранке (1795–1886), внесший серьезный вклад в усовершенствование методов исторического исследования. Ранке ставил исследовательские вопросы на всемирно-историческую (общеевропейскую) почву и основывал свое изложение на архивных источниках. Ему принадлежало хрестоматийное определение задачи историка — установить, «как собственно все происходило». Помимо лекций Ранке, будучи в Германии, Соловьев слушал Шеллинга, Крейцера, Неандера, Рау, Раумена, Шлоссера, географа Риттера.

Страницы жизни

В жизнеописаниях С.М. Соловьева (среди них: П.В. Безобразова (СПб., 1894. Сер. «Жизнь замечательных людей» Ф.Павленкова), оказавшее серьезное влияние на последующие работы этого жанра; И.В. Волковой (М., 1992. Сер. «Летописцы Отечества»), Н.И. Цимбаева (М., 1990. Сер. «Жизнь замечательных людей»), помимо воспоминаний С.М. Соловьева в разной степени привлекаются другие источники. Детальное изучение архива С.М. Соловьева, хранящегося в Российской государственной библиотеке А.Н. Шахановым, позволило осветить ранее малоизвестные стороны его жизни, прежде всего студенческих лет, участие в кружке Аполлона Григорьева, и высказать наблюдения об источниковой основе «Моих записок» великого историка.

Сергей Михайлович Соловьев родился 5 (17) мая 1820 г. в Москве в семье законоучителя (т.е. преподавателя Закона Божьего) и настоятеля Московского коммерческого училища. Отец был священником, позднее протоиереем из духовного сословия. Мать была человеком светским, дочерью чиновника, дослужившегося до дворян. Соловьев сначала получал домашнее образование. Московское духовное уездное училище, в которое потом определил Соловьева отец, вызвало у мальчика внутреннее неприятие вследствие грубости царивших там нравов. В 13 лет Соловьев поступил в 3-й класс Первой московской гимназии. Некоторые из ее учителей одновременно состояли преподавателями в университете. В 1838 г. Соловьев окончил 7-й класс гимназии.

Судьбоносное значение для историка имела встреча с попечителем московского учебного округа графом С.Г. Строгановым. Она состоялась еще в гимназии. Соловьев был тогда представлен попечителю в качестве первого ученика. Строганов был искренне удивлен живостью мысли и самостоятель-

ностью суждений гимназиста. Рассказывая о последующей жизни С.М. Соловьева и шире — Московского университета начала 1840-х гг., фактор Строганова нельзя не учитывать.

Большая заслуга в том, что для Московского университета пришло блистательное время, превратившее его в центр умственной жизни Москвы и всей России, принадлежала именно графу С.Г. Строганову. Он собрал на Моховой лучшие научные и педагогические кадры страны, избавил университет от мелочной опеки, пресек практику сдачи студентов в солдаты за проступки. Завоевал уважение студентов и преподавателей, сам посещал лекции и внимательно слушал лекции ученых.

На I (историко-филологическое) отделение философского факультета Московского университета и поступил С.М. Соловьев. С Московским университетом была связана вся его последующая жизнь, которая не изобиловала внешними событиями. Она была подчинена научному служению. В Московском университете Соловьев был студентом, профессором, деканом и ректором. По мнению М.К. Любавского, именно Соловьев поставил на надлежащую высоту преподавание отечественной истории в Московском университете, дал направление научной деятельности В.О. Ключевского и многих других.

Жизненных периодов, наполненных динамичной сменой внешних впечатлений, у Соловьева было не так уж и много. Среди них особую роль сыграло его пребывание за границей 1842–1844 гг., оказавшее глубокое влияние на становление ученого. В течение двух лет Соловьев побывал в Париже, Брюсселе, Берлине, Страсбурге, Регенсбурге, Мюнхене, Дрездене, Гейдельберге, Аахене, Веймаре, Праге, в некоторых городах он прожил достаточно долго. Историк посещал университеты Берлина, Гейдельберга, Сорбонну, Коллеж де Франс, работал в Королевской библиотеке в Париже и в Аахенской библиотеке. Такую возможность выпускник Московского университета получил, работая в качестве домашнего учителя в семействе брата С.Г. Строганова А.Г. Строганова. Свою жизнь в Париже Соловьев описал так: «Несмотря на то что живу в самом шумном городе на свете, жизнь моя тиха и однообразна, как была в Москве, да еще и тише, ибо меньше отношений и столкновений с людьми; уроки, лекции, занятия в библиотеке и дома — вот все шесть дней недели; но зато седьмой — настоящая суббота — целый день ничего не делаю и не бываю дома, таскаюсь по городу и глазею как настоящий парижанин...»

Доверительные отношения с родителями позволяли Соловьеву высказывать сокровенные мысли в переписке с ними. В письме от 24 ноября 1843 г. он записал: «...можно сказать, вовсе не замечаю собственной жизни; я отказался от монашества и, посвятив себя ученым занятиям, сделал то же самое — отрекся от мира и самого себя... с Погодиным вовсе не переписываюсь. И если послал несколько строк в его журнал... единственно для того, чтоб не стали упоминать за упокой». Соловьев обсуждал с родителями отношения с университетскими профессорами. В письме от 27 января 1844 г. он высказал недовольство в адрес Д.Л. Крюкова: «... ему известно, что я не могу быть при университете (Соловьеву пророчили место адъюнкта в Киевском университете. — *М.Л.*) никем иным, как только профессором русской истории и то только в Москве или в Петербурге, а не в провинции... Я понимаю, отчего Крюкову хотелось спровадить меня в Киев: этим господам не нравится мое направление, но, где бы я ни был, ведь я его не покину и не перестану кричать русским голосом на весь крещеный мир»; «...а все-таки лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме».

Письмо от 29 февраля 1844 г. передает настроения Соловьева незадолго до его возвращения в Россию: «... молодые (теперь уже старые) профессора, т.е. немецкая партия, не может быть расположена ко мне, ибо я оставил их знамена и передался к Руси; не могут ласково смотреть на меня потому, что считают клиентом Погодина, которого терпеть не могут, наконец, не могут уважать моих достоинств, ибо я оканчиваю свой курс не в Берлине, по их мнению, средоточению всей премудрости. Что же касается до старых, то они никак не могут вместить в свою многоученую голову, как можно быть профессором 25-ти лет, что, впрочем, если каким-нибудь способом я попаду на место Погодина, будет явлением до сих пор беспримерным». В Париже Соловьев считал, что Погодин «один имеет право обнаруживать касательно» его свои мнения. Обстановкой в Московском университете, о которой ему писали родители, Соловьев был недоволен и даже хотел держать магистерский экзамен в Петербургском университете. Соловьев называл Берлин «басурманским», скучным, не любил его. Он писал: «...для меня, как историка, нужен не город, не камни, а народ и его жизнь политическая».

Однако пессимистические прогнозы Соловьева не оправдались. В марте 1845 г. диссертация «Об отношениях Новгорода

к великим князьям» была представлена на рассмотрение специалистов. После знакомства с ее текстом К.Д. Кавелина С.М. Соловьев получил поддержку «молодых» профессоров. М.П. Погодин ограничился двумя словами: «Читал и одобряю». Спустя два года, в 1847 г., Соловьев защитил докторскую диссертацию «История отношений между князьями Рюрикова дома». Историк отверг устоявшееся в историографии деление на периоды: «норманнский», «монгольский», «удельный». В Киевской Руси он увидел родовой строй, появление государственных отношений, борьбу родового и государственного начал.

В 27 лет Соловьев становится доктором исторических наук, политэкономии и статистики и утверждается сначала в должности экстраординарного, а с июля 1850 г. — ординарного профессора Московского университета. В неразрывности пути педагога-учителя и ученого-исследователя — весь Соловьев. Он преподавал помимо Московского университета на Высших женских курсах В.И. Герье, в Третьем военном (Александровском) училище, Николаевском сиротском институте. По рекомендации С.Г. Строганова Соловьев в 1859–1863 гг. учил истории цесаревича Николая Александровича, позднее и его младшего брата, будущего императора Александра III, в последний год жизни читал лекции великому князю Сергею Александровичу. Занятия с великими князьями в конце 1850-х — начале 1860-х гг. послужили поводом к написанию «Учебной книги русской истории», предназначенной для средних учебных заведений. В 1867 г. вышло ее 7-е издание, а в 1915 г. — 14-е. В наши дни «Учебная книга русской истории» была вновь переиздана. Историки отметили соотнесенность «Учебной книги...» с общим замыслом «Истории России с древнейших времен». Если в «Истории...» повествование Соловьев успел довести до последней трети XVIII в., то в «Учебной книге...» рассмотрены события Новейшей истории России, времена царствования Александра I и Николая I. По мнению Н.И. Цимбаева, это своеобразный проспект дальнейших томов незаконченной «Истории России...».

30 мая 1872 г. Россия торжественно отмечала 200-летие со дня рождения Петра I. В подготовке и проведении празднования активно участвовал Соловьев. Накануне юбилея он выступил с циклом из 12 публичных лекций («чтений») о Петре и его времени. Чтения проходили по воскресеньям с февраля по май в Колонном зале Дворянского собрания, самом большом тогда зале Москвы, вмещавшем до трех тысяч человек.

Вход был бесплатным, но публика собиралась самая изысканная и очень внимательно слушала Соловьева. Кроме того, его личным вкладом в празднование юбилея были серия статей «Время Людовика XIV на Западе, время Петра Великого на Востоке Европы» на страницах журнала «Беседа» и организация исторического отдела на Политехнической выставке, на базе которой в том же 1872 г. был создан Музей прикладных знаний (позднее Политехнический). Затем Соловьев участвовал в налаживании лектория при Политехническом музее.

Последние годы жизни Соловьев был председателем Общества истории и древностей российских. В 1871–1877гг. он был ректором Московского университета. Много сил у него отнимала борьба за сохранение академических свобод и университетского устава 1863 г., которая привела к столкновению с Министерством народного образования. В зените славы он ушел в отставку. В 1876 г. министр просвещения Д.А. Толстой отклонил прошение коллег Соловьева о праздновании 25-летия научной деятельности ученого. Тем не менее оно состоялось. 4 октября 1879 г. Соловьев скончался и был похоронен на Новодевичьем кладбище... До намеченной цели — окончить «Историю России...» — ему осталось изложить последние 20 лет екатерининского царствования.

«История России с древнейших времен»

Изложение событий внутренней жизни России в 29-м томе доведено до 1775 г., а в области дипломатических отношений — до 1780 г. М.О. Коялович следующим образом проанализировал порядок организации материалов С.М. Соловьевым: «В этом громадном историческом труде такой порядок. Сперва излагаются внешние события в хронологическом порядке за немногими исключениями. Так, время Иоанна III излагается не хронологически, а по группам событий: Новгород Великий, София Палеолог, Восток, Литва. Русские внешние дела освещаются при этом еще кратким обзором событий в славянском мире в древние времена и вообще западноевропейских государств. Эти последние обозрения особенно обширны и подробны в те времена, когда у нас устанавливались и усиливались дипломатические отношения, т.е. главным образом в новейшие времена, с Петра I.

Затем рассматриваются внутренние дела. Хронологическая группировка их неодинакова. В старые времена группы обнимают большое время, как, например, в 3-м томе от смерти Ярослава I до смерти Мстислава Торопецкого (т.е. Удало-

го, до 1228 г.) или в 4-м до смерти этого Мстислава и до Иоанна III. В другие времена обозрения эти располагаются чаще всего по княжениям, царствованиям, наконец, просто по группам нескольких годов, как, например, в царствование Елизаветы Петровны по семилетиям или в царствование Екатерины по группам событий за три, за два и даже за один год. Везде, однако, более или менее выдерживается один план в распределении событий внутреннего быта. Начинается этот отдел обозрением жизни князей или царей, затем идут обозрения состояния высших сословий и учреждений, далее — жизни городов, жизни жителей сел, торговли, законов, духовного и светского просвещения, литературы, нравов».

Самому Соловьеву было важно высказать принципиальные соображения, следование которым должно было обеспечить внутреннее единство многотомной «Истории России...». В «Предисловии» он «предуведомил» читателей «об основной мысли труда»: «Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм, не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию, — вот обязанность историка в настоящее время, как понимает ее автор предполагаемого труда».

Связь главных явлений, «замечаемых» в ходе русской истории, в глазах Соловьева определяли отношения между родовым и государственным (правительственным) началом, прочность основ государственного быта, внутренние и внешние влияния (родовое и греко-римское), отношения с европейскими народами. Смена старого порядка новым определялась переходом «родовых княжеских отношений в государственные, отчего зависели единство, могущество Руси и перемена внутреннего порядка». Начала нового порядка в северо-восточной Руси Соловьев обнаружил «прежде татар», при Андрее Боголюбском, Всеволоде III (Большое Гнездо). На этом основании историк дал оценку роли татаро-монгол в русской истории: «...монгольские отношения должны быть важны для нас в той мере, в какой содействовали утверждению этого нового порядка вещей. Мы замечаем, что влияние татар не было здесь главным и решительным». Соловьев отрицает в русской истории самостоятельный «татарский период». По его мнению, «...историк не имеет права с половины XIII века прерывать естественную нить событий — именно постепенный переход родовых княжеских отношений в государственные — и вставлять татарский период, выдвигать на первый план татар, татарские отношения, вследствие чего необходимо закрываются главные явления, главные причины этих явлений».

Задача историка состоит в том, чтобы анализировать «главное, основное явление — переход родовых отношений между князьями в государственные», которые окончательно торжествуют в XVI в. Юное государство выдержало испытание Смутой начала XVII в. и пресечением династии Рюриковичей. «С новой династией, — пишет Соловьев, — начинается приготовление к тому порядку вещей, который знаменует государственную жизнь России среди европейских держав». Соловьев не считает возможным разделять XVII и XVIII вв., настолько они тесно связаны в русской истории. «Во второй половине XVIII века замечаем новое направление: заимствование плодов европейской цивилизации с исключительной целью материального благосостояния оказывается недостаточным. Является потребность в духовном, нравственном просвещении, потребность вложить душу в приготовленное прежде тело... в наше время просвещение принесло свой необходимый плод — познание вообще привело к самопознанию».

Крепостное право

В концентрированном виде Соловьев сформулировал концепцию происхождения крепостного права в России во втором «Чтении» о Петре Великом: «Государство бедное, малонаселенное и должно содержать большое войско для защиты растянутых на длиннейшем протяжении и открытых границ... Бедное государство, но обязанное содержать большое войско, не имея денег вследствие промышленной и торговой неразвитости, раздает военным служилым людям земли. Но земля для землевладельца не имеет значения без земледельца, без работника, а его-то и недостает; рабочие руки дороги, за них идет борьба между землевладельцами: работников переманивают землевладельцы, которые побогаче... И вот единственным средством удовлетворения главной потребности страны найдено — прикрепление крестьян». И общий вывод: «Прикрепление крестьян — это вопль отчаяния, испущенный государством, находящимся в безвыходном экономическом положении». В «Истории России...» Соловьев отметил «новое движение юридических понятий» в Судебнике 1497 г.

Им отмечен факт повторения в ст. 88 Судебника 1550 г. о крестьянском выходе соответствующего постановления Судебника 1497 г. Соловьев отметил централизаторские устремления Судебника 1550 г. Соловьев разделял мнение предшественников (М.М. Щербатова, Н.М. Карамзина, Г. Эверса) о прикреплении крестьян к земле законом, изданным во время царствования Федора Иоанновича, но не поддержал ни одной из высказанных ими точек зрения о времени издания этого закона. Соловьев относил издание закона о прикреплении крестьян к «началу царствования Федора», так как более ранняя датировка противоречила бы вступительной части Соборного Уложения Василия Шуйского, где Борис Годунов обвинялся в лишении крестьян права перехода в царствование Федора Иоанновича. По наблюдению В.И. Корецкого и В.С. Шульгина, Соловьев склонялся к тому, чтобы отнести издание закона о всеобщем прикреплении крестьян к октябрю 1584 г. Связывая прикрепление крестьян к земле с усилением государственной централизации, Соловьев сделал шаг вперед в изучении проблемы возникновения крепостного права.

Объясняя устойчивость крепостного права, которое лишь усилилось в XVIII в., малолюдностью страны и тем, что в России продолжался процесс колонизации, Соловьев и в этом случае рассматривал крепостное право как следствие низкого роста народонаселения и средство для закрепления результатов колонизации.

Казачество

В 3-й главе 2-й части 5-го тома особое место отведено вопросу о происхождении казачества. Существование казачества в России Соловьев объясняет природно-географическими условиями и процессом колонизации свободных земель. В исторической концепции казачеству он отводит роль «анархического элемента», который явился причиной массовых народных выступлений в XVI в., расшатывавших государство. В огромной колонизуемой стране со степными окраинами в казаки уходили все те, кто по каким-либо причинам тяготился своим положением. Государство от этого только усиливалось, так как «дурные соки» выходили наружу. Но с началом Смуты нарыв, образовавшийся на границах России, прорвался внутрь государства, заражая его здоровые части. Для казаков, по мнению Соловьева, было характерно стремление пожить за чужой счет. Негативную оценку Соловьев дал казачеству в «Публичных чтениях о Петре Великом», подчеркнув: «...все наше сочувствие

принадлежит не тем, которые ушли, но тем, которые остались... Прошедшее, настоящее и будущее принадлежит не тем, которые уходят, но тем, которые остаются, остаются на своей земле, при своих братьях, под своим народным знаменем».

Восстание И.И. Болотникова у Соловьева лишено социального содержания, это момент «противуобщественного начала». К войскам восставших историк применял пренебрежительное слово «шайки». Казачество вовлекло в восстание крестьян, которые в этом случае своих интересов не отстаивали.

Случайным событием Соловьев считает и восстание С.Т. Разина, начатое донским казачеством. По его мнению, до тех пор, пока казаки могли грабить турецкие и крымские владения, русскому государству ничего не угрожало. Когда турецкие войска закрыли выход из Дона, казаки были вынуждены переброситься по Волге на земли Ирана. Разину удалось вернуться с богатой добычей, но он понимал, что вторично царские власти не допустят такого похода. «Лишенная таким образом надежды гулять по Каспийскому морю, огромная шайка опрокидывается внутрь государства в надежде воспользоваться его неприготовленностью и поднять низшие слои народонаселения на высшие».

Периодизация

I. От Рюрика до Андрея Боголюбского — период господства родовых отношений в политической жизни.

Первый шаг к государственным отношениям Соловьев увидел в том, что владимиро-суздальский князь Андрей Юрьевич Боголюбский, заняв Киев, не сел в нем княжить, а посадил там своего подручника. «Этот поступок Андрея был событием величайшей важности, событием поворотным, от которого история принимала новый ход, с которого начинается на Руси новый порядок вещей». Нашелся князь, «которому не полюбилось Киевское княжение, который предпочел славному и богатому Киеву бедный, едва только начавший отстраиваться город на севере, Владимир Клязменский». У Владимиро-Суздальской Руси для утверждения государственных начал были особые предпосылки, которые Соловьев видел в девственной почве, «на которой новый порядок вещей мог приняться гораздо легче», «не было укорененных старых преданий о единстве рода княжеского», князья не встречали препятствий своим намерениям со стороны горожан, веча, поскольку города «были построены и населены князьями» и потому «необходимо считали себя» княжеской собственностью. Соловьев пола-

гал, что в Северо-Восточной Руси «впервые явились понятия об отдельной собственности княжеской, которую Боголюбский поспешил выделить из общей родовой собственности».

II. От Андрея Боголюбского до начала XVII в. — период борьбы родовых и государственных начал, завершившийся полным торжеством государственного начала. Этот длинный период имел внутренние стадии:

а) от Андрея Боголюбского до Ивана Калиты — начальное время борьбы родовых и государственных отношений;

б) от Ивана Калиты до Ивана III — время объединения Руси вокруг Москвы;

в) от Ивана III до начала XVII в. — период борьбы за полное торжество государственного начала.

XIII–XV вв. Соловьев считал закономерным этапом в поступательном развитии общества. Через такой этап прошли все «органически образованные государства». В это время при «видимом разделении» идет «долгий, тяжкий, болезненный процесс внутреннего возрастания и укрепления». По наблюдению В.Т. Пашуто, А.М. Сахарова, В.С. Шульгина проблема образования Московского государства превращается у Соловьева в проблему возникновения государственности на Руси вообще. Центр исторической жизни русского народа переместился в XIII–XV столетиях в Северо-Восточную Русь, где вокруг Москвы стало образовываться единое Российское государство. Соловьев подчеркивал, что благодаря этому обстоятельству Северо-Восточная Русь приобрела ведущее положение в русской истории и что от этого зависел и самый исход борьбы Юго-Западной Руси против Литвы и Польши. Со второй половины XIII в. заметно явное усиление роли церкви в политических событиях. Соловьев объяснял это сменой митрополитов-греков русскими митрополитами и движением от родовых отношений к государственным. Соловьев показал, что объединение русских земель под властью Ивана III явилось не столько результатом деятельности самого московского князя, сколько было подготовлено предшествующим ходом истории. Иван III лишь «счастливый потомок целого ряда умных, трудолюбивых, бережливых предков». Иван III «доканчивает старое и вместе с тем необходимо начинает новое». В действиях Ивана Грозного Соловьев одним из первых в русской исторической науке увидел исторически обусловленную закономерность. Опричнина в глазах Соловьева была последним решающим ударом по родовым отношениям, носителем которых выступало боярство. Впервые опричнина характеризовалась как акт сознательной и исторически оправданной политической деятельности. Однако жестокости Ивана IV историк не оправдывает. Оценивая события с точки зрения развития государственности, Соловьев применил к событиям начала XVII в. словосочетание «страшные смуты» — насильственный перерыв в органическом ходе русской истории, регресс.

III. С начала XVII в. до середины XVIII в. — период вступления России в систему европейских государств.

Первой причиной Смуты Соловьев считал «неудовлетворительное состояние народной нравственности в Московском государстве». Падение нравственности в России произошло во время опричнины Ивана Грозного, тогда «водворилась страшная привычка не уважать жизни, чести, имущества ближнего». Другим благоприятствовавшим Смуте обстоятельством Соловьев считал казачество, которое придало Смуте такой размах, что государство оказалось на краю гибели. Историк подошел к определению Смуты как борьбы «между общественным и противообщественным элементом, борьбу земских людей, собственников, которым было выгодно поддерживать спокойствие, наряд государственный для своих мирных занятий, с так называемыми козаками, людьми безземельными, бродячими, людьми, которые разрознили свои интересы с интересами общества, которые хотели жить на счет общества, жить чужими трудами». Рост национального самосознания русского народа в ходе освободительной борьбы в начале XVII в. рассматривался Соловьевым как борьба за православную веру, восстановление монархии, против иноверных захватчиков — католиков и протестантов. Возведение на престол новой династии стало шагом на пути восстановления государственного единства. В общей концепции Соловьева XVII в. занимает особое место. Он подчеркивал его переломный переходный характер, поворот от «восьмивекового движения на Восток» к «движению на Запад». Направление реформ Петра Великого определилось в XVII в. «При первых трех государях новой династии мы видим уже начало важнейших преобразований: является постоянное войско... видим начатки кораблестроения; видим стремление установить нашу торговлю на новых началах; иностранцам даются привилегии для учреждения фабрик, заводов; внешние сношения начинают принимать другой характер»; громко высказывается необходимость просвещения, заводятся училища; при дворе и в домах

частных лиц являются новые обычаи; определяются отношения церкви к государству. Преобразователь воспитывается уже в понятиях преобразования... Так тесно связан в нашей истории XVII век с первою половиною XVIII, разделять их нельзя». Преобразованиями Петра I открывался «новый» период истории России. В самих начинаниях царя-преобразователя заключалась программа развития страны на будущие времена. В освещении русской истории 1725–1740 гг. Соловьев исходил из признания необратимости перемен, происшедших в жизни страны в первой четверти XVIII в.

IV. С середины XVIII в. до реформ 60-х гг. XIX в. — новый период русской истории.

По замечанию В.Е. Иллерицкого, вся последующая история России рассматривалась Соловьевым под углом зрения выполнения петровских предначертаний. Соловьев обратил внимание на то, что дворцовые интриги, столкновения групповых интересов в правительстве отрицательно сказывались на состоянии государственных дел. При ближайшем рассмотрении действий Елизаветы Петровны Соловьев выявил ее следование не столько духу, сколько букве законодательства Петра I. Подражательная зависимость Елизаветы Петровны от установок отца лишала ее политику необходимого динамизма. Положительной тенденцией стало смягчение нравов, «к человеку начинают относиться с большим уважением и умственные интересы начинают находить более доступа в общество». Вследствие этого появляются «начатки литературы и попытки обработать, облагозвучить орудие выражения пробивающейся мысли — язык». Основным деянием дочери Петра Великого Соловьев считал избавление страны от установившегося во времена Бирона «ига с Запада, более тяжкого, чем прежнее иго с Востока». В результате «Россия пришла в себя. На высших местах управления снова явились русские люди». Время царствования Елизаветы Петровны и Екатерины II было дорого Соловьеву как период «переворота в нравственных понятиях», смягчения нравов, развития наук, «известного торжества «духовного начала» над материальной силой».

«Великий человек»

Этому понятию Соловьев придал методологическое значение: «Думая о Петре, думая о том, за что называют его великим человеком, разумеется, русский человек должен был думать и о том, что такое великий человек вообще». Соловьев противопоставляет языческому представлению о великом человеке как сверхъестественном, полубожественном существе, понятие христианское. Он считал, что великий человек может проявить себя только в эпоху перехода от возраста юности к возрасту зрелости, когда народ вступает на дорогу исторического движения. «Человека, начавшего это движение, совершавшего его; человека, по имени которого знают его время потомки, такого человека называют великим». Ему присуще осознание потребности времени, необходимости перемен, «и силою своей воли, своей неутомимой деятельности» он увлекает тяжелое на подъем большинство на новое и трудное дело. Великий человек, поскольку он именно человек, не может не ошибаться и «ошибки эти тем виднее, чем виднее эта деятельность». «Великий человек является сыном своего времени, своего народа... он высоко поднимается как представитель своего народа в известное время, носитель и выразитель народной мысли...». Его деятельность должна выводить «народ на новую дорогу, необходимую для продолжения его исторической жизни». Таким образом, понятие великого человека у Соловьева оптимистическое, оно органично связано с понятием развития, и ему предоставлено право на ошибку. Причем, «народ не отречется от своего великого человека, ибо такое отречение для народа есть самоотречение». «Век Петра был веком не света, а рассвета...»

«Великий человек дает свой труд, но величина, успех труда зависит от народного капитала, от того, что скопил народ от своей предшествовавшей жизни, от предшествовавшей работы, от соединения труда и способностей знаменитых деятелей с этим народным капиталом идет великое производство народной исторической жизни». По наблюдению С.М. Соловьева в XVII в. «необходимость движения на новый путь была осознана... народ поднялся и собрался в дорогу; но кого-то ждали; ждали вождя; вождь явился». В данном случае это о Петре и его месте в народной жизни.

Деяния Петра Великого разделили русскую общественную мысль на славянофилов и западников. Будучи западником, симпатизирующим славянофилам, С.М. Соловьев-ученый, по мнению А.Л. Юрганова, не вписался в эти споры. Он глубже, без догматизма, оценил великого царя, найдя в его судьбе драму всей русской истории. Во взгляде Соловьева на Петра Великого в полной мере проявился сравнительно-исторический анализ. Историк сравнивал преобразования царя с Французской революцией: «...во Франции слабое правительство не устояло, и произошли известные печальные явле-

ния. В России один человек, одаренный небывалой силой, взял в свои руки направление революционного движения, и этот человек был прирожденный глава государства». Соловьев ставил Петра выше всех знаменитых монархов и выдающихся государственных деятелей XVIII в.

Источниковедческая основа трудов Соловьева

«История России...» основана на широком привлечении и использовании практически всех известных в то время исторических материалов. Одним из первых среди историков Соловьев стал использовать в качестве источника акты, в основном духовные и договорные грамоты князей, и отдельные акты феодального иммунитета в качестве памятника деятельности княжеской власти. Изложение событий политической истории до XVI в. строилось Соловьевым на основании летописей. Он пользовался преимущественно материалами поздней (XVI в.) Никоновской летописи. Заслугой исследователя является привлечение к решению вопроса о закрепощении крестьян в конце XVI в. приговора церковного собора 20 июля 1584 г. об отмене тарханов. В этом приговоре Соловьев увидел меру, подготавливавшую прикрепление крестьян в общегосударственном масштабе.

Критически сопоставляя версии «Нового летописца» и Угличского следственного дела об обстоятельствах смерти царевича Дмитрия в 1591 г., Соловьев обратил внимание на противоречия в следственном деле, изучив которое пришел к выводу о политическом характере убийства царевича по приказу Годунова и подтасовке в угоду Борису следственного дела.

Характеризуя И.И. Болотникова, Соловьев следует описанию, данному предводителю восставших Конрадом Буссовым, который видел в нем «доброго и верного рыцаря».

Архивные материалы (Московского архива Министерства иностранных дел, Московского архива Министерства юстиции, Московского отделения Архива Главного штаба, Государственного архива Российской империи, рукописных собраний Румянцевской библиотеки и библиотеки Эрмитажа) Соловьев привлек для изучения событий XVII и XVIII вв. Особенно широко он использовал документы из фонда Посольского приказа, характеризующие все основные стороны внешней политики России. В меньшей степени ученый обращался к источникам, освещающим внутреннюю историю России XVIII в. Он привлек документы личного кабинета Петра I и Екатерины I, фонды Сената, его следственных комиссий,

Преображенского приказа, тайной канцелярии, Синода и другие материалы.

В своем повествовании Соловьев использовал мемуары русских и иностранных государственных деятелей XVIII в. (Я.П. Шаховского, Б.К. Миниха, Х. Манштейна, Я. Штелина, Екатерины II, Фридриха II и др.), а также документы, опубликованные в «Сборниках Русского исторического общества», «Чтениях Общества истории и древностей Российских при Московском университете» и др.

Если в первых томах труда, написанных в значительной мере на основании материала летописей, имела место критика источников, то она практически отсутствует при описании событий XVII–XVIII вв. Соловьев, как правило, подробно пересказывал или цитировал содержание документов XVIII в. (часто целыми страницами). Наибольшего источниковедческого мастерства историк достиг при изучении источников, освещающих его излюбленные темы — перипетии внутриполитической, главным образом дворцовой, борьбы и тонкие хитросплетения дипломатических отношений.

Итоги

- Диалектика позволила С.М. Соловьеву поднять исследование на новый уровень.
- Комплексное рассмотрение роли природно-географических, демографическо-этнических и внешнеполитических факторов в историческом развитии России принадлежит к числу несомненных заслуг С.М. Соловьева.
- Историк применил к области русской истории новейшие приемы исторической критики.
- С.М. Соловьев впервые в русской исторической науке выработал цивилизационный подход, с помощью которого он смог отличить русскую историю от западноевропейской и одновременно включить ее в мировой исторический процесс.

Культурное наследие С.М. Соловьева. Наставник многих поколений

Современник С.М. Соловьева историк славянофильского направления М.О. Коялович считал: «Над всем этим возвышается необыкновенное знание нашего прошедшего, необыкновенная добросовестность при фактическом изложении и крупная талантливость, способная делать большие завоевания, т.е. создавать последователей, школу». Ученики Соловьева научились от него уважать мнение предшественников и относиться с почтением к умственному труду. У него были ученики прямые — и самый известный — Ключевский, преемники — зять, известный

историк Н.А. Попов, ученики его учеников, которым воззрения Соловьева казались более близкими, чем взгляды непосредственного учителя. Так, взятое у Соловьева суждение о возможности и уместности прямого заимствования позднее развил П.Н. Милюков.

Воспитанные в атмосфере творчества дети С.М. Соловьева (их было 12) были талантливы. Старший сын — Всеволод — популярный в свое время писатель-романист. Одна из младших дочерей — Поликсена — поэтесса, публиковавшаяся под псевдонимом Allegro, но наиболее известно имя другого сына, Владимира, религиозного мыслителя и философа. Мысли С.М. Соловьева органично вошли в национальную философию, труды И.А. Ильина, Н.А. Бердяева и др. Концепция царствования Петра Великого С.М. Соловьева легла в основу концептуального решения А.Н. Толстым при написании романа «Пётр Первый». Соловьев, как никто другой из его предшественников, многое сделал для средней школы, к преподаванию истории в которой он относился крайне серьезно. «История есть единственная политическая наука в среднем образовании и поэтому ее преподавание — чрезвычайной важности: от направления ее преподавания зависит политический склад будущих граждан», — считал Соловьев.

Литература

Волкова И.В. Сергей Михайлович Соловьев. Очерк жизни и творчества // С.М. Соловьев. Общедоступные чтения о русской истории. М., 1992.

Ерыгин А.Н. Восток. Запад. Россия. (Становление цивилизационного подхода в исторических исследованиях). Ростов-на-Дону, 1993.

Иллерицкий В.Е. Сергей Михайлович Соловьев. М., 1980.

Коялович М.О. С.М. Соловьев. Гл. XV // История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Минск, 1997.

Современники о С.М. Соловьеве (В.О. Ключевский, В.И. Герье, М.И. Семевский, Д.И. Иловайский, М.М. Стасюлевич, С.А. Муромцев, А.Н. Пыпин, П.В. Безобразов) // С.М. Соловьев. Соч. М., 2000. Кн. XXIII.

Соловьев С.М. Исторические поминки по историку. Речь 1 декабря 1866 г. в Московском университете в день 100-летнего юбилея Карамзина // Соч. М., 2000. Кн. XXIII.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Предисловие // Соч. М., 1988. Кн I; Россия перед эпохою преобразования // Соч. М., 1991. Кн. VII.

Соловьев С.М. Лекции по русской истории (1873/1874) // Соч. М., 1998. Кн. XXI.

Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Соч. М., 1995. Кн. XVIII.

Соловьев С.М. Письма из Европы / Публ. В.В. Кучурина // Отечественная культура и историческая наука XVIII—XX веков. Брянск, 1996.

Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом // Соч. М., 1995. Кн. XVIII.

Цимбаев Н.И. Сергей Соловьев. М., 1990.

Цамутали А.Н. Борьба течений в русской историографии. Л., 1977.

Шаханов А.Н. Архив С.М. Соловьева // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки имени В.И. Ленина. М., 1986. Вып. 45.

Шаханов А.Н. Становление ученого // С.М. Соловьев. Первые научные труды. Письма. М., 1996.

Глава 14 И.Е. ЗАБЕЛИН (1820–1908)

Личность Ивана Егоровича Забелина поражает многогранностью и широтой замыслов. Ровесник С.М. Соловьева стал творцом отечественной бытовой науки, впервые поставивший ее «на степень самостоятельной научной дисциплины». Творчеству И.Е. Забелина давались разные оценки и при жизни историка и после. О его трудах восторженно отзывались М.С. Щепкин, В.И. Суриков, братья Васнецовы, К.С. Станиславский. «Светлый русский ум и живая ясность взгляда», — писал о Забелине И.С. Тургенев. Так же «по-тургеневски» его оценивали Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, Л.Н. Толстой, Б.Н. Чичерин, И.И. Панаев и многие другие деятели русской культуры, литературы его времени, ученые, общественные деятели. Известный палеограф В.Н. Щепкин видел в его трудах «зрительные картины, которые мы читаем, до конца ни разу не почувствовав потребности в рисунке». Высоко оценивали научные заслуги Забелина В.Е. Якушкин, Е. Рудаков, Д.Н. Анучин и др.

Критически относился к трудам Забелина В.О. Ключевский. Он заметил произвольную переброску историком материала из XVI в XVII век, неумение анализировать известия источников, беря их лишь «на чувство и воображение». Ключевский сравнил Забелина с Д.И. Иловайским: «Иловайский — ученый-грызун, Забелин — ученый-наблюдатель... Один — тихий тенорный рассказчик, другой — бриозный, описатель шумный; один — немного скучен, другой — немного тяжел, и оба — не наука, хотя оба патриота: лес и степь, болото и поток». Историк И.Д. Беляев, на отзыв к которому

Академией наук был отправлен второй том труда — «Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст.», подвергая сомнению выводы Забелина, подчеркнул, что «помещенные в книге исследования большей частью ошибочны, противоречат собранным в книге фактам, затемняют дело и дают ему превратный смысл».

После революции имя И.Е. Забелина предали надолго забвению, как и те сюжеты, которыми он занимался, — быт русских царей и цариц. Но тем не менее, в фундаментальном историографическом труде Н.Л. Рубинштейн (1941) не смог обойти стороной Забелина. Назвав основные работы историка, Н.Л. Рубинштейн подчеркнул, что Забелин «выходил за рамки историко-бытового описания, обращаясь к общим проблемам общественного строя».

Положительно характеризовали в 1940-е гг. творчество историка Е. Звягинцев и А.В. Арциховский. Они обратили внимание на труды Забелина по археологии и истории Москвы. В 1965 г. Н.Л. Рубинштейн в своей статье, посвященной жизни и деятельности историка, впервые ввел в научный оборот дневниковые записи Забелина. «Однако Рубинштейн, — по мнению А.Н. Сахарова, — все же не дал всесторонней оценки творчества Забелина, нарочито подчеркнув прозападнические и антиславянофильские тенденции в его исследованиях, что было совершенно чуждо Забелину».

Первой книгой, написанной на материалах из архива ученого и посвященной подробной биографии Забелина, истории создания основных трудов, стала работа А.А. Формозова «Историк Москвы И.Е. Забелин» (1984). Книга Формозова послужила основанием для переиздания в начале 90-х гг. (впервые после 1918 г.) трудов Забелина по истории Москвы и русского быта. Переоценка научной деятельности Забелина как историка простого народа дана в 1990-е гг. в работах А.Н. Сахарова, С.О. Шмидта, М.Г. Рабиновича.

Биография

Иван Егорович Забелин родился 17 сентября 1820 г. в семье мелкого чиновника в Твери. Отец будущего историка, Егор Степанович Забелин, был сыном сельского священника. Успешно закончив семинарию, он отказался от принятия сана и поступил на службу в Казенную палату. О матери Ивана Егоровича, Авдотье Федоровне, известно лишь то, что она была родом из светской семьи. Поэтому женитьба Егора Степановича на ней не была одобрена его родителями. В связи с переменой службы Егором Степа-

новичем Забелины с 1821 г. проживали в Москве, а спустя несколько лет — в Алексине и Мышкине.

В семье Иван был старшим сыном. Младший же брат, Петр, родившийся в 1828 г., по причине болезни матери был временно отдан в Воспитательный дом. После смерти Егора Степановича семья осталась без средств к существованию, и Авдотья Федоровна не имела никакой возможности содержать двоих сыновей. Петр был оставлен в Воспитательном доме и через несколько лет усыновлен крестьянином. А Иван в 1832 г., по распоряжению Приказа общественного призрения, поступил в Преображенское сиротское училище.

Пять лет, проведенные в училище, оставили тяжелые впечатления в душе мальчика. «Воспоминания о моем пребывании в училище полны страха и ужаса», — писал Иван Егорович уже в преклонном возрасте. В этом учебном заведении существовал строгий распорядок, а наставники нередко прибегали к розгам. Вместе с тем в годы учебы впервые проявился интерес Ивана Забелина к истории, с увлечением он читал Плутарха, Карамзина, исторические романы Вельтмана и Загоскина. Это чтение, писал о себе Забелин, «...заманчиво направили его любознательный ум к исторической древности вообще». Финансовое положение семьи не позволило Забелину закончить учебного курса училища, несколько классов которого составили все полученное Иваном Егоровичем образование.

В ноябре 1837 г. Забелин был определен на службу в Оружейную палату московского Кремля, где он принял участие в разборе архива. В 1848 г. он был назначен помощником архивариуса Московской дворцовой конторы, а в 1855 г. он стал кремлевским архивариусом. В 40–50-е гг. XIX в. определились и две главные темы исследовательской деятельности Забелина — русский быт XVI–XVII вв. и история Москвы. Им была опубликована серия статей в периодических изданиях. Начинающий историк был замечен в научных кругах и в 1842 г. избран членом-соревнователем Общества истории и древностей российских, глава которого, С.Г. Строганов, поддерживал Забелина.

Не получив специального исторического образования, Иван Егорович в течение всей своей жизни стремился восполнить этот пробел. Во время службы в Оружейной палате он самостоятельно изучил ряд вспомогательных исторических дисциплин. Общение Забелина с И.М. Снегиревым, П.М. Строевым, М.П. Погодиным и другими московскими историками, прослушивание им лекций Т.Н. Грановского на дому, посещение кружка А.В. Станкевича также способствовало расширению исторических знаний молодого историка-самоучки.

В 1859 г. Забелин стал членом Археологической комиссии. Руководя в 1859–1873 гг. раскопками на юге России, он предпринял ряд археологических экспедиций, результатом одной из которых стала находка кургана Чертомлык (1862–1863). Историко-археологический материал, собранный Забелиным в ходе экспедиций, был использован им в работах «Древности Геродотовой Скифии» (1872), «История русской жизни с древнейших времен» в двух частях (1876, 1879) и др. Однако в эти годы Забелин продолжал изучение и своих любимых тем, писал теоретические статьи.

В 60-е — начале 70-х гг. XIX в. вышли в свет такие работы историка, как «Размышления о современных задачах русской истории и древностей» (1860), «Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях» в двух томах (1862, 1869), «Русская личность и русское общество накануне Петровской реформы» (1863), «Современные взгляды и направления в русской истории» (1863), «Историческое описание московского ставропигиального Донского монастыря» (1865), «Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве» (1871), «Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время» (1872), «Опыты изучения русских древностей и истории: Исследования, описания и критические статьи» (1873), «Черты самобытности в древнерусском зодчестве» (1877), многие из которых еще при жизни Забелина были переизданы.

В 1873 г. Забелин стал действительным членом московского Исторического музея, а с апреля 1885 г. — товарищем председателя музея, т.е. его фактическим руководителем. Занимаясь делами музея, Забелин в то же время возглавил научно-исследовательскую работу по составлению истории Москвы. Ученым были изданы два тома «Материалов для истории, археологии и статистики города Москвы» (1884, 1891) и «История города Москвы» (1902; 1905. 2-е изд.). К сожалению, смерть Забелина в 1908 г. прервала начатую им работу по созданию многотомного труда по истории Москвы.

Научные и общественные заслуги И.Е. Забелина были высоко оценены при жизни историка. Он был избран почетным доктором истории Московского и Петербургского университетов, действительным членом Академии художеств, почетным членом Петербургской Академии наук. После смерти

И.Е. Забелина, согласно его завещанию, собранные Забелиным коллекция архивных документов XVI–XVIII вв., библиотека по русской истории, личный архив историка в 1909 г. поступили в Исторический музей.

Тема русского быта

Забелин придавал изучению русского быта огромное значение. «Выводы науки,— писал он в предисловии к третьему изданию своего труда «Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях», — даже события современной жизни с каждым днем все больше раскрывают истину, что домашний быт человека есть среда, в которой лежат зародыши и зачатки всех, так называемых великих событий его истории, зародыши и зачатки его развития и всевозможных явлений его жизни, общественной и политической, или государственной. Это в собственном смысле историческая природа человека, столько же сильная и столько же разнообразная в своих действиях и явлениях, как и природа его физического существования».

Выбор темы историком не был случаен. Работа в Оружейной палате Кремля предоставила Забелину возможность работать с уникальными архивными документами, связанными с жизнью царского двора XVI–XVII вв., большинство из которых не было известно специалистам историкам. Молодой служащий заинтересовался этим материалом и в процессе разбора архива Оружейной палаты делал выписки из приходо-расходных книг, из Дел Царицыной Мастерской палаты, кроильных книг и других документов, содержащих сведения о пошиве царской одежды, о расходах царской казны на богомольные походы, о яствах на праздничных царских столах, об изготовлении игрушек для царских детей и т.п. Об этом периоде своей жизни Забелин позднее писал: «Я любил разыскивать, исследовать, то есть следить какую-либо мысль повсюду и выяснять ее; собирать материал, факты для выяснения какой-либо задачи». В то же время он думал и о публикации найденных им интересных сведений по истории царского быта.

Свою первую статью «Троицкие походы» он написал в 1840 г. (полностью опубликована в 1846 г., отрывок из статьи напечатан в 1842 г. в «Прибавлениях к Московским губернским ведомостям»). «Что-либо сочинять — было большой труд... И после, когда составлял статьи ученые, например «Троицкие походы», испытывал всегда великий труд. Оказывалось, что мне надо было заданный вопрос, мысль, идею, так сказать, пережить по всем степеням ее развития, от начала до конца и

со всеми обстоятельствами. «Троицкие походы» я мямлил очень туго», — вспоминал о своих трудностях Забелин. Статья была посвящена богомольным походам русских царей в XVI–XVII вв. В небольшом вступлении Забелин рассказывал о религиозном характере воспитания русских царей, об их обычае посещать русские монастыри, истории царских «походов» в Троицкий монастырь. Основное содержание статьи включало подробное описание Троицких походов (время их проведения, состав царского «поезда», путь из Москвы в монастырь и обратно, обряды в монастыре). Статья была написана на основе ранее неопубликованного материала из архива Оружейной палаты (Дела дворцовых приказов, приходо-расходные книги разных приказов и др.) и Главного архива Министерства иностранных дел (Записки торжественных выходов царя Алексея Михайловича), доступ к которым был открыт И.Е. Забелину. Большие отрывки из этих архивных документов в тексте работы, а также полная публикация некоторых из них в «Приложениях» составили основную ценность статьи молодого исследователя. При работе над статьей Забелиным были использованы также ряд опубликованных источников и историческая литература. Черновую рукопись своей статьи Забелин передал на просмотр известному историку И.М. Снегиреву. Маститый историк, видимо, одобрил работу начинающего исследователя, и она с незначительными исправлениями была опубликована.

В 1840-х гг. вслед за первой статьей появился целый ряд работ И.Е. Забелина о быте и нравах русских царей в XVI–XVII вв. (Домашний быт московских царей в XVII столетии // Московские ведомости. 1847. №147, 149, 150; Некоторые придворные обряды и обычаи царей московских // Московские ведомости. 1846. №155; 1847. №13, 14, 36, 37, 53, 54; Дворец московских царей до Петра Великого // Москвитянин. 1849. Кн.7. Отд.5; Кн. 11. Отд. 5). Работы были посвящены истории обрядов и обычаев русских царей в праздники (на Рождество, Масленицу, Благовещение, Троицын день), на первой неделе Великого поста, на Страстной и Святой неделях, особенностям царского воспитания, обычаям, сопровождавшим рождение ребенка в царской семье, игрушкам и одежде царских детей, истории строительства царского дворца. Круг источников, указанных Забелиным в статьях, был весьма обширен. В них были часты ссылки на актовый и законодательный материал, опубликованный в Актах исторических, Указателе Законов Макси-

мовича, «Древней Российской Вивлиофике» Н.И. Новикова, Полном собрании Законов, а также на сочинения иностранных и русских авторов, среди которых особое место занимало сочинение Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича». Бесспорным достоинством работ стала впервые введенная Забелиным в научный оборот большая группа письменных источников из фонда Оружейной палаты. «Вынести на свет из архивной пыли все материалы, облегчить путь дальнейших исследований» — так объяснял Забелин цель своей работы. Помимо письменных, в текст статей были включены описания и вещественных источников, хранившихся в Оружейной палате (предметы быта, гравюры старинных архитектурных построек). Статьи имели подробный справочно-ссылочный аппарат.

Однако поскольку работы были написаны историком-самоучкой, им был свойствен описательный подход, отсутствие аналитического изложения материала, в основе их стоял пересказ источника. Описательность, свойственная трудам Забелина, являлась принципиальной позицией историка. Забелин объяснял эту отличительную особенность своих работ следующим образом: «В живом факте... гораздо полнее высказывается минувшая жизнь, нежели во всех наших многословных описаниях».

1840-е гг. явились начальным периодом творческой деятельности И.Е. Забелина. В эти годы был заложен необходимый фундамент для создания историком крупных произведений.

В 50-е гг. XIX в. И.Е. Забелин продолжил изучение русского быта XVI–XVII вв., опубликовав в журнале «Отечественные записки» цикл статей под названием «Домашний быт русских царей прежнего времени». Статьи 50-х гг. включили в себя характеристику домашнего быта русских царей, придворных обрядов и обычаев, Троицких походов, царского дворца. Таким образом, материал статей 40-х гг. был существенно дополнен и переработан: расширился фактологический материал и приложения за счет большей публикации источников.

О большой работе, проделанной Забелиным в эти годы, свидетельствуют и многочисленные подготовительные материалы историка, хранящиеся в его архиве. В них содержатся выписки Забелина из архивных документов (челобитных, «Записок дневанью», столбцов и др.) об обычаях, обрядах, праздниках в царской жизни. В процессе подготовки статей Забелин составлял именной указатель к источникам, выписывал исторические понятия, составлял несколько вариантов текста, что свидетельствует о кропотливой работе историка. Подготовительные материалы показывают, что при работе над статьями Забелин не руководствовался планом, четко не определял структуру будущей статьи. Его работа заключалась в поиске необходимых сведений по истории царского быта и в выписках из источников. Найденный же материал дополнялся авторскими размышлениями. О своем методе работы, который стал предметом критики специалистов историков, Забелин позднее писал: «Обыкновенный способ обработки бытовой истории заключается в том, что разновременные, разноместные и разнословные бытовые факты сводят под известное оглавление и таким образом составляют рассказ о той или другой стороне быта, о том или другом порядке жизни». Как видим, историк допускал произвольное обращение с фактами, сам осознавая это. Забелин, отмечал, что его метод «...грешит излишним обобщением фактов, из которых каждый представляет или должен представлять как бы общую черту, не выясняя, однако ж, того или другого общего типа жизни, а рисуя только вообще жизнь народа в известный период времени, иногда очень значительного объема». Этот метод изучения архивных документов был основным на протяжении всей научной деятельности историка.

Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях

Основным произведением Ивана Егоровича Забелина стал двухтомник «Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях», состоявший из «Домашнего быта русских царей в XVI и XVII столетиях» (в двух частях) и «Домашнего быта русских цариц в XVI и XVII столетиях». Этот труд был очень популярен и выдержал четыре издания до революции с 1862 по 1918 г. Каждое следующее издание дополнялось ранее непубликовавшимися документами.

О чем же писал Иван Егорович Забелин в своем труде «Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях»?

Типы нашей истории

В предисловии к третьему изданию сочинения Забелин написал о задачах, которые стоят перед исследователями русского быта. Он отметил «главнейшие разделы изучения домашнего народного быта» — «типы нашей истории».

Первым, или «передовым», историческим типом Забелин считал «государя», «не в тесном смысле государя политического, а в смысле общем, как собственника и владельца, хозяина».

К данному типу историк относил не только представителей княжеской и царской власти, но и дворянство. В типе «государя» Забелин выделял лучших, средних и младших людей и предлагал рассмотреть быт каждой группы в отдельности. «В древнем домашнем быте царей мы раскрываем верховное значение этого типа и потом постепенно придем к младшей его ветви, к детям боярским, этой рядовой княжеской дружине», — подчеркивал Забелин.

Второй исторический тип — тип «земца-кормителя», быт которого, так же как и у первого типа, Забелин делил «на лучшую, среднюю и младшую среду». В этом типе, считал Забелин, «наиболее видным лицом становится по естественной причине капиталист-гость, этот господарь-хозяин в собственном смысле. Младшие ветви этого типа теряются в посадских и чернослободских «сиротах».

И наконец, третий исторический тип — «казачество», которое «есть также совсем особый порядок отношений, особая стихия жизни, требующая, как особый ее тип, отдельного независимого исследования».

Помимо основных исторических типов, которые должны были стать предметом изучения ученых, Забелин упоминал и другие, «не имеющие такого широкого значения» в сравнении с первыми тремя: тип «церковника», тип «дьяка» и «подьячего», тип «дворового слуги», «холопа».

«Когда таким способом обработки будут раскрыты частные типы, — писал Забелин, — то общий тип народной жизни не замедлит раскрыться сам собою, и только тогда будут возможны полные и верные характеристики не только частных, но и общественных форм народного быта».

Наметив программу изучения русского быта, Забелин подчеркнул, что цель его сочинения заключалась в показе «опыта подобной обработки предмета», в облегчении дальнейшей разработки исследователями этой темы. Хотя, по мнению историка, его труд не являлся идеальным, а представлял собой «только собрание материалов, частью обработанных больше или меньше, а частью даже в сыром виде».

Выделив исторические типы, Забелин утверждал, что они существуют не отдельно друг от друга, а взаимосвязано, представляя вместе «общий тип народной жизни». По мнению А.Н. Сахарова, «эти основополагающие для Забелина мысли, высказанные в 1895 г. в предисловии к третьему изданию «Домашнего быта русского народа», по существу, были для него

итоговыми. С особой тщательностью и обоснованностью он разрабатывал их прежде».

Итак, свое сочинение историк посвятил первому народному типу — государю, описав быт русских царей и цариц в XVI–XVII вв. Свой выбор времени он объяснил тем, что «наши поступки есть стиль XVI–XVII веков», что «народ в своей громаде и доселе во многом живет еще идеями и идеалами XVII столетия».

Быт и нравы русских царей

В своем труде Забелин подчеркивал, что, «несмотря на расстояние, которое отделило каждого земца от «пресветлого царского величества», несмотря на порядки быта, по-видимому, столько различные и чуждые преданиям древности, великий государь, при всей высоте политического значения, на волос не удалился от народных корней. В своей жизни, в своем домашнем быту он остается вполне народным типом хозяина, главы дома, типическим явлением того строя жизни, который служит основою экономического, хозяйского быта во всем народе. Одни и те же понятия и даже уровень образования, одни привычки, вкусы, обычаи, домашние порядки, предания и верования, одни нравы, — вот что равняло быт государя не только с боярским, но и вообще с крестьянским бытом». Различие между царским и крестьянским бытом заключалось, по мнению Забелина, лишь в богатстве. «Но это, — писал историк, — был только наряд жизни, нисколько не изменявший существенных ее сторон, существенных ее уставов и положений, и не только в нравственной, но и в материальной среде».

Мысль о том, что быт царя и быт простого человека имел общие корни и незначительные различия, была исходной в труде Забелина. Именно через понимание единой основы быта всех «типов истории», Забелин рассматривал домашний быт русских царей.

Рождение мальчика в царской семье имело общенародное значение, поскольку «подавал Бог ожидаемого наследника Царству». Это событие, отмечал Забелин, в актах того времени называлось «государскою всемирною радостью». В день рождения ребенку давали имя и вскоре крестили. Однако сам день рождения не отмечался. Огромное значение в царском быту, как и в быту всех русских людей, придавалось крестинам и именинам. В эти дни накрывались праздничные столы, новорожденному подносились дары.

Первоначальное обучение русских царей носило религиозный характер. Оно включало в себя чтение, письмо и церковное пение. Основными книгами для чтения были сначала букварь, а затем Часослов и Псалтирь, которые находились в доме любого русского человека. Забелин отмечал, что «грамотность... была распространена по всем сословиям; была общенародною и везде единообразною». Помимо первоначального, дальнейшее образование считалось роскошью. «В царском быту... начальное обучение было пополняемо другими предметами, имевшими чисто гражданский и притом практический характер» (отечественная история, ремесленные занятия и др.).

Важное место в жизни русских царей занимали религиозные праздники, отмечавшиеся всенародно. Забелин подробно описал празднование царями Рождества, Крещения, Благовещения, Троицына дня, Пасхи. В церемониал праздничных дней обязательно входили поздравления царя и царицы высшими духовными чинами и боярами, присутствие царя на церковных службах в Успенском соборе, посещение московских монастырей, раздача милостыни нищим и заключенным, торжественные столы во дворце.

Один из больших очерков Забелина был посвящен истории строительства царского дворца, его внешнему и внутреннему виду. Отмечая общую черту дворцовых построек разного времени, Забелин писал: «Вообще великокняжеские хоромы, как древнейшие, так и строенные во времена царей, сообразно назначению их в домашнем быту государя, можно рассматривать как три особые отделения». Это хоромы «постельные», или «покоевые», предназначенные для жизни царской семьи, «непокоевые» хоромы для торжественных собраний (приемов послов, Земских соборов, праздничных и свадебных государевых столов) и, наконец, все хозяйственные дворовые постройки (Конюшенный, Житный, Кормовой, или Поваренный, Хлебенный, Сытный и другие дворцы). В основе же всех построек царского дворца, считал историк, были обыкновенные изба и клеть. «Изба крестьянская, срубленная во дворце, для государева житья, убранная богатыми тканями, раззолоченная, расписанная, все-таки оставалась избою в своем устройстве, с теми же лавками, коником, передним углом, с тою же мерою в полтретьи сажени, сохраняя даже общенародное имя избы».

В труде Забелина дано подробное описание церемониала царского дворца (обряд государевой жизни, честь государева

двора), а также предметов роскоши (царский стол, царская одежда, внутреннее убранство дворца), которые отличали быт царей от быта людей других сословий.

Царь Алексей Михайлович

Одним из излюбленных исторических персонажей Забелина был царь Алексей Михайлович. При нем, отмечал историк, в царском быту произошли определенные перемены. «В первые же годы, — писал Забелин,— царь обнаружил стремление обновить распущенную жизнь, внести в нее строгий порядок, обнаружил, словом сказать, стремление к реформе, хотя еще вовсе и не осознавал, в чем она должна состоять, чтобы принести народу действительное благо».

При Алексее Михайловиче, который, по мнению Забелина, был благочестивым царем, был восстановлен домостроевский образ жизни, нарушившийся в предыдущие годы. В царском дворце были отменены различного рода забавы и увеселения, и дворец, отмечал Забелин, «стал превращаться в настоящий монастырь», были запрещены также и народные общественные увеселения, в связи с чем, писал историк, «вспомянуты были некоторые решения Стоглава и поучения его родного брата — Домостроя об искоренении бесовских мирских игр, сатанинских песен и позорищ, вообще о том, чтобы живым мирским людям устроить свое житье по старческому началу...». Эти изменения в быту, считал Забелин, выражали стремления Алексея Михайловича «найти источник нравственного обновления», хотя и «на старом, уже пройденном пути, в старых преданиях, в старых отеческих обычаях и поучениях».

Вместе с тем при Алексее Михайловиче появились и нововведения — «много разных улучшений»: мебель немецкого и польского образцов, обои, фигурная немецкая резьба во внутреннем убранстве дворца, «театральные зрелища». Личность Алексея Михайловича, как и других русских царей, рассматривалась Забелиным однобоко, с позиции быта. Государственная деятельность царя не находила места в труде историка.

Семья. Царица. Царские невесты

Положение царицы при дворе также определялось положением женщины в древнерусском обществе, «всем строем допетровского русского быта». Обращаясь к известному источнику по истории русского быта — «Домострою», Забелин описывал нравы и обычаи, царившие в русской семье XVI–XVII вв. и получившие название домостроевских. Согласно «Домострою», писал историк, глава семьи имел значение государя

или господаря-хозяина, обладал большой самостоятельностью. «Он один за всех должен был «ответ дати в день Страшного суда», как говорит Домострой в другом месте. Эта священная обязанность и великая ответственность сама собою уже давала владыке дома самые полные, беспрекословные, самые широкие права...».

Русская женщина не была самостоятельной личностью, вела замкнутый образ жизни, целиком посвящая себя семье. «Одному мужчине, — писал Забелин, — исключительно принадлежали интересы общественности. Женщине оставалась обязанность жить дома, жить семейно, быть человеком исключительно домашним, и в существенном смысле быть вместе с домом и домочадцами только орудием, средством для жизни общественного человека — мужчины». Женская личность считалась «малолетней по преимуществу, почиталась ребенком, над которым была необходима самая полная опека». Самостоятельность женщины проявлялась лишь в одном случае, когда после смерти мужа она становилась «матерою» вдовой, т.е. вдовой — матерью сыновей. Вместе с тем бездетная вдова считалась в древнерусском обществе сиротой и «причислялась к людям церковным, богодельным, т.е. к людям, забота об участи которых была делом Божьим, потому что не была делом общественным». Забелин подчеркивал патриархальность русской семьи, где ведущую роль играл глава дома — мужчина, обладавший большой самостоятельностью и рядом прав, в то время как женщина была подчинена интересам семьи.

Жизнь русской царицы незначительно отличалась, по мнению Забелина, от жизни любой русской женщины. Но «если в общем быту народа, — писал он, — личность женщины является жертвою семейного начала, то женщина-царица является жертвою уже не одного семейного начала, но сверх того и жертвою государственных идей, которые, хотя и возносят ее лицо на высоту недосягаемую, но в то же время ограничивают смысл ее доли исключительно значением родительницы, значением почвы, в которой не должен иссякнуть корень государского рода». Главное призвание царицы заключалось в «чадородии»: «она должна была дать наследника царю и царству». Царица, не имевшая сына или детей вообще, впадала в царскую немилость и могла быть удалена в монастырь, в то время как царь заключал брак с той, которая была способна подарить ему наследника престола.

В связи с этим первостепенное значение имел выбор царской невесты, которая должна была как будущая мать наследника иметь прекрасное здоровье. Выбор невесты с конца XV в. происходил всенародно. Забелин отмечал, что «государевы невесты очень нередко избирались из бедных и простых дворянских родов, а потому и возвышение их родства выпадало на долю самым незначительным людям». По словам историка, придворные встречали во дворце родственников царской невесты с завистью и ненавистью, опасаясь их возвышения. «Выбор государевой невесты подымал в дворовой среде столько страстей, столько тайных козней и всяческих интриг, что это государево дело редко проходило без каких-либо более или менее важных и тревожных событий в его домашней жизни». Забелин описал несколько случаев так называемой «порчи» царской невесты придворными, которая влекла за собой отмену царской свадьбы.

Быт русской царицы носил замкнутый характер. Находясь в своем тереме, царица никогда не показывалась народу, не участвовала в приемах послов, в праздничных царских застольях, лично не принимала у себя бояр. Доступ к царице, помимо царя, имели только родственники царицы, высшие церковные чины, «приезжие боярыни» и женщины из ее придворного штата, через которых она обычно принимала поздравления, подарки, просьбы. Однако, скрываясь от посторонних глаз, царица имела возможность наблюдать за «публичными действами» (крестные ходы, встречи иноземных послов, торжественные обеды за царским столом и т.п.), тайно смотря из окон Грановитой палаты.

Особое место в жизни царицы занимали «дела милосердия». Одним из царских обычаев была раздача милостыни: поминная милостыня (приказная или официальная раздача на помин души духовному чину и нищим), раздача нищим калачей и хлебов, раздача денег заключенным и нищим и др. Подобные раздачи происходили во время праздников и богомольных выходов. Еще одним «делом милосердия» царицы был прием челобитных от бедных людей (преимущественно женщин), что происходило в праздничные и именинные царские дни. На многие просьбы царица отвечала, посылая челобитчикам определенное жалованье (от гривны до нескольких рублей). В круг забот царицы входило также попечение и о своих домочадцах.

Труд И.Е. Забелина «Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях» ценен публикацией огромного комплекса

источников (письменных и вещественных). Помимо опубликованных работ Забелина, в его архиве хранятся также многочисленные материалы по истории царского быта, собранные ученым на протяжении многих лет. И.Е. Забелин надеялся, что его труд положит начало дальнейшим исследованиям по истории русского быта.

В 70-е гг. историк прервал свое исследование русского быта, возобновив лишь в конце 90-х гг. XIX в. Возможно, это было связано с его работой в Археологической комиссии и в Историческом музее. По свидетельству библиотекаря Исторического музея И.М. Тарабрина, «приходиться удивляться, с каким живым интересом Иван Егорович, будучи 80-летним старцем, спешил просматривать все вновь выходившие издания, в каких он только мог надеяться найти новые и новые материалы для своего сочинения». Забелин продолжал делать выписки из исторической литературы, искал новые архивные данные, перерабатывал материал предыдущих лет. К сожалению, историку не удалось напечатать вторую часть «Домашнего быта русских царей в XVI и XVII ст.», подготовка которой к публикации велась им в последние годы жизни. Эту работу завершил И.М. Тарабрин, под редакцией которого книга вышла в свет в 1915 г.

История Москвы

Официальным историографом Москвы И.Е. Забелин стал в конце 70-х — начале 80-х гг. XIX в., когда, по предложению московской Городской думы, он возглавил работу по составлению истории города. Однако тема Москвы вошла в творчество историка значительно раньше и стала одной из его любимых.

Как отмечал биограф историка А.А. Формозов, еще в детстве Иван Забелин познакомился с обликом Москвы, с бытом ее жителей, когда был предоставлен самому себе, слонялся с мальчишками по московским улицам и переулкам, прислуживал в приходских церквях, рассматривал книги на книжном развале у Китайгородской стены. Будучи уже молодым человеком, Забелин совершил множество пеших прогулок по Москве и ее окрестностям: подробно осмотрел Кремль, московские церкви, монастыри, посетил Новый Иерусалим, Троице-Сергиевский монастырь, Звенигород и другие места. Подобные прогулки, записи о которых остались в архиве историка, дали дополнительный материал для его работ. Через всю жизнь пронес Забелин любовь к городу, который стал для него родным и о котором позднее он писал: «Москва была хранительницею, была сердцем того начала в Русской жизни, которое, как сильнейшее, поглотив или переработав все другие элементы, стихии народного развития, соединило Русь в одно могучее, крепкое целое; она создала Русское Государство».

Первые работы Забелина по истории Москвы относятся к 1840-м гг. Во время службы в Оружейной палате Кремля Забелин познакомился с известным ученым И.М. Снегиревым, который в то время работал над «Памятниками московской древности». Снегирев предложил молодому служащему сотрудничество: подбор Забелиным архивных материалов для публикации ученого. «Не вспомню теперь, по какому поводу, как случилось, что я стал ему сообщать разные сведения о Москве, о постройках, мастерах, мастерствах и т. п. из архивных книг,— писал об этом событии Забелин. — Но это обстоятельство очень меня сблизило с ним...» Усердная работа Забелина, по его словам, не была оценена должным образом Снегиревым. Так, например, «Выходные книги», предоставленные Забелиным ученому, были в публикации археографической комиссии «списаны на счет И.Н. Царского». Это обстоятельство привело начинающего исследователя к мысли о публикации собственных работ.

В 1843 г. в печати под псевдонимом Меланхлен, появилась рецензия Забелина на книгу помощника директора Оружейной палаты А.Ф. Вельтмана «Достопамятности московского Кремля», которая представляла собой краткий путеводитель. Забелин дал весьма смелый критический разбор книги, отметив ряд «ошибок» автора и то, что «книга Вельтмана не заменила устаревшие путеводители». Молодой исследователь московской старины увидел достаточно вольные трактовки исторического материала Вельтманом.

В 1846 г. Забелин опубликовал статью «Когда именно исполнится семисотлетие Москвы?». Упомянув о неверных расчетах дня первого упоминания города в летописях, сделанных Татищевым и Карамзиным (28 июля и 28 марта), Забелин предложил отмечать дату основания Москвы четвертого апреля. Видимо, начинающий историк в то время не был знаком с трудом Н.С. Арцибашева «Повествование о России» (1838), в котором уже была точно определена подлинная дата первого упоминания Москвы.

В 50–60-х гг. XIX в. Забелиным был написан целый ряд работ по истории Москвы: собственные сочинения, рецензии на труды других авторов, публикации архивных материалов.

Среди сочинений Забелина этих лет необходимо отметить описания архитектурных памятников Москвы, вошедшие в «Памятники древнего русского зодчества», статью «Московские сады в XVII столетии», труд «Историческое описание московского ставропигиального Донского монастыря». Сочинения были написаны на богатом архивном материале, частично опубликованном в приложениях к последним двум работам. Видимо, особенно заинтересовала Забелина тема Донского монастыря, о чем свидетельствует собранная историком и хранящаяся в его архиве коллекция документов, включившая разнообразные письменные источники по истории монастыря XVI–XVIII вв.

Забелин продолжал писать и рецензии на появившиеся в печати книги по истории Москвы. Как добросовестно выполненное и необходимое для ученых библиографическое издание оценил Забелин «Указатель для обозрения московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки», составленное архимандритом Саввой. В то же время отрицательная оценка была дана Забелиным работе И.М. Снегирева «Москва. Подробное историческое и археологическое описание города». «История Москвы, — написал он, — содержит голый пересказ разных событий и сведений, касающихся Москвы, не связанный никакой единою, а тем менее историческою мыслью...»

В 1856 г., когда Забелин несколько месяцев редактировал неофициальный отдел «Московских губернских ведомостей», им были напечатаны «Материалы для истории Москвы и ее окрестностей», представлявшие собой разнообразные архивные материалы (царские указы, челобитные, описания вотчин в Московском уезде). Открывая публикацию, Забелин отмечал, что «история Москвы еще очень мало разработана. Исследователи, посвящавшие свои труды древней Москве, касались или только общей государственной ее истории, или частями разрабатывали ее древнюю топографию и историю памятников...». Большинство трудов по истории Москвы, считал Забелин, «...отличаются какой-то нестройностью, отсутствием порядка, ясности и точности». Разработку истории Москвы необходимо начать со сбора архивного материала «в первоначальном, неискаженном виде», т.е. с полной, а не отрывочной публикации источников. Именно с этой целью Забелин открывал серию «Материалов», приглашая к сотрудничеству в данном направлении и других исследователей. Публикация имела лишь один недостаток: в ней отсутствовали сноски на архив и название источника. Однако после того, как Забелину пришлось оставить должность редактора газеты, выпуски «Материалов» прекратились.

Изучение Забелиным истории Москвы в 1850–1860-е гг. велось в различных направлениях, но имело одну существенную особенность: в основе всех работ историка лежали архивные материалы, многие из которых не были известны специалистам историкам. Эта же особенность была свойственна и последующим работам Забелина по истории Москвы, вышедшим в 80–90-е гг. XIX в. (статьи «Благовещенский собор и его древняя стенопись», «Из хроники общественной жизни в Москве XVIII столетия», «Подземные хранилища московского Кремля», «Изыскание о древнем первоначальном поселении Москвы», очерки в многотомном издании «Живописная Россия»).

В конце 1870-х — начале 1880-х гг. начался новый этап в изучении Забелиным истории города. В 1877 г. московская Городская дума, обсудив предложение своего гласного Н.А. Найденова, приняла решение о составлении подробного исторического описания Москвы. Для обсуждения этого дела была избрана специальная комиссия, которую и возглавил Н.А. Найденов. В 1880 г. комиссия представила в Думу доклад, в котором отмечалось, что «все сколько-нибудь известные описания Москвы, издававшиеся до сего времени, далеко не обнимают собою всех сведений , которые должны найти место в полном описании; что последнее во всяком случае должно быть подробным во всех отношениях — историческом, топографическом, статистическом». В докладе также указывалось, что составление описания Москвы должно быть начато с «собрания и разработки еще никем нетронутого архивного материала». В 1881 г. руководство сбором архивных документов по истории Москвы и составление самого описания было поручено И.Е. Забелину, который подготовил необходимую для предстоящих работ программу. М.Г. Рабинович отмечал, что выбор историка в качестве руководителя данной работы не был случайным. К тому времени Забелин был известен как знаток архивов, опытный исследователь, автор многих работ по истории Москвы.

В «Предполагаемых задачах историко-археологического и статистического описания города Москвы» Забелин отметил, что «общая задача этого труда обнимает подробную историю

и статистику города Москвы, т.е. ход его исторического развития с первых времен и обзор его состояния в последовательные периоды его жизни во всем объеме его бытия и быта политического и религиозного, умственного и нравственного, общественного и домашнего, торгового и промышленного, ремесленного и художественного, экономического или хозяйственного и материального или строительного». Данная задача, считал Забелин, должна быть выполнена путем написания исторического повествования и сбора «разнородных материалов, касающихся истории, археологии и статистики города Москвы». При этом историком был составлен большой перечень тем, которые должны были быть освещены в описании города (история строительства города; быт и нравы москвичей; история городского управления; состав городского населения; история московских церквей, монастырей, благотворительных учреждений, библиотек, школ и университетов; история торговли, ремесел и промыслов; хроника общественной жизни в Москве и др.).

В 1884 и 1891 гг. вышли две части «Материалов для истории, археологии и статистики города Москвы». Публикация «Материалов» не была продолжена. «С самого начала, — по мнению А.Н. Сахарова, — проект был обречен на неудачу: небольшой группе ученых, даже самых усердных и талантливых, не суждено было поднять этот научный груз». Намеченная Забелиным программа была столь обширна, что выполнение ее в определенные сроки было просто немыслимо. Это осознавал и сам историк, который писал: «Само собою разумеется, что такое собирание материалов по крупицам, особо в каждый отдел и на каждую тему, требует, кроме усердной работы, и много-премного времени. Вот причина той медлительности в этой работе, какая доныне продолжается относительно издания собираемых материалов».

В то время как под руководством И.Е. Забелина братьями Холмогоровыми осуществлялся подбор архивных документов к изданию «Материалов», историк преступил к изложению «Истории города Москвы». Труд, по замыслу автора и в соответствии с его программой, должен был быть многотомным. Однако пожилому ученому удалось опубликовать лишь первую часть труда, которая до революции вышла двумя изданиями.

М.Г. Рабинович в статье «Иван Егорович Забелин и его «История города Москвы» подчеркивал, что в своей работе

историк сосредоточился только на древнейшем ядре столицы — Кремле, причем более всего на его исторической топографии. Хронологически первая часть труда Забелина охватывала время от первых заселений территории Москвы до конца XVIII в.

Забелин отмечал, что «княжеская история Москвы» начинается с первого упоминания о ней в летописи в 1147 г. Однако «Кремлевский поселок» существовал гораздо раньше, на что указывают находки арабских диргемов, найденных на территории Кремля и датированных 862 и 866 гг., и предметы женских украшений, открытых в курганах Московской области. Рассказывая о торговых путях, шедших через Москву в древности, историк подчеркивал важность географического положения города.

В отдельной главе Забелин анализировал сведения источников о начале Москвы—города. Он выделил московские предания, приписывающие основание города Олегу, сказания польского происхождения, рассказывающие об истории появления Москвы—народа и имени Москвы—города, а также всех славян от праотца Мосоха, московскую повесть «О зачале Московского Княжения»и летописное сказание, представляющее Москву Третьим Римом. Говоря о происхождении слова «Москва», Забелин, следуя за З. Ходаковским, высказывал мнение, что это оно происходит от слова «мост», т. е. имя Москва «...есть сокращение Мостковы, Мостквы, производного от слова мост».

В историческом обзоре Кремля Забелин описывал местоположение первоначального Кремлевского поселения, изменение его территории в течение нескольких веков, строительство деревянных, а затем каменных построек в Кремле, отмечал состояние города в разное время. Забелиным были отмечены и те изменения, которые происходили в облике Кремля при великих князьях и русских царях.

В предисловии к своему труду Забелин писал: «Историю города сооружали люди, поэтому о них больше, чем о стенах и разных постройках, должен говорить и историк». И действительно, немалое место в работе было отведено московским домовладельцам: их биографиям, историям их родов, описаниям их владений. Так, Забелин рассказывал о родах Ховриных-Головиных, Трубецких, Плещеевых, описывал дворы С.Н. Годунова, Ф.И. Шереметева, Б. Бельского и И.В. Голицына. Рассказывая об истории кремлевских построек, Забелин не мог

подробно не остановиться на домашней обстановке царского, а также патриаршего быта.

Достоинством работы «История города Москвы» считают «эффект присутствия», когда читатель приглашался Забелиным на прогулку по Кремлю, вел его от Спасских ворот к Кирилловскому подворью, от Крутицкого подворья к древней площади Заруба и т.д., что вовлекало читателя в рассказ автора. Основную ценность работы составил огромный источниковый материал. Второе издание труда Забелина было дополнено «Альбомом старинных видов московского Кремля».

В последние годы своей жизни Забелин работал над второй частью «Истории города Москвы». Сохранившаяся в архиве историка рукопись свидетельствует о том, что вторая книга должна была быть посвящена истории Китай-города, Белого города и Земляного города и иметь название «Посад».

Обширный замысел «Историко-археологического и статистического описания Москвы» не был полностью воплощен в жизнь. Но и сделанного Забелиным достаточно, чтобы говорить о важном этапе в сборе материалов о прошлом Москвы, «первом подробном и систематическом научном описании исторического ядра нашей столицы» (по выражению М.Г. Рабиновича). Метод исследования Забелина — сопоставление письменных, вещественных, изобразительных и других источников, подача материала в виде прогулки по Москве — оказали несомненное влияние на специалистов-историков, обогатили краеведение.

Литература

Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. I. Ч. I. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 2000.

Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. I. Ч. II. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 2000.

Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. Новосибирск, 1992.

Забелин И.Е. История города Москвы. М., 1995.

Забелин Иван Егорович // Отечественная история: энциклопедия. В 5 т. Т. 2. Д-К. М.,1996. С. 202—203.

Звягинцев Е. Историограф великого города — И.Е. Забелин (1820—1908) // Исторический журнал. 1943. Кн. 3—4.С. 61—67.

Рабинович М.Г. Иван Егорович Забелин и его «История города Москвы» // Забелин И.Е. История города Москвы. М., 1995. С. 671—683.

Рубинштейн Н.Л. Иван Егорович Забелин: Исторические воззрения и научная деятельность (1820—1908) // История СССР. 1965. №1. С. 51—74.

Сахаров А.Н. И.Е. Забелин: новая оценка творчества // Вопросы истории, 1990, №7. С. 3—18.

Формозов А.А. Историк Москвы И.Е. Забелин. М.,1984.

Шмидт С.О. Послесловие (очерк о Н.И. Костомарове и И.Е. Забелине) // Костомаров Н.И., Забелин И.Е. О жизни, быте и нравах русского народа / Сост. А.И. Уткин. М.,1996.

Глава 15 К.Н. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН (1829–1897)

Бестужев-Рюмин в оценке современников и потомков

В отечественной историографической литературе 70-х гг. XX в. можно было встретить оценку Константина Николаевича Бестужева-Рюмина как «эпигона 40–50-х годов». Ее несправедливость по отношению к историку очевидна, хотя бы потому, что влияние Бестужева-Рюмина на русскую историческую науку, и прежде всего «петербургскую школу», было более продолжительным (как минимум, оно простиралось на 1860–1880-е гг.) и более глубоким. Это влияние определялось отнюдь не научным значением концепции русской истории Бестужева-Рюмина. Здесь он не был новатором и не оспаривал научного приоритета концепции своего учителя С.М. Соловьева. Р.А. Киреева справедливо отметила: «Напротив, он в целом, исходил из нее: разделял идею развития и единства исторического процесса, признавал его закономерность...» Вклад ученого видится в ином.

Он работал на научную перспективу: готовил самостоятельные кадры историков, всячески поддерживая их индивидуальность и содействуя раскрытию творческих способностей. С этой целью он писал «Русскую историю». Она выходила в то же самое время, когда ежегодно появлялись очередные тома (начиная с 22-го) «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева и одновременно осуществлялась публикация «Истории России» Д.И. Иловайского. В их ряду «Русская история» Бестужева имела особое назначение. Ее задачей было преодоление глубокого разрыва, ко-

торый существовал в те годы между наукой и педагогикой. А для этого требовалось «ввести» будущих историков в мир профессиональных занятий, открыть им секреты источниковедческого и историографического мастерства, объяснить назревшие методологические вопросы и тем самым содействовать выработке самостоятельных суждений, предоставить возможность осмысленного выбора. Способность реализации творческих качеств учениками Бестужев-Рюмин рассматривал как критерий оценки собственного труда. Именно в этом смысле он трудился на будущее: подводил историографические итоги, намечал перспективные линии развития науки, подготовил историков, ставших цветом отечественной науки. Один из них, С.Ф. Платонов, со временем поняв секреты мастерства учителя, высоко оценил приемы, с помощью которых тот приучал студентов к самостоятельной научной работе. Влияние Бестужева-Рюмина сказывалось в первую очередь, в подходе учеников к изучению источников.

Используя выражение А.Е. Преснякова, современный исследователь А.С. Кан охарактеризовал мировоззрение Бестужева-Рюмина как неопределенное «гуманно-эклектическое». Долгое время об историке писали с интонацией снисхождения, не столько связывая его творчество с прямыми наследниками, сколько с «доживавшим» прошлым. Достаточно упрощенными выглядят некоторые современные оценки Бестужева-Рюмина, когда его, как бы мимоходом, характеризуют как историка славянофильского направления. Бестужев-Рюмин, изучая русский исторический процесс, отдавал должное такому историку как Ранке, которого искренне считал великим историком XIX в. за методологическую и методическую постановку исследовательских вопросов на всемирно-историческую (общеевропейскую) почву.

Историографическая ситуация «в пользу» Бестужева-Рюмина коренным образом меняется в 90-е гг. XX в. после выхода в свет монографии Р.А. Киреевой «К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в.» и публикации ряда статей Р.А. Киреевой и А.П. Пронштейна. Разговор переводится в плоскость научного объяснения, в том числе и высказанных в более ранней историографии таких «обвинений» в адрес Бестужева-Рюмина, как его «нелюбовь к разного рода историческим теориям», «склонность к примирению крайних точек зрения», «оптимизм в освещении прошлого».

Бестужев-Рюмин и С.М. Соловьев

В историографических работах не оспаривается выдающаяся роль Бестужева-Рюмина в придании определенного облика «петербургской школе» благодаря укоренению принципа историографического освещения предмета и внимания к методологии. Однако в литературе не обращалось должного внимания на московские истоки профессионализма Бестужева-Рюмина, выпускника Московского университета. Не допускалась постановка вопроса о влиянии в этом контексте «московской исторической школы» на судьбу школы «петербургской». Сама тема «К.Н. Бестужев-Рюмин и С.М. Соловьев» требует изучения.

В 1851 г. Бестужев-Рюмин окончил Московский университет. Много лет спустя через месяц после смерти учителя (3 ноября 1879 г.) он прочел в Петербургском университете лекцию о Соловьеве, где подчеркнул, что имел счастье слушать Сергея Михайловича в 1848 г. Слова, которыми начинал курс Соловьев, Бестужев-Рюмин запомнил на всю жизнь, именно в его изложении они цитируются во многих работах: «Спросим человека, с кем он знаком, и мы узнаем человека; спросим народ об его истории, и мы узнаем народ. В истории народа мы его узнаем, но только в полной истории, в такой, где на первый план выступают существенные черты, где все случайное, несущественное, отходит на второй план, отдается в жертву собирателям анекдотов, любителям «курьезов и раритетов». Данный принцип Бестужев-Рюмин хорошо усвоил. Он многому научился у Соловьева, в том числе этике историографических оценок. Так, первоочередной научной задачей Бестужев-Рюмин считал необходимость «оценить Соловьева как следует, оценить его с той стороны, с которой он сам желал быть ценимым, которою он сам дорожил».

Между тем отношения с Соловьевым у него складывались непросто. Известны очень резкие суждения Соловьева в адрес Бестужева-Рюмина. В частности, когда К.Н. Бестужев-Рюмин возглавил кафедру русской истории Петербургского университета в 1865 г., (заметим, что он еще не имел тогда ученой степени, но к высказыванию, приводимому ниже, это не имеет отношения), С.М. Соловьев написал И.К. Бабсту: «О Бестужеве говорить нечего: разве захотим отомстить Петербургскому университету за его ненависть к Московскому...» Различия в позициях, в направлении творческого поиска у Соловьева и Бестужева-Рюмина, конечно, существовали, и на некоторые из них будет указано ниже. Принципиальным был возврат К.Н. Бестужева-Рюмина к периодизации, от которой еще в начале своего творческого пути отказался С.М. Соловьев. Древнейшую историю Руси до середины XV в. он делил на четыре периода: 1) догосударственный — первобытный период, который включает и расселение славян, 2) варяжский, 3) удельный и 4) татарский. С середины XV в., по мнению Бестужева-Рюмина, начинается качественно иной этап развития. На двух половинах русской земли складываются два государства — Московское на Востоке и Литовское на Западе. Тогда же «раздробленное начинает собираться около новых центров».

Участие Бестужева-Рюмина в современном историографическом процессе было многогранным. Он, например, являлся одним из переводчиков «Истории английской цивилизации» Г. Бокля, позитивистскую концепцию которого принципиально не принял Соловьев.

Однако показательной в отношениях К.Н. Бестужева-Рюмина и С.М. Соловьева все же представляется ситуация 1876 г. Тогда осложнились отношения С.М. Соловьева с Министерством народного просвещения и министром Д.А. Толстым. И как бы в противовес развивавшемуся конфликту, проходили юбилейные торжества, по случаю празднования 25-летия с начала выхода в свет соловьевских томов «Истории России с древнейших времен». Они получили демонстрационный, даже оппозиционный по отношению к министру оттенок. Петербургский университет в лице К.Н. Бестужева-Рюмина тогда поддержал С.М. Соловьева. В поздравительном адресе Петербургского университета отмечалось, что С.М. Соловьев «поставил историю России на подобающее ей место во всемирной истории». Это было мнение К.Н. Бестужева-Рюмина.

Бестужев-Рюмин во главе кафедры истории Петербургского университета

К 1865 г., т.е. к тому времени, когда Бестужев-Рюмин возглавил кафедру русской истории Петербургского университета, эта должность была вакантной уже в течение трех лет, со времени студенческих волнений 1861–1862 гг. (осенью 1861 г. Александр II принял решение о временном закрытии университета). У Бестужева-Рюмина были именитые предшественники: в 1859–1862 гг. кафедру возглавлял Н.И. Костомаров, а до него Н.Г. Устрялов. Переехав в Петербург, Бестужев-Рюмин посещал лекции Костомарова, имевшие у публики большой успех. Одно время

он испытывал сильное влияние костомаровской федеративной теории, но позднее стал ее убежденным критиком.

Бестужев-Рюмин был очень чувствителен к новому слову в науке, как отечественной, так и зарубежной, но процесс его освоения сопровождался увлеченностью конкретными воззрениями. По прошествии некоторого времени в сознании историка срабатывал «порог восприимчивости», когда отдельные мысли впитывались, другие отторгались, третьи рождали собственные соображения. Аналитическое отношение Бестужева-Рюмина к освоенному материалу выражалось, как правило, в историографической форме. Историографический жанр получил в его творчестве серьезное развитие, проявлением которого стал историографический подход к проблемно-хронологическому освещению русской истории. В.О. Ключевский считал исключительно полезной в научном отношении «Русскую историю» Бестужева-Рюмина: «Кто из занимающихся русской историей переносит эту своеобразную книгу с письменного стола на полку! Она ежеминутно понадобится как путеводитель при обзоре осматриваемого города». При этом высшую ценность в глазах Ключеского имела система авторских примечаний Бестужева-Рюмина. Однако новое слово в историографическом жанре не привело к рождению цельного взгляда на ход русской истории, в связи с чем нельзя не сказать об эклектичности представлений Бестужева-Рюмина.

По оценке С.Ф. Платонова, лектор Бестужев-Рюмин был «выдающимся явлением на факультете. Он привлекал: студентов как «человек, широко образованный, свободно вращавшийся во всех сферах гуманитарного знания, великолепно знавший свою науку», умевший легко поднять студентов на «высоты отвлеченного умозрения и ввести в тонкости специальной ученой полемики», посвящая их в подробности русской историографии. Кроме общего курса, историк читал курс русской историографии, по которому не устраивал экзамена.

С.Ф. Платонов писал о К.Н. Бестужеве-Рюмине: «Весь курс его был построен так, что не столько излагал исторические факты, сколько объяснял историю их научной обработки, успехи и приобретения научного труда и остроумия». При этом Бестужев-Рюмин опирался на собственный опыт, полученный в Московском университете. Он никогда не забывал о пользе, какую «принесли ему самому несколько лекций, посвященных С.М. Соловьевым развитию исторических знаний в России». Свои принципы подачи материала студентам Бестужев-Рюмин аргументировал следующим образом: «...профессор должен держаться того или другого мнения; но при настоящем состоянии нашей науки, он редко может быть вполне уверенным, что его мнение — самое верное. Лучший выход в этом случае изложение не догматическое, а критическое. Тогда перед слушателями или читателями будет не одностороннее мнение того или другого лица, а все разнообразие мнений, развивающееся в литературе». Он настойчиво проводил линию на приоритет самостоятельной умственной работы слушателя или читателя, разрабатывая соответствующие методики. Цель своего главного труда «Русская история» Бестужев-Рюмин видел в том, чтобы «дать читателю поболее материалов и указаний для образования собственного суждения и приговора». Для этого автор даже «сжимал» изложение собственных взглядов.

Бестужев-Рюмин выступал против политизации науки, защищал ее особое место в жизни общества. Он считал необходимым хранить самодостаточность исторической науки, в чем полагал ее главную ценность, несовместимую с политизацией и общественной борьбой. Такая позиция вызывала решительное неприятие со стороны ряда современников. Начиная с П.Н. Милюкова в этом усматривали ретроградство Бестужева-Рюмина. Долгие годы разделяли данную позицию и советские историографы. Однако к концу XX в. пришло время для понимания справедливости позиции К.Н. Бестужева-Рюмина. Первым обратил внимание на мотивировку неприятия Милюковым школы Бестужева-Рюмина (синонимом которой для того же Милюкова был термин «петербургская школа») А.Н. Цамутали: «В Петербурге вообще доживала точка зрения, установленная еще Шлецером: русскую историю нельзя писать, не изучив предварительно критически ее источников». Милюков считал, что «петербургская школа» отстала от требований времени, тогда как «московская школа» «шагнула гораздо дальше». Что же касается «петербургской школы», то она, как считал Милюков, даже после того, как подверглась влиянию «московской», сохранила связь с взглядами старшего поколения. Милюков поставил все с ног на голову, но именно его трактовка в новейшей историографии имела долгое хождение.

О влиянии «московской школы» на «петербургскую» можно говорить в контексте взаимодействия идей конкретных историков. К числу действенных историографических факторов во второй половине XIX в. следует отнести влияние

творчества С.М. Соловьева, от которого не был свободен тот же Милюков. Выпускник Московского университета Бестужев-Рюмин, считавший себя, и не безосновательно, учеником С.М. Соловьева, сам был фактором влияния «московской школы». Его идеи нашли благодатную почву для своего развития именно в Петербурге, куда он переехал в 1859 г.

Водораздел, о котором пишет Милюков, скорее всего, был в степени политизации науки и вовлеченности ее представителей в общественно-политическую борьбу, активности выражения отношения к ней. На это обстоятельство обратил внимание А.Н. Цамутали: «На Платонова произвело большое впечатление изображение русской историографии в лекциях Бестужева-Рюмина как ученого братства, дышавшего «одними общими интересами и жаждою народного самосознания». Много лет спустя в лекциях самого Платонова сказалась присущая Бестужеву-Рюмину трактовка развития русской историографии как некоего «единого потока», рассматриваемого в отрыве от той борьбы, которая происходила и в общественно-политической жизни, и в науке».

О более позднем времени, как о движении «московской» и «петербургской» научных школ в лице Милюкова и Платонова (каждый ученый самоидентифицировал себя с одной из них) «навстречу друг другу» пишет В.П. Корзун. Следует подчеркнуть, что у этого «движения» было мощное основание — корневая система мировоззрения Бестужева-Рюмина, мощнейшим истоком которой была школа С.М. Соловьева. Уже в творчестве учеников Бестужева-Рюмина (того же С.Ф. Платонова) их несогласие с учителем также играло стимулирующую творческую роль. Преданность учителю у одних вела к появлению новых исследований, в том числе биографического жанра (Е.Ф. Шмурло «Очерк жизни и научной деятельности К.Н. Бестужева-Рюмина», 1899 г.), посвященных осмыслению роли Бестужева-Рюмина в отечественной науке. Конструктивная критика у других (С.Ф. Платонова) имела следствием рождение самостоятельной концепции.

Моменты биографии

К.Н. Бестужев-Рюмин родился 14 мая 1829 г. в деревне Кудрешки Горбатовского уезда Нижегородской губернии в имении отца, где и прошли его детские годы. Здесь же, в Кудрешках, в 1801 г. родился его дядя Михаил Павлович Бестужев-Рюмин, знаменитый декабрист, казненный за участие в восстании Черниговского полка.

Род Бестужевых-Рюминых известен с XVII в. (семейное предание начиналось с XV в.). Военное дело было традиционно основным занятием мужских представителей рода. Константин Николаевич эту традицию нарушил. Он как бы «вышел» из своего сословия, чтобы стать историком. Призвание стать историком подпитывалось из нескольких источников.

Отец К.Н. Бестужева-Рюмина одно время жил в доме генеалога Матвея Спиридова, зятя историка М.М. Щербатова. Отсюда он вынес любовь к русской истории сам и передал ее старшему сыну. Отец завещал К.Н. Бестужеву-Рюмину прекрасную библиотеку. Поэтому за «благоговейным» посвящением историком первого тома «Русской истории» памяти своего отца стоит многое. По свидетельству современников будущий историк рос под влиянием Евангелия, «Илиады» Гомера, «Орлеанской девы» В.А. Жуковского, «Евгения Онегина» А.С. Пушкина, Плутарха и Н.М. Карамзина. С. Москаленко отмечал: «По «Истории государства Российского» он учился «высокой нравственности», «любить родную землю, любить добро, ненавидеть зло, презирать ложь, лесть и коварство».

Родная земля будущего историка была богата людьми, сыгравшими большую роль в формировании вкуса к его занятиям историей. Это П.И. Мельников, известный под литературным псевдонимом Андрей Печорский, и С.В. Ешевский. Мельников, последователь Владимира Даля, автор эпопеи «В лесах» и «На горах» с 1839 г. преподавал в нижегородской гимназии, в пансион при которой был определен 1840 г. К.Н. Бестужев-Рюмин. Мельникова-Печерского можно по праву назвать первым учителем будущего историка. Он же посодействовал появлению первых публикаций гимназиста Бестужева-Рюмина в «Нижегородских губернских ведомостях» в 1847 г. С однокашником Степаном Васильевичем Ешевским, впоследствии историком-медиевистом (1829–1865), Бестужева-Рюмина связывали 23 летняя дружба и родственные отношения. Бестужев-Рюмин женился на сестре друга Елизавете Васильевне. В 1846 г. Мельников поручил своим любимым ученикам вести вместо себя уроки истории в 3-м и 4-м классах. Мельников же дал Бестужеву-Рюмину рекомендательное письмо к М.П. Погодину, когда тот в 1847 г. поехал в Москву поступать в университет.

Поступив на словесный (т.е. историко-филологический факультет), Бестужев-Рюмин очень скоро перешел на юридический. И сразу почувствовал различия научного климата на

этих двух факультетах. Если атмосферу словесного факультета определяли славянофильские симпатии С.П. Шевырева и М.П. Погодина, то юридический факультет зарекомендовал себя как оплот западничества. Там царило влияние Т.Н. Грановского и К.Д. Кавелина. На Бестужева-Рюмина, историка по призванию, сильнейшее воздействие оказал С.М. Соловьев.

Своим учителям — Павлу Ивановичу Мельникову, Тимофею Николаевичу Грановскому, Петру Николаевичу Кудрявцеву, Сергею Михайловичу Соловьеву и Константину Дмитриевичу Кавелину благодарный К.Н. Бестужев-Рюмин посвятил второй том основного труда — «Русской истории».

Одновременно с Бестужевым-Рюминым на юридическом факультете учился Б.Н. Чичерин, который был на курс старше. Глава из воспоминаний Чичерина «Студенческие годы» передает атмосферу, в которой вырастали таланты: «Отношения между профессорами и студентами были самые сердечные: с одной стороны, искренняя любовь и благоговейное уважение, с другой стороны, всегдашнее ласковое внимание и готовность прийти на помощь... Библиотеки профессоров всегда были открыты для студентов, которых профессора сами побуждали к чтению и расспрашивали о прочитанном. Всякий молодой человек, подававший надежды, делался предметом особенного внимания и попечения».

Из университета Бестужев-Рюмин вышел в 1851 г. со степенью кандидата прав, однако юриспруденцией никогда не занимался. Постоянную работу ему найти не удалось и по рекомендации Т.Н. Грановского его пригласили домашним учителем в дом Чичериных, где он жил до конца 1853 г. Продолжая заниматься репетиторством, осенью 1854 г. Бестужев-Рюмин становится учителем истории в двух московских кадетских корпусах. Начинается его журналистская деятельность. В 1855–1859 гг. он был помощником редактора «Московских ведомостей».

Переломным в жизни Бестужева-Рюмина стал 1859 г. Тогда произошли два события, определившие последующую судьбу историка. Вышел первый и — увы! — единственный номер собственного журнала «Московское обозрение», для которого Бестужев-Рюмин написал статью «Современное состояние русской истории как науки». О журнале забыли, а статья оставила заметный след в историографической литературе. Пережить житейскую невзгоду Бестужеву-Рюмину помогло поступившее ему тогда же предложение о сотрудничестве в

журнале «Отечественные записки». И в 1859 г. он переезжает в Петербург.

Первые пять лет жизни Бестужева-Рюмина в северной столице прошли в напряженной работе не только в журнале «Отечественные записки», но также в «Энциклопедическом словаре» А.А. Краевского и «Записках императорского географического общества». В 1864 г. Бестужева-Рюмина пригласили преподавать русскую историю в царской семье. В течение следующих 18 лет он давал уроки 11 высочайшим персонам царского дома, в том числе будущему императору Александру III, его братьям и сестре, великому князю Константину Константиновичу (литературный псевдоним поэта и переводчика К.Р.). С 1865 по 1884 г. Бестужев-Рюмин возглавлял кафедру русской истории в Петербургском университете. В мае 1868 г. он защитил магистерскую диссертацию «О составе русских летописей до конца XIV века». При выборе темы он руководствовался своим пониманием чувства долга перед наукой, полагая, что предметом первой необходимости является критический анализ летописей. Понимание потребностей науки для Бестужева-Рюмина было приоритетным и заставляло его выполнять трудоемкую, но исключительно важную работу. Ее венцом стало издание «Русской истории». Об обостренном чувстве исследовательского долга историка писали современники. Отпущенного ему времени не хватило для реализации многих замыслов. Не состоялась его мечта написать сочинения в жанре художественной истории, так же как не удалось в полной мере претворить в жизнь заветный интерес к проблемам Смутного времени. Он всегда хотел заниматься эпохой рубежа XVI–XVII вв. и воцарения первых Романовых. Эта проблематика получила развитие уже в трудах его учеников, прежде всего С.Ф. Платонова.

Бестужев-Рюмин успел издать только два тома «Русской истории». Изложение событий в них завершается эпохой Ивана Грозного. X главу о событиях начала XVII в. — Смутного времени и избрания на царство Михаила Романова он опубликовал в форме статьи.

История научная, философская и художественная

Выделяя среди исторических работ три жанра: историю научную, философскую и художественную, последней из них Бестужев-Рюмин отказывал в научной ценности. Вместе с тем он понимал, что и для читателя, и для писателя — это самый привлекательный и эмоционально действенный вос-

питательный «род истории». Более того, сам Бестужев-Рюмин мечтал о счастливом соединении задач и умений ученого и художника, только благодаря которому и возможно органическое рождение художественной истории, не обезображенной произволом воображения. На данное обстоятельство обратила внимание Р.А. Киреева: «В конечном счете Бестужев-Рюмин считал художественную историю высшей формой исторического труда при непременном условии соблюдения всех строгих требований науки. Достигнуть этого идеала крайне трудно, писал он, но стремиться к нему желательно. Поэтому-то он часто упрекал того или иного автора (в том числе и С.М. Соловьева) за то, что тот не художник». Уровень художественной истории Н.М. Карамзина его не удовлетворял. Он не выходил, по мнению Бестужева-Рюмина, за пределы ученического определения истории: «История есть повествование о достопамятных событиях», — учили нас в гимназии».

Научной истории Бестужев-Рюмин самоотверженно служил всю жизнь. Ее отличало критическое отношение к источникам, владение мастерством «исторической критики», которое позволяет «понять факты ... в их законной, не внешней только, но и внутренней связи» и преодолеть отрывочность дошедших до нашего времени сведений, сопоставить существующие отрывки и «уяснить себе облик народа». Историк подчеркивал важность выработки метода исследования. Его выбор, по мнению Бестужева-Рюмина, зависел от поставленной цели, личных интересов и уровня развития науки. Он никогда не отказывался от определения истории, усвоенного им у С.М. Соловьева: «История есть народное самосознание», — учили нас в университете». Бестужев-Рюмин считал, что между двумя определениями истории, которым учат в гимназии и в университете «лежит целая бездна». Он рассматривал определение С.М. Соловьева как «идеал, к которому должна стремиться историческая наука».

Занимаясь научной историей, Бестужев-Рюмин постоянно размышлял о путях развития истории как науки. Он считал, что обязательно приходит время, когда становится очевидной необходимость подвести итоги и осмыслить накопленный материал. Тогда на первый план выдвигаются теоретические построения и философские выводы. Однако эти обобщения Бестужев-Рюмин рассматривал только в качестве «более или менее удобной остановки для мысли, теряющейся в многообразии фактов». Он понимал неизбежность смены устаревших теорий

новыми, выдвинутыми после анализа новых данных, и в этом видел развитие науки. Но Бестужев-Рюмин понимал единство и взаимосвязь теоретического и эмпирического уровней исследования, постоянное движение от теоретического уровня к эмпирическому, и далее вновь к теоретическому, и так до бесконечности. Это движение для историка не являлось самоцелью, а представляло лишь внутренний научный механизм, с помощью которого профессионалам предстояло изучать органическое развитие жизни, не терпящей единообразия. Историк должен держаться «исторической последовательности развития народной жизни», иначе, предупреждал Бестужев-Рюмин, «вместо истории мы получим философскую диссертацию о том или другом вопросе с примерами из истории — род сочинений наиболее вредный для самостоятельного развития науки и общества».

Бестужев-Рюмин считал, что философия истории и история — разные отрасли знания и что у каждой из этих наук есть свои методы исследования.

История общества в целом составляет главную цель исторической науки. Историк должен проследить, как развивается общество в его отдельных состояниях, переходя от одного «культурного типа» к другому, составными элементами которого на каждом этапе являются формы семейной жизни, общественная власть, управление, сословия, суд, торговля, религия, литература, хотя органически они между собой и не связаны. Именно эти проблемные составные позволили Бестужеву-Рюмину организовать материал при написании «Русской истории».

Бестужев-Рюмин, размышляя об анатомии творчества, предостерегал историков о недопустимости отношения к науке как богатому арсеналу для игры в «умственный кастет: для каждой мысли можно подыскать примеры в истории, стоит только вырвать их из их естественной связи и естественной обстановки, в которых они только и понятны».

Мировоззренческие основания

По вопросу о философии истории, которую исповедовал Бестужев-Рюмин, в литературе высказывались разные точки зрения. Если А.П. Пронштейн считал историка позитивистом, то А.С. Кан, наоборот, в адрес Бестужева-Рюмина высказывал упрек в неприятии им позитивизма. Между тем интерпретация внутренней мотивации и способов разработки и осмысления истории, данная Бестужевым-Рюминым во «Введении»

к I тому «Русской истории» не оставляют сомнения в том, что историку была близка именно философия истории Гегеля и его диалектика. Этим и объясняется «исторический оптимизм» Бестужева-Рюмина, который ему ставился в вину. Не отрицал он и шествующего во всемирной истории Мирового духа. Частные явления, по мнению Бестужева-Рюмина, таят в себе мысль, которую историческая наука может открыть, только постигнув всю совокупность этих явлений, во всем присущем им многообразии. «...Вы уясните себе облик народа, конечно, приблизительно, ибо никогда не следует упускать из виду того, что частью по внешним обстоятельствам, частью по несовершенству, присущему всему человечеству, — даже и в более совершенных формах его, каковы народности сравнительно с отдельными лицами, — выражение полноты всего содержания невозможно, а возможно оно только в целой жизни человечества, ибо то, что могло не выразиться в жизни известного народа или известной эпохи, выразится в другом народе, в другой эпохе; то, что не только выразилось в одном, уяснится, проявившись шире, в другом» — к такому выводу пришел Бестужев-Рюмин.

Таинственность движения Мирового духа, по мнению историка, не дает основания использовать в качестве метода аналогию. Он считал, что аналогии никогда не приобретут полной достоверности, «ибо кто же подметил ту минуту, когда зарождается племенная особенность, зерно народности?» Бестужев-Рюмин предлагает поразмышлять читателю над вопросом: «Кто может поручиться, что это, еще не ясно пробудившееся сознание, не кладет печати на то племя, в котором началось, не заключает в себе зародыша его будущего полного развития, которое может быть изменено теми или другими внешними условиями, но возможность которого в нем заключается». Шанс выживания народа Бестужев-Рюмин сравнивает с судьбой растения, на которую могут повлиять заморозки, недостаток света и влаги, следствием чего является недоразвитие. «Всеобщая история, — писал историк, — только тогда станет в полном смысле всеобщею, когда она будет обнимать все народы, не пренебрегая и теми, которые почему-либо не успели развиться; не пренебрегает же естествоиспытатель анормальными явлениями, которые нередко объясняют ему нормальные и выясняют скороспелость выводов, основанных на неточном и неполном наблюдении. К сожалению, история не вполне следует этому благому примеру: частью по недостаточности наших знаний и затрате самых фактов, но частью по особой гордости т.н. культурных исторических народов». Деление Гегеля на народы исторические (арийские) и не исторические вызывало у Бестужева-Рюмина неприятие: «Учителя наши немцы пустили в ход разделение народов на исторические и не исторические, из которых последние осуждаются на роль служебную».

Убедительную для себя аргументацию Бестужев-Рюмин нашел в книге Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», которая в 1869 г. выходила в форме статей в журнале «Заря». Бестужев-Рюмин оценил статьи Данилевского как «блистательные», а его теорию как «гораздо более походящую на правду». Подход Данилевского убеждал Бестужева-Рюмина в правомерности постановки в качестве идеальной задачи, стоящей перед историей, — уяснение «облика народа».

Сама цель «Русской истории» — «представить результаты, добытые русской исторической наукой в полтораста лет ее развития, указав на пути, которыми добывались и добываются эти результаты, и вместе с тем ввести в круг источников, доступных в настоящее время ученой деятельности», — свидетельствует о трепетном отношении автора к историческим концепциям. При оценке позиций историков важнейшим для Бестужева-Рюмина был критерий их способности осмыслить исторический процесс. Авторитет С.М. Соловьева, который по оценке Бестужева-Рюмина первым осмыслил общий ход поступательного развития русской истории, оказался в глазах его ученика непоколебленным.

С С.М. Соловьевым Бестужева-Рюмина объединяло многое. Идущее еще от Гегеля неприятие «прагматической историографии», т.е. такого способа воспроизведения исторических деяний и событий, который откровенно преследует цель воспитать читателя на исторических примерах. Рассуждениям о так понятой «пользе истории» они противопоставляли пафос научной объективности, предпочтение исторической истины, какой бы она не была, самым благим морально-дидактическим соображениям. Свою объективность и истину Бестужев-Рюмин искал в историческом источниковедении. Совсем не случайно он стал автором первого обзора исторических источников, относящихся к истории России до 1825 г.

У Соловьева Бестужев-Рюмин воспринял и понимание роли личности в истории. Деятельность личности во многом

«обусловлена состоянием общества, посреди которого она действует, и соединением разных обстоятельств, при которых она действует». Значение личности он видел в ее способности (умении) или неспособности воспользоваться обстоятельствами, подчинить их своей цели и устранить те, которые могут быть вредны для этой цели. Сами же цели коренятся в общественном сознании более или менее глубоко. Личность может только более или менее успешно эти цели сформулировать: «Словом, лицо может понять, угадать, но ничего не может создать». Бестужев-Рюмин предупреждал об опасности чрезмерного возвышения, в том числе и в исторических трудах, отдельных деятелей. Это не только ведет к созданию мифов, но и к чрезмерному унижению других личностей. Так одна крайность приводит к другой.

Для преодоления крайних суждений Бестужев-Рюмин считал действенным метод сравнительной характеристики исторических лиц. Возможность такого подхода он показывал студентам на примере сравнения менталитета, отдаваемых предпочтений, влияния на формирование характеров окружающей среды двух наиболее популярных фигур отечественной истории — Ивана Грозного и Петра Великого. И к тому и к другому Бестужев-Рюмин считал приложимым понятие С.М. Соловьева «великий человек». Данное обстоятельство вызвало резкую критику Н.И. Костомарова, который не относил Грозного к числу великих людей. «Вникая в его (Ивана IV. — *Ред.*) деятельность, — писал К.Н. Бестужев-Рюмин, — невольно поддаешься напрашивающемуся сближению с царем-богатырем XVIII века. Недаром, как уверяет предание, Петр считал Грозного своим предшественником: у них были общие планы: в самой обстановке их детства и первой молодости есть черты сходства, разница только в том, что при Грозном не стояла любящая мать; и эта разница существенная; но есть и другая существенная разница: Иоанн по природным данным был человек более отвлеченный, менее способный к практической деятельности; оттого он то доверяет другим, то вдруг прозревает, и никогда не действует сам. Ему (с некоторых сторон и основательно) кажется, что обязанность царя только направлять деятельность других. Верный в обычное время взгляд этот бывает иногда неверным: Петр послужил России столько же топором плотника, сколько и мечом полтавским. Практический Петр верил в свой народ и если иногда и чересчур перегибал дугу, то, как будто

чувствовал, что это и поправиться может... Петр менее думал о себе: в этом он шире Грозного». Бестужев-Рюмин писал о тяжелом впечатлении, производимом на историка Грозным. И считал, что тяжелого впечатления не вынесешь из царствования Петра Великого.

С учетом всех факторов Бестужев-Рюмин, таким образом, определил предмет истории как науки: «Изучение общества должно составлять серьезный предмет науки, называемой историей, причем деятельность лиц не может тоже быть опущена из виду; ибо преимущественно в этой деятельности мы видим проявление общественной жизни, говорим преимущественно потому, что рядом с фактом, отмеченным личным мнением, стоит факт безыменный, выражающий собой деятельность целого ряда людей». На этом основании историк считал таких людей, как Ермак и Хабаров, скорее «типами известного рода деятельности, чем отдельными личностями, и история заносит их на свои страницы, как типы, представители множества и множества безыменных деятелей».

Реализовать в конкретном исследовании исторический синтез личности, природы и общества Бестужеву-Рюмину не удалось. Он сделал шаг в сторону позитивизма, поставив проблему сочетания различных факторов в изучении истории в целом, и в истории смут в частности.

Литература

Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Введение. СПб., 1872. Т. 1.

Бестужев-Рюмин К.Н. Обзор событий от смерти царя Иоанна Васильевича до избрания на престол Михаила Федоровича Романова. Гл. X из «Русской истории» // Журнал Министерства народного просвещения. 1887. № 7, 8.

Бестужев-Рюмин К.Н. Биографии и характеристики (летописцы России). М., 1997.

Письма Константина Николаевича Бестужева-Рюмина о Смутном времени. СПб., 1898.

Шмурло Е.Ф. Очерк истории и научной деятельности К.Н. Бестужева-Рюмина. СПб., 1899.

Цамутали А.Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Историографические очерки. Л., 1986.

Киреева Р.А. К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М., 1990.

Киреева Р.А. Враг ярлыков: Константин Николаевич Бестужев-Рюмин // Историки России XVIII — начала XX века. М., 1996.

Киреева Р.А. «Русская история» К.Н. Бестужева-Рюмина: размышления об истории как науке//История СССР. 1992. № 1.

Пронштейн А.П. Историческое источниковедение в трудах К.Н. Бестужева-Рюмина//История СССР. 1990. № 3.

Учебное издание

Кузьмин Аполлон Григорьевич,
Лачаева Марина Юрьевна,
Рогожин Николай Михайлович и др.

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ РОССИИ
до 1917 года

Учебник для студентов высших учебных заведений

В двух томах

Том 1

Редактор *В.В. Артемов*
Зав. художественной редакцией *И.А. Пшеничников*
Компьютерная верстка *С.В. Иванцов*
Корректор *Т.В. Егорова*

Отпечатано с диапозитивов, изготовленных
ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС».

Лицензия ИД № 03185 от 10.11.2000.
Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.006153.08.03 от 18.08.2003.
Сдано в набор 20.09.01. Подписано в печать 10.05.02.
Формат 60×90 1/16. Печать офсетная. Бумага газетная. Усл. печ. л. 24.
Тираж 15 000 экз. (2-й завод 7 501–15 000 экз.). Зак. № 2431

Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС.
119571, Москва, просп. Вернадского, 88,
Московский педагогический государственный университет.
Тел. 437-11-11, 437-25-52, 437-99-98; тел./факс 735-66-25.
E-mail: vlados@dol.ru
http://www.vlados.ru

ООО «Полиграфист».
160001, Россия, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ

Историография истории России до 1917 года

Отечественная историческая наука наработала богатый арсенал средств и методов анализа и интерпретации истории России. Многообразие этих подходов обусловлено наличием продуктивной методологической базы рассмотрения исторического процесса. Формирование этой базы обеспечивает одна из важнейших учебных дисциплин — историография, которая формирует профессиональное мышление будущего историка, вводит его в многообразный мир мнений и взглядов на историю России.

ISBN 5-691-00954-0(I)

9 785691 009549

ВЛАДОС